

"Месть и любовь"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кэтрин Коултер

Месть и любовь

Глава 1

- Лорд Гарри? Лорд Гарри, вы еще не готовы? Ваши друзья начинают терять терпение. Не сидеть же им здесь целую вечность.

В ожидании ответа Потсон припал ухом к двери. Войти без разрешения он не мог.

Лорд Гарри в последний раз поправил шейный платок - поднял его повыше и затянул чуть потуже. Решив, что на этом действительно пора закончить, он крикнул слуге:

- Я готов, Потсон. Входите.

Хотя мистер Скаддимор и сэр Гарри Брэндон находились внизу, в небольшой гостиной, удобно расположившись возле камина, Потсон на всякий случай вернулся и выглянул в холл, чтобы удостовериться в этом. Лишь после этого он вошел в спальню лорда Гарри. Он остановился в дверях, придирчиво разглядывая своего господина, скорее даже не по долгу службы, а по привычке; внимательно осмотрел блестящие черные ботфорты лорда Гарри, его рыжеватые брюки и высочайшего качества темно-синий фрак от Вестона.

- Царица небесная! Ну вылитый денди, - сказал он с неподдельным восхищением. Потом, задержав взор на затейливо повязанном белом крахмальном платке, спросил: - И как же, интересно, называется это творение рук человеческих?

- А называется оно не иначе как точная копия лорда Элвани, Потсон. Для этого мне понадобилось несколько часов упражнений. Нужно было сложить три складки, потом два раза продернуть вверх и в завершение еще быстро-быстро сделать пару витков запястьем. По-моему, в конце концов получилось совсем недурно. Мне здорово повезло, что лорд Элвани несколько дней назад оказался в «Уайтсе». Так что мне удалось на ходу сделать набросок с его светлости. Надеюсь, сей почтенный джентльмен этого не заметил. Правда, пришлось порядком изменить фасон, чтобы он не смог распознать в нем подражание.

Лорд Гарри заметил взгляд Потсона, который тот бросил на раскиданные повсюду безжалостно скомканные платки.

- Смотрите, Потсон. На этот раз ушло всего семь штук. Сведущие люди говорят, что даже завязтый щеголь редко добивается совершенства раньше двенадцатой попытки.

- Да, неплохо. И мне сегодня поменьше работы. А то едва успеваешь привести комнату в порядок после вас. - Потсон подобрал с пола смятые платки. - Хорошо еще, что вы раздумали связываться с панталонами. Ну, теми самыми, обтягивающими, из трико, какие сейчас носят все молодые джентльмены. Видимо, Господь вас вразумил.

Последние слова Потсон произнес уже заметно менее ворчливым тоном. В ответ лорд Гарри от души рассмеялся. За дверями его смех, пожалуй, мог показаться несколько высоковатым для джентльмена зрелого возраста. С большей вероятностью, услышав его, можно было предположить, что он принадлежит разбитному молодому человеку лет девятнадцати-двадцати.

- Ну это было бы слишком опрометчиво с моей стороны, Потсон. Правда, Скадди и сэр Гарри

вечно упрекают меня за непомерно широкие брюки. Они упорно продолжают считать, что у меня безвкусная одежда и провинциальный вид. Какое счастье, что они не так настойчивы и еще не взялись прививать мне свои вкусы.

Разговор господина со слугой прервал громкий стук в дверь спальни. Лорд Гарри и Потсон замерли на месте.

- Послушайте, Гарри, - кричал за дверью Скадди. - Мы и так уже опоздали на первое действие. Если вы и дальше будете копать, то мы с Гарри ворвемся и вытащим вас из комнаты. Вот денди!

- Отправляйтесь обратно в гостиную, Скадди. Почему бы вам не выпить еще немного? Ведь я оставил вам отличный бренди. Я спущусь к вам через минуту, от силы - через две.

После того как шаги стали удаляться, Потсон издал протяжный стон и вытер лоб измятым платком.

- С вами, чего доброго, состаришься раньше времени, лорд Гарри. Из-за вас у меня появится столько седых волос на голове, что не сосчитать.

- Вы и так совсем седой, Потсон. Так что не стоит причитать.

- Я и не думаю причитать - просто говорю то, что есть. У меня пять минут назад душа чуть было не ушла в пятки. Кстати, вы думаете, с чего он прибежал, этот молодой Скаддимор? Готов поспорить, что они с сэром Гарри уже осушили ту большую бутылку бренди, что вы умыкнули у отца из погребка. Я из нее отпил только самую малость.

Лорд Гарри усмехнулся и снисходительно похлопал слугу по плечу:

- А вы, Потсон, отправляйтесь на боковую сразу после нашего ухода. Поспите всласть. Вы это заслужили. Ступайте, ступайте. Ну что вы встали, как испуганная зверушка? Не беспокойтесь, останемся целы и невредимы. Выберемся из всех переделок. И ради Бога, спрячьте поскорее это злополучное платье.

Напоследок, взглянув на себя в зеркало, дабы убедиться, что синий фрак и рыжеватые брюки в меру облегают бедра, лорд Гарри отвесил Потсону насмешливый поклон:

- Не надо, не надо так сильно волноваться. Вот увидите, все будет в порядке. Я постараюсь не задерживаться слишком долго.

Помолчав с минуту, он снова заговорил. Теперь его голос звучал холодно и сдержанно:

- Лорд Оберлон только что вернулся в Лондон. Восемь месяцев был в отъезде. Слышите, Потсон? Представляю, с какой неохотой маркиз покидал Италию. Еще бы! Трудно, наверное, было расставаться с пухленькими ручками синьор, смягчавших скорбь о покойной жене. Похоже, и после возвращения в Лондон он тоже не терял времени. Мне своими глазами довелось видеть его в обществе молоденькой любовницы. Этакая божья коровка. Вполне возможно, что и его новоявленная красотка будут сегодня в «Друри-Лейн». Во всяком случае, я молю Бога, чтоб так оказалось. Да, Потсон, скоро я впервые встречу лицом к лицу с нашим недругом. Прямо-таки жажду увидеть его. Мне хочется взглянуть ему в глаза.

От этих слов Потсон опять застонал и схватился за голову.

Лорд Гарри сдержанно улыбнулся и снова похлопал слугу по плечу:

- Об отступлении не может быть и речи, Потсон. Уже все решено, и план будет приведен в действие. Вспомните, что говорил Дэмиан: «Многие битвы были проиграны только из-за того, что генералы торопились менять свои планы и безосновательно отказывались от избранного пути».

- Я никогда не понимал, что мастер Дэмиан хотел сказать этим, - заметил Потсон. - Мне и сейчас не ясен смысл его слов, но это не имеет значения. Послушайтесь моего совета. Вам нужно вести себя крайне осмотрительно.

Он хотел добавить еще что-то, но не стал, зная всю тщетность разговоров. Его хозяин определил свою тактику поведения, и менять что-либо было уже поздно.

Лорд Гарри небрежно помахал ему рукой и фланирующей походкой с нарочитой беззаботностью молодого джентльмена, предвкушающего удовольствие от предстоящего вечера, вышел из комнаты.

Очень скоро вместе с сэром Гарри и мистером Скаддимором он уже катил по мостовой в нанятом ими экипаже. К этому времени веселья у него заметно поубавилось. Мысли его вернулись к лорду Оберлону. Не терпелось поближе посмотреть на этого человека, хотя заранее было ясно, что в глазах его не будет чувства вины. В этом у лорда Гарри сомнений не было.

- Никогда не видел нашего друга таким отрешенным, - заметил мистер Скаддимор, всматриваясь при тусклом свете в лицо приятеля. - Лорд Гарри, в чем дело, черт побери? Что с вами?

Молодой человек заставил себя на время забыть о лорде Оберлоне.

- Ничего особенного, Скадди. Просто вспомнилось мое первое появление в Лондоне. Это было, как вам известно, почти четыре месяца назад. Вот я и думаю, что в отличие от вас с Гарри я многого еще не успел посмотреть. И ничто мне здесь пока не наскучило.

Сэр Гарри Брэндон тихонько дотронулся золоченым набалдашником трости до колена лорда Гарри:

- С вами все ясно, сэр. Чем до сих пор еще не успели пресытиться, так это, наверное, женщинами. Но вы вели себя более чем скромно все это время. Это не в нашем вкусе. Знайте, вам грозит репутация скучного человека. В свете могут посчитать, что вы все дни проводите в глубокомысленных раздумьях и ни на что другое не способны. Если вы и дальше будете себя вести таким же образом, то через пару недель можете уже не рассчитывать на благосклонность высшего общества.

С этими словами Гарри Брэндон отодвинулся подальше, откинувшись на мягкую спинку кресла, и принялся изучать наружность приятеля, с притворной надменностью щура свои холодные голубые глаза.

- В самом деле, лорд Гарри, вам нужно всерьез заняться вашим туалетом. Вы должны захватить нас с собой, когда в следующий раз надумаете отправиться к Вестону. Потсон, конечно, добросовестный камердинер, но он ничем не сможет помочь вам, пока у вас не будет надлежащего костюма. Я просто поражен. Неужели этот безобразно свисающий с плеч фрак от

Вестона? А брюки? Они не выдерживают никакой критики. В них может поместиться еще такой же молодой человек, как вы.

Мистер Скаддимор громко засмеялся, чем до глубины души возмутил сэра Гарри.

- Какого дьявола вы смеетесь, Скадди? Я ведь дал ему отличный совет. Так вот, лорд Гарри, я хочу вам сказать...

Мистер Скаддимор не мог унять гомерического хохота. Потом у него началась икота. Лорд Гарри с силой шлепнул друга по спине между лопатками.

Перестав икать, Скадди произнес:

- Не сердитесь, Гарри. Я никак не могу привыкнуть к тому, что вы у нас просто Гарри, а он - лорд Гарри. Право, это чертовски забавно.

Тогда сэр Гарри заговорил нравоучительным и одновременно снисходительным тоном, словно имел дело с не очень сообразительным, но вместе с тем добродушным мальчуганом:

- Скадди, я уже несколько раз повторяю вам, в чем заключается разница. Я - простой баронет, а лорд Гарри как-никак отпрыск шотландского лендлорда, можно сказать, личность неординарная. Но дело не только в этом. Нельзя же нас обоих называть одинаково. Иначе, черт возьми, мы запутаем все на свете. Поскольку лорд Гарри рангом выше меня, он имеет законное право называться лордом. А я останусь просто сэром. Конечно, Скадди, я понимаю, вы никогда не отличались особой сообразительностью. И все-таки, если вы еще раз вынудите меня на подобный разговор, клянусь, я отведу вас на пустошь, в Хаунслоу-Хит. Дождетесь, что я всажу вам пулю в носок сапога и отхвачу один палец.

- Вы не попадете мне в носок сапога, Гарри. Обязательно промажете. А я нет, потому что стреляю лучше вас.

- Ха! Черта с два. Вот я...

- Скадди прав, Гарри, - сказал лорд Гарри, обнажив в ослепительной улыбке ровные белые зубы. - У него глаз точнее, чем у вас. Что касается вашего спора о том, кого называть лордом Гарри, а кого «просто сэром Гарри», то должен сказать, что ваш вариант - неплохой выход из положения. Правда, все это звучит несколько непривычно для меня. Но в то же время мне не хотелось бы, чтобы меня величали сэр Батрис, по имени отца. Теперь вернемся к моим брюкам. Вы говорите, что они слишком свободно сидят на мне? Тогда позвольте вас спросить, не могли бы вы пальчиком показать мне образцы, достойные подражания. Тогда я, наверное, мог бы снять с них фасон.

Сэр Гарри что-то недовольно пробормотал, затем перевел глаза на мистера Скаддимора и осмотрел его еще более скептически, чем лорда Гарри несколько минут назад.

- Дай Бог - смею надеяться на это, - чтобы моя репутация не пострадала, если меня увидят рядом с вами. Мне стыдно за вас обоих. Лорд Гарри воображает, что в этих мешковатых брюках и фраке он выглядит элегантно. А вы, Скадди, не понимаете, что, мягко говоря, слегка полноваты, чтобы щеголять в таких узких желтых панталонах. Вам давно пора покончить с чревоугодием.

Лорд Гарри похлопал сэра Гарри по руке:

- Если хотите, Гарри, мы будем следовать за вами на расстоянии десяти шагов. В знак нашего величайшего почтения к вам. Знаете, как ходят женщины в некоторых мусульманских странах?

Однако мистер Скаддимор тут же ему возразил:

- Мне совсем не нравится, как это у вас прозвучало, лорд Гарри. Я вообще не представляю, как это мы с вами можем вести себя подобно женщинам. От одной мысли о принадлежности к слабому полу у меня сразу усыхает все, что составляет суть моего мужского достоинства. Нет, я решительно не согласен с вашими высказываниями.

Лорд Гарри повернулся к сэру Гарри и ухмыльнулся, благо в полутьме кареты его друзья не могли заметить этого.

- Знаете, как Скадди и я поступим с вами? Если нам доведется встретиться сегодня на представлении с достопочтенной мисс Изабеллой Бентуорт, мы отстанем от вас на десять шагов. Хотите, чтобы я повторил, для чего? Чтобы дать вам возможность проявить галантность и завладеть вниманием молодой леди.

Сэр Гарри Брэнд он нерешительно заерзал на сиденье. Но он понимал, что сам дал повод для этих шуток. Разве не он первый заявил однажды во всеуслышание, что прекрасную мисс Изабеллу можно сравнить с бриллиантом чистой воды? Как человек недостаточно искушенный в житейских делах, тогда он не подумал о том, что его возвышенные чувства к леди окажутся столь очевидными. Он побледнел при мысли о том, что друзья, чего доброго, еще заподозрят его в намерении сделать ей предложение.

- Хорошо, хорошо, - сказал сэр Гарри, - сдаюсь. Разумеется, мне одному не справиться с вами, двумя головорезами. Вы больше не услышите от меня ни слова по поводу вашей отвратительной одежды. Но только при условии, что вы и Скадди тоже с этого момента ни гугу в адрес мисс Бентуорт.

- С какой стати мы должны молчать, Гарри? Ведь вы же, наверное, не собираетесь прямо сегодня делать предложение этой молодой леди?

- Боже упаси. Мне же только двадцать четыре года. Я еще слишком молод для того, чтобы связать себя по рукам и ногам. Господь меня храни даже от мисс Изабеллы.

В тот момент он мысленно попросил у нее прощения. Однако как было бы замечательно, если бы она еще училась в школе, если бы ей было лет четырнадцать или пятнадцать. Он предпочел бы, чтобы она была именно такой юной девушкой, а не невестой на выданье. Ведь даже его шурин, граф Марч, очень уверенный в себе человек, не отважился жениться на Кейт, сестре Гарри, пока не достиг двадцати восьми лет. Соответственно Кейт, в то время как раз исполнилось восемнадцать. Это было абсолютно разумное решение. Угораздило же Изабеллу родиться слишком рано! В такое не подходящее для него время. Что ему теперь делать? Ведь он еще так молод.

- Послушайте, вы, болтуны. Вот что я вам скажу, - продолжал сэр Гарри. - Я убедительно прошу вас обоих: отныне вы должны хранить молчание. Надеюсь, вы понимаете, насколько опасны такие разговоры и как быстро они обрастают слухами. В результате человек, иногда сам того не подозревая, становится жертвой сплетен. Во всех клубах на него начинают делать ставки. К тому же сами знаете: когда пари проиграно, появляются скандальные публикации в газетах. И, в конце концов, несчастного даже объявляют несостоятельным должником.

Мистер Скаддимор с ним согласился:

- Я припоминаю подобный случай. Верно, было такое. И к тому же сравнительно недавно. Вы знаете, о ком я говорю. О лорде Оберлоне. Да-да, о том самом маркизе Оберлоне. - Заметив внезапно вспыхнувший интерес в глазах лорда Гарри, он продолжил: - Выиграв пари, он сорвал крупный куш у сэра Уильяма Файли. Действительно, выигрыш был огромен. Я прекрасно помню, чем кончилось дело. Маркиз женился на той леди.

Лорд Гарри опять встрепенулся:

- И что же, Скадди, в том пари были замешаны и другие джентльмены?

Тот, прищурился глазами, напряг память:

- Полагаю, да. Совершенно верно, был еще один джентльмен. Насколько помню, один офицер. Вечно он красовался в своем мундире. Такой ловелас, круживший головы всем дамам.

- Вы не помните его имя, Скадди? - спросил лорд Гарри.

Мистер Скаддимор помолчал какое-то время, пока, наконец, его не осенило:

- Вспомнил. Его звали Ролланд. Именно так, капитан Дэмиан Ролланд. Впрочем, лорд Оберлон так и не получил от него выкупа за проигрыш. Ролланд внезапно куда-то исчез, а потом и вовсе покинул Англию. Позднее, если не ошибаюсь, он был убит в битве при Ватерлоо. Злые языки поговаривали, что он тогда просто спасовал и самоустранился, пока леди принимала решение. Прошел слух, будто бы вскоре он домогался встречи с ней. И вроде у них состоялся какой-то разговор. Однако после этого он словно в воду канул, не сказав никому ни слова.

Лорд Гарри неожиданно побледнел. Но так как внутри кареты царил полумрак, ни сэр Гарри, ни мистер Скаддимор ничего не заметили. Как бы не придавая особого значения услышанному, а скорее изображая праздное любопытство, он небрежно спросил:

- А как звали ту леди? Вы не помните, Скадди? Мистер Скаддимор покачал головой и вопросительно посмотрел на сэра Гарри.

Сэр Гарри пожал плечами:

- К сожалению, вообще ничем не могу помочь вам, Скадди. Все это происходило в мое отсутствие. В то время я находился в Испании.

Тогда лорд Гарри спросил с преувеличенным равнодушием:

- Фамилия той леди, случайно, не Спрингвилл?

- Совершенно верно - Спрингвилл. Элизабет Спрингвилл. Очень хорошо ее помню - такая хорошенькая леди! И резвая, как молодая кобылка. Сейчас ее уже нет в живых. Жаль бедняжку. Но пути Господни неисповедимы. Увы, жизнь иногда преподносит трагические сюрпризы.

- Смотрите, - сказал сэр Гарри. - Мы, наконец, приехали. - Он высунул свою белокурую голову из окна кареты. - Опять эта надоевшая сутолока! Всегда здесь полно людей. Даже сейчас, в такое позднее время.

Лорд Гарри больше не решался задавать им вопросы. Все внимание мистера Скаддимора было обращено на то, чтобы как можно удачнее, при его весьма внушительных габаритах, выбраться

из кареты. Поскольку и сэр Гарри тоже не желал утруждать себя воспоминаниями о том малоизвестном ему скандале, лорду Гарри ничего не оставалось, как надеяться на другой случай. Впрочем, и того, что он успел выяснить, было немало. Итак, он узнал, во-первых, что в той истории имело место пари и, во-вторых, что участниками этого пари были лорд Оберлон и Дэмиан.

Пока они втроем шествовали к парадному входу «Друри-Лейн», у лорда Гарри в голове была единственная цель – разыскать и увидеть Джейсона Кэвендера, маркиза де Оберлона.

Глава 2

– Вы невыносимы, ваша милость, – сказала она. В голосе ее была такая подкупающая мягкость, что от звуков его дрогнуло бы сердце любого мужчины. Даже такого, как его светлость лорд Оберлон. – Сначала дарите мне это прелестное ожерелье с рубинами, – продолжала она с капризным упреком, – а потом держите под замком как пленницу! Обращаетесь со мной как своевольный властелин с наложницей. Разве можно быть таким себялюбцем? Неужели вы действительно хотите, чтобы никто, кроме вас и моей горничной, так и не увидел этой красоты?

У нее загорелись глаза при мысли о том, что, появившись она сейчас в обществе, на нее были бы обращены сотни завистливых взоров. С каким удовольствием она предстала бы перед этими трепещущими от возбуждения молоденькими девицами и их лицемерными мамашами с лилово-красными губами. Пусть бы они увидели, что у нее, Мелисанды Шалье, драгоценности несравнимо дороже, чем у них. И пусть бы они после этого сколько угодно задирали носы, пыжились в своих тесных корсетах или надменно проплывали мимо, делая вид, что она вообще недостойна их внимания. У нее был бы свой эскорт – изысканнейший, состоящий из лордов и другой знати. И вокруг нее не было бы никого, кто мог бы соперничать с ней в красоте, нарядах и украшениях. Да, мечтать об этом было очень приятно.

Джейсон Кэвендер осторожно коснулся пальцами рубинового ожерелья. Эту красивую безделушку он купил в Италии, повинуясь минутной прихоти. В отсутствие любого другого человека, достойного такого подарка, ему было приятно вручить его Мелисанде. С его стороны это был подарок со значением, и он прямо сказал ей об этом. Таким образом, он хотел отметить свое возвращение из Италии, а ее поздравить с тем, что отныне в его лице она обрела покровителя.

Изысканное ожерелье было единственным украшением туалета Мелисанды. Притронувшись к нему и невольно коснувшись ее шеи, маркиз затем шаловливо прошелся пальцами по ее гладким плечам и белоснежной груди. Он должен был признать, что положительно доволен тем, как выглядит его любовница. Действительно, она была просто великолепна. Вместе с тем он не мог в полной мере испытывать наслаждения от ее красоты, так как ощущал невероятную усталость. Он устал от нескончаемого потока разного рода агентов, адвокатов, советников и арендаторов. Стоило ему только вернуться домой, как все они сразу же устремились к нему и теперь безжалостно отнимали у него лучшие часы. Как он мечтал о том, чтобы вместо домогательств этой толпы для него настали наконец тихие вечера. Насколько приятнее было бы проводить их вдвоем с Мелисандой. Возможно, ему даже понравилось бы уходить по утрам из ее изысканных апартаментов уставшим, обессиленным после бурных ночей любовником. Но он решительно не желал больше оставаться измотанным жизненными трудностями и непрошеными посетителями человеком.

Маркиз не мог не заметить ее сияющих от возбуждения глаз. В этот вечер их блеск был поистине ослепителен. Достаточно было одного взгляда на нее, чтобы угадать ее тайные мысли,

хотя она не произнесла ни слова. Разумеется, Мелисанда была одержима желанием очаровывать и покорять. Без сомнения, она мечтала сразить всех без исключения – и джентльменов, и леди. И это должно было произойти сегодня вечером в Воксхолл-Гарденсе.

Безмятежно откинувшись на спинку кресла, маркиз в очередной раз с удовольствием пристальным оценивающим взглядом окинул ее изящное тело и улыбнулся. Она была не просто красива, а божественно красива и к тому же еще не успела ему наскучить.

Сегодня она, как никогда, жаждала удовольствия и развлечений. Он вовсе не собирался отказывать ей в ее желаниях. А чего хотел он сам? Нередко среди ночи, когда, внезапно проснувшись, он долго не мог заснуть, маркиз мучился этим вопросом. И затем снова спрашивал себя: а есть ли вообще на этой земле хоть одно существо, которое смогло бы удовлетворять все его желания, если бы таковые вдруг возникли? Но такого человека у него не было. Ни одной преданной ему души в целом мире.

После возвращения маркиза из Италии прошло совсем немного времени. Он предпринял эту поездку отнюдь не в поисках разнообразия, а потому, что его вынудили покинуть Англию. Бесконечные пересуды после смерти супруги и выражение мнимого участия со стороны друзей, равно как и скрытых недругов, – и то и другое стало совершенно непереносимым. Она была еще молода и красива, его покойная жена, и какая несправедливость – умереть так неожиданно и безвременно. Эти мысли не оставляли. Горе его было настолько безутешным, что он не мог говорить ни о самой этой смерти, ни о чем другом, что касалось Элизабет. Столь же тягостно было носить траур и хранить скорбное молчание. И конечно, еще существовал сэр Уильям Файли. Этому проклятому лицемеру, казалось, доставляло удовольствие расспрашивать о смерти Элизабет и потом раздувать самые гнусные слухи. Не то чтобы маркиз боялся, будто кто-то поверит сэру Файли или недоброй молве, и поэтому решил на время уехать – нет, просто он опасался, что однажды не совладеет с собой и покончит с этим негодяем раз и навсегда.

Маркиз покачал головой, поднялся и вышел из комнаты, прихватив по пути свои брюки и оставив Мелисанду на попечение ее горничной Дженни.

Он направился в соседнюю туалетную комнату, чтобы взглянуть на себя в небольшое зеркало и удостовериться в том, что своим видом не посрамит изысканных рубинов на белоснежной шее любовницы.

Дженни осторожно отделила длинный локон сочного каштанового цвета и аккуратно водрузила его на положенное место, прямо над плечом Мелисанды. Как раз в этот момент лорд Оберлон вернулся в спальню. Мелисанда встала и, улыбаясь, подошла к нему. Так улыбаться могла только женщина, совершенно уверенная в том, что она являет собой идеал красоты и эликсир наслаждения. Она кокетливо притронулась пальцами к рубиновому камешку, покоившемуся в ямочке возле шеи.

– Ваша светлость не станет возражать, если я появлюсь в нем сегодня вечером?

Она явно хотела угодить своему любовнику. Подавленность, таившаяся у маркиза в дальних уголках души, при виде сияющей Мелисанды пропала. Своими яркими красками она напоминала ему роскошное экзотическое растение в пышном весеннем наряде.

– Дорогая, вы не боитесь затмить сегодня всех почтенных леди? В вашем присутствии им не останется ничего другого, как скромно держаться в стороне.

Поправив в последний раз прическу своей госпожи, Дженни задержалась в спальне еще на

минуту. Она слышала, как, покидая комнату вместе с возлюбленным, довольная Мелисанда без устали задавала ему вопросы:

- Надеюсь, леди Плэнчи будет сегодня на вечере? Любопытно, однако, с чего эта наглая дама вдруг решила, что вашу светлость должна интересоваться ее прыщавая дочь?

Хотя Мелисанда вполне отдавала себе отчет в том, что жена и возлюбленная для джентльмена далеко не одно и то же, до сих пор она была уверена в себе. Она нисколько не сомневалась, что даже самую распрекрасную из всех красоток, какие только будут на этом вечере, лорд Оберлон удостоит не более чем равнодушным взглядом. Пока она, Мелисанда Шалье, будет идти рядом с ним, пока она будет грациозно опираться на его руку, ни одна женщина не сможет завладеть его вниманием.

Маркиз усмехнулся в полной уверенности, что точно угадал ее мысли. Он отдавал должное ее проницательности, а ее непомерное самолюбование находил безобидным и забавным. В общем и целом он считал, что она скрашивала его унылую жизнь и давала возможность забыть о превратностях судьбы.

Мисс Генриетта Ролланд едва не вывихнула челюсть от неукротимой зевоты. В это утро она с превеликим трудом открыла глаза. И то только после того, как Милли, нагнувшись над ее головой, в третий раз издала звук, имитирующий громкий храп. В третий раз и в придачу в трех дюймах от уха.

- Мисс Хэтти, пора вставать. Откройте ваши глазки. Ваш отец ждет вас к ленчу. Мисс Хэтти не пристало опаздывать.

- Да, Милли, вы совершенно правы. - Мучительно потянувшись, Хэтти жалобно простонала: - Боже мой, как хочется спать, как я устала.

- Еще бы. Где уж тут выспаться, если каждый день укладываться на заре. Вы всегда ложитесь в постель, когда трубочисты принимаются за работу.

Пока Хэтти умывалась над фарфоровым тазиком на мраморном комод, Милли докладывала своей госпоже о событиях минувшего вечера:

- Вам известно, что вчера по приглашению вашего отца в доме должны были быть сэр Ричард Лэтам, мистер Элвин Сеттлмор и сэр Люциус Бенгам? Так вот, эти джентльмены явились около восьми часов. До половины девятого сидели в гостиной и пили херес. И все это время они говорили о политике. Потом поехали к сэру Мортимеру Мелбери. Разумеется, вашему отцу не пришлось в голову перед отъездом пожелать вам спокойной ночи. Но мы об этом и не беспокоились. Что было потом, мне рассказал Гримпстон. Оказывается, вскоре после полуночи сэр Арчибальд вернулся, но не один, а с двумя джентльменами. Он снова пил с ними херес, и они опять спорили о политике до двух часов ночи. Утром сэр Арчибальд встал в обычное время, в девять часов, и после завтрака удалился в свой кабинет. И... - тут Милли помолчала, - если вы сейчас не успеете быстро натянуть чулки, госпожа, то ничего хорошего не ждите. Вы рискуете не вписаться в его расписание. Тогда хлопот не оберетесь.

- И хлопоты эти могут закончиться роковым образом. Верно, Милли, нам не следует нарушать его расписание. Никогда. Я уже представляю себе, как он сейчас сидит за столом и обдумывает или репетирует свое выступление перед джентльменами из Перли-Гейтс. Я не преувеличиваю, Милли. Это уму непостижимо!

Милли наскоро расчесала ее короткие белокурые волосы и прихватила их белой ленточкой, которую потом закрепила на затылке.

- Ну, вот теперь все в порядке, - сказала она, немного отступив назад, чтобы лучше видеть свою работу. - Ни к чему не придерешься. Идеальная молодая леди, да и только. Если, конечно, не считать, что из платья вы немного выросли. Могло бы быть подлиннее на два дюйма. Но сэр Арчибальд, слава Богу, не обращает внимания на подобные мелочи. Ступайте скорее, мисс Хэтти. Я слышу, как часы уже бьют двенадцать.

Хэтти грациозно сбежала вниз по ступенькам, покрытым ковровой дорожкой, и оказалась в холле первого этажа.

- Доброе утро, Гримпстон, - поздоровалась она с дворецким, который служил у них с давних пор и был всегда любим ею. Когда ее еще поили молоком из соски, он качал ее у себя на коленях и забавлял игрушками.

- Доброе утро, мисс Хэтти. Поторопитесь. Сэр Арчибальд уже за столом.

Хэтти промчалась стрелой по короткому коридору, ведущему в столовую. В конце коридора она обернулась и, прежде чем скрыться за открытой дверью, приветливо помахала слуге рукой. Вбежав в столовую, она резко остановилась, перевела дыхание и улыбнулась. Ее отец, сэр Арчибальд Ролланд, почетный член палаты лордов, тори по призванию, преданный своей партии до мозга костей и ревностно отстаивающий ее экономические и политические интересы, уже восседал во главе длинного стола, зарывшись с головой в правительственный бюллетень.

Здесь же на почтительном расстоянии стояла миссис Миллер, экономка Ролландов. С выражением смирения на лице она терпеливо ожидала, когда выяснится вопрос с супом. Сэр Арчибальд должен был сказать, наконец, какой из супов он сегодня предпочтет. Слуги в доме давно привыкли к святому правилу - никогда не нарушать процесс чтения газеты. Глядя на миссис Миллер, можно было предположить, что в это время она возносила молитвы к небесам, уповая на скорейшее завершение данного ритуала. Хэтти даже показалось, что из беззвучного рта экономки вырываются тяжкие вздохи.

- Добрый день, папа, - пропела она, словно беззаботный соловей, и встала рядом с отцом. - Папа, - повторила она, поскольку он не поднимал головы от газеты.

- Идиоты проклятые, - буркнул он, все еще не обращая на нее внимания, и начал разговор с самим собой: - Спрашивается, почему они не хотят понять самых простых вещей? Почему они совсем не разбираются в экономике? Когда постоянно приходится сталкиваться с такими принципиальными расхождениями и необоснованными нападками на закон о зерне, то начинаешь сомневаться, что у большинства из них вообще есть мозги. - В этот момент он резко поднял голову. - Что? А, Хэтти! Это ты, моя милая девочка. Надеюсь, ты хорошо спала?

- Отлично, папа, - произнесла она и с любовью запечатлела поцелуй на его гладком лбу. - А ты, дорогой?

- Мертвым сном, милочка. Как сурок. Интересно, откуда взялось это выражение - мертвым сном, или как сурок? Можешь ты мне сказать? Впрочем, что я морочу голову тебе и себе всякой ерундой. Это не так важно, как закон о зерне. Если бы не это исчадие ада - ты знаешь, я имею в виду этих проклятых виггов, - я бы спал еще крепче, чем сурок. Будь я Господь Бог, с каким наслаждением я отправил бы их в преисподнюю на вечные муки.

От одного только пожелания такого страшного конца своим недругам он испытал огромное удовольствие и прищелкнул пальцами. Хэтти улыбнулась, слегка удивившись, что отец еще худо-бедно способен шутить по поводу виггов, всегда отравлявших ему жизнь своими политическими взглядами.

- Сэр Арчибальд, я могу подавать суп? - спросила миссис Миллер. Лицо ее хранило такое выражение, какое подобает иметь всякой почтенной женщине, и под стать этому выражению прозвучал ее чрезвычайно сдержанный, но полный достоинства тон. - Черепаховый или картофельный?

- Да. Вот я и говорю, миссис Миллер, - сказал сэр Арчибальд, возвращаясь к прерванному разговору, - нельзя ни в коем случае пресмыкаться перед подобными людьми. Ах да! Вы спрашиваете про суп из черепахи? Суп из черепахи - это замечательно, миссис Миллер. Повар научился идеально готовить его. Отличный суп, не то что картофельный, с такими, знаете, безобразными крупными ломтями. Ну, где же ваш суп? Подавайте его скорее. Не сидеть же нам здесь весь день. Мужчине не пристало думать только о пище. Ну что, моя дорогая Хэтти? - ласково обратился он к дочери. - У тебя прекрасный вид, детка. Вот только платье немного коротковато. Или мне кажется? А может быть, теперь это модно? Или ты все еще растешь? Разве ты у нас недостаточно взрослая, чтобы перестать тянуться ввысь?

Она только улыбнулась, хотя ехидная шутка чуть было не сорвалась у нее с языка: так и подмывало сказать, что ей всего тринадцать и еще предстоит расти и расти. Хотела бы она услышать, что он возразит ей. Знает ли он вообще, сколько ей лет на самом деле? И было ли это ему когда-либо известно? Однако короткое платье заметил. Это ей не понравилось и заставило насторожиться. Значит, отец не так прост и нужно вести себя с ним осторожнее.

Когда он сообщил миссис Миллер о своем выборе, Хэтти неодобрительно покачала головой и подумала, что пренебрежительные высказывания отца по поводу картофельного супа не имеют никакого отношения к кулинарным способностям повара. Картошка оказалась в немилости скорее из-за того, что принадлежала к овощам и, стало быть, - тут Хэтти невольно рассмеялась в душе - могла вызывать у него ассоциации с законом о зерне. Хотя аналогия с овощами казалась ей притянутой за уши, все же, не желая спровоцировать новых воспоминаний о «презренных виггах», она тоже поспешила согласиться на черепаховый суп.

Поскольку миссис Миллер давно страдала артритом коленных суставов, Хэтти, как она это обычно делала, отпустила экономку. Несчастливая женщина, простоявшая безропотно возле стула сэра Арчибальда и не удостоившаяся его внимания в течение десяти минут, вероятно, не могла думать ни о чем другом, как только о своих ноющих коленях. Она наклонила голову в вежливом книксене и оставила отца с дочерью одних заканчивать ленч.

Пока Хэтти ложка за ложкой поглощала черепаховый суп, голова ее была полна мыслей о предстоящих в ближайшее время делах. Сэр Гарри Брэндон настаивал на поездке в Кауслип-Холлоу, где должен был состояться местный чемпионат по боксу. Она не испытывала большого желания присутствовать на призовом турнире боксеров-профессионалов. Вместе с тем обнаружить отсутствие энтузиазма в отношении самого популярного у джентльменов вида спорта значило бы упасть в глазах своих компаньонов. Кроме этого, они должны были потом все вместе поехать в Гайд-парк, во всяком случае намеревались. А это было очень важно. По всей вероятности, лорд Оберлон мог оказаться среди сливок общества, которые всегда собирались там в излюбленное время дня - между четырьмя и шестью часами.

Забыв на время про черепаховый суп, она подумала о мистере Скаддиморе и улыбнулась.

Какое счастье, что он не обладал могучим интеллектом: рассказ о том, что она лишилась гнедой кобылы, которую отец решил использовать «в племенных целях», он встретил без малейших подозрений. Но главное заключалось в том, что, выслушав эту примитивную историю, он не задал ей ни единого вопроса и посоветовал воспользоваться наемным экипажем.

- В племенных целях? Похвальное решение. Англии нужно иметь больше гнедых жеребцов - кобылы любят их. Так мне рассказывал папа.

За этими мыслями Хэтти ненадолго отвлеклась от отца, и когда снова подняла глаза, то увидела, что он смотрит на нее со своей привычной, ничего не выражающей слабой улыбкой. А то, что она услышала через минуту, заставило ее немало удивиться.

- Дитя мое, я полагаю, что болезнь этой несчастной сестры Друзиллы не очень сильно расстроит твои планы? Как-никак это твой первый приезд в Лондон, и мне бы не хотелось, чтобы это событие омрачало твоё настроение. Твое пребывание здесь и все прочее не должны быть скучными.

Опешив от столь неожиданного заявления, она не решалась посмотреть ему прямо в глаза. Как?! Он заметил, что у нее слишком короткое платье, но до сих пор не знает, что несчастная Друзилла Уортингтон покинула Лондон добрых четыре месяца назад? Она придвинулась к нему и положила ладони на его руку:

- Сэр, смею заверить вас, что мне никогда не бывает скучно. Я завела множество знакомств, и у меня нет недостатка в интересных занятиях. В самом деле, папочка. Вот сейчас после ленча я отправляюсь на встречу с друзьями. Мы собирались пойти в... м-м... в Ричмонд-парк. Хотим побродить по лабиринту. Ты никогда не бывал там, папочка? А ты смог бы найти ключ к разгадке секрета лабиринта?

Он посмотрел на нее так, словно она спрашивала его про ключ от Бедлама. Интересно, знал ли он вообще о существовании Ричмонд-парка?

- А обо мне можете не беспокоиться, сэр. Я всегда сумею выбраться из любого лабиринта, причем собственным путем.

Хэтти заметила, что отец издал вздох нескрываемого облегчения. Она не сомневалась, что он восхищен ее способностями и доволен столь быстрым вхождением в жизнь лондонского света. Сэр Арчибальд хотел, чтобы она посещала все светские рауты и балы, но при этом ему никогда не пришло бы в голову приставлять к ней какую-нибудь пожилую даму для сопровождения.

Глядя сейчас на отца, Хэтти подумала, что он несомненно любит ее и считает хорошей дочерью, спокойной и совсем ненадоедливой. Она никогда не транжирила попусту карманных денег, которыми он щедро наделял ее, и в отличие от многих молодых леди ничего не кланчила. Свои обязанности по дому она выполняла исправно, спокойно и без всяких жалоб.

Теперь же, когда он с печалью в голосе обратился к ней, она насторожилась и даже заморгала, теряясь в догадках. Всмотриваясь в его лицо, она пыталась понять, откуда у него такие мысли и настроение.

- Детка моя, до чего ж ты похожа на свою милую матушку, - сказал сэр Арчибальд. - Это была замечательная женщина. Она никогда не докучала мне. - Он тяжело вздохнул и перевел глаза на тонкий, как вафля, ломтик ветчины.

- Да что с тобой, папочка?

«Боже, что это на него нашло? - недоумевала Хэтти, считая, что между ней и покойной матерью было столько же сходства, сколько между ним и мистером Скаддимором. - Несчастливая мама», - подумала она.

В памяти у нее хорошо сохранились воспоминания раннего детства, когда ей постоянно приходилось слышать горькие упреки леди Беатрис мужу. Мать непрестанно жаловалась на его безразличие и говорила, что он глух и слеп ко всему, что не касается политики, или, как она выражалась, политической белиберды.

Когда супруга сэра Арчибальда простудилась и, заболев воспалением легких, вскоре скончалась, то он, казалось, сначала даже не понял, что случилось. Только после того как на отпевании викарий начал хвалебную надгробную речь в память об усопшей, отец, должно быть, осознал, что присутствует на похоронах человека, занимавшего не последнее место в семье. Но и тогда сэр Арчибальд не выглядел убитым горем. Он обратил свой замечательный рассеянный взор на дочь и потрепал ее по голове, как бы желая взбодрить ее и давая понять, что их общая скорбь скоро пройдет, не позднее чем через две недели.

Вскоре после этого неожиданно состоялись выборы в парламент. Премьер-министром стал Персивал, и в результате виги превратились в такую политическую силу, что сэр Арчибальд должен был безотлагательно включиться в борьбу с ними. Он снова ласково потрепал Хэтти по голове и спешно отправился в Лондон, чтобы броситься в контратаку.

Хэтти вернулась к своей чопорной гувернантке, и та немедленно усадила свою подопечную в унылой классной комнате за пяльцы, заставляя целыми днями вышивать ненавистные узоры. Тогда на выручку сестре подоспел Дамиан. В то время его, раненного в перестрелке на Пиренейском полуострове, отправили на родину до выздоровления. По возвращении домой он очень быстро понял, что с развлечениями в провинции дело обстоит неважно. Видя, как Хэтти томится в заточении, он решил употребить себя с пользой для нее и немедленно взял ее к себе под крылышко. Мисс Миллс, гувернантка Хэтти, была тронута до глубины души его братски заботливым отношением к девочке, и она несколько не возражала против того, чтобы он взял на себя часть ее собственных обязанностей воспитательницы. Поэтому она не стала устраивать шума по пустякам. Таким образом, при помощи Дамиана Хэтти приобщилась к верховой езде и охоте, выучилась стрелять по пустым бутылкам из его дуэльного пистолета и очень скоро так освоила пикет, что во всей Англии из всех ее жителей столь же юного возраста не нашлось бы более виртуозного игрока.

От этих воспоминаний у нее комок подкатил к горлу. Хотя она была далека от негодования, столкнувшись с рассеянно-отстраненной реакцией сэра Арчибальда на смерть жены, она никак не могла смириться с тем, что он оказался невероятно эгоистичным и черствым, узнав о смерти Дамиана. Гибель сына вызвала у него не больше чувств, чем кончина супруги. С горечью в душе Хэтти мысленно задавала себе вопрос, вспомнил бы отец хоть раз о Дамиане, если бы ему не напоминал о нем огромный портрет, висевший над камином в гостиной. Портрета матери в доме не было; увы, леди Беатрис было не суждено остаться увековеченной кистью художника.

Вскоре ее грустные размышления снова прервались словами отца. Но сэр Арчибальд на этот раз обращался не к ней. Это была пламенная парламентская речь.

- Конечно, как истинные англичане, - торжественно провозглашал он, - мы никак не можем

согласиться с такими недостойными приемами, которыми пользуются более радикально настроенные члены парламента. Безусловно, вы понимаете, что я имею в виду. Да, джентльмены, это и создание предпосылок для массовых беспорядков, и бессовестная эксплуатация рабочих некоторыми из наиболее безответственных членов нашего сообщества. Нет, я вовсе не собираюсь выдвигать обвинения в адрес оппозиции в целом...

- Bravo, папа, - сказала Хэтти, подождя, пока отец сделает длинную паузу. - Это, должно быть, для палаты лордов? Ты будешь выступать там сегодня?

- Что? - вздрогнул от неожиданности сэр Арчибальд, уже готовый произнести следующую фразу. - Извини, милая. Я совсем забыл, что ты все еще здесь. Разве ты еще не доела свой суп? А что, если нам с тобой съесть еще немного окорока? Знаешь, дорогая, я ужасно не люблю картофельный суп. Но ведь, кажется, нам подали именно его? Как ты считаешь, может быть, попросить миссис Миллер принести что-нибудь еще?

- Ну разумеется. Могу ли я быть еще чем-то полезной для вас, сэр?

- Ты? Для меня? Кроме того, что сказать миссис Миллер, чтобы она принесла немного супа и окорока? Нет, милая. До чего же ты у меня славная девочка, Генриетта. Такая внимательная. Нет, дочка, мне ничего не надо, можешь идти к себе. А я в ближайшее время отправлюсь в парламента. Дитя мое, если ты останешься дома, предупреди повара, чтобы он повременил с обедом. Нам с сэром Мортимером еще предстоит обсудить вопрос о поездке в Манчестер. Мы хотели выяснить, действительно ли ожидается большая волна забастовок. Я, конечно же, дам тебе знать, если вдруг мы надумаем уезжать из Лондона.

- Не беспокойся, папа. Зачем тебе думать о таких пустяках?

Хэтти поднялась и запечатлела поцелуй на челе отца. Едва она притворила за собой дверь, как из столовой вновь послышался красивый звучный голос. Его проникновенное крещендо гулким эхом катилось по коридору.

Глава 3

В тот же день, под вечер, в поместье Роуз-Брайер в Херефордшире леди Луиза Ролланд ломала голову над одной загадкой. Поджав губы и сложив ладони в виде домика, она тихонько постукивала кончиками пальцев.

- Послушай, Джек. Все это выглядит очень странно. Я имею в виду письмо Друзиллы Уортингтон. Эта серая мышка, но на самом деле очень ушлая особа, не так давно была приставлена к Хэтти. Я полагаю, сэр Арчибальд сделал это намеренно, чтобы она шпионила за ней, пока девочка находится в Лондоне. Так вот, представь себе, в письме тетушка буквально рассыпается в извинениях. Оказывается, она очень сожалеет, что ей пришлось внезапно покинуть милого ребенка, потому что ей, видите ли, нужно было помочь заболевшей сестре в Кенте.

- Очень мило с ее стороны, что она ставит тебя в известность, - сказал сэр Джон, не потрудившись оторвать глаз от своего любимого охотничьего ружья, которое он тщательно чистил в тот момент.

- Но вот что мне кажется странным, Джек, - продолжала леди Луиза, недовольная тем, что муж сидит с опущенной головой, - она уехала от девочки почти четыре месяца назад. По сути дела, спустя четыре недели после того, как Хэтти прибыла в Лондон. Но ни Хэтти, ни сэр Арчибальд не пишут об этом ни слова.

Тогда сэр Джон поднял глаза на жену. На его открытом красивом лице появилось выражение сомнения.

- Милочка, я уверен, что ты что-то недопоняла. Такое и в самом деле невероятно.

- Уверю тебя, написано именно так.

- Вот как? Никогда не подозревал, что мой отец написал за всю жизнь хоть одно письмо. Повторяю тебе еще раз, ты ошибаешься, Лу.

Леди Луиза подумала, что за такое недоверие муж вполне заслуживает удара тяжелой дубинкой по голове. Однако она держала себя в руках.

- Прошу тебя, Джек, прекрати эти шутки. Ты же знаешь, что я имею в виду, говоря о сэре Арчибальде. Мне известно не хуже, чем тебе, что письма всегда пишет только Хэтти. А она вообще не упоминает об этом.

- погоди, Лу. Уж не собираешься ли ты взять на себя миссию этой сбежавшей дуэньи? Ты и в самом деле хочешь именно этого? В таком случае, не лучше ли послать туда твою матушку? Уж она-то своими драконовскими методами быстро наведет железный порядок. Она кого хочешь отвадит от блуда. Хоть самого принца. Если хочешь знать мое мнение, то я не осуждаю Хэтти за то, что она не удосужилась ничего сообщить нам. Я не исключаю, что дама - я говорю об одной из сестер Уортингтон - надоела девочке до чертиков, если просто не вывела ее из себя. В таком случае нужно молиться Богу, что у попечительницы заболела сестрица. - Сэр Джон помолчал некоторое время, с озабоченным видом осматривая ружье, и продолжил: - Надеюсь, сестрица ее отдаст Богу душу. Стало быть, тебе нечего беспокоиться - леди Уортингтон скоро снова свалится на голову несчастной Хэтти.

- Мой дорогой, пойми простую вещь. Дело вовсе не в том, надоедлива эта леди или нет. Хэтти всего восемнадцать. Правда, с тех пор как не стало Дамиана, она так и не снимает траурной одежды. И я не думаю, что ей захочется посетить Олмэк или появиться на каком-нибудь престижном светском рауте. Тем не менее меня беспокоит то, что она осталась совсем без присмотра. Это недопустимо.

В конце концов, Луизе удалось полностью завладеть вниманием сэра Джона. Он отложил на минуту ружье и посмотрел ей в лицо:

- И все-таки не могу сказать, что лично я отношусь к этому неодобрительно. Неужели ты думаешь, что наша Хэтти может клюнуть на какого-нибудь безмозглого ухажера, которому вздумается добиваться ее руки и сердца? Наверяд ли, Лу. У нее для этого есть голова на плечах. Да я хоть сейчас готов заключить пари, что она за последние четыре месяца вообще не высывала носа из дома. И при всем желании не могла доставить беспокойства твоей уважаемой леди. - С этими словами сэр Джон перебросил ружье в другую руку и добавил со вздохом: - Как знать, может быть, лучше бы она пустилась развлекаться. И заодно дала бы пищу для разговоров этим чопорным старым сплетницам. По крайней мере, мы бы тогда были уверены, что она уже пришла в себя после смерти Дэмиана.

- Я именно об этом и пекусь. Должен же хоть кто-то быть рядом с несчастной девочкой. Ты ведь знаешь, что представляет собой сэр Арчибальд. Хотя он и внимателен к ней и обеспечивает ей необходимый комфорт, это человек не от мира сего.

- Лу, подумай хорошенько. Ты же сама говоришь, что Хэтти ни слова не написала об отъезде леди Уортингтон. Значит, малышку вполне устраивает, что возле нее никого нет. Разве это не

ясно?

Сэр Джон заулыбался и снова взял в руки начищенное до блеска ружье.

- Впрочем, могу тебя обрадовать, - сказал он. - Все будет так, как тебе хочется, дорогая. - Он заговорщически подмигнул жене, чем сильно ее озадачил. - Тебе больше не придется долго беспокоиться за Хэтти. В ближайший месяц так или иначе мы едем в Лондон. Так что скоро сможешь сама удостовериться в том, что с твоей золовкой ничего не случилось. А потом, как ты, должно быть, догадываешься, мы продолжим наш путь в... - Тут сэр Джон напустил на себя таинственный вид и сделал паузу.

- О, Джек, правда? Неужели ты все устроил и мы действительно поедem в Париж? Обещай мне, что ты не передумаешь!

- Если ты подаришь поцелуй, тогда даже поклянусь.

Однако Луиза не ограничилась поцелуем - она куснула мужа в мочку уха, а потом так сильно вцепилась в него руками и стиснула его, что он притворно застонал. Он поцеловал ее в соблазнительный каштановый завиток возле левого уха, ее изящного маленького уха, в которое всегда любил целовать.

- Ну конечно, не передумаю. И таким образом ты сможешь провести несколько дней вместе с Хэтти. Надеюсь, это будет тебе приятно?

- Разумеется. Хэтти - милая девочка. Я уверена, что со временем у нее все сложится удачно. Я искренне желаю ей счастья.

Сэр Джон потупил свои темные глаза и тихо сказал:

- Думаю, что это произойдет не скоро. Теперь, когда Дэмиана нет в живых, ей будет трудно снова стать счастливой. Помню, когда все мы собрались в день похорон, она была настолько убита горем, что едва могла произнести несколько слов. Тогда всем нам было не до этих добродетельных тетюшек. Мне кажется, что тебя не должна смущать ее скрытность, когда ты встретишься с ней в Лондоне. Боже, как бы я хотел, чтобы все это у нее прошло как можно скорее. Пусть бы она опять стала веселой и привлекательной. Но пока ей, видимо, белый свет не мил. Вот проклятие! Мне тоже недостает Дэмиана. Его смерть - это такая тяжелая потеря для нас.

- Дэмиан пал смертью героя. Он отдал жизнь за Англию, Джек. Такое дано не каждому. Мы все должны помнить об этом и гордиться им.

- Погиб за Англию! Будь проклята эта чертова война! Ладно, Луиза, хватит об этом. А то я своими зауспокойными разговорами взвинул нервы нам обоим. Как ты думаешь, Лу, не пора ли нам пойти в детскую и посмотреть, как там маленький Джон? Ты не боишься, что он уже довел нянюшку до истерики?

В тот вечер мисс Друзилла Уортингтон еще находилась в городском доме сэра Арчибальда на Гросвенор-сквер. Это было примерно за неделю до того, как ей предстояло получить известие о болезни сестры. Пока же она находилась в гостиной, расположившись в кресле наискосок от своей подопечной мисс Генриетты Ролланд.

Всего несколько минут назад, когда пожилая леди мельком взглянула на Хэтти, та, как обычно, молча сидела у камина и с видимой сосредоточенностью смотрела на ярко полыхавшее пламя. На самом деле она не замечала ни огня, ни всего остального вокруг. Мисс Луиза предупреждала ее, что Генриетта все еще очень болезненно переживает смерть своего брата Дэмиана, погибшего в битве при Ватерлоо. Три недели, которые мисс Уортингтон провела рядом с Хэтти, она старалась делать все возможное, чтобы хоть как-то вывести ее из оцепенения. Но старой деве никак не удавалось пробить плотный панцирь горя, окутывавшего душу этого юного существа.

Когда пожилая леди наблюдала за Хэтти, ее собственные глаза наполнялись печалью. Она не могла воспринимать без боли ее неизменно черное одеяние. Поэтому время от времени она пыталась подступиться к ней с деликатными предложениями переменить свой наряд. Правда, по ее мнению, ростом Хэтти была несколько выше, чем диктовала последняя мода. Зато она прямо держала спину и имела манеры настоящей королевы.

При мыслях о главе дома мисс Уортингтон начинала сердиться, и в ее обычно невыразительных серых глазах появлялся неестественный блеск. Она считала сэра Арчибальда в полном смысле слова помешанным на политике и в душе осуждала его за то, что он так часто пропадает на своих сборищах и отдает всю свою энергию одной-единственной страсти. Ей казалось, что за весь день он и минуты не думает о присутствии рядом с ним дочери. Тем более невероятным представлялось ей то, что он замечает ее усилия – хотя и бесплодные – по созданию уюта в его доме.

Если бы мисс Уортингтон попросили рассказать как на духу о жизни в этом доме, она сравнила бы свое самочувствие с ощущениями рыбы, бьющейся в рыбацкой сети, или курицы, трепыхающейся в тесном курятнике. При этом она не могла пожаловаться, что Генриетта была недобра к ней или в чем-то нарушала законы гостеприимства. Нет, неловкость мисс Уортингтон была связана с общей обстановкой в доме. Она чувствовала себя в нем не в своей тарелке.

Единственными посетителями дома были близкие друзья сэра Арчибальда, его товарищи по партии. Когда эти чопорно одетые джентльмены приходили в дом и приветствовали ее короткими кивками, она испытывала чувство собственной никчемности и ни с того ни с сего начинала ужасно волноваться. Но ей становилось еще более не по себе оттого, что Генриетта не только все время молча, как сейчас, сидела напротив камина с отсутствующим видом, но и отправлялась одна на длительные прогулки. Таких действий с ее стороны мисс Уортингтон не одобряла.

Однажды мисс Уортингтон очень тактично заметила, что молодой леди не пристало совершать подобные вылазки из дома. В ответ Генриетта только вскинула голову и, слегка наклонив ее набок, посмотрела на нее прямо-таки пронизывающим взглядом.

– Вам незачем беспокоиться по этому поводу, мисс Уортингтон, – сказала она. – Я хожу на прогулки не для того, чтобы строить глазки молодым джентльменам. И полагаю, что эта мрачная накидка и черная вуаль заставят их держаться на почтительном расстоянии.

Видя, как пальцы Генриетты беспокойно теребят лежащий на коленях носовой платок – то завязывают, то развязывают узлы, – пожилая леди вздохнула и отложила в сторону иголку с ниткой.

– Хэтти, деточка, посмотри в окно. Видишь, туман рассеивается. Похоже, скоро выглянет солнце. Ты не хочешь пройтись со мной в Пантеон-Базар? Ведь ты там еще не была.

Хэтти подняла на нее синие глаза с подозрительно красными веками и медленно покачала головой:

- Спасибо, мисс Уортингтон. Если вы сами хотите отправиться туда, я могу позвонить Джону. Это наш грум.

Мисс Уортингтон испытала знакомое ей чувство досады в связи с очередной неоправдавшейся надеждой.

- Нет, Хэтти. Я, пожалуй, лучше закончу штопку.

Так они просидели вдвоем в полном молчании, пока солнце не начало клониться к закату. Когда мисс Уортингтон поднялась, чтобы зажечь свечи, в дверь гостиной постучали. В дверях появился Гримпстон, к которому мисс Уортингтон успела проникнуться уважением. По ее мнению, слуга великолепно справлялся со своими обязанностями и был необычайно тактичен.

- Мисс Генриетта, - сказал дворецкий, не двигаясь дальше порога в ожидании ответа. Поскольку его госпожа не обернулась, он тихо кашлянул, чтобы привлечь ее внимание.

Наконец она взглянула на него:

- Да, Гримпстон. Я вас слушаю.

- Мисс Хэтти. Пришел один человек. Он интересуется, может ли он поговорить с сэром Арчибальдом.

- В данный момент сэра Арчибальда нет дома, как вам хорошо известно, Гримпстон.

- Я знаю, мисс. Но этот человек, его зовут мистер Потсон, говорит, что был денщиком мастера Дэмиана.

- Денщиком Дэмиана?

Мисс Уортингтон не без удивления отметила, что Хэтти чуть было не подскочила в кресле.

- О, Гримпстон, попросите этого мистера Потсона подождать меня в малой гостиной. Передайте ему, что я сейчас спущусь.

Гримпстон тотчас вернулся в прихожую к ожидавшемуся его невысокому седовласому мужчине. Гость беспокойно топтался на месте и мял в руках и без того неказистую шерстяную шляпу.

- Мисс Генриетта Ролланд сейчас встретится с вами. Не угодно ли вам пройти за мной?

Потсон был уверен, что допустил ошибку, приняв это приглашение, когда оказался перед высокой молодой леди, стоя встречавшей его в гостиной, и увидел ее грустные глаза. «Чтоб ты провалился!» - мысленно пожелал он дворецкому. То, что он должен был сказать отцу мастера Дэмиана, было совсем не для ушей благородной молодой леди с головы до ног в черном. Он поймал себя на том, что пристально и с интересом рассматривает ее - уж очень она была не похожа на его покойного господина. Мисс Генриетта была весьма хороша собой. Белокурые волосы красиво обрамляли ее лицо. Пожалуй, единственное, что роднило ее с братом, - это глаза. Глаза у нее были точно такие же, как у него, - синие и широко открытые. И еще - тот же характерный изгиб бровей. «Какие чудесные глаза, необыкновенно задумчивые», - подумал

Потсон.

- Мисс Ролланд, - произнес он, сделав шаг вперед и все еще комкая шляпу.

- Да, это я, Генриетта Ролланд. Гримпстон сказал мне, что вы служили денщиком у Дэмиана? - С этими словами она грациозно направилась к нему и, подойдя, обхватила его дрожащие руки. Шляпа незаметно упала на пол.

- Я намеревался встретиться с сэром Арчибальдом, мэм, но дворецкий настоял на том, чтобы вместо него я поговорил с вами.

«Как это похоже на милого Гримпстона, - подумала Хэтти, - и как это предупредительно с его стороны». Она набрала в грудь побольше воздуха и приветливо улыбнулась:

- Да, сейчас здесь вам не с кем переговорить, кроме меня. Присаживайтесь, Потсон. Я полагаю, мы с вами должны многое обсудить.

Хэтти ни на секунду не задумалась о том, какие страдания должны неизбежно причинить ей слова денщика и какой болью в сердце отзовутся они при ее еще не утихшем горе. Она знала только одно - ей нужно выяснить, что произошло с Дэмианом в течение тех долгих месяцев после его внезапного отъезда из Лондона.

Потсон, почувствовав себя свободнее, пристроился на краешке стула. То, о чем он собирался рассказать, было бы достаточно тяжело слышать сэру Арчибальду, и он плохо представлял себе, что будет с младшей сестрой мастера Дэмиана. «Вот проклятие», - подумал он, сознавая, что будет вынужден беречь еще не зажившие раны. Ведь именно эта мысль удерживала его от поездки сюда все летние месяцы после гибели мастера Дэмиана.

- Я не приехал бы к вам, если б не это письмо!

- Что вы хотите этим сказать? О каком письме вы говорите, Потсон?

- Видите ли, сударыня, мастер Дэмиан и я были вместе в течение девяти месяцев. Все это время мы разъезжали между Испанией и Италией, так как в нашу задачу входила доставка депеш генералам. Потом мы отвозили почту обратно и все в этом роде. Я успел хорошо узнать мастера Дэмиана и хочу вам сказать, что он всегда вел себя как настоящий джентльмен. Вы понимаете, сударыня, что я не имею в виду накрахмаленные воротнички, которых он никогда не носил. Я говорю о нем как о человеке. Не я один относился с большой любовью к вашему брату. Он пользовался уважением у всех офицеров. Он знал, как их развеселить, и это у него хорошо получалось. Генералы тоже полностью полагались на него. Помнится, генерал Брукс всегда посылал за мастером Дэмианом. Всегда.

Хэтти проглотила комок, не вовремя вставший в горле. Но о каком же письме все-таки идет речь? Она была готова запастись терпением и ждать.

- У мастера Дэмиана на все случаи жизни были припасены шутки. Похоже, он никогда не думал о том, что ему принесет следующий день. А ведь некоторые из тех депеш, которые он развозил, должен вам сказать, касались далеко не погоды. Я много и часто думал о нем. В самом деле, сударыня, много.

- И что же, Потсон?

- Иногда мне казалось, что с мастером Дэмианом происходит что-то неладное. Однажды, когда я ожидал увидеть его за картой – ему нужно было разметить маршрут для доставки каких-то важных документов, – я застал его в комнате, одного в кромешной тьме. И знаете, он пребывал в таком мрачном раздумье, что я не знал, как к нему подступиться. Я только осмелился поинтересоваться, не беспокоит ли его что-то. Вместо ответа он только улыбнулся мне. Это была очень печальная улыбка, мисс Ролланд. Потом он сказал мне то, что я и ожидал услышать: ну, чтобы я не расстраивался из-за него и все такое. Он принялся уверять меня, что у него нет никаких оснований огорчаться, прямо так и сказал – решительно никаких. Конечно, он говорил это для того, чтобы я ушел и оставил его наедине с собственными мыслями.

Потсон немного помолчал.

- Совсем незадолго до битвы при Ватерлоо, в первых числах июня того года, он получил приказ переправить принца Оранского в Брюссель, в безопасное место. Тогда я сказал ему то, что всем нам уже было хорошо известно, а именно – о приближении страшной бойни. Потом стало известно, что его собираются прикомандировать к генералу Дрейксону, человеку совсем другого склада, из ставки принца. Я помню, он так хорошо описал войку, что я живо представил себе старого джентльмена с его колючими бакенбардами и совершенно негнущейся спиной. Затем – все это было при мне – мастеру Дэмиану было приказано возглавить лобовую кавалерийскую атаку. Это должно было произойти в разгар знаменитого сражения. Он не позволил мне отправиться вместе с ним, сударыня. Только похлопал меня по плечу и посмотрел на меня со своей грустной улыбкой. Я никогда не забуду, как он сказал: «Я убежден, Потсон, что теперь участь моя предрешена и жизнь близка к завершению. Похоже, дружище, я стану тем самым барашком, которого отдали на заклание». Это были его последние слова, сударыня. Больше я с ним не встречался.

Потсон увидел, как побледнело лицо молодой леди. Оно казалось еще блее по контрасту с черной одеждой. Лежавшие на коленях руки задрожали. Но она не вскрикнула, не зарыдала, не издала ни единого звука. Напротив, хладнокровно спросила:

- О каком письме вы говорили?

- Так вот, сударыня, у меня еще долго не выходили из головы слова, которые мастер Дэмиан сказал перед отъездом. Позже, когда я начал собирать его личные вещи для отправки родным, я нашел у него в чемодане сложенную четвертушку бумаги. Она лежала за подкладкой. Я прочитал это послание, сударыня. Извините меня, но я не мог удержаться.

- Позвольте мне взглянуть на него, Потсон.

Хэтти развернула четвертушку бумаги и начала медленно читать письмо. Потом она оторвала глаза от него, посмотрела куда-то поверх плеча Потсона, снова опустила голову и перечитала письмо еще раз. В нем были следующие строки:

«Любовь моя, я до сих пор не могу поверить, что тебя вырвали из моих объятий.

Ах, Дэмиан, если б только наступили прежние времена и мы с тобой могли быть вместе. Если бы у меня была хоть какая-то надежда на то, что ты сможешь вернуться ко мне. Но ты должен понять меня: сейчас у меня нет иного выхода. Я не знаю, как поведет себя лорд Оберлон, но в любом случае ты должен знать, что я больше не вольна распоряжаться собой. Теперь моя судьба в его руках.

Может быть, Бог его покарает, и он будет мучиться в аду за содеянное.

Я же никогда не забуду тебя, мой дорогой.

Прощаюсь с тобой.

Любящая тебя Элизабет».

Хэтти выпрямилась и, аккуратно сложив письмо, посмотрела Потсону прямо в глаза:

- Вы поступили правильно, передав это письмо мне. Ваш поступок заслуживает самых высоких похвал.

Мисс Уортингтон нашла несколько странным то, что ее подопечная провела почти час в обществе денщика. Но это была лишь мимолетная мысль. Однако и позже она не успела ничего толком обдумать, потому что не прошло и двенадцати часов, как ее закружил вихрь совсем иных забот. С того момента тихую молодую леди, целыми днями просиживавшую с безучастным видом у камина или пропадавшую на прогулках, словно подменили. Мисс Уортингтон не узнавала свою подопечную, ту самую Генриетту, которую еще сегодня, после завтрака, она тщетно пыталась вытащить в Пантеон-Базар.

В конце концов мисс Уортингтон решила, что ее настойчивые усилия не прошли даром: ей удалось наконец привести Генриетту в чувство. Как истая христианка, она также верила, что вымолила для бедной девочки Божью милость, в качестве коей, кстати, рассматривала и весьма своевременный визит денщика покойного капитана Дэмиана Ролланда. По ее убеждению, это обстоятельство в какой-то мере помогло Генриетте обрести прежнее душевное равновесие. Увидев столь разительные перемены, мисс Уортингтон с необычайной готовностью вызвалась помочь своей подопечной сменить часть черной одежды на темно-серую. Она собственноручно отнесла на чердак ее черную вуаль и еще кое-какие мелочи, сложив их в старый сундук, оставшийся от покойной бабушки Хэтти.

Через несколько дней мисс Уортингтон получила то самое жалостливое письмо, в котором сестра просила ее срочно выехать в Кент. В полнейшем недоумении и смятении смотрела она на улыбающуюся подобно невинному младенцу Генриетту. И тогда душу мисс Уортингтон начали раздирать сомнения: она не могла решить, где она теперь была нужнее. Хотя Генриетта с невероятным гостеприимством упрашивала ее остаться, но все же не преминула заметить, что чисто по-человечески разделяет ее чувства и понимает, что значит исполнение долга, которое в подобных обстоятельствах могут испытывать люди по отношению к своей собственной семье.

Двумя днями позже мисс Друзилла Уортингтон все-таки покинула Лондон. Она была очень довольна тем, что успешно выполнила свою миссию, в чем ее твердо заверила Хэтти. Ни тогда, ни позднее и вообще никогда в жизни наивной добропорядочной леди не было суждено узнать, что «исцелившаяся» Генриетта просто-напросто умирала от желания поскорее избавиться от нее.

Через три дня после отъезда мисс Уортингтон в Лондоне впервые появился лорд Гарри Монтейт.

Глава 4

- Томпсон-стрит? Это просто замечательно, Потсон. Оттуда же рукой подать до Сент-Джеймса. Так что нам не придется сильно беспокоиться из-за расходов на экипажи. Во сколько, вы

говорите, нам обойдутся меблированные комнаты?

Потсон недовольно пробурчал цену, втайне надеясь, что названная сумма раз и навсегда положит конец безумным планам мисс Хэтти. К его разочарованию, она продолжала сиять улыбкой. Правда, он тотчас вспомнил, как вскоре после их знакомства, когда он по ее вызову повторно прибыл на Гросвенор-сквер, она, можно сказать, насильно вложила в его несчастную голову свой дерзкий план. В тот роковой день ему казалось, что он вот-вот попадет в дом для умалишенных, но через некоторое время он успокоился и решил, что впредь не будет удивляться никаким другим предложениям с ее стороны.

- Конечно, первым делом нужно присмотреть мне что-то из одежды, - сказала Хэтти, посмеиваясь, словно не замечая его растерянности. - В то же время у нас должен быть достаточный запас средств для моего успешного вступления в респектабельное общество. Какое счастье, что Дэмиан решил научить меня пикету и фаро. Как будто заранее знал. Могу сказать без преувеличения, Потсон, что при везении за карточным столом мы с вами будем жить самым роскошным образом.

- Ох, госпожа, что вы говорите. Это сумасбродный план. Не были вы мужчиной и никогда им не станете, как ни крутись. Ни один человек, если только он в своем уме, никогда не примет вас за мужчину. - Для вящей убедительности Потсон критическим взглядом окинул ее фигуру от груди до бедер.

В ответ Хэтти добродушно засмеялась:

- Не беспокойтесь, Потсон. На этот счет у меня есть кое-какие соображения. Я подготовила для вас список всех вещей, которые я хотела бы иметь, с указанием размеров и цветов. Вот здесь записаны все данные о брюках, жилетах и фраках. К сожалению, о трикотажных панталонах, которые сейчас в такой моде, не может быть и речи. У меня нет ни малейшего желания рисковать.

- Так и быть, мисс. Допустим, нам с вами удастся одеть вас под молодого джентльмена. Но ведь, кроме этого, нужно еще знать, как подступиться к маркизу де Оберлону. Я слышал, что это сильный человек. Все признают его превосходство. Вот вы все время говорите, что должны отомстить ему за вашего брата, - но как, мисс Хэтти? Как вы собираетесь справиться с таким грозным противником?

Лицо Хэтти помрачнело.

- Разве я уже не говорила вам, Потсон? Помимо того, что Дэмиан научил меня играть в карты, он позаботился о том, чтобы сделать из меня первоклассного стрелка. Что касается фехтования, то здесь, конечно, мне придется брать уроки. Я уже навела кое-какие справки. Очень осторожно, разумеется. И уже очень скоро я начну заниматься с синьором Бертиоли. Но все-таки я рассчитываю свести счеты с маркизом при помощи пистолета.

Потсон чувствовал себя так, будто после ее слов в эти минуты у него и впрямь появляются седые волосы. Он даже потянул себя за них. Его так и подмывало выругаться, но он удержался, сознавая, что как-никак имеет дело с леди, хотя и собирающейся облачиться в мужской наряд. Но совсем молчать он не мог: хотелось сделать еще одну, последнюю попытку.

- Господи! Ну что же это такое? Ведь это суцая бессмыслица, мисс Хэтти: не сможете вы копировать поведение джентльмена. И вообще это страшный грех - перед Богом и естеством. Такое кощунство, что и помыслить страшно. Может быть, то, что вы намерены делать, даже противозаконно.

- Довольно, Потсон. Вы опоздали. Пора уже оставить эти жалкие доводы. Я приняла окончательное решение. Теперь решайте вы. Или вы будете помогать мне, или я просто подыщу себе кого-то другого.

Хэтти старалась держаться намного увереннее, чем чувствовала себя на самом деле. Когда наконец Потсон согласно кивнул, от облегчения она чуть было не издала ликующий вопль.

- Позвольте мне спросить вас еще об одной вещи, – робко сказал Потсон. – Я вот о чем, мисс Хэтти. Мастер Дэмиан, как я уже имел счастье рассказывать вам, всегда оставался истинным джентльменом. И с дамами он обращался так, как подобает джентльмену. Можете вы объяснить мне, зачем ему было обучать родную сестру таким не подходящим для леди занятиям?

Она засмеялась:

- От скуки, Потсон. Просто от скуки. К тому же, возможно, ему было немного жаль меня. У меня только что умерла мама. А сэр Арчибальд сразу же вернулся в Лондон, чтобы продолжать свою нескончаемую борьбу с вигами. Брат, как вам известно, в то время после ранения вернулся домой и должен был оставаться в поместье до полного выздоровления. Вот тогда он и решил заняться мной. Он подбадривал меня, Потсон. Говорил, что я способная ученица.

- Понятно. Теперь я хочу предупредить вас кое о чем, мисс Хэтти. Вы должны иметь в виду, что я не смогу помогать вам одеваться. И это еще не все. Как вы собираетесь возвращаться в дом сэра Арчибальда в мужской одежде? Вряд ли это останется незамеченным.

- Ну и ну, Потсон! Вы недооцениваете меня. Во время вашего следующего визита на Гросвенорсквер я представлю вас моей горничной Милли. Будете вдвоем давать мне указания, если захотите. Но хочу предупредить вас, что я уже заручилась ее поддержкой. Поэтому не советую пытаться вступать в сговор с ней за моей спиной. Ничего хорошего из этого не получится.

- Господь с вами! Как вы можете так думать обо мне, госпожа? Я скорее вырву себе язык, чем скажу хоть одно слово против вас. Да, кстати, мисс Хэтти, мне потребуется несколько гиней, чтобы заплатить за жилье. Я уже не говорю о кредите портному.

- Спасибо, что напомнили, Потсон. Сейчас вы все получите. Надо сказать, что в этом отношении мне здорово повезло. Мама в свое время позаботилась, чтобы у меня были собственные деньги. Так что несколько месяцев мы можем получать причитающееся мне содержание и смело тратить эту сумму. А в случае непредвиденных расходов или карточного проигрыша придется запустить руку в основной капитал. Но это было бы крайне нежелательно. Да, вот еще что. Пока не забыла сказать, Потсон, мое новое имя – Гарри Монтейт. Запомните его.

- Откуда вы взяли это имя, мисс Хэтти?

- Из одного старого атласа мировых открытий и изобретений. Правда, я не помню, какое именно открытие сделал этот человек.

Последние слова были чистой ложью. На самом деле Хэтти прекрасно знала, кто он такой и чем прославился. Как было написано в той книге, барон Монтейт жил несколько столетий назад. Поклявшись отомстить за смерть предка, отравленного ядом, он не побоялся бросить вызов правившей в ту пору династии Медичи. Дальнейшие описания почти в точности воспроизводили небезызвестную легенду о Давиде и Голиафе.

Вспоминая ту историю, Хэтти представляла себя в роли такого же мстителя, как Монтейт. Жажда возмездия подстегивала ее воображение. Единственным препятствием на пути ее необузданных фантазий и причиной вынужденной остановки в развитии собственного сюжета было отсутствие в книге каких-либо сведений о том, чем закончилось это дело для бесстрашного барона.

Пока же она решила не раскрывать всего дела Потсону. Настанет тот день, когда он услышит эту историю.

- Послушайте меня, милорд. Слабое запястье - вот в чем ваш недостаток. У вас должно быть железное запястье. Запомните, железное!

Синьор Бертиоли отступил назад и встал напротив лорда Монтейта, осторожно опираясь на эфес рапиры. На лбу у него не было ни единой капельки пота. Кустистые черные брови маэстро почти сошлись у переносицы, когда он взглянул на стоявшего перед ним неловкого, взмокшего от пота юного джентльмена. Вместе с тем он был удивлен его необыкновенным энтузиазмом и упорством. Этим юный лорд отличался от большинства его учеников - молодых денди, которые занимались фехтованием ради физической формы и отдавали дань моде. Они никогда не стремились овладеть этим искусством в совершенстве. Для многих из них мысль о том, что в один прекрасный день им можно будет на самом деле воспользоваться, была просто ненавистна.

Маэстро смягчился, но все же посчитал нужным сказать это лорду еще раз:

- Вам не хватает силы, милорд.

В ту минуту Хэтти хотела знать только, выдержит ли она свой первый урок. У нее так колотилось сердце, что, казалось, вот-вот разорвется или выскочит из груди. Наконец ей удалось перевести дух.

- Да, синьор. Боюсь, что, к сожалению, это правда. И все-таки, должно же быть во мне хоть что-то необходимое для успеха.

Слова маэстро беспокоили ее меньше, чем страх разоблачения: ей казалось, что Бертиоли неминуемо распознает в своем новом ученике женщину.

Удивленный серьезностью юноши, синьор Бертиоли снова сделал несколько шагов назад.

- Действительно, - согласился он, - сила - это еще не все. У вас есть грация и ловкость. Возможно, если вы будете усердны и терпеливы, милорд, со временем я смогу сделать для вас больше... гм... помочь вам освоить некоторые необычные приемы. Они восполнят ваши недостатки и вообще могут пригодиться вам в жизни... - Тут маэстро сделал короткую паузу и добавил: - Если, конечно, вы собираетесь всерьез посвятить себя этому искусству.

«Черт возьми, - подумала Хэтти, растирая руки, - он прав, говоря о терпеливости и слабом запястье». Однако последние слова маэстро особенно привлекли ее внимание.

- Вы упомянули о каких-то необычных приемах, синьор. Что это такое? - В душе у нее зародилась надежда. Она смотрела на этого итальянца с оливково-смуглой кожей так пристально, что он, не выдержав ее взгляда, отвел глаза. - Синьор, я сделаю все необходимое. Все, что вы скажете.

- Присядьте, милорд, - сказал маэстро, убрав со стула решетчатую маску.

Хэтти кивком поблагодарила его и опустилась на стул, проведя пышным белым рукавом рубашки по вспотевшему лбу.

- Давно ли вы в Лондоне, милорд?

- Нет, синьор. Ровно неделю. Вас удивляет, что я совсем не умею обращаться с рапирой? В этом нет ничего странного. Я приехал с самого севера Англии, где, к сожалению, рядом не было никого, кроме коров и служанок. Так что фехтовать там мне было не с кем. Прошу прощения, синьор, что при таких способностях я навязываюсь вам в ученики.

Синьор Бертиоли оценил откровенность молодого джентльмена и то, что он без смущения признался ему в своей неопытности. Глядя на него, он взвешивал его реальные возможности и ожидаемые результаты собственного труда. Даже если лорд Монтейт, рассуждал итальянец, и не достигнет высот мастерства в благородном искусстве владения рапирой, большой беды в этом не будет. По крайней мере, в Англии. С тех пор как несколько лет назад дуэли здесь были запрещены, фехтование превратилось для англичан просто в эффектное развлечение. Джентльмены, которые продолжали заниматься им, кроме всего прочего, делали это из эстетических соображений, примерно так же, как молодые леди забавлялись игрой на арфе. Одним словом, рапира рассматривалась теперь как необходимое дополнение к воспитанию и образованию.

Маэстро потряс кистями рук.

- Коровы и служанки, говорите? Вы смелый человек, милорд. К сожалению, не могу вам обещать полного успеха. Вы понимаете, я говорю о таком уровне мастерства, как дуэль на шпагах. Во всяком случае, пока не будем загадывать.

К его удивлению, после этих слов лорд Монтейт встряхнулся, расправил плечи, выпрямил спину и так плотно сжал губы, что они вытянулись в тонкую линию.

- Вы называете меня смелым человеком, синьор. Да, я не намерен отступать перед трудностями и могу твердо обещать вам, что буду выполнять все ваши указания. Вы сказали о какой-то необычной технике фехтования? Вы должны научить меня этому. Я научусь. Я должен научиться.

Синьор Бертиоли прекрасно понимал, что слова молодого человека не пустая шутка. Он помолчал и, чуть склонив голову, обратился к молодому человеку:

- Мой юный друг, вы совершаете насилие над собой. Вы переступаете все мыслимые и немыслимые пределы. Такого рвения я не вижу у большинства джентльменов, посещающих мои уроки. У меня нет никаких сомнений, что вами движет отнюдь не желание подготовиться к войне. Вы, англичане, уже выполнили свою задачу: загнали наконец этого корсиканского борова на его проклятый остров. Но даже если бы этого не произошло, вряд ли кому-то пришло в голову, что вы, мой юный друг, делаете это ради войны. Сабли и шашки больше не в моде. Они устарели почти так же безнадежно, как лук и стрелы. Если бы мы с вами находились не в Англии, я бы мог подумать, что вы готовитесь к вендетте.

- Вендетте, синьор?

- В моей стране слово «вендетта» означает кровную месть. У нас клятва осуществления такого возмездия переходит от отца к сыну. Иногда еще дальше, через множество поколений.

Нередки случаи, когда с годами причина мести забывается, но стремление отомстить врагу всегда остается. Можно подумать, что жажда мести кроется в самой природе души человека.

- Мне нравится ваше слово «вендетта». Я считаю, что оно очень точно отражает суть.

- Если вы вынашиваете плоды возмездия, мой друг, я бы посоветовал вам лучше иметь дело с пистолетом. У вас острый глаз. А для того чтобы убить человека при помощи крошечной пули, большой ловкости не требуется. Для этого достаточно иметь ее столько, сколько у ваших телят или служанок.

- Синьор, я первоклассный стрелок. Но мне этого недостаточно. Вам, должно быть, известно, что в Англии дуэль, связанная с защитой чести, не дает человеку, бросающему вызов, права на выбор оружия. Вы должны научить меня драться на шпагах, чтобы моя вендетта не оказалась пустым звуком.

Синьор Бертиоли измерил взглядом столь решительного молодого человека. Он был почти мальчик, этот лорд Монтейт, с его гладкими, лишенными растительности щеками. Впереди у этого юноши была еще целая жизнь. Внезапно он почувствовал страх за него. Если лорд и вправду говорит о дуэли чести, то он, маэстро, серьезно сомневается в его способности противостоять более крепкому и более искусному или опытному противнику.

- Так и быть, я научу вас. Что-нибудь придумаем. Попробуем исхитриться. Ну что ж, если вы отдохнули, милорд, то вперед! Нам еще предстоит многое сделать сегодня.

- Спасибо, синьор, - коротко ответила Хэтти и быстро вскочила на ноги. - Да, я уже отдохнул.

- En garde [1], мой юный друг. - Синьор Бертиоли с силой ударил рапирой.

Блеснувшая сталь со свистом рассекла воздух, скрестившись с клинком лорда Гарри. Непрерывное лязганье металла сотрясало тишину зала.

С каждым ударом острая боль все сильнее пронзала руку Хэтти. Она скрипела зубами, беззвучно произнося слова ненависти в адрес маркиза де Оберлона. И пока синьор Бертиоли испытывал ее на прочность, она не переставала твердить свой катехизис:

«Я отправлю вас, ваша светлость, в ад, как вы отправили Дэмиана на верную смерть. Когда кровь хлынет из ваших жил, я скажу вам, кто я. Только тогда я скажу вам, почему вы умираете. Когда вы будете лежать на земле, я встану над вами и буду хохотать до тех пор, пока вы не испустите последний вздох».

Глава 5

- Лорд Гарри! Ну и вид же у вас сегодня! Откуда у вас эта дыра на панталонах? Можно подумать, что вы побывали у быка на рогах.

Расфранченный Скадди, в своем элегантном мундире с желтыми и зелеными галунами, перегнулся через ломберный стол, чтобы лучше рассмотреть утомленное лицо друга.

У Хэтти так сильно болела рука, что в тот день Потсону пришлось проявить очень большую осторожность, чтобы помочь ей влезть во фрак.

- Да нет же, Скадди. Просто синьор Бертиоли слишком строгий учитель. Я уже не раз вам это говорил. Сегодня он навязал мне такой бешеный темп, что я в полном смысле слова

измочален. Я беру у него уроки почти с тех самых пор, как познакомился с вами обоими. Но должен сказать, что все равно, уходя от него, едва держусь на ногах, как деревенский забулдыга после вечеринки.

- И никакой надежды? - спросил сэр Гарри, ослабившись. - Не может быть. Наверняка вы скоро будете в превосходной форме. Вон уже и мускулы появились. Полюбуйтесь-ка на эти трогательные маленькие холмики! Не расстраивайтесь, дружище. Зато вы весьма смысленный молодой человек. Это тоже кое-что значит.

- Вы хотите сказать, что Бог не дает человеку всего сразу: и силы, и разума? Выходит, что мне достался только ум?

- Как вы можете так говорить! Это просто невинная шутка. И с мышцами я тоже пошутил. Разве можно разглядеть что-нибудь под таким безобразным балахоном? А ну, живо показывайте, какие они у вас, ваши мышцы! Или у вас действительно только с мозгами все в порядке?

- По-моему, и с тем и с другим. Между прочим, кое в чем вы не ошиблись: когда маэстро Бертиоли хвалит меня, он употребляет именно слово «превосходный». Он говорит, что через месяц я достигну таких успехов, что смогу спокойно ухлопать некоторых джентльменов. Например, вас, Гарри.

- По правде говоря, - со вздохом признался сэр Гарри, - рапирой меня и собственная сестра, загоняла в угол. Но это было прежде, чем я получил офицерский чин и побывал в Испании. Но сейчас меня не так-то просто одолеть. Имейте это в виду, юноша. И не вздумайте меня оскорблять. Кстати, как насчет сегодняшнего вечера? Надеюсь, вы не слишком утомлены? А то у меня есть один план. Пора уже не на словах, а на деле проверить ваш северный темперамент.

- Северный темперамент? Вы имеете в виду игру в пикет? Если вам опять хочется проигратся в пух и прах - пожалуйста! Честно говоря, я думал, вам достаточно потерянных пяти гиней. Играете вы, надо сказать, из рук вон плохо.

- С картами лорд Гарри вас хорошо прижал, - вмешался Скадди. - Сколько я вас знаю, Гарри, вы всегда и везде говорили, что вы непревзойденный игрок. А теперь лорд Гарри постоянно дает вам фору. Это вы называете его северным темпераментом?

- Что с вами рассуждать о темпераментах! Вы ничего не смыслите в них, - насмешливо сказал сэр Гарри. - И вообще, вам ли об этом говорить, Скадди? Знаете, кто вы? Вы просто обленившийся гедонист. Только взгляните на свой круглый животик, выпирающий из-под жилета. Когда я смотрю на него, у меня пропадает всякий аппетит. И это в вашем-то возрасте, Скадди!

Скадди влил в себя очередную добрую порцию вина.

- Гедонист? От кого вы узнали это слово, Гарри? А-а! Я, кажется, догадываюсь. От вашей сестрицы или ее мужа. Ваш собственный лексикон, слава Богу, всем давно известен. Гораздо привычнее слышать от вас не связанные слова, а что-то вроде мычания.

Коротая время, Хэтти откинулась на спинку стула. Она небрежно играла изящным хрустальным бокалом, без особого интереса следя за пикировкой своих друзей, вполуха слушая их болтовню. Четыре месяца пребывания в роли лорда Гарри Монтейта казались ей целой

вечностью. Изображать молодого джентльмена было весьма непросто, а порой и небезопасно. Но скучным это не было никогда. Она была вполне довольна тем, что сэр Гарри Брэндон и мистер Скаддмор столь быстро и безоговорочно приняли ее в свою компанию.

Мысленно она перенеслась в то время, когда состоялось ее первое появление в обществе. Четыре месяца назад на Томпсон-стрит поселился лорд Гарри Монтейт. Она вспомнила тот отчаянный страх, который ей пришлось испытать, когда она впервые оказалась на улице в мужском костюме. Она вдруг живо представила, какими глазами посмотрит на нее первый встречный джентльмен, заметив признаки женской фигуры. «Должно быть, сначала с удивлением, а потом с ужасом», – думала она. Тогда ей впервые пришлось намазать и прилизать свои пышные волосы, а хвостик перевязать черной лентой. И еще она вспомнила про шейный платок, который тогда порядком прибавил ей тревоги. В том, как он был завязан, наметанный мужской глаз должен был сразу распознать руку дилетанта. Вспомнила она и то, как, заставив себя покинуть новые апартаменты, сосредоточила все внимание на своей походке. Напустила на себя побольше важности и развязно, как это делали молодые джентльмены, зашагала по улице, подавляя привычные чисто женские движения бедрами. Потом, немного осмелев, она позволила себе небрежно помахивать черной тростью из ротанга, как бы показывая всем своим видом, что ей нет ровно никакого дела до остального мира. Так она держала путь к «Друри-Лейн», то насвистывая, то мурлыча что-то под нос и чувствуя в то же время, как сердце бешено колотится в груди. То первое посещение театра стало для нее незабываемым событием. И произошло это благодаря забавному случаю, который, собственно, и свел ее с Гарри и Скадди. В тот вечер давали мелодраму – пьесу с довольно бессмысленным названием «Выбор молочницы» и пошловатым незатейливым содержанием. Она была посвящена любовным приключениям молоденькой фермерши. По ходу действия воздыхатель, плененный дамскими прелестями своей избранницы, в пылу страсти пытался затащить ее на сеновал. Доведенная до безумия его притязаниями, прелестная фермерша отчаянно сопротивлялась, но без особого успеха. Когда наконец герой был близок к цели, корове – настоящей живой корове, до этого тупо взиравшей на все происходящее, вдруг надоело стоять на сцене. Животное громко замычало и двинулось вперед, задев копытом и опрокинув подойник с молоком. Публика разразилась ревом и свистом. Тогда корова, видимо, оскорбленная таким непочтительным поведением людей, зловеще посмотрела в зал и направилась дальше, прямо к краю сцены. Из-за кулис выбежали перепуганные рабочие сцены и вслед за ними – оторопевший директор театра. Корова же, сделав еще несколько шагов, сверзилась вниз, в оркестровую яму, и потащила за собой растрепанную героиню.

Смех в зале тут же сменился паникой. Люди повскакивали со своих мест и обратились в бегство. Со всех сторон на Хэтти посыпались толчки, и стоило ей только встать, как ее грубо поволокли в проход.

– Эй, парень! Уйди с дороги! – услышала она за спиной чей-то пронзительный крик. Какой-то тучный мужчина, протискиваясь сквозь толпу, с силой ударил ее в плечо. Не подхвати ее в тот момент чья-то крепкая рука и не водвори обратно на место, она бы не удержалась на ногах.

– Держитесь, приятель, – раздался рядом чей-то веселый голос. – Не лучше ли уступить дорогу этой безумной толпе? Жаль, что эта чертова корова не лягнула по голове парочку балбесов.

Обернувшись, Хэтти увидела молодого человека со скульптурными чертами лица и задорными искорками в голубых глазах.

– Благодарю вас, сэр. Я первый раз в театре. Здесь часто такое случается?

Она тут же осеклась – Боже, что за жалкий писк! Или это ей только показалось? Может быть,

ее голос прозвучал подобающе?

Молодой человек улыбнулся:

- Нет, не часто. Считайте, нам с вами сегодня просто повезло. Обычно они обходятся без натурального домашнего скота. А вообще здесь всякое бывает. Зрители иногда забрасывают артистов гнилыми яблоками. Видели бы вы, как однажды отделали физиономию бедному Макбету. О! Взгляните, наконец-то они выволокли несчастное животное на свет Божий. - И тут на лице молодого человека отразилось неподдельное удивление. - Вы говорите, в первый раз? В первый раз в «Друри-Лейн»?

Хэтти кивнула:

- Да. Я совсем недавно приехал в Лондон. С севера Англии. Все, что я сейчас увидел, - настоящее открытие для меня.

- Уж не хотите ли вы сказать, что до сих пор так и не вылезали из такой глуши? Ах да, совсем забыл, черт побери! Надо же вас познакомить. - Он оглянулся на своего товарища: - Эй, Скадди, подойдите поближе. Этого джентльмена я чудом вытащил из потасовки. Иначе бы ему туго пришлось в этой давке.

За спиной ее спасителя появился упитанный, розовощекий, как херувим, молодой человек. В его лице было столько открытости и доверчивости, что ее губы как бы сами собой растянулись в улыбке. «Хитрости в нем, должно быть, ни капли, - подумала она, - равно как и избытка ума».

- Так скажите же наконец, как вас зовут? - сказал первый молодой человек. - Ради одной справедливости вы должны это сделать, раз уж я, можно сказать, спас вам шкуру.

- Монтейт. Лорд Гарри Монтейт.

Молодой человек с ангельским ликом захлопал глазами.

- Надо же, черт возьми! Какое совпадение. Его тоже зовут Гарри - сэр Гарри Брэндон. А меня... меня вы можете называть Скадди. - С этими словами он протянул ей свою пухлую руку, которая, вероятно, никогда не держала ни попоны, ни скребницы.

А она-то боялась показать им свои нежные белые руки. И решив, что ей нечего беспокоиться, она стянула перчатки. Сэр Гарри, ткнув в бок своего приятеля, сказал:

- На самом деле его зовут мистер Тайертон Скаддимор, но мы, чтобы не ломать язык, называем его просто Скадди. Да, по правде говоря, он и не заслуживает своего благородного имени.

- Рад познакомиться, - представился друг сэра Гарри, - Скадди.

Хэтти благодарила судьбу, что до той поры все у нее складывалось гладко. Гарри и Скадди оказались вполне приемлемыми грубовато-добродушными парнями. Глядя на них, она не могла удержаться от одной мысли: интересно, каким образом они представлялись бы ей, если бы знали, что перед ними женщина.

Сэр Гарри обернулся назад, чтобы поглазеть на опустевшую сцену.

- Да, похоже, наша молочница после этой свалки уже не повалится на сеновале, во всяком случае сегодня ночью. Гм... Лорд Монтейт, мы со Скадди собираемся поужинать в «Уайтсе».

Почему бы вам не присоединиться к нам?

Хэтти пыталась отказаться:

- Право же, я не знаю. В Лондоне я совсем недавно, и у меня нет здесь ни знакомых, ни друзей. Так что я не вхож в «Уайте». И вообще не принадлежу ни к какому клубу.

- Зато Скадди и я - члены «Уайтса», - сказал сэр Гарри. - Вы можете присутствовать там на правах нашего гостя.

На этом Хэтти прервала воспоминания, потому что услышала голос Скадди, в котором чувствовалось некоторое раздражение.

- Вы можете наконец ответить мне, лорд Гарри? Я уже третий раз повторяю вам один и тот же вопрос.

Хэтти растерянно заморгала и, окончательно вернувшись к реальности, начала оправдываться:

- Извините, Скадди. Я вдруг вспомнил про ту корову в «Друри-Лейн».

Скадди засмеялся и хлопнул ладонью по столу:

- Да, забавное было зрелище. Ведь там мы и встретились. Черт побери, когда же это было? По-моему, месяца четыре назад? Верно я говорю, лорд Гарри?

- Совершенно верно. Это было четыре месяца назад, - подтвердил сэр Гарри с какой-то непонятной многозначительностью в голосе. - Только, по-моему, не стоит сейчас обсуждать эту историю столетней давности. А то будете мусолить ее до рассвета и не успеете познакомиться с моим планом.

Хэтти заметила, что при этих словах в симпатичных голубых глазках Гарри появился какой-то масляный блеск, отчего лицо его сразу приняло блудливое выражение. Он вдруг стал похож на тех джентльменов, которых в обществе принято считать сластолюбцами. Она чувствовала, что ладони у нее становятся влажными.

- О каком плане вы говорите, Гарри? - спросила она, сделав усилие над собой.

- Я предлагаю поехать на Милсом-стрит и навестить леди Бакстел в ее прекрасном доме. Я не был там черт знает сколько. Мне кажется, самое время заглянуть к ней.

Ладони у нее по-прежнему оставались влажными, но язык не поворачивался задавать вопросы. Однако она понимала, что должна делать это.

- Леди Бакстел? Кто это, Гарри? Это ваша приятельница?

Скадди хихикнул и больно шлепнул ее по и без того ноющей руке. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть, сознавая, что мужчине непозволительно обнаруживать подобную слабость.

- Как бы не так, - сказал мистер Скаддимор, - с какой печали ему заводить таких приятельниц? Никакая она ему не приятельница и тем более не леди. Гарри интересуют ее птички, а не она сама, мерзкая карга.

Теперь Хэтти предстояло пройти более тяжелое испытание. Джентльмены завели длинную и

откровенную беседу о наличии определенных женских достоинств или, наоборот, отсутствии таковых у знакомых молодых девиц. Надо было отдать им должное: большей частью дело не доходило до откровенных подробностей, непосредственных описаний и детальных сравнений, когда разговор касался добропорядочных светских леди. Но уж если речь заходила о прелестях девушек из низших сословий, то они не скупились ни на скабрёзные выражения, ни на крепкие словечки.

Хэтти считала, что здесь она неплохо выдерживает свою роль. Она даже попыталась перенять их пошловатые манеры и пару раз позволила себе вставить несколько не очень пристойных, позаимствованных у них выражений.

Теперь она думала о том, как ей вести себя дальше, с учетом их дьявольского плана. Для начала она пожала плечами и постаралась принять скучающий вид.

- Вы это серьезно, Гарри? Вы в самом деле предлагаете отправиться в бордель? Лично я предпочел бы пользоваться тем, что не бывает в столь частом употреблении.

- Нет, вы только послушайте его! Ну и запросы у вас, лорд Гарри! Однако я хочу вам сказать, что этот дом не такой, как все. Это заведение для избранных. Не бойтесь, там вы не подхватите заразы. - Сэр Гарри повернулся к мистеру Скаддимуру, желая услышать от него подтверждение: - Скажите, что я прав, Скадди. Что вы молчите как воды в рот набрали? Не хотите идти? Я точно знаю, что у вас не было ни одной девушки с тех пор, как вы стали жить отдельно от отца и перестали якшаться со служанкой. Помните, вы хвалились, что она показала вам высший класс? Самое подходящее время пополнить свои знания.

От неожиданности Скадди поперхнулся и выплеснул портвейн из рюмки.

- А вам нужно трезвонить об этом на весь мир, Гарри. Если хотите знать правду, то дело вовсе не в этом - у меня не слишком густо в кошельке. А сейчас только середина месяца. Отец устроит мне любезный прием, если я опять раньше времени появлюсь на пороге с протянутой рукой.

- Какого черта вы прибедняетесь, Скадди? Можно подумать, что из-за одного визита в бордель вам придется бежать к папаше на Ривер-Тик. Что до вас, лорд Гарри, то я подозреваю, что вы вообще никогда не были в доме свиданий. Интересно, как в ваших северных краях юноши выходят из положения?

- Полагаю, что в наших северных краях юноши делают примерно то же, что и вы, - сказала Хэтти, все еще ломая голову над тем, как на самом деле ей выпутываться из ловушки. - Вообще-то в наших краях мужчины склонны жениться раньше, чем у вас. Обычно они делают это, не дожидаясь, пока превратятся в стариков. А брак, как известно, избавляет от многих трудностей.

Скадди с недоверием посмотрел на нее и сказал:

- Что за глупости! Мой отец постоянно говорит мне, что женитьба и удовольствие не имеют между собой ничего общего. Мудрая истина! Что вы скажете на это?

- Лорд Гарри, согласитесь, что Скадди прав, - сказал сэр Гарри. - Во всяком случае, в том, что мужчина должен получать удовольствие. Независимо от женитьбы: и до нее, и после. Ну хорошо, а все-таки как насчет моего предложения? Лично я немедленно отправляюсь к леди Бакстел. Ну, у кого еще в жилах течет настоящая кровь? Идете вы наконец или будете дальше морочить мне голову своими отговорками?

Скадди принялся усердно подсчитывать свои финансы, прикидывая, хватит ли ему их до первых чисел следующего месяца. Вскоре его сосредоточенное лицо просветлело.

- Я иду с вами, Гарри, - сказал он и, допив портвейн, осовелыми глазами уставился на Хэтти.

Было ясно, что отказываться нельзя, иначе она даст им повод для подозрений. Чего доброго, они еще подумают, что интерес к подобным делам у лорда Гарри чисто напускной - не более чем бравада неопытного юнца. Поэтому ей надлежало вести себя по-мужски, а это значило: не ссылаться на тянущие мышцы и безоговорочно отправляться с ними в бордель. По примеру Скадди она лихо разделалась со своим вином и, стукнув пустой рюмкой об стол, с развязным видом поднялась из-за стола:

- Ну, друзья, чего же мы ждем? Уже скоро ночь. Вперед, Гарри. Что до меня, то я давно созрел. Посмотрим, что за товар у вашей леди Бакстел.

Хэтти повернулась спиной к услужливому лакею, подскочившему помочь ей надеть сюртук.

Сэр Гарри насупился: «Хорошенькое дело!» Ему первому пришла в голову эта идея, а теперь лорд Гарри хочет перехватить у него инициативу. Однако он решил не вдаваться в подробности и, обхватив Скадди за плечо и утешая себя мыслью о том, что очень скоро какая-нибудь красотка доставит ему большое удовольствие, сказал насмешливо:

- Коль так, ведите нас, лорд Гарри. Мы готовы следовать за вами.

Они проходили одну улицу за другой, постепенно приближаясь к Милсом-стрит. Глядя на мелькавшие под сапогами булыжники, Хэтти буквально выворачивала мозги наизнанку, но так и не могла придумать ничего путного. В конце концов, она решила, что не бывает худа без добра и нужно положиться на случай, который может повлечь за собой неожиданную развязку этой нелепой и в то же время забавной истории.

Представшее перед ними мрачного вида заведение леди Бакстел поначалу неприятно поразило ее. Это огромное трехэтажное кирпичное сооружение, стоящее на пересечении нескольких улиц, возвышалось над всеми другими домами в округе. У парадного входа здания располагалось несколько предельно скромных, на грани аскетизма, георгианских колонн. Из плотно зашторенных окон по фасаду сквозь закрытые ставни пробивались едва заметные полоски света. Поэтому в первую секунду Хэтти даже обрадовалась, подумав, что Гарри по ошибке привел их в какое-то другое место. Или, предположила она, заведение уже закрылось в связи с поздним временем. Однако вскоре она поняла, что оба предположения не оправдались.

Сэр Гарри легко взбежал по ступенькам и забарабанил по тяжелому медному кольцу на входной двери. Звонкое эхо в вестибюле сменилось глухой тишиной, и снова Хэтти попыталась утешить себя надеждой на то, что леди Бакстел не принимает джентльменов в этот вечер. Но спустя пару минут до нее донесся слабый скрипучий звук, и ей показалось, что изнутри кто-то разглядывает их. Прошло еще несколько минут, после чего тяжелая дубовая дверь плавно отворилась. Перед ними стоял, высокий, угрюмого вида человек в строгом черном одеянии. Он молча посмотрел на трех джентльменов. Когда его глаза ненадолго остановились на Хэтти, она почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце. Ею овладело жуткое чувство, что этот человек каким-то образом может раскрыть ее обман, но он отступил на несколько шагов назад и, небрежно поклонившись, жестом предложил им войти. «Как странно, - подумала Хэтти, - я испытываю облегчение оттого, что мне позволили войти в бордель». Тем временем к ним подошел другой человек, также одетый во все черное, и взял у них трости и плащи. Хэтти видела, как его слезящиеся старческие глазки хитро и злобно смотрели на них, когда он молча

указал им на длинный узкий коридор, ведущий в глубь дома.

- Слишком много предосторожностей, - сказала Хэтти сэру Гарри, пытаясь придать своему голосу оттенок осуждения. «Интересно, - подумала она, - будет ли здесь сегодня маркиз де Оберлон?» Секундой позже она поняла, насколько глупой была эта мысль. Ведь его светлость обзавелся персональной любовницей. Она не сомневалась, что маркиз не отказывал себе в подобных удовольствиях даже в период своего кратковременного брака с Элизабет Спрингвилл.

Она быстро оставила мысли о маркизе, после того как сэр Гарри уверенно ввел их в просторную гостиную.

- Ну, что скажете, лорд Гарри? А? - воскликнул он, лукаво глядя ей в глаза. - Лучше, чем вы могли предположить?

Действительно, ей было нечего возразить ему. Внешне все здесь выглядело прекрасно. Длинная прямоугольная комната была украшена тяжелыми бархатными портьерами темно-красного цвета. На их фоне ярким контрастом выделялись расставленные группами изящные стулья и диваны с обивкой из золотой парчи - в стиле эпохи Людовика XIV. По меньшей мере дюжина лакеев в черной униформе бесшумно скользили по комнате с большими серебряными подносами, ненавязчиво предлагая гостям разнообразные вина. При более внимательном взгляде на гостиную Хэтти показалось, что находившиеся в ней люди разительно отличались от привычных посетителей Олмэка. Прежде всего, здесь было больше леди, чем джентльменов. Хотя первые были облачены в элегантные туалеты, под стать убранству гостиной, Хэтти отметила, что грудь у них была обнажена до крайнего неприличия. Можно было только диву даваться, как при таких низких вырезках платьев они ухитрялись прикрывать свои пупки. Она оторопело смотрела на эту непривычную компанию.

На фоне непринужденной беседы и громкого хихиканья дамы и их кавалеры не упускали случая погладить или потрепать подвернувшиеся под руку не прикрытые одеждой части тела. Чем больше она наблюдала это дикое зрелище, тем больше ею овладевал страх, пока не охватил ее до самых кончиков пальцев.

- Простите, вы что-то сказали, Гарри? - в растерянности произнесла она. - О, да, все очень элегантно. Вы правы. Более изысканного борделя я еще не встречал.

- Бог мой, вы только взгляните на нее! Какая красавица! - с благоговейным трепетом прошептал мистер Скаддимор, уставившись на эфирного вида создание чуть поодаль от себя. У девушки были блестящие длинные волосы, струившиеся по гибкой спине, густые и темные, как полированное черное дерево. Карие, миндалевидные, с изящным вырезом глаза придавали ее лицу пикантный оттенок.

- О, я вижу, вы заинтересовались нашей Лили, юноша. Эта девочка у нас совсем недавно. Прибыла из далекой страны, которая называется Китаем. Она очаровательна, не правда ли?

Мистер Скаддимор вздрогнул и, густо покраснев, отвел широко раскрытые глаза от девушки, так как не подозревал, что его слова могут быть подслушаны. Он обернулся на женский голос, одновременно с сэром Гарри и лордом Гарри, и в замешательстве посмотрел на стоявшую рядом с ними высокую зеленоглазую женщину со стройным и гибким станом. Она отличалась от всех остальных женщин в гостиной. Она единственная была одета в синий бархат. Вырез ее платья так же, как и у них, позволял видеть изрядную долю ее груди. На ее подкрашенных алых губах блуждала снисходительно-насмешливая улыбка. Хэтти поняла, что это и есть мадам

- та самая сводница, которая заставляет этих девушек торговать телом.

Забыв о своем рискованном положении, Хэтти измерила даму взглядом с головы до ног с таким надменным видом, на какой только была способна, и развязным тоном человека, привыкшего держаться со всеми на равных, сказала:

- Вот как? Интересно. Неужели это правда? В поисках леди для вашего заведения нужно ехать на другой конец света? Разве их так трудно добыть? Должно быть, это очень дорого обходится вам.

Глава 6

Сэр Гарри бросил на лорда Гарри удивленно-сконфуженный взгляд. Хэтти, в свою очередь, заставила себя молча проглотить раздражение. Она пожала плечами и, отвернувшись от мадам Бакстел, принялась рассматривать гостиную.

- Вы не узнаете меня, леди Бакстел? - залебезил сэр Гарри. - Я Гарри Брэндон. Вы, наверное, помните, я был у вас примерно месяц назад.

Леди Анжелика Бакстел, настоящее имя которой было Мартина Дюбуа, тотчас подавила в себе гнев и сделала любезную мину, притворяясь, что вспомнила его. На ее не в меру накрашенном лице появилось притворное радушие. Она видела, что молодой человек обескуражен неотесанностью своего приятеля и явно хочет принести ей косвенные извинения за его грубость и хоть чем-то расположить к себе. Поэтому она понимающе кивнула, тряхнув натуральными каштановыми, лишь слегка намазанными бриллиантином локонами, и протянула ему руку:

- Конечно же, я помню, сэр Гарри. Прекрасно помню. Я вижу, вы сегодня пришли с друзьями. Не угодно ли шампанского? Может быть, желаете перекинуться в покер? Или вы для начала предпочитаете приятную беседу с моими очаровательными девушками?

Мистер Скаддимор, мобилизовав всю свою сообразительность, поспешил откликнуться на это предложение со свойственной ему прямоотой и непосредственностью:

- Сюда приходят не для игры в карты, мэм. Мы и так потратили много времени. И все из-за бестактности лорда Гарри.

«Вон оно что, - не преминула заметить леди Бакстел, - оказывается, этот высокомерный щенок - лорд». Она тут же решила простить лорду его дерзость и сменить гнев на милость. В конце концов, от лордов зависело ее процветание, и поэтому не следовало сердить представителей этого благородного сословия.

- Как пожелаете, джентльмены, - сказала она с лучезарной улыбкой, сосредоточив теперь все свое внимание на Хэтти. - В таком случае - шампанское и беседа.

- Да нет же. Беседа тоже излишество. Мы пришли сюда совсем не ради слов, - упорствовал Скадди. - Что в них интересного, в этих разговорах? Нужно тратить время с пользой.

- Да, конечно, - согласилась леди Бакстел и повела их в дальний конец гостиной к буфету, буквально ломившемуся от обилия бутылок с вином и закусок. Она налила всем по бокалу искрящегося шампанского. - За ваш приятный вечер, господа, - сказала она с хорошо отрешенной веселостью и направилась к девушке, которую, как она уже сообщила, звали

Лили.

Сэр Гарри наклонился к Хэтти и шепнул ей на ухо:

- Вот видите, я же не зря говорил вам, что этот дом только для фешенебельной публики. Посмотрите вон туда. Это лорд Элвани - тот, что у камина, а чуть подальше - сэр Джон Уолтертон.

- Да, да, вижу, - перебила она его. - А вон тот джентльмен, который уже изрядно навеселе, если не ошибаюсь, лорд Дарси Пендлтон. Черт побери, кого я вижу?! Это же сэр Уильям Файли. Сочувствую несчастной девушке. Не повезло ей - невелико удовольствие выполнять его прихоти.

Хэтти презирала и ненавидела сэра Уильяма Файли за его пошлые повадки, коварство и жестокость. К этим чувствам примешивалась еще и большая доля страха, и она понимала, откуда появился этот страх. Несколько месяцев назад в «Уайтсе» сей джентльмен насмешливо заметил, что у молодого лорда необычно гладкие щеки. После его гадкой реплики ей пришлось призвать на помощь всю свою смекалку, чтобы должным образом обставить свой уход из клуба, не вызвав ни у кого сомнений в том, что лорд Гарри отправляется вместе с сэром Гарри и Скадди в одно место для «сугубо мужских» развлечений. После этого случая она старалась любой ценой избегать общества сэра Уильяма Файли, опасаясь, что он может разгадать ее тайну. Когда же по дороге в «Друри-Лейн» Скадди рассказал ей и Гарри знаменитую историю с пари, в котором участвовал и этот человек, она окончательно и бесповоротно возненавидела его.

- Лорд Гарри, ради Бога, перестаньте пялить глаза на сэра Уильяма, - одернул ее сэр Гарри. - Не вздумайте трогать его. Только последнему идиоту это может прийти в голову. Он очень опасный человек.

- Вы правы, Гарри. Я и не думаю трогать его. Это он меня трогает.

Хэтти снова вспомнила о своем щекотливом положении. Она отдавала себе отчет в том, что не может вести себя так, как лицо мужского пола. У всех джентльменов, посещавших это заведение, была одна и та же цель. Они приходили сюда только для того, чтобы дать выход примитивному инстинкту - удовлетворить свое чисто плотское желание. С девочками леди Бакстел это можно было сделать легко и просто.

Она видела, как изнывала от скуки миниатюрная Лили, оказавшаяся в обществе потерявшего дар речи Скадди. Потом ее глаза снова наткнулись на сэра Уильяма Файли, сидевшего возле какой-то девушки с волосами цвета воронова крыла. Рука джентльмена покоилась на ее полной груди. Слово почувствовав, что за ним наблюдают, он вдруг резко повернулся и увидел Хэтти. Его глаза смотрели на нее поверх ободка рюмки. Под этим пристальным взглядом она ощущала себя так, словно ее раздели догола и выставили на всеобщее обозрение. Сэр Уильям лениво приподнял рюмку в насмешливом приветствии. Хэтти, чувствуя, что бледнеет, поспешно кивнула ему и тут же оглянулась на сэра Гарри. Увидев, что сэр Гарри больше не обращает на нее ни малейшего внимания, она испытала одновременно и страх и облегчение.

- Я должен покинуть вас, старина, - бросил сэр Гарри через плечо, направляясь к высокой блондинке, чертами лица удивительно похожей на него самого.

Когда она очутилась одна, ноги у нее будто приросли к полу. Она понимала, что не должна оставаться в стороне, что по обстоятельствам должна вести себя активно - по крайней мере проявить интерес к одной из девушек. Она посмотрела на сэра Джона Уолтертона, который

через всю гостиную вел свою раскрасневшуюся хихикающую девицу к широкой витой лестнице, начинавшейся прямо возле двери. Хэтти окончательно растерялась – сам дьявол сломал бы голову в ее положении.

В конце концов она заставила себя присмотреться к девушкам, пока еще не получившим приглашений от джентльменов. Пробежав глазами по этим одиноким обитательницам гостиной, она не сразу заметила рыжеволосую девушку, наполовину спрятавшуюся за красной бархатной шторой. Даже с другого конца комнаты можно было видеть, что внутри этого хрупкого создания скрывались неуверенность и страх. «Может быть, она новенькая?» – подумала Хэтти.

Она не спеша направилась к девушке, задержавшись на миг возле лакея с подносом, чтобы взять с собой два бокала с шампанским. Приближаясь к ней, она поняла, что девушка заметила ее: было видно, как она вздрогнула и виновато поежилась. «Боже мой, – возмутилась в душе Хэтти, вплотную подойдя к ней, – она еще моложе, чем я». Девушке на вид было не больше шестнадцати.

- Добрый вечер. Меня зовут лорд Монтейт, – услышала Хэтти собственный спокойный и уверенный голос. – Не желаете ли выпить вместе со мной бокал шампанского?

- С удовольствием, – поспешно ответила девушка. Даже чересчур поспешно, как отметила Хэтти, протягивая ей бокал.

Тут она увидела, что глаза девушки смотрят куда-то мимо. Она слегка повернула голову и обнаружила леди Бакстел, не спускавшую с них своих зорких и узких, как две щелочки, глаз. Хэтти чуть подалась в сторону, чтобы загородить собой девушку.

- Как вас зовут?

- Маврин, милорд.

- Мне кажется, что вы слишком молоды для такого заведения, Маврин.

- Что вы, милорд! Это только так кажется. Надеюсь, вы не хотите таким образом отказаться от меня? Милорд, я исполню любое ваше желание.

На мгновение Хэтти оторопела, не зная, что сказать. Она увидела, как у Маврин слегка дрожала рука, отчего шампанское грозило выплеснуться из бокала.

И тут в голове у нее мелькнула догадка – тонкий лучик надежды на спасение. Внимательно оглядев бледное личико девушки, она догадалась, что та еще довольно неопытна в своем ремесле. Хэтти была почти уверена в этом. Во всяком случае, она молила Бога, чтобы так оно и было, ибо от правильности этого предположения зависело исполнение всех ее планов.

Маврин невольно вздрогнула, почувствовав прикосновение его светлости к своей обнаженной руке.

- Пожалуйста, простите меня, милорд. Может, вам лучше присесть?

Когда Хэтти расположилась рядом с Маврин, она вдруг мысленно представила себя в ее роли. Она с горечью думала о положении, в котором оказалась бедная девушка, вынужденная зарабатывать на жизнь, услаждая богатых бездельников. Перед глазами у нее поплыли отвратительные картины. Однако сейчас останавливаться на мыслях о подобной

несправедливости было бы непозволительной роскошью. Поэтому Хэтти резко повернулась к ней и с напускной строгостью в голосе сказала:

- Не лгите, Маврин. Я уверен, что вам не больше шестнадцати. Лучше скажите мне правду.

Девушка подскочила на месте. Это было для нее полной неожиданностью. Обычно джентльменов меньше всего интересовал ее возраст. Вопросы молодого человека застали ее врасплох. Она пыталась разгадать его тайные мысли и намерения, но отсутствие опыта мешало ей найти в его словах хоть какую-то зацепку. Сознавая безвыходность своего положения, она нерешительно сказала:

- Милорд, я говорю вам правду. Мне недавно исполнилось шестнадцать лет. Три месяца назад. - Видя, как сжались челюсти молодого лорда, она изо всех сил старалась не оттолкнуть его от себя. - Хотя я и молода, милорд, вы не должны ни в чем сомневаться. Я смогу выполнить все, чего бы вы ни пожелали.

К своему удивлению, она увидела выражение печали, появившееся на лице джентльмена. Это встревожило и смутило ее одновременно.

- Давно ли вы в этом заведении, Маврин?

- Две недели, милорд. Но я сделаю все, что вы захотите. Стоит вам только сказать. Я очень старательная. Это правда.

В этом Хэтти нисколько не сомневалась.

Где-то совсем близко раздался смех сэра Гарри. Он проплыл мимо них, вслед за Скадди, к той же самой лестнице. Все происходящее с трудом укладывалось в голове у Хэтти. Сейчас ее друзья отправятся наверх. Там они разойдутся по разным номерам, снимут с себя одежду и лягут в постель с женщинами, которых они не любят и даже не знают. Потом они заплатят этим женщинам за услуги. Это было выше ее понимания. Тем не менее сама она была уже на полпути к тому же самому.

- Я чем-то рассердила вас, милорд? - робко спросила Маврин.

Хэтти перевела глаза на нее и увидела, что она смотрит на леди Бакстел, разговаривающую с только что появившимся джентльменом.

- Нет, Маврин. Вы ничем не рассердили меня, - успокоила ее Хэтти, похлопав по руке. - Расскажите мне, как вы оказались здесь.

- Это случилось после смерти дяди Боба. Он был в корпусе Веллингтона и погиб под Ватерлоо, - скороговоркой сказала Маврин и тут же спохватилась: - О Боже, что я говорю! Я не должна ничего рассказывать о себе. Ой, что скажет достойная леди Бакстел, если узнает об этом? Представляю, как она будет разгневана.

- Маврин, я полагаю, что лорд Гарри получит от тебя все, чего он желает.

Хэтти резко повернулась на голос леди Бакстел, незаметно появившейся сбоку. Дама вежливо наклонилась к ней, явно рассчитывая услышать подтверждение своим словам. Хэтти посмотрела ей прямо в глаза и сказала невозмутимым, с оттенком высокомерия голосом:

- Я только что говорил Маврин, что здесь душно. И мне не нравится весь этот шум, так же как и запах дешевых духов. С вашего позволения, мэм, мы покинем вас. Я хочу подняться наверх с Маврин.

Хэтти быстро встала и, демонстративно повернувшись спиной к леди Бакстел, помогла подняться Маврин.

Леди Бакстел с удовольствием вlepила бы пощечину наглому щенку, но была вынуждена сдержаться. В интересах заведения она не могла позволить себе оскорбить знатного гостя. Провожая глазами парочку, медленно поднимающуюся по лестнице, она пыталась подавить в себе новую вспышку злости. Будучи неглупой женщиной, она хотела уяснить причины, побуждавшие юного лорда с нескрываемым отвращением относиться к ее знаменитому заведению.

Она посмотрела на часы и не без раздражения отметила, что было уже около часа ночи. Многие из джентльменов, пришедших сюда в поисках улады, все еще тянули время. Вероятно, им вполне хватало того, что они могли получить от ее девочек здесь, в гостиной, где они могли к тому же ведрами лить в глотку ее шампанское.

- Вы чем-то расстроены? Что с вами, дорогая Анжелика? При виде сэра Уильяма Файли леди Бакстел моментально изобразила угодливую улыбку. Этот джентльмен, хотя и обращался к ней в свойственной ему несколько фамильярной манере, был всегда любезен. Но несмотря на это, она боялась его, зная, что внутри его прячется страшная жестокость. Правда, его жестокость до сих пор никогда не была направлена на нее.

- Все замечательно, милорд. Просто складывается впечатление, что сегодня джентльменов больше устраивает выпивка, нежели удовольствия, которые им могут доставить мои девочки.

Леди Бакстел не стала вдаваться в подробности.

Сэр Уильям мягко рассмеялся. Звуки его голоса вызвали у нее дрожь.

- Не стоит волноваться, Анжелика. Сейчас я займусь этими джентльменами. Я их быстро разведу по номерам.

Он отвесил ей насмешливый поклон и направился к засидевшимся джентльменам. Потом уже на ходу решил выразить ей благодарность за прошлые услуги:

- А за француженку вам большое спасибо. Эта Мари просто прелесть. Лакомый кусочек, ничего не скажешь. Угодили вы мне, милочка. Такая молоденькая и совсем неискушенная. Была, разумеется. Сейчас уже нет, после моих уроков. О, это было неземное наслаждение. Поздравляю вас, Анжелика. Вы умеете добывать именно то, что нужно джентльмену.

Стоило сэру Уильяму отвернуться, как леди Бакстел воздела глаза к небу: какое счастье, что недалекая и вечно ноющая Мари хорошо усвоила его уроки. Конечно, часть ее успеха она приписала себе, вспомнив, как не жалела времени на то, чтобы бранить и запугивать девушку, когда та начинала протестовать против его требований. Но игра стоила свеч. Чего-чего, а денег он не жалел, если девушке удавалось угодить ему. Она задумчиво смотрела вслед удаляющемуся джентльмену.

На вид сэру Уильяму было не больше сорока. Если бы не глумливая усмешка, явно портившая полные плотоядные губы, его можно было бы назвать даже красивым. Он выгодно отличался от многих джентльменов своей подтянутостью и неплохо выглядел в облегающих панталонах из

плотного трикотажа. И фрак сидел на нем ладно; по-видимому, портному не нужно было использовать вату и рогожку.

О его семейной жизни ходило много слухов. Говорили, что лет в тридцать пять он уже похоронил двух жен. Вспомнив об этом, леди Бакстел с сочувствием подумала о тех несчастных леди, которых, однако, никогда не видела в глаза. Вероятно, им просто повезло, что они так рано отправились в мир иной. Судя по тому, что рассказывали о нем ее девушки, провести с ним ночь в постели отнюдь не было удовольствием. Поэтому она без труда представила, как в свое время те две невинные и, должно быть, щепетильные и жеманные молодые леди встретили его домогательства. Впрочем, подумала она, какое ей дело до его прошлого? Но что ее все-таки занимало, так это последняя новость о том, что сэр Уильям подумывает об очередной женитьбе, по всей видимости, очень выгодной.

Леди Бакстел пожала плечами и взяла бокал с шампанским у проходившего мимо лакея.

Тем временем Хэтти буквально по пятам следовала за Маврин, стараясь как можно правдоподобнее изображать мужское нетерпение. Наконец они миновали длинный, усталый толстой ковровой дорожкой коридор. Маврин подвела ее к одной из закрытых дверей и встала у порога. Хэтти толкнула кольцо и ввела девушку в небольшую комнату с мебелью, обитой синим плюшем, с аляповатыми картинами на стенах. На картинах были изображены исключительно сцены совокупления. Глядя на обилие голых тел и невообразимые позы, малоискушенный человек мог впасть в глубокое замешательство. Особенно непристойно и карикатурно выглядели мужчины. Они были похожи на пещерных людей – с волосатыми телами, неестественно вздутыми мышцами и устрашающе торчащими гениталиями.

Хэтти посмотрела на стоявшую в центре кровать с пологом на четырех столбиках, и у нее ёкнуло сердце. Неожиданно Маврин положила ей руки на плечи и прильнула к ней всем телом. Хэтти отпрянула. Это было сделано невольно. Она испугалась такого начала, так как не надеялась, что даже под очень туго стянутой женской рубашкой ее грудь станет совершенно плоской. Оцепеневшее лицо девушки выражало испуг. Хэтти решила, что ей следует срочно что-то предпринять, чтобы Маврин не подумала о том, что лорд Монтейт не ценит ее женского обаяния. Поэтому она взяла руки девушки в свои и поднесла их к губам. Она принялась медленно, один за другим, целовать ее тонкие белые пальцы.

- Вы очаровательны, Маврин, - сказала она и заставила себя посмотреть сначала на слегка покатые плечи, а затем на полную грудь девушки. Она обратила внимание на ее красивую узкую талию. «Несомненное достоинство», - мимоходом отметила она.

- О, благодарю вас, милорд, - сказала жалким полупшепотом трепещущая от страха Маврин. Она с облегчением вздохнула, не решаясь думать о том, что было бы с ней, не угоди она лорду Монтейту. - Вы хотите, чтобы я теперь сняла платье?

Хэтти сделала вид, что обдумывает ее вопрос. Меньше всего на свете ей хотелось в тот момент иметь перед глазами раздетую донага девушку, и она попыталась представить себе, что при таких обстоятельствах мог сказать и сделать мужчина. Поскольку в отношении поведения сильного пола у нее не возникло ни малейших сомнений, пришлось срочно выкручиваться.

- Нет, не сейчас, Маврин, - сказала она нарочито небрежным тоном. - Я думаю, с этим можно немного повременить. Сейчас мне хотелось бы немного больше узнать о вас. Скажите, почему вы так боитесь леди Бакстел?

В голове у Маврин мелькнула догадка, от которой ее обуял дикий страх. «Лорд Монтейт не

клиент леди Бакстел, – подумала она. – Должно быть, он ее осведомитель».

– Что вы, милорд! Я совсем не боюсь ее. Она очень добрая хозяйка. И так благородно поступила со мной. Если бы не она, я бы умерла с голоду на улице.

– Сомневаюсь. Она просто запугала вас. Но вам не следует бояться меня. Доверьтесь мне.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, милорд, – уверяла девушка. Заметив, как сузились и засверкали гневом синие глаза лорда Монтейта, она поспешила переменить разговор: – Простите мне мою недогадливость, милорд. Позвольте мне снять с вас одежду. Теперь я знаю, что вы хотите. Вы, должно быть, предпочитаете, чтобы не вы сами, а я... то есть чтобы вас... ласкали? Скажите, вам так больше нравится? Или, если хотите, я могу...

– Довольно, – отрезала Хэтти. – Я не этого хочу от вас. Можете вы рассказать мне, как все это произошло? Она что, подобрала вас как уличную девку?

– Клянусь Богом, нет. Верно только то, что она нашла меня на улице. Но тогда я была невинной, милорд. Я попала сюда не по доброй воле. Когда пришло известие о гибели дяди Боба, в наш шляпный магазинчик нагрянули кредиторы. Они забрали у меня все деньги и вышвырнули на улицу. У меня не было больше никого из родственников, и я не знала, что мне делать дальше. Поэтому я оказалась здесь... Леди Бакстел сказала, что мне повезло. Она обещала оставить меня для одного очень порядочного лорда, который должен был лишить меня девственности. Им оказался сэр Уильям Файли.

Девушка беспомощно посмотрела на лорда Монтейта.

– Это ужасный человек, – сказала Хэтти.

– То, что он вытворял надо мной, просто отвратительно. Он намного хуже других. Среди джентльменов иногда бывают такие, которые чересчур ласковы. Некоторые мужчины гладили меня, когда получали удовольствие, словно я была их комнатной собачкой или чем-то в этом роде.

Слезы пеленой застилали ей глаза, но она была не в состоянии остановить их. Она была уверена, что теперь уж точно попадет в немилость к леди Бакстел. Когда ее хозяйке доложат об этих недостойных откровениях, та немедленно выставит ее из своего заведения. И она снова останется одна как перст. Как и прежде, придется скитаться по улицам и голодать.

Она резко вырвала руку у лорда и закрыла лицо. Потом опустилась на колени и зарыдала:

– Я не хочу на улицу. Не хочу умирать с голоду. Не хочу. Я еще слишком молода.

Хэтти в растерянности смотрела на девушку, валяющуюся у нее в ногах. Внезапно в ней проснулось бешенство. Это слабое, беззащитное существо, почти ребенок, было вынуждено торговать собой, чтобы выжить. Какая чудовищная несправедливость!

Словно под влиянием какого-то мощного внутреннего толчка она внезапно оживилась.

– Встаньте, Маврин. Довольно слез. У нас с вами есть дела поважнее, – сказала она, вынимая носовой платок из кармана жилета. – Вытрите слезы. Я полагаю, что нам с вами предстоит длинный разговор.

- Вы не станете рассказывать обо мне леди Бакстел? Вы не скажете ей, что я обманула ваши желания?

- Нет, Маврин, нет, - успокоила ее Хэтти. - Разумеется, не скажу, потому что собираюсь спасти вас.

Глава 7

В темном ночном небе уже обозначились серые полосы приближающегося рассвета, когда Потсон наконец встретил Хэтти. Он провел ее в дом через черный ход и с рук на руки передал Милли. Он попытался было пожурить свою госпожу, но, видя ее глаза, горящие гневом, тотчас прикусил язык.

Узнав о ее новых планах, он вздохнул и только покачал головой. Ничего не поделаешь, теперь ему предстояло отправляться обратно, с Гросвенор-сквер, из городского дома сэра Арчибальда, на Томпсон-стрит. Последний подвиг мисс Хэтти, как бы она ни подшучивала над его любимым выражением, должно быть, еще больше, чем в прошлый раз, прибавил ему седины. Кто бы мог вообразить, что молоденькая, порядочная, хорошо воспитанная барышня окажется в борделе? Он нагнул голову, ежась под завывающим февральским ветром. Ноги у него дрожали. Сказывалась усталость минувшей долгой ночи, которую он провел на улице в ожидании мисс Хэтти. Интересно, что скажет Милли, узнав об этом сюрпризе их госпожи?

Между тем горничная вела себя так, будто этой ночью не произошло ничего необычного.

- У вас очень мало времени. Идите спать, мисс Хэтти, - сказала она как ни в чем не бывало. - Сами знаете, сэр Арчибальд и его расписание - святое дело. Я разбуду вас перед ленчем.

Не успела Милли тихо закрыть за собой дверь спальни, как Хэтти уже заснула.

К удивлению и радости горничной, наступивший день принес с собой потрясающую новость. Около одиннадцати часов сэр Арчибальд уведомил экономку, что договорился о встрече с мистером Мортимером Мелбери и проведет ленч вместе с ним. Та, в свою очередь, сообщила об этом Милли.

Такое неслыханное отступление сэра Арчибальда от собственного незыблемого распорядка произвело ошеломляющее впечатление на всю прислугу в доме.

- Как же так, миссис Миллер? Ведь вы можете заблаговременно узнавать о планах сэра Арчибальда! - воскликнул Гримпстон, всплеснув руками.

- Вот уж чего никогда не делаю и делать не собираюсь, - невозмутимо ответила экономка, усевшись на кухне вместе с Милли выпить чашку горячего чая.

- Лично мне, конечно, грех жаловаться на хозяина, - сказала Милли, - но вообще-то жаль, что сэр Арчибальд не удосужился сообщить об этом мисс Хэтти. Я так считаю, Флоренс, если бы хозяин уделял ей, своей плоти и крови, такое же внимание, как этим проклятым тори, может быть, тогда она не моталась бы взад-вперед как неприкаянная.

К счастью, миссис Миллер было не до того, и посему она не обратила внимания на то, что горничная проговорила. Действительно, по глазам экономки было видно, что ее гораздо больше волнуют больные суставы. Милли взглянула на кухонные часы и улыбнулась: как хорошо, что мисс Хэтти - бедная овечка! - может поспать подольше.

Пробудившись, Хэтти впала в панику, оттого что было уже далеко за полдень. Взгляд ее тотчас метнулся к стоявшим на камине бронзовым часам. Стрелки показывали половину третьего. Куда же запропастилась Милли? В одно мгновение Хэтти выскочила из теплой постели и нетерпеливо задергала шнур колокольчика.

Через несколько минут в дверях уже стояла Милли, с едва заметной доброй улыбкой, от которой ее впалые щеки становились чуть-чуть шире.

- Не надо волноваться, мисс Хэтти. Сегодня ленч отменяется. Сэр Арчибальд давно уехал из дома.

- Не может быть! Вы обманываете меня, Милли. Я знаю, вы просто пожалели меня и не стали будить. Говорите же скорее, что он сказал? Он сильно сердился?

- Ваш отец сообщил миссис Миллер, что отправляется к мистеру Мортимеру Мелбери и будет завтракать с ним. А вчера Гримпстон слышал, как сэр Арчибальд ворчал по поводу выборов и, как всегда, твердил, что «за этими вигами нужен глаз да глаз». Мне кажется, ваш отец не вернется к обеду.

Хэтти одернула ночную рубашку, которую в тот момент начала стаскивать с себя.

- Слава Богу, Милли. Может быть, из-за этих выборов отец не появится раньше полуночи. А там, глядишь, я разузнаю о его дальнейших планах. Завтра, за ленчем. Хотя вряд ли он будет отсутствовать два дня подряд. Такого еще не бывало. Если это произойдет, то, я уверена, в доме все будет перевернуто вверх дном.

- Нечего вам сейчас беспокоиться об этом. Забирайтесь обратно в постель. И отмените сегодня ваш ночной спектакль с переодеванием в джентльмена. А я пойду скажу повару, чтобы приготовил вам хороший завтрак.

После того как Милли тихо удалилась из спальни, Хэтти удобно устроилась под теплым одеялом, хотя спать больше не собиралась. Ей было над чем поломать голову. То, что она, молодая леди из обеспеченной и порядочной семьи, оказалась сейчас в столь запутанном положении, отчасти все еще казалось ей каким-то фантастическим сном. Она была безмерно благодарна судьбе за то, что ей удалось без осложнений появиться в обществе под именем лорда Монтейта. Но ей не давало покоя другое. Сколько еще таких девушек, как Маврин, вынуждены торговать собой из страха голодной смерти? Никто этого не знает. Точно так же и сама Хэтти не знала пока того, как она будет устраивать судьбу Маврин.

Хэтти поудобнее села в постели, подложив под голову взбитую подушку. Она обещала девушке, что найдет выход из положения, но при ее собственной неопытности в подобных вопросах было не так-то просто придумать что-либо более или менее подходящее. Пока же ее мысли вертелись вокруг гувернанток и горничных. Она сосредоточенно смотрела в потолок, сморщив лоб и поджимая губы, пока ей не пришла на ум Луиза. Тут она сразу воодушевилась, потому что вспомнила, как ее милейшая невестка постоянно жаловалась на жизнь. Сравнительно недавно в письме Луиза снова сообщала ей, что чувствует себя совершенно измотанной. Она писала, что Джон-младший буквально выжимает ее как лимон, прежде чем наступает очередь Джона-старшего, то есть ее мужа, заниматься с ребенком. Не она ли, Луиза, чуть ли не в каждой строке упоминала о желании взять в дом молоденькую служанку, чтобы та присматривала за малышом, а она сама могла бы немного отлежаться на диване? «Пожалуй, это неплохой выход», - подумала Хэтти, испытывая удовлетворение от найденного решения. Теперь она не могла отказать себе в небольшом удовольствии вернуться к воспоминаниям

минувшей ночи.

Перед глазами у нее одна за другой возникали еще не поблекшие картины. Вот она наблюдает за леди Бакстел. Она видит даму, стоящую посреди опустевшей гостиной, несомненно удовлетворенную тем, что ей удалось наконец избавиться от клиентов. Одни были спроважены с девушками наверх, других пришлось вежливо выставить из заведения.

Потом Хэтти вспомнила то, что произошло уже под утро. Было часа четыре, когда ей предстояло лицом к лицу столкнуться с ненавистным драконом в юбке. Она заново увидела себя как бы со стороны. Стремительным размашистым шагом, с сурово нахмуренными бровями она направляется к леди Бакстел. Та улыбается ей притворной улыбкой, видимо, еще не забыв о недавних насмешках и грубости лорда.

- А, лорд Монтейт, - пытается выдать из себя леди Бакстел. - Вы собираетесь так рано покинуть нас? Если не ошибаюсь, вы были с Маврин? Милая девочка, не правда ли? Все еще не утратила скромности, но знает свое дело. Такая...

Но Хэтти не дала ей договорить, постаравшись изобразить на лице презрение, на какое она только была способна:

- Да, к несчастью, пришлось провести ночь с ней. С этой маленькой занудой. Всю ночь слушал ее скулеж. Как же так вышло, уважаемая леди Бакстел? Ведь все в один голос, да и вы сами уверяли, что ни один джентльмен не уходит из вашего дома разочарованным. Весьма сожалею, но теперь мне придется сказать друзьям, что в вашем заведении обслуживание далеко не на высоте.

От волнения худощавое лицо леди Бакстел пошло красными пятнами. На секунду Хэтти и сама испугалась своих слов. Каково же было ее удивление, когда дама тут же обернула свою ярость против Маврин.

- Проститутка проклятая! Неблагодарная маленькая тварь! Я вытащила ее из водосточной канавы. Пожалела. Дала все, что только можно. И что взамен? Нужно было слушать сэра Уильяма. Он мне сразу сказал, что от этой потаскушки не дождешься ничего, кроме неприятностей. Я вышвырну ее на улицу под зад коленом. Пусть убирается туда, где была. Сучка костлявая!

- Она только этого и заслуживает, - сказала Хэтти, - я рад, что вы согласны со мной.

Видимо, осознав, что неожиданно сбросила маску благопристойности и показала свое настоящее нутро, леди Бакстел пришла в некоторое замешательство. Однако, снова переведя глаза на лорда Монтейта, заговорила угодливо-заискивающим тоном:

- Милорд, уверяю вас, вы не будете в убытке. Вот увидите, вам будет возмещен ущерб за этот неудачный вечер. Ведь вы любите рыжеволосых, не правда ли? Вы получите другую девушку и наслаждайтесь ею в свое удовольствие. Только на этот раз я подберу вам такую, которая знает свое место в этом доме. Надеюсь, милорд, вам достаточно моих заверений в компенсации? И мне кажется, нет необходимости оповещать ваших друзей об этом маленьком недоразумении.

- Другую рыжую девушку, говорите? И вы уверены, что она будет мне по вкусу?

- О да, милорд.

Хэтти небрежно щелкнула пальцами.

- Прекрасно, мэм. Я ничего не расскажу друзьям, если вы обещаете мне сегодня же выгнать отсюда это убожество, это жалкое подобие женщины. Я не желаю, чтобы кто-то из моих друзей оказался с ней в постели. Довольно ей ныть и пускать слюни. Лично мне для получения удовольствия необходимо разнообразие. Если я вас правильно понял, такого же мнения придерживается сэр Уильям?

Взглянув на леди Бакстел, Хэтти поняла, что заключительная фраза попала в самую точку без промаха. Дама не сводила с нее заблестевших глаз.

- О да, милорд. Я вас понимаю. Все будет так, как вы пожелаете, милорд.

Поблагодарив ее чуть заметным кивком, Хэтти сделала вид, что собирается удалиться, но вдруг остановилась.

- Ну хорошо, и когда же мы осуществим наши планы? - резким голосом сказала она. - Надеюсь, вы не будете тянуть до полудня? Полагаю, вам следует вышвырнуть эту дрянь, не дожидаясь трех часов. Мне было бы приятно видеть, как эта шлюшка окажется на улице, мадам. Не то чтобы я не доверял вам, но...

- Я сделаю это сию же минуту, милорд.

Леди Бакстел быстро вышла из комнаты, скрежеща зубами от злости и мысленно проклиная не в меру чопорного юнца.

Минутой позже она уже волокла по лестнице рыдающую Маврин, которую перед этим старательно натаскала Хэтти.

- Вот она, милорд, - кричала хозяйка борделя, вцепившись в руку девушки мертвой хваткой. - Сейчас ты получишь то, что заслужила. Неблагодарная маленькая шлюха! - С этими словами рассвирепевшая леди Бакстел вlepила девушке звонкую оплеуху. - А теперь, дрянь, вон из моего дома! Убирайся на улицу, тебе там самое место! Только не вздумай, моя милая, возвращаться сюда!

Хэтти, стиснув зубы, молча наблюдала за этой сценой. Она едва удержалась, чтобы не наброситься на мегеру, выталкивающую девушку за парадную дверь посреди холодной ночи.

С торжествующим видом леди Бакстел вернулась в гостиную.

- Ну вот, теперь я вижу, что вы в точности исполнили мое желание, - спокойно сказала Хэтти. - Я покидаю вас без каких бы то ни было недобрых чувств. Всего хорошего, мэм.

В порыве радости, навеянной приятными воспоминаниями, Хэтти сбросила одеяло и вскочила с постели. Она была вполне довольна собой. Настроение у нее было приподнятым. Она выложила на конторку пачку почтовой бумаги и, придвинув подсвечник с горящими свечами, взялась за перо. Теперь ей предстояло сочинить обстоятельное письмо Джону и Луизе. Нужно было уведомить их о том, что, на их счастье, нашелся человек, который мог бы присматривать за маленьким Джоном. Она должна была убедить их взять к себе молодую девушку, идеально подходящую для их избалованного чада.

Слова полились на бумагу как из рога изобилия. Прежде чем изложить суть дела, ей пришлось посвятить два листа душещипательному описанию судьбы Маврин. Разумеется, в этом письме

не было ни слова о кратковременном пребывании девушки в заведении леди Бакстел.

Покончив с письмом, Хэтти встала и потянулась. По ее расчетам, на следующее утро преданный и безотказный Потсон должен был отправить девушку вместе с рекомендательным письмом в Лондон. Она не сомневалась в успехе этого предприятия, уповая на то, что Потсон случайно ничего не перепутает и не проговорится; Маврин должна считать, что ее спаситель – лорд Монтейт, а мисс Генриетта Ролланд – просто некая добродетельная особа, пожелавшая помочь ей начать новую жизнь.

Тем временем Потсон наконец уложил переволновавшуюся Маврин в постель лорда Гарри и пожелал ей спокойной ночи. Теперь он уже воспринимал ее более дружелюбно, нежели утром. Когда он увидел ее в первый раз, то по ее размалеванному виду решил, что она в точности соответствует своей профессии – ни дать ни взять маленькая потаскушка. Но после того как они вместе походили несколько часов по лавкам, он с удивлением отметил, что девушка преобразилась. В своем новом скромном платье из серого с голубым отливом муслина она, хотя и робела, но с видом, полным достоинства, степенно шествовала рядом с ним. Ее огненно-красные волосы были собраны в аккуратный узел на шее. Юное личико, отмытое от румян и пудры, смотрелось совсем по-другому. Теперь Потсон был твердо убежден, что мисс Хэтти поступила весьма благородно. «Несчастливая крошка, – подумал он о Маврин, – конечно же, она заслуживает лучшей доли, чем быть публичной девкой».

Когда он перед уходом с отеческой заботой поправил на ней одеяло, она с тоской в голосе спросила:

– Мистер Потсон, я уже не увижусь с лордом Монтейтом?

– Нет, мисс. Он останется у своих друзей. Он не хочет стеснять вас своим присутствием.

Даже если Маврин нашла такое объяснение несколько странным, она не осмелилась сказать ему об этом.

– А вы не знаете, что будет дальше, мистер Потсон?

– Не беспокойтесь, милая. Выкиньте из головы все дурные мысли. Утро вечера мудренее. Утром лорд Гарри сообщит мне о своих планах.

Потсон уже получил указания от мисс Хэтти: с утра быть у нее на Гросвенор-сквер.

На следующий день он сидел напротив нее в небольшой комнате для слуг и слушал ее планы о будущем Маврин. И чем дольше он слушал свою госпожу, тем больше проникался уважением к ней, а под конец вообще был готов хлопать в ладоши. Человек одной крови с мастером Дэмианом, несомненно, не мог отнестись иначе к несчастной девушке, решил он. В то же утро с легким сердцем он усадил Маврин в почтовую карету. На его обветренном лице сияла широкая улыбка.

– Будьте внимательны, милая. Не потеряйте письмо к сэру Джону и леди Луизе. – Вслед за этими словами он взял ее руку и сунул в перчатку пять гиней. – Это вам от лорда Монтейта. Он просил передать вам, что деньги, хотя и не имеют ничего общего с достоинством человека, могут сослужить хорошую службу.

Она молча улыбнулась ему, чувствуя, как ком встал у нее в горле.

- Пожалуйста, передайте мою благодарность его светлости, Потсон. И скажите ему, что я никогда не забуду его доброты.

Упоминание имени лорда Монтейта вызвало у Потсона некоторое беспокойство. Он вспомнил о наказаниях мисс Хэтти и поспешил предостеречь девушку:

- Вы всегда должны держать в голове только мисс Генриетту Ролланд. Только это имя. Она единственная ваша благодетельница. Никогда не произносите имя лорда Монтейта. Вы поняли, как вам надлежит вести себя, мисс? Не забудете?

Маврин вздохнула и покачала головой:

- Нет, мистер Потсон. Не забуду.

По возвращении на Гросвенор-сквер еще до полудня Потсон, собиравшийся отчитаться перед мисс Хэтти, застал ее в весьма приподнятом настроении. Своим видом она напоминала кошку, налакавшуюся сливок.

- Все в порядке, Потсон?

- Да. Бедняжка так благодарна вам, мисс Хэтти. Сказала, что никогда не забудет вас.

- Вы имеете в виду - не забудет лорда Гарри?

- В ваших словах есть доля истины, госпожа. Если позволите, госпожа... Я бы попросил вас больше не посещать сих злчных мест.

- У молодого джентльмена, не имеющего любовницы, нет другого выхода. Но впредь вам не придется беспокоиться, Потсон. Мы с вами не только выкрутились из трудного положения, но и сумели извлечь кое-какую выгоду. Надеюсь, мой следующий план избавит меня от необходимости посещать подобные заведения.

Хотя Потсону было страшновато задавать ей вопросы, он все же не удержался:

- Какой план?

- Сегодня, чуть позже, я увижусь с сэром Гарри и мистером Скаддимором. Я уже наперед знаю, что произойдет во время этой встречи. Сначала мне придется запастись терпением и выслушать подробный отчет о том, как они провели время у леди Бакстел. Потом они захотят узнать о моих похождениях. Тогда я скажу им, что Маврин оказалась тем, что мне требовалось, и поэтому я беру ее себе в любовницы. По-моему, лучшего просто не придумаешь. Очень хорошо для моей репутации.

Потсон взвыл от ее плана. Но Хэтти невозмутимо продолжала свой рассказ:

- Я не скажу им, где она будет находиться. Такая таинственность еще выше поднимет меня в их глазах. В глазах общества я буду выглядеть еще лучше - этаким современным молодой человек, не скованный никакими условностями.

На этот раз Потсон взвыл громче.

- Кого бы вы думали, Потсон, я встретила у леди Бакстел? Я встретила там сэра Уильяма Файли. Вот уж действительно гнусный тип. От одного того, что мне рассказала о нем Маврин, у меня кровь чуть было не застыла в жилах. Не могу поверить, что он всерьез собирался

жениться на Элизабет Спрингвилл. Я скорее могу представить себе, что лорд Оберлон, приняв такое решение, имел по крайней мере благородные намерения. О намерениях Дэмиана я не говорю – здесь вообще не должно быть никаких сомнений.

Внезапно она встала и заторопилась.

– Ну хорошо, Потсон. Меня ждут другие дела. Так... сначала ленч с сэром Арчибальдом... Это ненадолго. Днем... сэр Гарри и мистер Скаддимор. Тоже ничего особенного. Затем... вечером Блер-хаус. Это будет солидное сборище. Интересно, появится ли там лорд Оберлон? Трудно сказать. Боюсь загадывать. Этот проклятый человек, словно заколдованный, постоянно ускользает от меня.

Глава 8

Джейсон Чарлз Кэвендер, маркиз де Оберлон сидел в библиотеке «Уайтса». Он удобно расположился напротив камина, протянув поближе к огню длинные ноги в брюках со штрипками, и погрузился в чтение газет. В статье описывалась история одного недавнего убийства в Хаунслоу-Хите, довольно запутанная история со множеством неприятных подробностей.

Внезапно маркиз отвлекся от чтения и теперь просто смотрел на огонь, время от времени помешивая кочергой тлеющие угли и наблюдая за тем, как языки пламени вновь охватывают их. Мысли его были мрачны, потому что не менее мрачным ему представлялся и окружающий его мир. Целый год этот мир продолжал оставаться для него полным ненависти и затаенной злобы, а также собственных страданий. Сейчас, находясь здесь, в «Уайтсе», в полнейшей праздности и не испытывая потребности в какой-либо деятельности, он чувствовал себя относительно спокойно, если не считать время от времени докучавших своими услугами лакеев. Он поймал себя на мысли, что становится нудным меланхоликом, и тут же подумал, что никто и никогда не должен допускать этого. Во всяком случае, это была лишь его собственная оценка. Он считал, что нужно снова вступить в схватку с жизнью и дать хорошую встряску тому человеку, в которого он превратился шестнадцать месяцев назад, в ту роковую ночь. Маркиз задумчиво посмотрел на огонь в камине и вздохнул. Как это ни было досадно, но он начинал получать удовольствие от своей меланхолии, чего тоже, по его мнению, нельзя было допускать.

Услышав прозвучавшее где-то совсем близко «та», он обернулся и увидел рядом с собой лорда Мелбери, которого обычно называл дядей Мортимером. От удивления он даже онемел. Насколько он помнил, его степенный дядюшка, убежденный тори, не переступал порога «Уайтса» уже несколько лет подряд.

Маркиз уронил газету на стоявший сбоку полированный столик из красного дерева и наградил лорда Мелбери обаятельной улыбкой. Хотя он считал, что пожилой джентльмен начисто лишен всякой душевности, все же он испытывал привязанность к нему. Действительно, его дядюшка не вымолвил ни единого слова сочувствия ни на похоронах Элизабет, ни после. Только стоял рядом, немой как скала. Джейсон даже подозревал, что дядюшка мог и не знать толком, что произошло, потому что весь свой могучий умственный заряд расходовал только на политику. Кроме политики, как тогда, так и сейчас, для него, по-видимому, больше ничего не существовало. Как прежде молчал, так и сейчас.

Маркиз потряс лорду Мелбери руку в приветственной рукопожатии, однако обнять его за худые плечи не решился. От этой встречи настроение у маркиза улучшилось. Он придирчиво осмотрел свои ногти и со скучающим видом, в нарочито вялой манере, лениво растягивая

слова, чего, кстати, терпеть не мог его дядя, протянул:

- Уж не собираетесь ли вы сообщить мне, дорогой дядюшка, что тори устраивают здесь свою встречу? Неужели вы решили собраться здесь? В клубе с такой легкомысленной публикой? Или у вас затруднения с количеством голосов?

Оказалось, что пронять дядюшку подобными шутками было не так-то просто.

- Я вижу, мой мальчик, в кои-то веки ты решил взять в руки газету. Но я не допускаю мысли о том, что статья имеет какое-то отношение к политике, - язвительно заметил дядюшка и, высвободив костлявую кисть из сильных рук племянника, пробормотал еще что-то неодобрительное по поводу его окружения. Потом, откинув полы черного фрака, уселся напротив племянника в одно из неповторимых уайтовских, обтянутых плюшем и кожей кресел. Поведение дядюшки вызвало у маркиза некоторое разочарование, но все-таки он не оставил своих намерений, сделав вид, что не придает особого значения его словам.

- Разумеется, дядя. Статья не имеет ни малейшего отношения к политике, - весело подтвердил маркиз. - С тех пор как Бонапарт больше не наступает англичанам на хвост, единственное, о чем можно узнать из газет, это сплетни о регенте.

Он посмотрел чуть насмешливо на своего дядю и в который раз задал себе вопрос, каким образом его замечательную, веселую и легкомысленную тетушку леди Коринну Мелбери угораздило выйти замуж за этого твердокаменного, прямолинейного джентльмена, буквально одержимого политикой.

Лорд Мелбери обвел глазами читальню. Хотя здесь было довольно пусто, он знал, что большинство членов клуба сосредоточены за массивной двустворчатой дверью, в ярко освещенном зале для карточной игры.

- А ты неплохо выглядишь, племянник, - изрек он, наконец, снова остановив глаза на маркизе. - Это отрадно. Перед отъездом в Италию у тебя был просто ужасный вид.

- Очень признателен вам, дядя. Приятно сознавать, что вы это заметили, хотя, честно говоря, я удивлен. Как видите, я возвращаюсь к старым привычкам. Но что же все-таки привело вас сюда? А, догадываюсь. Как говорят в таких случаях: «Если хочешь выследить лису, отправляйся к ее норе».

- Да, твой вид определенно не ухудшился за те месяцы, что ты пробыл в Италии, - продолжал лорд Мелбери, явно не торопясь клюнуть на наживку. К тому же он, видимо, был не вполне готов к плавному переходу на другую тему, которая, собственно, и должна была раскрыть цель его прихода. Возможно, он не желал, чтобы его слова обрушились как снег на голову ничего не подозревавшему племяннику. Поэтому он опять сказал: - Я полагаю, что палящее солнце и жара могли каким-то образом благоприятствовать твоему самочувствию.

- Как видишь, дядя, - согласился маркиз. - Надеюсь, тетя в полном здравии?

- А ты что, можешь припомнить такое время, когда твоя тетка чувствовала себя иначе? - сердито сказал лорд Мелбери и продолжил: - А вот я, серьезный человек, преданный стране до мозга костей, радеющий за будущее Англии, должен, черт подери, мучиться подагрой, в то время как твоя распрекрасная тетушка, которая никогда не сделала ничего путного и ничем не занималась, кроме развлечений, рождения детей и тому подобного, всегда выглядит так, что ее можно показывать на выставке как образец здоровья.

- Это все от Бога, дядя. Он один решает, каким здоровьем нас наградить. Так же как и ему одному ведомо, кому быть простым смертным, а кому – тори.

- Насмешничаешь, мой мальчик. Между прочим, это тебе не к лицу. Это больше подходит твоей тете, но не тебе.

- Не сердитесь, дядя. Могу же я иногда позволить себе немного позлословить. Так чем же я могу быть полезен вам?

Маркиз вспомнил о договоренности с графом Марчем и лордом Элвани. Они собирались устроить матч боксеров в одном из предместий Лондона и планировали сделать это так, чтобы в магистрате ничего не пронюхали. Правда, сам он еще твердо не решил, стоит ли ему отправляться на эту встречу, опасаясь, что их затея может оказаться пустой тратой времени.

Между тем дядя упорно молчал. Не вытерпев, Джейсон выразительно посмотрел на него, подняв одну бровь. Неужели дядюшка чем-то смущен? Это так не похоже на него.

- Я понимаю, как вы, должно быть, заняты в настоящее время, сэр. В нынешней-то обстановке, когда виги и тори поочередно всаживают друг другу кинжалы в спину, зачем вам понадобилось тратить время на розыски такого бездельника, как я? Право же, я не льщу себя большими надеждами, но я не понимаю...

- Все Кэвендеры одинаковы. Легкомыслие у вас в крови, – осадил его лорд Мелбери, правда, без большого запала. Вот уже несколько лет, как он перестал давить на своего племянника, видя, что все его доводы воспринимаются им с неизменным равнодушием или снисходительной улыбкой. Так он был вынужден признать свое поражение и больше уже никогда не уговаривал его вступить в ряды тори.

- Если тебе так уж не терпится, мой мальчик, то я пришел сюда только для того, чтобы выполнить поручение твоей тетки.

- О Боже! Что она надумала? Приглядела мне невесту? Хочет устроить смотрины с каким-нибудь косноязычным созданием?

- Вряд ли, Джейсон. Мне кажется, что еще не время. Со смерти твоей жены еще не прошло и года. – Сказав это, он тут же осознал, что не должен был говорить так прямо, потому что увидел непривычную горечь в темных глазах племянника. – Прости мне мою бестактность, Джейсон. Я не совсем тактичен. Но такие вещи, как у тебя, случаются со многими. Мужчина должен уметь справляться с ударами судьбы.

«В этом он прав», – подумал Джейсон, пристально глядя на своего дядю.

- Теперь послушай про свою тетушку, племянник, – продолжал лорд Мелбери. – Она поручила мне передать тебе, что настоятельно просит тебя навестить ее. Она жаждет видеть тебя на одном из своих вечеров.

- Что? Меня? Бедная тетя! Неужели ей нечем занять одно пустующее место за столом?

- Как знать. Во всяком случае, она долго выкручивала себе пальцы, пересчитывая гостей, пока вдруг не вспомнила, что ты уже дома. Я полагаю, у тебя сегодня нет других приглашений на вечер, Джейсон?

Именно в этот вечер маркиз собирался показать Мелисанде «Ковент-Гарден». Но в то же время

он с достаточным почтением относился к своей милой добродушной тетушке и хотел ее видеть. Любовница – одно, а любимая тетя – совсем другое. Поэтому он без колебаний сказал:

– Хорошо, дядя. Я буду счастлив повидаться с ней. В котором часу тетя желает лицезреть меня?

– Понятия не имею. Приходи в любое время... когда проголодаешься. Ну а теперь, мой милый, извини, я должен тебя оставить. На сегодня у меня намечено очень много дел.

Тон, каким были сказаны эти слова, не оставлял никаких сомнений, что дядюшка рассматривал выполнение этого поручения как невероятно большую потерю для своего драгоценного времени.

Джейсон встал и на прощание встряхнул тощую руку дядюшки. Едва заметная улыбка тронула его губы, когда он, глядя ему вслед, услышал, как тот пробурчал чопорное приветствие какому-то джентльмену, имевшему неосторожность вежливо поздороваться с ним.

– Это, должно быть, ваш дядя? Я не ошибся, ваша светлость? – спросил маркиза некий мистер Денби, подошедший к нему двумя секундами позже. – Могу поклясться, что политика не дает мужчине равным счетом ничего. Ей-богу, только создает неудобства. Посмотришь на этих джентльменов – они ходят так, будто им жутко тесны их панталоны.

Джейсон Кэвендер рассмеялся:

– Успокойтесь, Денби. Вам-то не все ли равно? Можно подумать, что это ваш родственник, а не мой. Впрочем, не так уж он смешон.

Сбегаая вниз по лестнице, маркиз подумал о турнире, на который ему не было суждено попасть. Он прикидывал в уме: сколько гиней он мог бы выиграть у лорда Элвани, если бы поставил на одного новичка.

В то время как маркиз размышлял о пари с лордом Элвани, Хэтти спешила в столовую, чтобы поприветствовать сэра Арчибальда. Она вошла с первыми ударами часов, возвещавшими о наступлении полудня.

Подойдя к отцу, она прикоснулась губами к его щеке и положила руку ему на плечо. Она не отнимала ее до тех пор, пока он с неохотой не оторвался от газеты и не взглянул на нее.

«До чего же он красив», – подумала она, любуясь его высоким гладким лбом, увенчанным благородными сединами. Такие лучистые голубые глаза, как у него, должны были, по ее представлениям, внушать людям доверие к нему и вселять уверенность в самих себя. То обстоятельство, что его взор обычно становился рассеянным, когда он пристально смотрел на нее, совершенно не волновало ее. Она подходила к этому философски: его невнимание к ней, без сомнения, было связано с тем, что она не имела ни малейшего отношения к его избирателям.

К ее удивлению, на этот раз она не увидела в глазах сэра Арчибальда знакомого выражения. В то же время в них не было и какой-либо озабоченности. Он отложил газету с явным намерением приступить к разговору. И действительно начал его, но издали и очень пространно.

– Хэтти, девочка моя, на этот раз нам удалось наконец взять за глотку этих проклятых вигов.

На двух выборах, в двух небольших городах – двух, можешь себе представить? – наши тори здорово потеснили их представителей. Что ты скажешь на это?

– Замечательная новость, папа, – сказала Хэтти, приготовившись услышать обстоятельный отчет о блестящей стратегии, разработанной консерваторами.

И снова сэр Арчибальд удивил ее. В его поведении ничего не говорило о его намерении сообщить ей подробности триумфа тори. Вместо этого он произнес:

– Садись же скорее, дитя мое. У меня намечено столько дел. И еще я должен тебе сказать... – Он помолчал и с таинственностью в голосе добавил: – У меня для тебя сюрприз!

Хэтти тотчас наострила уши. В жизни такого не бывало, чтобы он хоть раз приготовил ей какой-нибудь сюрприз. Не сомневаясь в том, что ей предстоит услышать от него нечто поразительное, и видя, что он уже забыл о своих словах, она с нетерпением спросила:

– Папа, какой сюрприз?

– Сюрприз? Ах да, милочка. Сегодня ты отправишься к леди Мелбери. Она приглашает тебя на музыкальный вечер. Впрочем, я уверен, там не будет ничего интересного. Ожидают какую-то итальянскую певичку. Говорят, необыкновенное сопрано. Воображаю, какой это будет пронзительный птичий крик. Лично я не ждал бы от этого вечера ничего, кроме головной боли. Но я подумал, что тебе может понравиться. Так что я позволил себе от твоего имени принять от леди Мелбери это приглашение.

Хэтти побледнела. Естественно, она понимала, что рано или поздно мисс Генриетте Ролланд придется совершить свой первый выход в лондонский свет. Но, будучи оптимисткой, надеялась, что это произойдет намного позднее, возможно, даже после того, как она расквитается с лордом Оберлоном. Однако если в обществе в одно и то же время появятся Генриетта Ролланд и лорд Монтейт, то, по-видимому, довольно скоро ни для кого не останется незамеченным, что между ними существует весьма большое сходство.

– Ты сказал «сегодня», папа?

Сэр Арчибальд, уловив оттенок смущения в голосе дочери, выразительно посмотрел на нее поверх тарелки с супом:

– Знаю, знаю, Генриетта. Знаю, что ты хочешь мне сказать. Я вижу, что ты все еще носишь траур по брату. Но я подумал, что ты не откажешься побывать на этом небольшом, без всяких претензий вечере. Я так и сказал леди Мелбери, что ты скромная девочка и не любишь больших и шумных сборищ. Потому-то я и принял ее приглашение. – Видя, что дочь не проронила ни слова, он продолжил строгим голосом: – Ты слишком много времени проводишь дома, Генриетта. Должно быть, это тебя ничуть не беспокоит. Но ты должна понимать, что такое поведение не подходит твоему положению. Сегодня вечером я сам отвезу тебя в дом Мелбери. Разумеется, я не смогу остаться там вместе с тобой, но это не имеет никакого значения. Леди Мелбери заверила меня, что будет опекать тебя и позаботится о твоём благополучном возвращении.

Таким образом, он решил, что выложил ей все аргументы, с которыми, по его мнению, она не могла не считаться. Удовлетворенный этим разговором, он вернулся к прерванному ленчу.

Хэтти со всей ясностью осознала безвыходность своего положения. Похоже, ей не оставалось

ничего другого, как не перечить отцу.

- Это очень любезно со стороны леди Мелбери, папа. Я буду рада побывать на ее вечеринке. Но только на этой вечеринке.

Правда, произнося эти слова, она сомневалась, что сэр Арчибальд вообще слушает ее. В этом она не ошиблась.

Теперь ей нужно было предупредить сэра Гарри и мистера Скаддимора, что она не сможет присоединиться к ним в Блер-хаусе. Для этого она воспользовалась помощью Милли. Вручив ей послание для своих друзей, она отправила ее к Потсону на Томпсон-стрит. Потом уселась в спальне перед камином. Подперев руками подбородок, она принялась обдумывать это неожиданно возникшее недоразумение. Оснований для волнения у нее было предостаточно. То, что ей предстояло отправиться не куда-нибудь, а в дом лорда Мелбери, близкого друга сэра Арчибальда и такого же сухаря, как он сам, в данном случае ничего не значило: ведь там собирались устраивать не политический митинг, а светский вечер. Следовательно, на нем, несомненно, могли оказаться те леди и джентльмены, с которыми она встречалась в других местах за минувшие четыре месяца.

От ощущения полной безнадежности Хэтти была готова завывать в голос, как вдруг она увидела Милли, указывавшую Доби, их привратнику, куда ставить два ведра с горячей водой для ванны. Через несколько минут она уже сидела в медной ванне и думала, думала, думала...

- Просто ума не приложу, что делать, - сказала она горничной, хлопотавшей вокруг нее с полотенцами. - Мне совсем нечего надеть. Из всех платьев я уже давно выросла.

Она перешагнула через край ванны и взяла от Милли полотенце.

- Сколько раз вы говорили мне, - попыталась вразумить ее Милли, - что лорд Гарри никогда не теряет спокойствия и хладнокровия, ни при каких обстоятельствах. Не понимаю, что мешает мисс Хэтти вести себя точно так же? - Она замолкла на минуту и внимательно посмотрела на голову своей госпожи, ее пышные белокурые волосы. - Вы же сами без конца подтрунивали над лордом Гарри, мисс Хэтти. Вы говорили, что он отвратительно одет, что у него препротивные напояженные волосы и все такое. Так чего же вы так волнуетесь теперь? Неужели вы боитесь, что знатные леди и джентльмены при виде вас не станут кричать в восторге: «Ах, до чего же она замечательная, эта мисс Генриетта Ролланд!»

Вечером того же дня, без нескольких минут восемь, успокоившаяся Хэтти последний раз взглянула на себя в зеркало и чуть громко не расхохоталась. Из зеркала на нее смотрело настоящее пугало. Ее замечательные светлые кудри были полностью закрыты глубоким, надвинутым на лоб, отделанным кружевом александрийским чепцом бледно-зеленого цвета. Можно было подумать, что под ним скрывается голова, на которой вообще отсутствуют волосы. На переносицу она посадила одолженные у повара очки. За их толстыми выпуклыми стеклами было почти невозможно разглядеть ее лучистых синих глаз. И это было еще не все. Чтобы убедить даже самого безразличного к моде человека в том, что мисс Ролланд не имеет о ней ни малейшего понятия и вообще лишена всяческого вкуса, она еще надела подходящее платье. Оно было подобрано в тон чепцу - такого же тошнотворного горохового оттенка, только чуть темнее. К достоинствам платья, несомненно, можно было отнести его длину. При такой длине туфли вовсе не нуждались в щетке.

Хэтти отвернулась от зеркала и сдвинула очки на нос.

- Тьфу-тьфу, со зрением и здоровьем у меня пока все в порядке. Так что, пожалуй, я их на

время спрячу. Надену, когда уедет сэр Арчибальд. Ну чем не замечательный вид? Вот увидите, Милли, не успеет начаться вечеринка, как меня провозгласят вожаком бабуинов.

Конечно, сэр Арчибальд никогда не опустился бы до вульгарного сравнения собственной дочери с представителем обезьяньего племени, и все же ему показалось несколько странным, что Генриетта надела этот огромный чепец: «Не рановато ли ей носить такие вещи?»

Но она с невозмутимым видом заявила, что такой чепец – крик моды в этом сезоне. И хотя ему было по-прежнему трудно согласиться с ней, ее самоуверенный тон отбил у него охоту заниматься этим вопросом.

– Хорошо, Генриетта, – сказал он, – это не имеет особого значения. Все равно ты будешь лучше всех молодых леди. Ах да, дитя мое, вот что мне сообщил лорд Мелбери. Тебе не придется слушать оглушительное сопрано, о котором я тебе говорил. Оказывается, они решили устроить обыкновенную вечеринку с картами. По-моему, это как раз для тебя. Поднатореешь в игре.

Если бы можно было шлепнуть его по уху за такие слова, Хэтти непременно сделала бы это. «О Боже, – подумала она, – новые заботы». Она предпочла бы лучше до бесконечности слушать самое оглушительное сопрано. Пение, во всяком случае, отвлекало бы внимание людей от нее.

Когда Джон, их грум, помогал ей устроиться в экипаже, она тихо бормотала какие-то заклинания, моля Всевышнего о том, чтобы вечер у леди Мелбери прошел в узком кругу. Она бы даже согласилась с тем, чтобы там собрались все политики до единого, лишь бы не было особо важных персон. Тогда по крайней мере ей не пришлось бы заниматься светской болтовней. Она тяжело вздохнула, понимая, что все будет, увы, совсем не так.

Тем временем экипаж остановился у городского особняка Мелбери, и Хэтти вылезла из коляски с видом молодой леди умирающей от нетерпения вкусить все прелести бала. Остановившись на ступеньках у парадной двери, она подождала, пока экипаж с сэром Арчибальдом не покатил дальше по мощенной булыжником улице. Затем осторожно вынула из ридикюля очки и приладила их на носу, в самом что ни на есть неподходящем месте.

Вздохнув поглубже и скосив глаза, она с силой стукнула кольцом на двери.

На стук почти тотчас вышел Хиггинс, дворецкий Мелбери, вышколенный человек с манерами лорда и пронизательными глазами. При виде столь невзрачной особы у него брезгливо дернулись ноздри, однако он не подал виду, и голос его прозвучал совершенно бесстрастно. Точно так и сам он внешне выглядел невозмутимо-равнодушным.

– Да, мэм. Я вас слушаю.

«Ну что же, для начала неплохо», – решила Хэтти, от которой не ускользнула промелькнувшая на его лице брезгливость. Если уж дворецкий оказался столь чувствительным, то, наверное, у нее есть неплохие возможности отпугнуть и всех остальных. Может быть, никто к ней и не подойдет за весь вечер? Дай Бог.

– Я мисс Генриетта Ролланд, – торжественно произнесла она, упиваясь своим гнусавым выговором, и улыбнулась ему во весь рот. Она представила, как омерзительно должен звучать ее голос для чужого уха, если она сама слышит его таким. Эта мысль доставила ей невероятное удовольствие.

После ее слов лицо Хиггинса заметно побледнело. Он вдруг осознал, что стоявшая перед ним

леди в платье горохового цвета – дочь сэра Арчибальда, самого уважаемого из всех знакомых сэра Мортимера и такого же рьяного, как и его хозяин, сторонника тори. Дворецкий был просто потрясен. Столь невзрачная наследница явно не украшала человека с такой политической карьерой, как у сэра Арчибальда. Неудивительно, что его светлость не устраивает приемов у себя на Гросвенор-сквер.

Глава 9

Леди Коринна Мелбери обвела глазами заставленную цветами гостиную. Лицо ее озарила довольная улыбка, какая бывает у женщины, ощущающей себя в роли радушной хозяйки. Сэр Мортимер вежливо удалился и увел вместе с собой большую часть своих политических единомышленников, таких же, как он сам, серьезных джентльменов в строгих костюмах. Те немногие из них, кто остался в гостиной, разбились на небольшие группки и скромно держались в стороне от весело щебетавших леди и светских щеголей.

Спустя несколько минут леди Мелбери еще раз оглядела присутствующих и, убедившись, что большинство гостей уже собралось, дала знак оркестру играть вальс. Живой ритм немецкой музыки обратил оставшуюся часть политиков в бегство.

Улыбка еще не успела сойти у хозяйки вечера с лица, как вдруг она заметила Хиггинса с виновато-извиняющейся гримасой на лице. Рядом с ним стояла высокая молодая леди в ужасающем наряде. Первое, что бросалось в глаза, это жалкий зеленый чепец и немислимые очки. «О Боже, – с содроганием подумала леди Мелбери, – кто бы это мог быть? Может быть, леди просто ошиблась адресом?» С деланно-непринужденной улыбкой она грациозно двинулась ей навстречу.

– Мисс Генриетта Ролланд, миледи, – представилась молодая леди.

«Господи! – снова воскликнула про себя леди Коринна. – Так это же дочь сэра Арчибальда». Взглянув во второй раз на Генриетту, она вдруг почувствовала, как в ней проснулся материнский инстинкт. Она вспомнила, что супруга сэра Арчибальда скончалась много лет назад, и участливо посмотрела на его несчастную дочь, как на заброшенного осиротевшего ребенка.

– Ах, Генриетта, моя дорогая девочка, как это мило с вашей стороны. Как хорошо, что вы пришли на этот вечер. Ну что же вы встали здесь, дитя мое? Пойдемте, я хочу представить вас моим друзьям. Ведь вы никого не знаете в Лондоне?

Прежде чем Хэтти успела сказать хотя бы два слова, леди Коринна схватила ее за руки и потащила за собой к кучке дам, стоявших поодаль вместе с кавалерами.

Хэтти была потрясена таким неожиданно теплым приемом.

– Нет, мэм. Что вы! – сказала она, собравшись с мыслями. – Я уже много месяцев в Лондоне. Просто я все еще ношу траур по моему брату.

– Да-да. Я понимаю. Какая ужасная трагедия.

Леди Коринна совсем забыла, что у сэра Арчибальда был еще красавец сын, сложивший голову под Ватерлоо. Выходит, бедная девочка все эти месяцы оставалась одна в четырех стенах, довольствуясь лишь обществом отца, и то, наверное, время от времени. В таком случае, немного ей перепадало для поднятия духа. Живо представив себе такое положение дел, леди Коринна с неприязнью подумала о сэре Арчибальде, похожем как две капли воды на сэра

Мортимера, у которого также отсутствовала родительская жилка. С грацией, ставшей ее почти органической чертой в результате постоянного вращения в свете, она подвела Хэтти к какой-то полной, величественной даме, оказавшейся одной из ее самых близких подруг.

- Эва, позвольте представить вам мисс Генриетту Ролланд, дочь сэра Арчибальда, как вы догадываетесь. Это ее первое появление в обществе, и наш долг оказать ей теплый прием. Я надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

Леди Эва Лэнгли, с виду добродушная женщина, не выказала какого бы то ни было удивления по поводу туалета Хэтти.

- Очень приятно, мисс Ролланд, - сказала она, тотчас повернувшись к ней с приветливой улыбкой. Похоже, ничего неестественного в ее внешности дама не усмотрела, разве что чепец вызвал у нее некоторое недоумение. Подобные головные уборы носили только вдовы и добровольно обрекавшие себя на одиночество старые девы. Те и другие таким образом как бы заявляли о своем статусе в обществе. - Надеюсь, вы не против познакомиться с моими дочерьми, Мод и Каролиной?

Хэтти никак не рассчитывала на такую любезность и поэтому растерялась. Она не знала, чем объяснить столь неожиданное радушие. Неужели ее представления о лондонском обществе ошибочны? Может быть, она и в самом деле глубоко заблуждалась на этот счет?

В это время одна из названных дамой молодых леди уже приближалась к ней. Завидев ее, Хэтти постаралась придать своему лицу бессмысленное выражение. Оказалось, что эту леди она уже видела раньше, в «Друри-Лейн». Она вспомнила, как та глупо улыбалась всем молодым джентльменам подряд и бросала на них недвусмысленные взгляды. Лорд Монтейт тоже пришелся ей по вкусу, когда имел неосторожность случайно задержаться глазами на ее ложе.

Мисс Мод, узколицая, с торчавшими ключицами молодая леди, проводившая в обществе свой второй сезон, весьма охотно откликнулась на просьбу матери. Она тотчас покинула младшую сестру, находившуюся в центре внимания группы молодых людей, видимо, полагая, что на фоне невзрачно одетой незнакомки сама она должна казаться просто ангелом небесным. Губы под ее длинным костлявым носом скривились в усмешке. Она была польщена таким вниманием к себе.

- Как замечательно. Еще один свежий человек в Лондоне. Скажите, мисс Ролланд, неужели это ваш первый сезон? - Смеющимися глазами она сначала посмотрела на зеленый чепец, потом перевела взгляд на допотопные очки.

Хэтти заставила себя подавить улыбку.

- Вы не ошиблись, мисс Лэнгли, - робко ответила она. - Я очень долго жила в поместье. - Если мисс Лэнгли очень хочется видеть в ней перезрелую барышню, то это просто замечательно.

Между тем леди Коринна заметила, что ее милейшая подруга, леди Эва, не следит должным образом за своей дочерью, которую, кстати, сама она считала препротивной девицей. Поэтому, желая положить конец бестактному поведению молодой леди, она кивком дала ей понять, что ее миссия закончена, и повела Хэтти к мисс Каролине Лэнгли.

Ее Хэтти также видела в «Друри-Лейн». При ближайшем рассмотрении младшая сестра Мод целиком подтверждала впечатление, произведенное ею на лорда Гарри. Мисс Каролина была просто красавицей. У нее были темные блестящие глаза, живо смотревшие из-под изящно

изогнутых черных бровей, и густые черные волосы, особенно модные в этом сезоне. Волосы ее спадали к плечам каскадом тугих локонов, схваченных скромной голубой ленточкой возле левого уха. Она была невысокого роста, с хорошей фигурой и развитой грудью, скромно прикрытой, несомненно по настоянию матери, изысканным брюссельским кружевом. Мисс Каролина старалась придать своему лицу капризное выражение. Если бы Хэтти могла, она бы сказала ей, что это портит молодую леди. Прекрасные глаза девушки неустанно сновали по гостиной, словно искали что-то. Или кого-то?

В действительности мисс Каролину не только раздражало, но и утомляло ее окружение. Она понимала, что появление человека, которого она жаждала увидеть, маловероятно. Все остальное ей было неинтересно. Приятное опьянение от успехов у молодых людей, устремившихся к ней при ее первом появлении в обществе, прошло уже через несколько недель. Конечно, она не хотела, чтобы сезон закончился для нее так же, как предыдущий для Мод. Ее сестрица уже второй год оставалась без кавалеров и была вынуждена довольствоваться стульчиком в дальнем углу. С другой стороны, думать о помолвке с любым из нынешних ухажеров, домогавшихся ее внимания, было до тошноты противно.

От подобной разборчивости дочери миссис Лэнгли делалось дурно. Тем не менее Каролина оставалась при своем мнении. Нет, ей совсем ни к чему эти коленопреклоненные желторотые юнцы с их нескладными стихами, воспевающими ее лебединую шею и тому подобное. Она мечтала о мужчине вполне самостоятельном и с жизненным опытом. Такой мужчина существовал не только в ее воображении, но и в жизни. При мысли о том, что он еще может появиться здесь, на щеках у нее вспыхнул нежный румянец.

Она подняла глаза и увидела леди Мелбери, которая вела к ней какое-то существо женского пола. Такого леди Каролина еще в жизни не видела. От столь неприятного и жалкого зрелища ее даже передернуло, однако она тотчас спряталась за вежливой улыбкой. В конце концов, нельзя же всем, решила она, встречать людей с такой же кислой миной, как бедняжка Мод.

- Моя дорогая Каролина, позвольте познакомить вас с мисс Генриеттой Ролланд. Это дочь близкого друга лорда Мелбери.

Каролина наклонила голову, грациозно согнув свою красивую шейку.

- Очень рада, - проговорила она, стараясь стоять спокойно и, упаси Бог, не дернуться еще раз. Но это стоило ей немалых усилий.

- Ой, до чего же вы очаровательны, мисс Лэнгли.

Хэтти сразу же поняла, что переборщила. Такое изъятие восторга следовало бы оставить на будущее, для лорда Гарри. «Впрочем, ему, - подумала она, - была бы позволительна и неприкрытая лесть».

Мисс Каролина смотрела на нее широко открытыми глазами, как бы говоря, что она не привыкла слышать столь откровенных похвал из уст другой леди. В действительности ей были непривычны вообще какие-либо похвалы от другой леди. Это заставило ее изменить мнение о мисс Ролланд. Она оставила свое притворство и, улыбнувшись, бойко возразила:

- Боюсь, что вы просто грубо льстите мне, мисс Ролланд.

- О, неужели я обидела вас? Но это действительно так, мисс Лэнгли. Вы одна из самых красивых леди, которых я когда-либо встречала в Лондоне.

- Она только вчера приехала сюда, - не удержалась от ехидного замечания Мод.

- Вовсе нет, мисс Лэнгли. Ваша сестра шутит. Я здесь уже достаточно долго.

Тогда мисс Каролина решила, что за подобную прямоту и откровенность, равно как и великодушие, мисс Ролланд, несомненно, заслуживает вознаграждения. В конечном счете, решила она, можно побеседовать с ней, поскольку все равно пока нет лучшего занятия. В то же время, думала она, если ее увидят рядом с такой замухрышкой, как мисс Ролланд, на нее непременно обратят внимание те завистливые почтенные вдовушки, которые постоянно называют ее тщеславной гордячкой. Может быть, хоть один вечер она будет выглядеть в их глазах благородной и добродетельной. Она пропустила слова сестры мимо ушей.

- Пойдемте, мисс Ролланд, - сказала она Хэтти. - Не лучше ли нам с вами присесть в каком-нибудь укромном уголке? Я хочу познакомиться с вами поближе.

Хэтти кивнула и поплелась вслед за мисс Каролиной к небольшому дивану у камина, держа в голове свой умысел. Если она будет и дальше улаживать уши мисс Лэнгли своими похвалами, то по крайней мере останется не замеченной другими гостями леди Мелбери.

Мисс Каролина уселась рядом с Хэтти и дружески похлопала ее по руке:

- Ну вот и хорошо. Теперь, мисс Ролланд, вы должны рассказать мне о себе.

Хэтти прекрасно понимала, что та гроша ломаного не даст за ее рассказ, и посему решила ограничиться несколькими скупыми, ничего не значащими фразами. Но едва она успела открыть рот, как увидела, что взор ее собеседницы вдруг оказался прикованным к двери гостиной. У мисс Лэнгли даже слегка приоткрылся рот, а живые глаза засверкали от возбуждения. Хэтти тоже перевела взгляд на дверь и окаменела.

- Его светлость маркиз де Оберлон, - раздался звучный голос Хиггинса. Все присутствующие тотчас повернулись к непринужденно вошедшему джентльмену.

Хэтти, никогда еще не видевшая маркиза с такого близкого расстояния, поймала себя на том, что ее собственные глаза широко раскрыты от удивления. Издали он казался смуглее и представлялся ей угрюмым, неразговорчивым человеком с суровыми и холодными глазами. Если бы она ненароком обнаружила, что у него есть рога и расщепленный наподобие вил хвост, наверное, это ничуть не удивило бы ее. Однако сейчас, когда их разделяло лишь небольшое пространство гостиной, ее глазам предстал совсем другой мужчина. Она нашла, что его лицо с густым загаром довольно приятно, а темные глаза излучают тепло и светятся весельем. Когда он рассмеялся на какое-то замечание леди Мелбери, его улыбка показалась ей настолько обезоруживающей, что она на мгновение даже забыла о том, кто он. Но забывать об этом ей не следовало, потому что он был чудовищем. Должен был быть им. И как всем чудовищам на свете, ему нужно было уметь в любой момент предстать перед миром в другом обличье: ему полагалось иметь приятное лицо, нравиться людям и шутить, чтобы никто не смог распознать, что под этой личиной прячется сам дьявол.

Мисс Каролина схватила Хэтти за руку и прошептала:

- Это лорд Оберлон. Какой фронт! Вы когда-нибудь видели более красивого мужчину, мисс Ролланд? Ах, я так боялась, что он уже не появится. Всем известно, что он не любит таких скучных вечеринок. Вы, должно быть, слышали, он недавно вернулся из Италии. Я предполагала, что он скоро появится в обществе. Вы ведь знаете, что он приходится племянником леди Мелбери?

- Нет, я этого не знала, - сказала Хэтти.

Она решительно повернулась спиной к лорду Оберлону и молча кивнула мисс Каролине, чтобы та продолжала.

- Отец лорда Оберлона, как и лорд Мортимер, имел большое влияние в кабинете министров. Он умер несколько лет назад, - доверительным тоном сообщила мисс Каролина, прикрывая рот изящным веером. - Вы, конечно, поняли, что моя мама и леди Мелбери близкие подруги. Поэтому я все это хорошо знаю. Несчастный человек! Пережить такую трагедию! Конечно же, сейчас он так нуждается в развлечениях. Как ему недостает красивой женщины!

Мисс Лэнгли поднялась со стула. Все ее движения были необыкновенно мягки и женственны, но внезапно загоревшиеся глаза выдавали сидевшего внутри ее маленького хищного зверька.

- Ах, извините меня, мисс Ролланд. Я должна вас покинуть. Право же, мне так неловко, что я уделяю так мало внимания нашей доброй хозяйке.

«Неужто, мисс Каролина? - подумала Хэтти. - Вам нужно внимание его светлости. Ну-ну, держайте. Возможно, вы получите его внимание. Только за это вам придется заплатить». Она проводила глазами мисс Лэнгли, устремившуюся в дальний угол гостиной, где леди Мелбери и лорд Оберлон вели неторопливую беседу. Хэтти осталась на прежнем месте и стала незаметно наблюдать за лордом Оберлоном. Она старалась делать это как можно беспристрастнее, но у нее это плохо получалось. Она чувствовала, как внутри ее поднималась волна ненависти. Этот человек вел себя так, как будто его ничто не обременяло, шутил и смеялся, черт его подери! А бедный Дэмиан лежал в могиле, всеми забытый, кроме самых близких людей. Вот кто поистине несчастный человек. И вот уж действительно ирония судьбы, что она, Генриетта Ролланд, именно она, а не лорд Гарри, оказавшись в одной комнате с убийцей своего брата, бессильна что-либо предпринять. Похоже, богини судьбы настроены против нее.

Она продолжала изучать своего противника и вскоре была вынуждена признать, что это был приятнейший собеседник, достойный восхищения самой взыскательной хозяйки. Маркиз с одинаковой легкостью находил общий язык как с дамами, так и с джентльменами. Хэтти вдруг подумала, что, чего доброго, при такой воспитанности, он доберется и до нее. Тогда она прворно соскочила с дивана и выбрала себе новое место за шторой.

Несколько позже, однако, она ослабила бдительность и чуть было не поплатилась за это. Случайно подняв глаза, она увидела, что маркиз действительно направляется прямо к ней. Нет, все три богини судьбы не просто сговорились против нее - они решили ее убить. Она поспешно повернулась к нему спиной и тотчас попыталась завязать разговор с некоей важной, глухой, как тетерев, пожилой дамой, сидевшей неподалеку. Заметив такую вопиющую невоспитанность со стороны молодой леди, маркиз удивленно вскинул бровь, но тут же непринужденно повернулся и отправился обратно. Не успел он сделать нескольких шагов, как его подхватила мисс Каролина Лэнгли и принялась развлекать своим веселым щебетом.

Поведение маркиза сильно озадачило Хэтти. Было ли ему известно, кто она такая? Послала ли его к ней леди Мелбери? Хотела бы она знать, что он подумал о ней самой?

В действительности маркиз подумал, что у дочки Ролланда, к которой его направила тетушка, на редкость неудачные платье и чепец. Таких вещей ему не приходилось видеть ни на ком за всю свою жизнь. Он не успел понять, было ли ее лицо под стать одежде, но решил, что, видимо, так оно и есть. Она демонстративно отвернулась от него - это ему тоже было ясно. Но он не мог понять почему. Или она совсем невоспитанная, или близорукая, решил он, улыбнувшись

каким-то словам Каролины, хотя на самом деле вовсе не слушал ее.

- Вы не находите, что моя сестрица нарушает этикет?

Хэтти неохотно обернулась, услышав нудный голос мисс Мод Лэнгли.

- Вас это не удивляет, мисс Ролланд? Весь вечер висит на локте у лорда Оберлона. Вы, конечно, уже все знаете про него.

Рассматривая эти высказывания мисс Мод как завистливую атаку на сестру, Хэтти, едва удержавшаяся от безнадежного вздоха, при последних словах сразу же вскинула на нее глаза и приготовилась слушать ее с величайшим вниманием.

- Нет, мисс Лэнгли. Боюсь, что мне ничего не известно о нем. Я только знаю, что маркиз де Оберлон - племянник леди Мелбери. Мне кажется, что он самый очаровательный из всех ее гостей.

Мисс Мод изогнула свою толстую бровь, метнув взгляд в сторону маркиза.

- Ну конечно, мисс Ролланд, ведь вы же недавно в Лондоне. Зато я знаю о нем почти все. Наша мама не согласилась бы с тем, что я вам сейчас скажу. Она так не считает, но это ее дело. Если хотите знать, маркиз де Оберлон - опытный ловелас. Такие джентльмены, как он, волей-неволей становятся обаятельными. Жизнь делает их такими. Не думайте, что это мое личное мнение, многие так считают.

- А почему вы считаете его ловеласом, мисс Лэнгли? Мисс Лэнгли заговорила почти шепотом и вдобавок приложила руку ко рту:

- Это же совершенно ясно, мисс Ролланд. Судите сами. Его несчастная жена умерла восемь или девять месяцев назад, во время родов. После этого он покинул Англию и укатил в Италию, чуть ли не прямо с похорон. Весь Лондон знает о его подвигах. Говорят, он имел бешеный успех у итальянских дам. Действительно, я сама видела его новую любовницу, которую он привез оттуда. Знаете, как он кичится ею? Вы никогда не видели их вместе, мисс Ролланд?

- Только издали, мисс Лэнгли.

«Интересно. - Хэтти задумалась над словами Мод. - Элизабет умерла в родах? Конечно же, мисс Лэнгли что-то перепутала». Не могла Элизабет выйти замуж за лорда Обертонна всего за семь месяцев до своей кончины. Что-то здесь не связывалось.

- Как жаль, мисс Лэнгли, - продолжила она, исполненная решимости докопаться до истины, - что эта женщина так рано умерла. Почти сразу после замужества. Кто, вы сказали, была жена лорда Оберлона?

- Ее звали Элизабет Спрингвилл. В прошлом году у нее и у меня был первый сезон. Она была очень хорошенькая, но, к сожалению, распущенная, мисс Ролланд. У нее было несколько интрижек. Я не одобряла ее легкомысленного поведения с джентльменами. Леди не должна позволять себе этого. Лорд Оберлон был лишь одним из многих, кто волочился за ней. Когда он неожиданно, по специальному разрешению, женился на ней и сразу же увез ее из Лондона в одно из своих поместий, вокруг новобрачных возникло много разговоров. Лично я узнала об этом от мамы. Вообще, мисс Ролланд, я не люблю заниматься сплетнями. Но мама, как вы знаете, близкая подруга леди Мелбери. И уж кому, как не ей, тете лорда Оберлона, было не знать, что Элизабет в то время находилась в интересном положении. Да-да, мне это

доподлинно известно. Так вот, тогда она уже носила ребенка лорда Оберлона.

- В таком случае, дорогая мисс Лэнгли, - сказала Хэтти, - мне представляется, что лорд Оберлон показал себя достойным человеком. Будь он ловеласом, вряд ли бы он женился на леди.

- Ну как вы можете такое говорить? - воскликнула мисс Мод, посмотрев на Хэтти с такой жалостью, что ей захотелось щелкнуть ту по носу. - Ведь вы не дослушали до конца, мисс Ролланд. После того как он отвез мать своего будущего ребенка в Бланшли-Манор, он вернулся к прежней жизни. Это ли не скандальное поведение? Я только об одном молю Бога, чтобы моя собственная сестра не оказалась в таком же положении, как бедная Элизабет.

Прошло много часов после этого разговора. Хэтти вернулась домой глубокой ночью и направилась прямо в спальню.

- Ну до чего же она злорадная, эта Мод, - рассказывала она горничной, просовывая голову в ночную рубашку. - Видели бы вы ее, Милли. Вот завистливая выдра. Я не собираюсь верить всему, что она наговорила мне.

И она начала с увлечением пересказывать ей события минувшего вечера, путаясь пальцами в петлях и пуговицах.

- Но знаете, Милли, в ее словах есть доля правды. Леди Лэнгли - лучшая подруга леди Мелбери, а лорд Оберлон - племянник леди Мелбери. Поэтому мисс Мод действительно могла узнать о беременности Элизабет. О Боже, Милли, как же мне это раньше не пришло в голову! А вы не допускаете, что это мог быть ребенок Дэмиана?

- Возможно, вы и правы, мисс Хэтти. Помните, мы с вами ломали голову над тем письмом? Помните, как мы не могли понять, почему у Элизабет не было выбора? Такое впечатление, что она хотела избежать скандала и поэтому постаралась как можно скорее выйти замуж. Вы сами говорили, что полковник Спрингвилл всегда был непреклонным и скупым. Конечно, он пришел бы в ярость, если б родная дочь покрыла его таким позором. Старый скряга! Наверное, застрелил бы ее из собственного ружья, если бы знал, что это сойдет ему с рук.

- Бедная Элизабет. Теперь я, кажется, все понимаю, Милли. Она любила Дэмиана. И хотя я не могу оправдывать ни ее поведения, ни поступка брата, я считаю, что дело не в этом. Главное в другом - они, должно быть, собирались пожениться.

Милли помедлила с ответом, сосредоточенно глядя в пространство поверх головы Хэтти.

- По-вашему, мисс, лорд Оберлон женился на Элизабет, не зная, что она беременна? Вы допускаете это?

Хэтти утвердительно кивнула головой. Глаза ее стали грустными.

- Да. Должно быть, она молчала, чтобы хоть как-то защитить себя. А когда лорд Оберлон узнал, что она беременна и что отцом будущего ребенка является Дэмиан, он на самом деле бросил ее. Поступил с ней именно так, как рассказывала мисс Лэнгли. Это ли не ирония судьбы, Милли?

Он отправляет Дэмиана на смерть и радуется своей удаче, чтобы потом узнать, что его использовали в своих собственных целях. Как, должно быть, страдал Дэмиан, зная, что она носила под сердцем его ребенка. Разве легко ему было сознавать, что он не в силах ничего

изменить?

- Подождите, мисс Хэтти. Не торопитесь с выводами. - Милли нахмурилась и забарабанила кончиками пальцев по спинке кровати. - Здесь не все так просто. Этот ларчик с большим секретом.

- Вы не считаете, что лорд Оберлон - безнравственный человек? - не унималась Хэтти. - По-вашему, он не похож на мужчину, который соблазняет женщин и совершенно не интересуется их дальнейшей судьбой?

- Мне кажется, что его светлость любил ту девушку. Я хорошо помню слова моей мамы. Она говорила, что мужчина, без памяти влюбленный в женщину, способен на самые безрассудные поступки, лишь бы добиться своего.

- Какое мне дело до чувств лорда Оберлона? Для меня важен только один факт: он тот человек, который повинен в гибели Дэмиана. Он один, лорд Оберлон. И никто другой. И клянусь Богом, он получит то, что заслужил.

Через несколько часов Милли неслышными шагами снова вошла в спальню Хэтти. Она хотела убедиться в том, что не забыла снять ожерелье с шеи своей госпожи. Изящное жемчужное ожерелье было единственной достойной вещью, которая была на Хэтти в тот вечер.

Она тихо стояла у ее кровати. Слабые лучи от оранжевого пламени тонкой свечи падали на лицо Хэтти. Милли вдруг охватила глубокая тревога за свою хозяйку. В глубоком сне, с взъерошенными белокурыми волосами, мягко обрамлявшими ее личико, Хэтти казалась невинной, беззащитной девочкой, какой на самом деле и была. Но у девочки было сердце львицы.

Милли повернулась с дрожащей свечой в руке. Какое счастье выпадет на долю ее госпожи? Сможет ли мисс Хэтти одолеть такого могущественного и безжалостного человека, как лорд Оберлон?

Глава 10

Лорд Гарри и сэр Гарри Брэндон остановились у дверей элегантного трехэтажного особняка графа Марча на северном углу Гросвенор-сквер. Холодный февральский ветер хлестал их по лодыжкам полами пальто и срывал с их напомаженных волос лихо надвинутые цилиндры.

- Не беспокойтесь, лорд Гарри. Я уверен, мой зять поддержит вас. И в тот же день вы станете членом «Уайтса», как все порядочные люди. Не волнуйтесь, и все будет в порядке. Я не сомневаюсь, что вы понравитесь Жюльену. Я уже черкнул ему записку. Так что он поставлен в известность насчет вашего происхождения.

- Если вы так уверены в этом, Гарри, то, может быть, не стоит лишний раз беспокоить его?

- Да что вы, в самом деле! Жюльен не кусается, хотя иногда любит пощекотать нервы. Мне, например. Этого у него не отнимешь. Он может даже показаться немного заносчивым. Может заставить вас покраснеть. Но в общем он неплохой человек. Они с сестрой - я ведь вам говорил о моей сестре Кейт - только что вернулись из Сен-Клер. Там их поместье. Мы уже порядочно не виделись с шурином, поэтому, я думаю, он не без удовольствия примет родственника. Я замечаю, что с течением времени он относится ко мне все терпимее. Ну, довольно болтовни, вперед!

Сэр Гарри схватил лорда Гарри за руку и втащил на ступеньки парадной лестницы. Хэтти толком не понимала, почему она так боится знакомства со всемогущим графом. Но жребий был брошен, и отступить сейчас она не могла. Членство в «Уайтсе» представлялось ей не светской забавой, оно было для нее насущной потребностью. Она должна была стать завсегдаем этого знаменитого клуба – места, где Джейсон Кэвендер, лорд Оберлон, проводил добрую часть своего времени.

Сэр Гарри стукнул несколько раз большим бронзовым кольцом. Дверь открыл степенный человек благообразной наружности, самый представительный из всех дворецких, которых ей когда-либо доводилось видеть.

- Доброе утро, Джордж, это я, – сказал ему сэр Гарри, улыбаясь во весь рот. – Давненько я не был здесь. Его светлость, должно быть, будет рад видеть меня? Как вы считаете, Джордж?

- Ваша сестра, несомненно, обрадуется вам, сэр. – Джордж быстро отступил в сторону, давая им пройти. – Что касается его светлости, наверное, тоже. Я только что слышал, как они смеялись. Думаю, что вас ожидает вполне радушный прием. Ах да, я вижу, вы пришли вместе с другом? Прошу в гостиную, сэр.

- Ну, как моя сестра, Джордж?

- Вполне прилично, сэр Гарри. Вполне прилично. Джордж приветливо посмотрел на лорда Гарри и вопросительно приподнял свою седую бровь.

- Джентльмен, которого вы видите, Джордж, тоже Гарри, – с улыбкой сказал сэр Гарри. – Только этого Гарри зовут лорд Монтейт. Он приехал к нам с севера. Можете себе представить места, где нет ничего, кроме торфяников, вереска и лугов с пасущимися коровами? И никакого общества! Вот там он и жил, несчастный. Но теперь у него другая жизнь. Я взял его под свое покровительство.

- Очень интересно. Рад приветствовать вас, милорд. Джордж поклонился и легонько щелкнул пальцами. В то же мгновение появился лакей, который помог джентльменам снять пальто. – Кейт никогда не любила нежиться в постели, – продолжал сэр Гарри. – Надеюсь, она уже на ногах?

Хэтти показалось, что Джордж испытал некоторую неловкость.

- Да, конечно, сэр Гарри, – ответил он. – Ее светлость вместе с графом в библиотеке. – Голос Джорджа вместе с тем прозвучал довольно спокойно.

- Отлично. Вы говорите, что слышали их смех? Это хороший признак. Пойдемте, лорд Гарри. Нечего тянуть. Да и мой шурин не любит мешкать. Он говорит, что от чужой медлительности у него желчь разливается.

На лице Джорджа отразилось легкое замешательство, и он даже немного нахмурился.

- Вы не хотите, чтобы я доложил о вас, сэр Гарри? – осведомился он.

- Не трудитесь, Джордж. Я и сам найду дорогу. Присутствовавший при этом разговоре лакей по имени Маклс ослабил, прикрывая рот рукой в белой перчатке.

- Перестань скалить зубы, – цыкнул на него Джордж. – Отправляйся к себе. Приготовь фрак его светлости. Тот, в котором он собирался идти к Вестону.

- Черт возьми, шикарный дом! Вы не находите, лорд Гарри? - спросил сэр Гарри, когда они проходили по длинному коридору.

Хэтти не успела ответить ему, потому что в это время они как раз подошли к библиотеке. Поравнявшись с дверью, они дружно остановились, так как услышали доносившиеся изнутри разгневанные голоса хозяев.

- К чему эта блажь, Кейт? - кричал граф. - Вот я задам тебе хорошую трепку, чтобы ты помнила всю жизнь. А потом отправлю тебя в монастырь. Что за глупость?! Почему ты не удосужилась сказать мне, что...

- Ну почему ты такой грубый, Жюльен, - послышался рассерженный женский голос. - Неужели ты способен обидеть меня? И у тебя поднимется рука на такую маленькую хрупкую леди? Ведь я же рассыплюсь от одного твоего удара. Как можно быть таким деспотом? Ведешь себя, будто мужлан какой-то. Я этого не потерплю!

- Я и есть мужлан! Чертова кукла!

- Это моя сестрица, как вы догадываетесь, - сказал сэр Гарри, весело скаля зубы. - Ее голыми руками не возьмешь. Знает, что сказать. Изучила все его слабые места. Ох и мастерица! Запросто может довести его до безумия. До такого безумия, что потом он ползает у ее ног и бросается целовать ее. Веселая парочка, правда? Это называется - женатые люди. Пойдемте. Сейчас мы их разнимем.

Хэтти чувствовала себя явно не в своей тарелке.

- Пойдите, Гарри, - сказала она, придерживая его за рукав. - Мне кажется, сейчас не время обсуждать вопрос о моем членстве в клубе. Вы же видите, в каком состоянии его светлость. Можно подумать, что он и впрямь собирается ее поколотить.

Но сэр Гарри уже повернул ручку и распахнул дверь. При виде странной картины Хэтти приросла к порогу и глазам своим не поверила.

В просторной комнате, друг против друга, разделенные огромным дубовым столом, стояли два человека - джентльмен и леди. Необычность картины состояла в том, что на леди были, мужские узкие черные брюки и белая шелковая блуза. В руке она держала рапиру. Она была молода и очень красива. У нее были длинные, распущенные по спине темно-каштановые волосы, перехваченные узкой черной лентой. Услышав посторонний звук, леди резко обернулась:

- Гарри!

Она швырнула рапиру на письменный стол и бросилась обнимать брата.

- О, мой дорогой, как я рада снова видеть тебя, - сказала она. Когда она на секунду отпрянула назад, Хэтти увидела ее живые, блестящие от удовольствия зеленые глаза. - Какой ты нарядный, милый. Мне нравится твой жилет. И эти желтые талуны. Красиво. Боже, как замечательно, что ты появился! О Гарри...

Она перевела дыхание и взглянула поверх плеча брата на растерянное лицо лорда Гарри.

- Осторожнее, Кейт, - не замечая ее взгляда, сказал сэр Гарри. - Ты можешь помять мне жилет. Я им очень горжусь. Мой жилет - это вещь! Мечта любого джентльмена. Портные еще

не скоро освоят этот фасон. Пока я первый, имей это в виду! – Потом, вспомнив о друге, добавил: – Ах да... познакомься, сестричка. Это лорд Гарри. Мой новый друг. Мы познакомились с ним... Впрочем, это отдельный разговор. Лорд Гарри, это моя сестра Кейт.

На лице графини не было ни малейших признаков неловкости или смущения.

– Как хорошо, что вы пришли, милорд, – приветствовала она лорда Гарри с ослепительной улыбкой. – Жюльен, да выйди же наконец из-за стола. Поздоровайся с шурином. Иди, иди, дорогой. Ведь ты не видел его добрых семь недель. Я думаю, ты уже забыл, как он выпил твой лучший кларет и попортил обюссонский ковер в библиотеке? Не так ли, милый? Посмотри, это уже не тот Гарри, какого ты знал раньше.

Хэтти видела, что граф Марч настроен вполне миролюбиво. Он посмотрел на Гарри с насмешливой улыбкой и сделал несколько больших шагов навстречу ему.

– Рад видеть тебя, Гарри. Ты не хочешь представить мне твоего друга?

– Я сообщал вам о нем во вчерашней записке, Жюльен. Это лорд Гарри Монтейт. Я готов поручиться за него. Это наш человек. Он заслуживает вашей поддержки. Нужно помочь ему вступить в «Уайте».

– Я посчитал бы это за большую честь, милорд, – сказала Хэтти, посадив голос так низко, как только могла, и почтительно поклонилась. Она не могла избавиться от ощущения, что серые глаза его светлости буравят ее грудь через фрак, жилет, рубашку...

Граф показался ей необычайно красивым человеком. Его улыбку она оценила как женщина, так, как этого не смог бы сделать лорд Гарри.

– Гм, выходит, что теперь у нас появился еще один Гарри? – сказал граф, улыбнувшись, и крепко стиснул ей руку. Потом повернулся к сэру Гарри и добавил: – А ты, Гарри, безупречно точен. Как всегда. И, как всегда, кстати. Дело в том, что перед твоим приходом мы с твоей сестрицей вели весьма горячую дискуссию. Я предвижу, что у нас с Кейт будут большие трудности. Но я думаю, она не будет возражать, если мы попозже вернемся к нашему спору. Вернемся на прежний, так сказать, театр военных действий.

Графиня едва заметно ткнула мужа локтем и сказала:

– Не слушай его, Гарри. Сейчас я тебе все объясню. Рапирой я теперь владею почти в совершенстве. И вот когда я достигла этого, Жюльен начинает проявлять свои феодальные замашки. Изображает из себя властолюбивого супруга. Запрещает мне заниматься фехтованием, потому что, видишь ли, я собираюсь стать матерью. Тебе не кажется, что это ужасно глупо с его стороны?

– Матерью? Вот это да! Так это же замечательно! Жюльен! Кейт! Бог мой, сестричка, у вас будет прибавление в семействе. И ты, Кейт, будучи беременной, все еще одеваешься под мальчика? И ты не перестаешь помышлять о фехтовании? Не могу поверить. Господи, да я на месте Жюльена запер бы тебя в чулане. Для твоего же блага.

– Вот видишь, Кейт, на этом фланге у тебя ничего не вышло, – сказал граф, с видимым удовольствием задержав взгляд на лице жены.

В его глазах было столько нежности, что Хэтти внезапно почувствовала себя неловко. Она

лишний раз убедилась, что ее присутствие в этом доме сейчас совсем некстати. Должно быть, вот так же мог выглядеть стул, если бы кто-то взял да и поставил его посреди зала для танцев.

- Представь себе, Гарри, твоя сварливая сестрица, - продолжал граф, - сообщила мне об этом только несколько минут назад. Не случись этого, я никогда не позволил бы ей зацепить меня шпагой.

- Зацепить? Ты называешь это зацепить, Жюльен? Ничего себе. И ты смеешь это говорить после того, как я приставила тебе рапиру к горлу? Лучше посмотри на себя. До сих пор отдышаться не можешь. Знаешь, на кого ты похож? На чванливого мужа-собственника. Или грозно кукарекающего задиристого петушка. А ты, Гарри, еще поддакиваешь ему. Я хочу спросить вас, лорд Монтейт, разве может женщина вести себя так покорно, как хочет ее муж? Неужели она должна сидеть сложа руки только потому, что беременна? Разве это не глупо? И почему это мужчины воображают, что женщины должны выполнять все их распоряжения? А сами они только и умеют, что ходить с важным видом.

- Нет, совсем не обязательно так вести себя, - выпалила Хэтти, забыв о своей джентльменской роли. - Я слышал, что физические упражнения очень полезны женщинам, готовящимся к материнству. - «О Боже, что я говорю», - спохватилась она. Но было уже поздно: граф с искренним изумлением смотрел на нее.

Кейт встретила ее слова радостным возгласом и поспешила предупредить возражение супруга:

- Слышишь, Жюльен? Не все джентльмены такие степенные и напыщенные, как ты. Я настаиваю, чтобы ты немедленно ввел лорда Монтейта в «Уайте». Как бы я хотела тоже стать членом этого клуба. Вот было бы здорово там потренироваться. Даю голову на отсечение - через шесть месяцев я бы заткнула тебя за пояс по части фехтования.

Хэтти отвела глаза от сестры Гарри и увидела, что граф все еще не сводит с нее глаз. Она чертыхнулась про себя.

- Весьма странная позиция для мужчины, должен вам сказать, сэр, - шутливо заметил граф. - Ну а что касается вашего вхождения в «Уайте», будем считать вопрос решенным. Посмотрим, может быть, ваши взгляды окажутся прогрессивными и даже пойдут кое-кому на пользу. Кто знает, может, и впрямь некоторые мужи грешат излишней торжественностью и самонадеянностью?

- Благодарю вас, милорд, - сказала Хэтти.

- Как это мило с твоей стороны, Жюльен.

Графиня с распростертыми объятиями бросилась к мужу, повисла у него на шее и прижалась к нему. Он же, смеясь, обхватил ее за все еще тонкую талию и поднял на вытянутых руках. Взметнувшиеся вихрем длинные волосы рассыпались у нее по плечам и накрыли ему лицо.

- Сейчас же отпусти меня, дикарь неуклюжий. Лорд Монтейт, наверное, изумлен. Ведь он не привык к вашим шуткам, милорд.

- Равно как и к вашим, миледи, - сказал граф. - Ничего, скоро лорд Монтейт встанет на мою сторону, когда узнает тебя получше. Он убедится, что мне приходится в тяжелой борьбе отстаивать каждую каплю мужского достоинства. Послушай, Кейт, мы с тобой так увлеклись, что забыли предложить нашим гостям чашку чая. Или, может быть, принести кларет для твоего братца? Только тогда давайте сначала вынесем отсюда этот ковер.

Почти в ту же минуту в библиотеку вошел Джордж с чаем и кексом на красивом серебряном подносе.

Граф засмеялся:

- Ну вот, Джордж сам все предусмотрел. Итак, приличия соблюдены. Присаживайтесь, лорд Монтейт. Угощайтесь. Попробуйте кекс и забудьте про нашу семейную перебранку. Не подумайте, ради Бога, что у нас каждый день такая катавасия. Конечно, бурные сцены у нас не редкость, но если бы мы знали, что...

- Я вижу, ты упорно не хочешь придержать язык, Жюльен, - вмешалась графиня, откусывая кусочек лимонного кекса.

- А неплохой кекс, черт возьми, - сказал сэр Гарри, запихивая в рот второй кусок.

Граф тем временем решил занять разговором Хэтти:

- Гарри уже немного рассказал мне о вас. Значит, вы родом с севера. Должно быть, после родных мест Лондон вам кажется несколько необычным.

Она поспешила согласиться с ним, мысленно поблагодарив графа за то, что он удовлетворился теми генеалогическими данными, которые почерпнул из записки лорда Гарри, и не стал глубже вникать в происходящее.

- Да, здесь много такого, чего у нас нет. Но мне нравится Лондон. Меня здесь встретили очень радушно. Все без исключения. Особенно Гарри. Он замечательный друг.

Сэр Гарри засиял от удовольствия.

- Лорд Гарри больше уже не выглядит таким провинциальным, как раньше, - сказал он. - Если, конечно, не считать его одежды.

- Не надо злословить, милый, - вмешалась Кейт. - Я не вижу в одежде лорда Монтейта ничего такого, что бросалось бы в глаза. Чего ты хочешь от него? Чтобы он так же, как ты, был помешан на жилетах с желтыми полосками и брюках в обтяжку? Нет, конечно же, я не могу сказать, что они плохо смотрятся на тебе. Безусловно, узкие брюки - это твой стиль.

- В том, что они идут мне, я не сомневаюсь. Но вот лорд Гарри... Его брюки слишком широки. И фрак тоже.

- Ах, какой ужасный недостаток! - воскликнул граф, улынувшись, и продолжил, обращаясь к Хэтти: - Гарри сообщил мне, что вы занимаетесь фехтованием с синьором Бертиоли?

Хэтти кивнула и машинально потерла болевшую руку.

- Я получаю огромное удовольствие от этих занятий. По-видимому, не меньшее, чем ее светлость графиня.

- Я и сам время от времени бываю у синьора Бертиоли. Прекрасный учитель. Он владеет весьма оригинальными приемами. Им больше ни у кого не научишься. Он знает такие трюки, какие немногим англичанам доводилось видеть. Так что, если желаете, можем скрестить наши шпаги, лорд Монтейт. Я к вашим услугам. Хоть сейчас.

Такая перспектива показалась Хэтти малопривлекательной, и это было еще легко сказано.

Однако она улыбнулась и кивнула:

- Я к вашим услугам, милорд. Как-нибудь мы с вами обязательно померимся силами. Но я считаю своим долгом выразить свое мнение - первое право должно всегда оставаться за графиней. Я только что был свидетелем находчивости и изобретательности ее светлости. Если эти качества вашей супруги в полной мере соответствуют ее искусству владения шпагой, то в ее лице вы имеете достойного противника.

- С ней и сам дьявол не справится, - добавил сэр Гарри. - Один раз она чуть не всадила мне шпагу прямо в глотку. Ты помнишь, Кейт? Бог мой, как давно это было. Сто лет назад! Папа еще был жив и...

- Конечно, помню, Гарри. Но довольно об этом. Все это малоинтересно для лорда Монтейта. Скажите, сэр, верно, что кроме фехтования вы также любите стрелять в «Мэнтоне»? Неужели можно попасть в такой крошечный диск?

- В стрельбе лорду Гарри просто нет равных, - сказал сэр Гарри, прежде чем Хэтти успела открыть рот. - Не вздумайте когда-либо вызвать его на дуэль, Жюльен. Могу поклясться, что он тут же уложит вас наповал. Если, конечно, вам придется драться на пистолетах. Он всегда стреляет без промаха.

- Ты преувеличиваешь, Гарри.

- Нисколько, Жюльен. Можете пойти с нами в «Мэнтон»... Увидите своими глазами. Лорд Гарри - великолепный стрелок.

- За этим дело не станет, - весело сказал граф, пристально глядя на Хэтти.

Перед уходом, прощаясь с графиней, Хэтти задержала ее руки в своих:

- Гарри - отличный друг, миледи. Он очень добрый, и у него на редкость легкий характер.

Сэр Гарри повернулся к шуринам:

- Не забудьте о членстве лорда Гарри, Жюльен. Вы ведь будете сегодня в клубе? А то мы уже наметили вечером отпраздновать это событие.

- Разумеется, не забуду. Даже мысли такой не допускаю - учитывая ваши грандиозные планы, - сказал граф. - Вы оба можете быть совершенно спокойны на этот счет. Без шуток, Монтейт, я обязательно сделаю то, что обещал. И надеюсь, что увижу вас в «Уайтсе».

- Благодарю вас, милорд, за вашу доброту, - сказала Хэтти с почтительным поклоном.

Поздним вечером того же дня, лежа в постели рядом с мужем, Кейт потерлась носом о его щеку и шепнула ему на ухо:

- Милорд, может быть, мы все-таки продолжим наши уроки фехтования? Поверьте, мне не придется перенапрягаться. Ведь для этого требуется не больше сил, чем для наших утех.

Граф даже приподнял голову с подушки, чтобы заглянуть в лукавые зеленые глаза жены.

- Ты так думаешь? И тебе не стыдно это говорить? Ты заставляешь меня, как колоду, лежать

рядом с тобой, а сама тем временем делаешь с моим телом все, что тебе хочется. И после этого ты еще будешь рассуждать о напряжении? Если хочешь знать правду, то это похлеще, чем верховая езда.

- Фи, как вульгарно. Ну, хорошо, Жюльен. Я полагаю, что какое-то время я все-таки смогу этим заниматься: буду фехтовать не в полную силу. По крайней мере, до тех пор, пока не появится на свет ребенок.

- Я высоко ценю твои способности идти на уступки. Ладно, скажи мне, что ты думаешь о новом друге Гарри?

Графиня задумалась на мгновение.

- Я нахожу, что он чем-то отличается от известных нам друзей Гарри, - медленно проговорила она. - Он кажется мне рассудительным и вполне зрелым. Даже более зрелым, чем это свойственно людям его возраста. И еще, знаешь, Жюльен - только не смейся надо мной, - сначала этот молодой человек показался мне несколько женоподобным. Может быть, потому, что он такой милостивый? Но когда я послушала его разговор, спокойный и совершенно здоровый, и посмотрела, как с ним считается наш Гарри, скажу честно, я изменила мнение о нем. Я совершенно искренне говорю тебе, он мне понравился.

- Хоть ты и считаешь, что твой лорд Монтейт добрый малый, а факт остается фактом: он уже успел снискать себе репутацию весьма распутного молодого человека.

- Да нет, Жюльен. Это он-то? Лорд Монтейт? Не может быть. Он выглядит таким скромным, обходительным и...

- Твой брат успел мне шепнуть, что Монтейт уже обзавелся любовницей здесь, в Лондоне. Если верить словам Гарри, он нашел ее в заведении леди Бакстел. Сманил ее в первую же ночь и снял для нее квартиру.

- Завести любовницу - это еще не значит быть ловеласом. Ведь он пока не женат. В конце концов, мой дорогой, у тебя до нашей встречи был целый полк любовниц.

- Ну хорошо, давай оставим этот разговор. - Граф поспешил прервать жену, дабы не нарушать свой покой на ночь глядя и вообще не осложнять себе жизнь. - Как бы то ни было, я уже позаботился о том, чтобы юноша был принят в «Уайте». И я не сомневаюсь, что Гарри сделал все остальное. Наверняка имя лорда Монтейта уже вписано в памятную книгу Генри. Что до моего отношения к нему, то в любом случае я нахожу, что Монтейт чрезвычайно занятый и незаурядный молодой человек. Теперь, когда он стал членом «Уайтса», я могу с большой уверенностью сказать, что предвижу для него весьма интересную карьеру. Впрочем, дорогая, сколько можно нам обсуждать этих Гарри?

Глава 11

Когда граф и графиня уже видели десятый сон, пиршество в «Уайте» близилось к своему апогею. Оба Гарри и мистер Скаддмор сидели в небольшой гостиной за столом, сплошь уставленным бутылками. Шампанское лилось рекой, и тостам не было конца.

- Так держать! - сказал сэр Гарри услужливому лакею. - Неси лучшее, что есть. - Повернувшись к лорду Гарри, он весело добавил: - Отличный банкет, черт возьми! Верно, лорд Гарри? Предлагаю еще один тост!

Когда Хэтти подумала о том, во сколько им обойдется эта оргия, ей стало не по себе. Она ни на минуту не забывала о своем кошельке, твердо зная, что без крайней надобности не должна вторгаться в финансы сэра Арчибальда. Этого нельзя было делать хотя бы потому, что он мог ненароком спросить управляющего об их хозяйственных расходах. Конечно, такое поведение сэра Арчибальда представлялось ей маловероятным, но тем не менее, раз такой риск существовал, нельзя было забывать об этом обстоятельстве. Возместить свой пай для оплаты данного торжества она, пожалуй, могла бы только за счет одного – пикета или фаро.

После семи бокалов шампанского сэр Гарри был уже изрядно навеселе.

- Ну вот, наконец, лорд Гарри официально введен в наш клуб, – сказал он, – и теперь мы все равны. Поэтому я считаю, что он не должен ничего утаивать от нас. А у него, между прочим, есть маленький секрет. Пусть он нам его откроет и скажет, где он прячет свою пичужку.

- Единственное, что я могу сказать вам, с ней все в порядке. И естественно, она безмерно счастлива. – С этими словами Хэтти подняла свой бокал в честь отсутствующей Маврин, молясь за нее в душе и надеясь, что так оно и есть на самом деле.

- Теперь, надо полагать, вы уже не пойдете с нами к леди Бакстел? – спросил Скадди, поглядывая на нее поверх бокала с вином.

- Всякое может быть. Разве можно все знать наперед? А что, если моя крошка разонравится мне? Вкусы джентльмена, как известно, меняются. И подчас весьма круто. Так что поживем – увидим.

Сэр Гарри старательно запоминал слова лорда Гарри, решив взять их себе на вооружение. Он уже прикидывал, как он изменит их на свой лад, чтобы в подходящий момент произнести их с такой же небрежностью и безразличием перед кем-либо еще из своих знакомых.

Хэтти встала из-за стола, одернула свой бледно-голубой жилет и бодро отсалютовала:

- Итак, друзья мои, вы оба в тостах прославляли мои достоинства. Мой долг – оправдать ваше доверие. Я не вижу лучшего средства, чем карты. Теперь, когда я сравнялся с уважаемыми членами «Уайтса», пора попытаться сорвать банк. За ваше здоровье, джентльмены!

Она допила шампанское – второй бокал! – и, оставив сэра Гарри и мистера Скаддимиора вдвоем, спустилась на первый этаж.

Когда она вошла в элегантный игорный зал, то невольно прониклась доселе неизвестным чувством, представлявшим собой смесь самоуверенности и возбуждения. Как-никак наконец она проникла в эту хваленую мужскую цитадель. Она подняла глаза на массивные бронзовые люстры с хрустальными подвесками, в которых мерцали огоньки горящих свечей; увидела освещенные головы джентльменов и заговорщически подмигнула себе и своему двойнику.

Она еще находилась под впечатлением, которое произвела на нее обстановка клуба. Больше всего ее поражала гурьба молчаливых расторопных лакеев, облаченных в черные, шитые золотом ливреи – униформу «Уайтса». Они ловко сновали между карточными столиками, услужливо подставляя цепким пальцам джентльменов изящные хрустальные бокалы на серебряных подносах.

Неторопливо и важно Хэтти подошла к столику, где играли в фаро, и тихо встала рядом с лордом Элвани, у которого она, как и прежде, перенимала фасон шейного платка. Этот

джентльмен был приятен ей не только своей элегантной наружностью, но и остроумием. Как-то раз он очень мило пошутил по поводу нынешней моды, сказав, что имеет несчастье жить в одну эпоху с Бо Брумелем [2], из чего Хэтти заключила, что его ни на йоту не занимают причуды собратьев. Поэтому она без малейших опасений обратила на себя внимание остановившись возле него.

Лорд Элвани, казалось, был всецело поглощен игрой. Однако, к своему величайшему удивлению, она вдруг услышала его бархатный голос, хотя он не отрывал глаз от столика.

- А, Монтейт. Примите мои поздравления. Молодая кровь нам не мешает. Будем надеяться, что вы вдохнете в «Уайте» свежую струю. Надо же кому-то расшевелить эти старые кости! Вы играете в фаро, мой мальчик?

- Да, я очень люблю эту игру.

- Садитесь, дружище, садитесь. Не помню, говорил я вам или нет, я всегда в безумном восторге от вашего шейного платка. А ваш нынешний стиль просто верх совершенства.

Хэтти поняла, что он смеется над ней, но отнеслась к этому как к безобидной шутке и добродушно улыбнулась. Она расположилась рядом с ним в изящном французском кресле.

- Как полноправный член клуба, сэра, я имею право метать банк.

В ответ на такое непосредственное заявление лорд Элвани снисходительно улыбнулся и сделал ставку. Карты одна за другой быстро замелькали под пальцами сдающего и стопкой легли на стол. Лорд Элвани не сумел правильно назвать карты, так как не запомнил последовательности. Проигрыш вызвал у него легкую гримасу неудовольствия.

- Вот уж не ожидал, что можно так быстро потерять двадцать гиней, - сказал он, потирая рукой свой острый подбородок. - Сэр Роберт, не хотите ли опробовать Монтейта? Давайте отправим новый корабль в первое плавание. Пусть подключается к игре вместо меня. Считайте, я сделал вам подарок.

Роберт Монтегю, высокий худосочный джентльмен, известный своей исключительной тактичностью и возведенной почти до уровня культа бережливостью, поднял на новичка свои темно-карие глаза.

- Монтейт? Вы, я слышал, родом с севера?

Хэтти понимала, что за вежливыми вопросами сэра Роберта скрывается его самая главная забота, составляющая суть его жизни. Конечно, происхождение лорда Гарри интересовало его как ориентир, которым он мог руководствоваться в выборе выгодного зятя. Что касается Хэтти, то она предпочла бы, чтобы голова джентльмена была свободна от всяких мыслей, имеющих хоть какое-то отношение к перспективе подобного родства. Но сейчас ей не оставалось ничего другого, как улыбаться и так же вежливо отвечать партнеру по игре.

Она без всякой робости пересела в освободившееся кресло лорда Элвани и нагнулась над столом, чтобы снять колоду. Начало оказалось для нее неудачным. Право на сдачу карт было потеряно, и это не обрадовало ее. Отнюдь. В свое время Дэмиан объяснял ей, что сдачей карт игрок обретает не только преимущество, но и удачу.

Сэр Роберт аккуратно поместил стасованную колоду в красивый полированный ларец с ручной росписью. Вещица была сделана не только со вкусом, но и с толком. Человек,

манипулировавший колодой внутри его, при всем желании не мог перевернуть. Отодвинув банк, сэр Роберт вынул из ларца свою первую карту. Это был бубновый валет. Затем последовали черви, два раза подряд.

Хэтти насторожилась, помня об уроках Дэмиана. Важно было удержать в памяти не только фигуры и масть, но и порядок карт. И она знала, как это делать. Следя за открываемыми картами, она на ходу придумывала под них нехитрые сюжеты, лишённые всякого смысла, но в то же время легко запоминающиеся. Пока карты кучками ложились на стол, она сочиняла историю о том, как «валет накопал в огороде червей, а злая дама пик их у него отняла, но потом пострадала сама, потому что вмешался бубновый король», и так далее. Эта абракадабра позволяла ей держать в голове расклад всей колоды.

Сэр Роберт заметил напряжённую работу ума на лице молодого лорда и решил проверить, чего стоят его мозги. Он был не против заполучить такого зятя, который бы не только не промотал его капитал, но, напротив, приумножил его. Минут через пять он предложил довольно рискованное пари:

- Ставлю двадцать гиней, милорд. Они ваши, если вы правильно назовете три последние карты.

Хэтти прокрутила в уме свою «сказку», сосредоточившись на конце, и вскинула на него загоревшиеся азартом глаза:

- Согласен, сэр Роберт. Я принимаю ваше предложение. Итак, называю карты, хотя не могу твердо ручаться за порядок. Семерка червей, туз пик и четверка треф.

Первым из ларца был извлечен туз пик, за ним последовала семерка червей и, наконец, к неописуемому восторгу Хэтти, четверка треф.

Впервые в жизни сэр Роберт был доволен, что проиграл.

- Недурно, друг мой, совсем недурно, - сказал он, откинувшись на спинку стула. - У вас живой ум. Поразительные способности для такого молодого человека.

- Ага, я вижу, Монтейт и здесь отличился.

Хэтти услышала за спиной чью-то насмешливую медлительную речь. Когда она резко обернулась и подняла глаза, то увидела сэра Уильяма Файли.

- Что значат ваши слова, сэр Уильям? Где еще отличился наш юный герой? - спросил сэр Роберт.

У него не было особого желания разговаривать с сэром Уильямом Файли. Он испытывал к нему неприязнь за вульгарность и жестокость. Однако приверженность сэра Роберта строгому этикету не позволяла ему полностью игнорировать этого джентльмена.

Сузившиеся глаза сэра Уильяма пристально смотрели на лорда Гарри. Файли попеременно то сжимал, то разжимал кулаки. Когда он снова заговорил, голос его звучал по-прежнему протяжно и насмешливо. От этих звуков у Хэтти мурашки побежали по спине.

- Я говорю о той репутации, которую приобрел Монтейт благодаря своим знакомствам с леди. Слово «леди» я употребляю, разумеется, условно. Вряд ли оно применимо к проституткам из заведения леди Бакстел.

Хэтти захотелось ударить его, но она заставила себя сохранять спокойствие и невозмутимость. Она увидела, как расширились от удивления темные глаза сэра Роберта. Она прочла в них глубокое разочарование. В душе она послала сэру Уильяму самые жестокие проклятия.

- Возможно, сэр Уильям, вы слышали старинную поговорку, - сказала она, твердо глядя на него. - Помните тот закопченный горшок, который, побывав в печи тысячу раз, хотел соперничать с чайником? По-моему, мораль ясна - в чайники вы не годитесь.

Сэр Уильям оскалил зубы, как рычащий пес перед прыжком, и Хэтти поняла, что переступила рамки дозволенного. «Впрочем, злополучному сэру Уильяму, возможно, и этого мало», - подумала она. В этот момент снова чей-то смех заставил ее обернуться. Она круто повернулась в кресле и увидела лорда Оберлона. Маркиз с непринужденным видом стоял рядом с сэром Уильямом, поигрывая изящной табакеркой.

«О Господи!» - воскликнула она про себя, никак не ожидая увидеть его в двух шагах и тем более не предполагая, что он случайно услышит слова сэра Уильяма. Но не это расстроило ее: она не хотела встретиться с маркизом в такой обстановке.

Сэр Уильям не обратил на маркиза ни малейшего внимания. Он наклонился к креслу, в котором сидела Хэтти.

- Вы сами не понимаете, что вы мелете, Монтейт, - злобно прошипел сэр Уильям. - Я советую вам держать язык за зубами, иначе в один прекрасный день вы можете его лишиться.

Хэтти почувствовала на себе взгляд темных глаз лорда Оберлона. «Поймала рыбку на крючок, только не ту, - подумала она, - но теперь ничего не попишешь». Отвратительному сэру Уильяму это не повредит. С другой стороны, это даже неплохо: лорд Монтейт никогда не должен выглядеть в глазах маркиза трусом.

Она небрежно развалилась в кресле и закинула обтянутую сапогом ногу на парчовый подлокотник.

- А знаете, сэр Уильям, боюсь, что я допустил ошибку. Неудачно перефразировал удачное изречение. Превратил его в беззубую метафору. Когда я сравнил вас с горшком, мне следовало бы выразиться иначе. На самом деле я подразумевал *pot de chambre* [3]. Это больше подходит вам. Вы не согласны со мной?

- Черт побери, самонадеянный щенок! - вскричал сэр Уильям, подняв свою широкую ладонь и замахнувшись для удара. - Клянусь Богом, вы заплатите мне за ваши слова. И за все ваши выходки.

Кажущееся лениво-безразличным выражение мгновенно исчезло с лица лорда Оберлона. Хэтти почти осязаемо ощутила напряжение, охватившее его сильное тело и выдававшее в нем готовность к действию.

- Остановитесь, Файли. Насколько я понимаю, вы сами спровоцировали юнца. Я думаю, сэр Роберт согласится со мной. Полагаю, что в подобных случаях лучше использовать остроумие, чем пускаться в ход угрозы или кулаки.

Сэр Уильям с сердитым видом повернулся к маркизу:

- А вы, ваша светлость, не вмешивайтесь. Вас никто не просил об этом. Монтейт заслуживает

того, чтобы его проучить.

Тут внезапно вмешался сэр Роберт, неожиданно поднявшийся со своего места. Замаячившая долговязая фигура джентльмена привлекла всеобщее внимание.

- Я должен согласиться с его светлостью, сэр Уильям, - с достоинством сказал он. - Монтейт еще очень молод, и в Лондоне он совсем недавно. Только сегодня принят в наш клуб.

- Если для вас это вопрос чести и вы жаждете дуэли, Файли, - снова вмешался лорд Оберлон, - выплесните свой гнев на другого человека. Найдите для этого мужчину, а не мальчишку. Как вы, должно быть, догадываетесь, я готов предложить вам свои услуги. Сделайте одолжение. Вам достаточно назвать имя вашего секунданта и время. Можете выбирать оружие.

Сэр Уильям поспешно ретировался. Было заметно, как в глазах его вспыхнул страх.

- Что ж, я вижу, вам не очень-то хочется иметь дело со мной, - продолжал маркиз. - Боже мой, Файли, вам ли говорить о выходках этого юнца! Посмотрите на себя. Ваши манеры просто отвратительны.

Между тем на протяжении всей этой отповеди сэру Файли Джейсон Кэвендер не сводил глаз с молодого человека. Тот внешне держал себя в руках, оставаясь неподвижным и явно стараясь не выдавать ни своих чувств, ни намерений, хотя был очень бледен. Судя по глазам, внутри он весь кипел от ярости. Маркиз был поражен этим.

Хэтти чувствовала себя так, будто из-под нее вдруг кто-то рывком выдернул кресло. Черт бы побрал этого лорда Оберлона! Кто просил его вступаться за нее? Она вовсе не желала иметь заступников ни в лице сэра Роберта, с его разговорами, ни в лице Джейсона Кэвендера, с его рыцарскими замашками. Какое невезение! Какой толк от того, что она наконец оказалась с ним, своим заклятым врагом, лицом к лицу? Чего она добилась? Нашелся спаситель! Какая досада. Ускользает из рук первая же представившаяся возможность отомстить. Нет, она не должна упустить эту возможность.

Хэтти вскочила с кресла и вышла из-за стола, намереваясь встать между лордом Оберлоном и сэром Уильямом. Она могла хорошо видеть лицо сэра Уильяма, потому что оно было на уровне ее глаз, но ей пришлось немного вскинуть голову, чтобы взглянуть в глаза лорду Оберлону.

- А я и не предполагал, что за вашей светлостью водится такое, - сказала она спокойным негромким голосом. - Вот оно как! Значит, вы становитесь на защиту всех джентльменов, не достигших вашего благородного возраста! Но в данном случае вы ошиблись. Я не желторотый юнец, который нуждается в вашей защите, ваша светлость. Я сам могу постоять за себя. К тому же такие заступники мне не нужны. Не вижу большой разницы между вами обоими. Сутенера за милую душу, под какой бы личиной он ни скрывался. Так что у меня нет ни желания, ни необходимости терпеть ваше вмешательство.

Хэтти услышала, как кто-то из стоявших у нее за спиной с шумом втянул воздух, но она не знала, кому принадлежал этот вздох, сэру Уильяму или сэру Роберту. Не знала и знать не хотела. В голове у нее сразу же мелькнула мысль о синьоре Бертиоли. Она вспомнила его оптимизм, хотя в значительной степени искусственный, в отношении ее прогресса в фехтовании. Может быть, сейчас пришла пора проверить свое мастерство?

На лице лорда Оберлона не дрогнул ни один мускул. Она подумала, что, должно быть, скрыть чувства ему помогает темный загар, приобретенный в Италии. Единственное, что она могла

заметить, – это, пожалуй, промелькнувшее изумление в его темных глазах. Но маркиз так быстро отвел взгляд, что она засомневалась, было ли это на самом деле. Она почувствовала, как у нее невольно сжались кулаки. Почему он не ударил ее?

Маркиз с невозмутимым видом распахнул табакерку и изящным взмахом запястья приблизил ее к носу. Он втянул в ноздри крохотную щепотку табака и потом сделал затяжку поглубже. Затем небрежно стряхнул с рукава прилипшую крупичу и, к удивлению Хэтти, с чуть заметной улыбкой посмотрел ей прямо в глаза.

В действительности ему хотелось своими длинными пальцами взять этого дерзкого юнца за его белую шею, легонько сдавить ее да так подержать до тех пор, пока тот не извинится за свою опрометчивость. Он прекрасно знал, что не сможет сделать этого, во всяком случае здесь, в «Уайтсе». Хотел бы он знать, что на уме у этого мальчишки, с чего он вдруг набросился на него? Какую цель преследовал? Маркиз не мог разгадать его поступка.

– Смотрите, Файли, похоже, Монтейт одинаково презирает нас обоих, – тихо сказал маркиз, сохраняя прежнее спокойствие, даже с каким-то оттенком грусти. Он выждал паузу, обедая пристальным взглядом лицо Монтейта. – У вас острый язык, приятель. Я вижу, вы мастер говорить колкости. Но я бы посоветовал вам на будущее умерить вашу прыть и развязность. Во всяком случае, не демонстрировать их в моем присутствии.

К маркизу присоединился сэр Файли:

– Это лучшее, что вы можете сделать, Монтейт. Вам следует прислушаться к совету его светлости. Запомните, кем бы вы ни были, желторотым юнцом или взрослым, за оскорбления вам придется платить.

Сэр Файли почувствовал, насколько глубоко молодой Монтейт задел самолюбие маркиза, и понимал, что своим завершающим ударом он отведет гнев его светлости от себя. Он еще раз с ненавистью взглянул на пылающее лицо юноши, резко повернулся и размашистой походкой пошел прочь.

Сэр Роберт, стоявший поодаль с вытянутыми в нитку губами и неодобрительным взглядом, только слегка втянул голову в тощие плечи и удалился к другому столику. Хэтти увидела, что осталась одна, как и хотела, лицом к лицу со своим врагом. Наконец-то. Она чувствовала его мощь. Не только абсолютное физическое превосходство, но и другую скрытую силу, которая была внутри его и являлась частью его личности. Именно эта внутренняя сила делала его тем, кем он был. В ее глазах он оставался безжалостным и лишенным всяких нравственных устоев человеком, невзирая на то, что взялся защищать совершенно незнакомого ему лорда Гарри Монтейта. Для нее это не имело никакого значения. Она не хотела даже думать об этом и тем более делать ему какие-либо поблажки. Она задиристо вскинула подбородок. Не важно чем, пулей или шпагой, она повергнет его на землю. Это обязательно произойдет, каким бы сильным и могущественным он ни был. Она намерена его уничтожить. Он это заслужил.

Маркиз снова заговорил. На этот раз в мягкости его тона чувствовалось нескрываемое предостережение.

– Послушайте меня, Монтейт. Вы еще очень молоды. Хотя я и разделяю вашу неприязнь к сэру Уильяму и ваши остроумные выпады в его адрес и впрямь позабавили меня, я должен вам сказать: будьте осмотрительны. Я не считаю вас глупцом, друг мой, поэтому отнеситесь к моему совету с должным вниманием. Так вот, знайте: прежде чем бросать оскорбления в лицо выбранной вами жертвы, хорошенько изучите ее.

- Жертвы, ваша светлость? Однако странно слышать это слово из ваших уст применительно к себе. Я лично вижу в вас хищника. Хищника, не испытывающего жалости к своим жертвам и не ведающего угрызений совести. Не извольте сомневаться – я отвечаю за свои слова. И уж поверьте, я сумею распознать хищника, прежде чем вступить с ним в схватку. А данный вами совет мне ни к чему. Он добавил еще один мелкий штрих к вашему портрету, ваша светлость.

Хэтти увидела, как вдруг вздулись желваки у маркиза на щеках и задергалась небольшая мышца в уголке рта. «Вот сейчас он меня ударит», – подумала она и напряглась как натянутая струна. Человек с непомерным самолюбием, каким, несомненно, являлся маркиз, не должен был сносить подобные оскорбления.

Между тем лорд Оберлон не спеша опустил свою табакерку в карман жилета. Он смерил взглядом стоявшего перед ним в застывшей позе, тонкого, как молодое деревце, юношу, не выказывая ни малейших признаков гнева, наоборот, демонстрируя свою терпимость к нему. «Боже мой, – думал маркиз, – неужели я сам когда-то был таким же юным? Таким же высокомерным? Так же, как он, считал себя совершенно неуязвимым?» Впрочем, разница в годах, решил он, была не так уж велика. Должно быть, их разделяли лет семь или восемь. В конце концов, он допустил, что в прежние годы тоже мог вести себя достаточно безрассудно. Большинство молодых людей совершают одни и те же ошибки. Тем не менее он вовсе не пытался находить оправдание таким поступкам. Он скептически относил их к разряду «величайших глупостей в жизни».

- Я нахожу ваше поведение довольно забавным, Монтейт, – сказал наконец маркиз шутливым тоном. – И я умираю от желания узнать, почему вы назвали меня хищником, дружище. А? Никак не могу взять в толк, что могло дать повод для такого заключения. Что касается вашего поведения в целом, то я даже начинаю думать, что, может быть, вы таким образом хотите казаться старше? Может, поэтому вы решили ни за что ни про что оскорблять всех джентльменов, которым выпало счастье попасть на ваш острый язычок? Сейчас вам едва ли больше двадцати одного года. Если вы хотите отпраздновать свой будущий день рождения, то вам нужно подумать о ваших манерах и быть осторожнее в выражениях.

Хэтти усиленно подыскивала слова, которые могли бы разъярить его. Она никак не могла объяснить себе его поведение. Почему все-таки он не решается взять ее за горло и встряхнуть как следует? Она снова собрала с духом, напустив на себя как можно больше холодности и высокомерия.

- Ошибаетесь, ваша светлость. Все совсем не так, – сказала она, задиристо вздернув подбородок. – Если вы имеете в виду себя, то в вашем лице я оскорбляю не джентльмена, а всего лишь титулованную особу. Разницу между тем и другим я прекрасно знаю, несмотря на мой возраст. Теперь вы меня поняли?

Этого Джейсон Кэвендер уже не мог вынести. Он свирепо схватил молодого человека за хрупкое запястье и, сам того не желая, вывернул руку, тут же осознав, что со своей силищей может сломать ему кость. Он не стал дальше выкручивать ему запястье. В глазах молодого человека он увидел боль. Однако тот не издал ни единого звука, только смотрел вниз, на руку маркиза. Смотрел холодно и бесстрастно. Как бы маркиз ни старался казаться беспристрастным, он снова был потрясен.

Хэтти держалась из последних сил, чтобы не вскрикнуть. Длинные, прямоугольные на концах пальцы маркиза прочным кольцом сомкнулись вокруг ее запястья. «Я добила своего», – решила она. Приподнятое настроение заставило ее на секунду забыть про боль. Но тут маркиз

внезапным сильным рывком притянул ее к себе. Теперь их лица находились в нескольких дюймах друг от друга.

- Я нахожу предосудительными ваши дурные манеры и эти сцены, Монтейт, - сказал он мягко. - Вы провоцируете меня. Сознательно. Но я спрашиваю себя: почему? Что заставляет вас делать это, молодой человек?

Имя Дэмиана было готово сорваться у нее с губ, но она совладала с собой. Он не заслужил ее объяснений. И он не услышит их от нее до тех пор, пока она не пошлет пулю в его безжалостное сердце. Когда кровь хлынет из его ран, тогда и только тогда он узнает, почему он обречен на смерть.

- Вот вы где, лорд Гарри! Что вы тут делаете? Выясните отношения с его светлостью? Уж не хотите ли вы сказать, лорд Оберлон, что Монтейт ошельмовал вас в фаро? Это невероятно, потому что в этом ему нет никакой нужды. Он превосходный игрок, никогда не знающий поражений.

Услышав голос своего приятеля, Хэтти с досады прикусила нижнюю губу. Лорд Оберлон отпустил ее руку. Напоследок он даже не удосужился взглянуть на нее. Видимо, больше не считал нужным тратить на нее свое драгоценное время. Одному Богу было известно, как ей хотелось в глаза назвать его убийцей, бесчестным человеком, повинным в гибели ее брата. С каким удовольствием она сказала бы ему, что хочет убить его. Пока же, наблюдая, как он, подобно хамелеону, на глазах превращается в скупающего джентльмена, она могла только мысленно поклясться, что день возмездия еще наступит.

- Нет, Брэндон. Насколько мне известно, в фаро Монтейт играл честно. За карточным столом он не прибегал к шулерским приемам. Мы говорили не об этом. Мне он был интересен с других сторон. И то, что мне хотелось узнать, я, кажется, выяснил.

Сказав это, Джейсон переключился на подошедшего мистера Скаддимиора:

- Как родители, Скаддимиор? Надеюсь, с ними все в порядке! Отец уже поправился после той неудачной охоты? Трудно им, должно быть, обходиться без вашего присутствия.

Скадди почтительно поклонился, польщенный тем, что маркиз удостоил его чести заговорить с ним:

- Вы очень любезны, ваша светлость. Я тронут вашим вниманием. С родителями все в порядке. Сейчас уже нет повода для беспокойства. Отец ходит без посторонней помощи и довольно бодро. И я не слышал от них жалоб на то, что им сильно меня не хватает.

Маркиз сочувственно кивнул и обратился к сэру Гарри:

- Передайте мои наилучшие пожелания вашей очаровательной сестре и Жюльену, Брэндон. Я загляну к ним в ближайшее время. Ну а с вами, лорд Гарри, - он снова посмотрел на Хэтти, - мы, несомненно, еще поговорим. Поразмыслите на досуге над тем, что я вам сказал, приятель. Думайте, прежде чем что-то говорить. Ваш язык не доведет вас до добра. - С этими словами он шутливо приложил руку к голове и с равнодушным видом удалился.

- Что все это значит? - спросил сэр Гарри, глядя ему вслед.

- Ничего. Лучше скажите, сколько шампанского вы еще выпили в мою честь? А то у меня появилось двадцать гиней. Мой скромный выигрыш в фаро. Я полагаю, что надо их прокутить.

Вперед, Макдуф [4]!

- Макдуф? - переспросил Скадди. - Я с ним не знаком. А что, этот парень тоже любит шампанское? Если нет, то нечего брать его с собой!

Глава 12

Джейсон Кэвендер бросил в чашку кусочек сахара и размешал свой крепкий испанский кофе. Прежде чем проглотить порцию любимого напитка, он с наслаждением вдохнул его густой и необычно терпкий аромат. Несмотря на начало десятого, за окном было еще довольно уныло. Ничто в это ненастное зимнее утро не предвещало, что остальной день будет менее хмурым. В небольшой комнате с длинными французскими окнами, где он обычно завтракал, было слышно завывание ветра; его порывы били по стеклам тяжелыми и звонкими каплями дождя. Из-за плотной завесы воды треугольный парк, расположенный как раз напротив городского дома маркиза на Беркли-сквер, имел вид расплывчатого пятна. В такую отвратительную погоду маркиз предпочел бы оставаться в постели.

«Унылый, по-видимому, будет день, - подумал он, наливая себе вторую чашку кофе. - Несчастный Спайверсон». Он живо вообразил себе сутулого тощего мужчину - своего управляющего, который, должно быть, в это время был уже в пути. На сером фоне дождливого и ветреного утра его мысленному взору предстала согбенная фигура в промокшем, лоснящемся от старости черном костюме и квадратное лицо с прилипшими редкими седыми волосами.

Лорд Оберлон, щедро плативший своему управляющему, давно знал о его скупости. Поэтому сейчас он не сомневался, что Спайверсон скорее согласится заработать себе воспаление легких, чем расстанется с несколькими шиллингами на экипаж.

Маркиз ладонями обхватил чашку с кофе, поднялся из-за стола и подошел к камину. Он уже было собрался сказать дворецкому, чтобы тот вернул управляющего обратно, но в последний момент подавил это желание. Хотя управляющий, без сомнения, закрыл бы глаза на подобный каприз богатого господина, маркиз не желал быть похожим на своего покойного отца и тем более не собирался перещегоолять его. Он помнил, как отец походя мог отменить назначенную встречу, бросить все дела и отправиться на пирушку к друзьям или выбирать новую лошадь для верховой езды. После смерти отца маркиз навел порядок в доме и с тех пор никогда не позволял себе опускаться до праздности и лени, считая зазорным пренебрежение своими прямыми обязанностями. Однако на этот раз искушение было слишком велико. После вчерашнего возлияния голова раскалывалась от боли. Да и в целом он чувствовал себя неважно. За минувшие сутки он почти не отдыхал. Сначала устроил себе продолжительную ночную прогулку, добираясь на нетвердых ногах от «Уайтса» до Пемберли-стрит, где жила Мелисанда. Ввалился к ней в два часа ночи, разбудил ее и устроил настоящий погром в спальне. Потом вылез из ее постели, снова оделся и, все еще пошатываясь, на заре в этот неприветливый холодный день отправился к себе на Беркли-сквер.

Размышляя на трезвую голову после подобных оргий, он всякий раз признавался себе, что они являются для него чем-то вроде опия. Он понимал, что это не лучший способ хоронить неприятные воспоминания, но в то же время считал, что это лучше, чем ничего. Оставалось только сожалеть, что человек не может достигнуть мудрости, зрелости и умеренности, не пройдя через боль и страдания. Никто еще не придумал такого средства, которое быстро и без последствий избавляло бы от тоски и ощущения безысходности.

Он повернул голову к двери, услышав тихие шаги дворецкого. Своим обостренным слухом он был способен улавливать даже свистящее дыхание экономки, миссис Джервил, когда она находилась на расстоянии десяти футов от двери его комнаты. Он уже давно привык ко всем звукам в доме, где родился и вырос. Они были неотъемлемой частью его жизни. Но ни эти звуки, ни сознание присутствия в доме давно знакомых людей не скрашивали его одиночества. В такие дни и минуты, как сейчас, он переживал его особенно тяжело.

Никто из близких и друзей не понимал, что для него значило его непродолжительное супружество, а он не испытывал большого желания рассказывать о нем. Должно быть, большинство людей, давно знавших его, смотрели на его внезапный отъезд в Италию после смерти жены как на способ избавиться от огромного горя. И это его вполне устраивало.

Осторожные кошачьи шаги дворецкого затихли перед самой дверью, и через секунду послышался приглушенный стук в дверь. Маркиз посмотрел на часы: «Черт побери – Спайверсон пришел раньше времени».

- Войдите, Рэббел.

Маркиз поставил пустую чашку на стол.

- Ваша светлость... - начал дворецкий, топчась на месте и оглядываясь назад. Из-за своего крючковатого носа и торчащих рыжих волос он был похож на хохлатого корнуоллского петушка.

- Знаю, Рэббел, - со вздохом прервал его маркиз. - Будьте любезны, скажите Спайверсону, что я скоро буду. Пусть подождет меня в конторе. И вот еще что, помогите ему просушить одежду. Не дай Бог, простудится и сляжет с воспалением легких.

- Это не Спайверсон, ваша светлость, - сказал Рэббел, скрывая ухмылку. - Это граф Марч. Он уже идет сюда.

- Глазам своим не верю! Сен-Клер! - воскликнул маркиз, поднимаясь с кресла и направляясь навстречу другу. - Боже, какая сила подняла вас с постели в такую рань и в такое утро?

- Резонный вопрос, Джейсон, - заметил граф, энергично встряхнув ему руку. - Действительно, я опасался застать вас в постели, как и подобает нормальному человеку в этот час. Тем более в столь скверную погоду.

- Да, погода хуже некуда. Дернуло же управляющего отправиться ко мне, невзирая на ветер и слякоть. Поэтому и я на ногах. Присаживайтесь, Жюльен. Надеюсь, вы выпьете со мной чашечку кофе?

- С превеликим удовольствием. Хотите угостить меня вашим испанским чудом? Так оно и есть, - изрек граф, взяв чашку и сделав большой глоток кофе. - Полагаю, что вы не откажетесь поделиться со мной рецептом. Может быть, сделаете мне такой подарок к Рождеству?

- Боюсь, тогда у вас не будет предлога зайти ко мне.

Граф улыбнулся и поудобнее устроился в кресле.

- Как вам показалась Италия, Джейсон?

Маркизу хотелось сказать ему, что для него Италия была обычной страной, точнее, местом, где

он собирался уединиться, и что с равным успехом он мог бы совершить путешествие в другие страны, безразлично какие, например в Россию. Но он не стал этого говорить.

- Если честно, то не в моем вкусе. Слишком жарко. Конечно, никто не станет отрицать, что красота Флоренции не может не вызывать восхищения. И все-таки я не в восторге. Я никак не мог отделаться от ощущения... как бы это сказать... Словом, мне постоянно казалось, что я ступаю по земле, сплошь усыпанной какими-то перезрелыми фруктами.

- Персиками, например, - сказал граф. - У меня при упоминании об Италии почему-то всегда возникает образ персика.

Граф Марч был осведомлен, что продолжительная поездка Джейсона была связана со смертью жены. В тот период, когда случились те трагические роды, граф вместе с Кейт находился в Париже. По непонятным причинам за те считанные месяцы своей супружеской жизни, вплоть до трагической кончины Элизабет, Джейсон никогда не приглашал их к себе. Из деликатности граф не решался докучать друга вопросами, хотя ему не терпелось их задать. В то же время он устал жить в постоянной тревоге за него.

- Ваша сдержанность начинает меня беспокоить. Послушайте, Жюльен, чего вы стесняетесь? Я не вызову вас на дуэль, если вы открыто спросите меня, что вас интересует. Ведь я же вижу, что вам смерть как хочется это сделать.

- О чем вы можете рассказать мне, Джейсон? О вашем безрассудном поведении? О том, что вы не пропускаете мимо ни одной юбки? Неужели вам не надоело делать вид, что вам безразличны все разговоры, которые ведутся вокруг вас? Довольно прикидываться. Вы прекрасно знаете, что никто не считает вас паймальчиком. Но я не хочу питаться этими дурацкими сплетнями. Я хотел бы знать правду, черт возьми.

Некоторое время лицо маркиза оставалось неподвижным, потом он улыбнулся. Но это была не улыбка, а скорее горькая усмешка, только встревожившая графа.

- Представляю, что тут болтали обо мне, - сказал он, задумчиво глядя на оранжевое пламя в камине. - Отвели душу. Если быть до конца откровенным, Жюльен, за это время я успел вкусить очень много. Иногда моя жизнь напоминала сущий ад. Удивляюсь, каким чудом я не подхватил заразы! Но было и забавное. Смешно, когда тебе в постели шепчут слова, которых ты совсем не понимаешь. Сколько раз я хохотал над этими нежностями. И еще... - хотел было добавить маркиз, но не договорил.

- Я понимаю вас, Джейсон, - медленно проговорил граф, - но вряд ли подобные занятия согревают душу.

В этом граф был абсолютно прав, только истинные причины ему не были известны. Однако для Джейсона этих разговоров было более чем достаточно.

- Довольно об этом. Сейчас меня больше беспокоит моя голова. Должен покаяться - немного перебрал бренди. И еще это неприятное известие о том, что Спайверсон хочет засадить меня до обеда за свои счета и конторские книги. Ну вот, со мной, кажется, разобрались. Теперь скажите, как у вас дела на Беркли-сквер. Вряд ли цель вашей миссии исключительно в том, чтобы посмотреть, жив я еще или нет.

- Вы правы. Чтобы узнать, как и чем вы дышите, у меня есть уйма других способов, - сказал граф. - На самом деле я заглянул к вам потому, что направляюсь в Тэттерсоллс. Собираюсь купить для Кейт легкий фаэтон. Хочу сделать ей сюрприз. Из-за этого пришлось уехать из дома

ни свет ни заря. Так не хотелось вставать. – После этих слов граф перегнулся через стол и, приблизив лицо к маркизу, добавил: – Поздравьте меня, Джейсон. Кейт ждет ребенка.

– Вот это да! Действительно хорошая новость. – Маркиз потряс руку графа, обнял его за плечи и принялся дурачиться, совсем по-ребячески. – Ага, понятно. Хотите угодить Кейт. Почтенной леди теперь необходим комфорт.

– Какой там комфорт, – засмеялся граф, – о нем она совсем не думает. Сообщила мне эту новость во время нашего урока фехтования. У меня даже было желание поколотить ее. Хорошо, что вовремя подоспел ее братец. Зашел к нам вместе со своим новым приятелем. Конечно, я шучу, мне бы в голову никогда не пришло поднять на нее руку. Кстати, хотел спросить вас, что вы думаете о моем протеже, приятеле Гарри? Насколько мне известно, вчера его приняли в «Уайте».

– Что за протеже?

– Его зовут Монтейт. Гарри Монтейт. Занятный молодой человек. Такой рассудительный, я бы даже сказал, не по годам. По-моему, он оказывает благотворное влияние на Гарри.

Джейсон с недоумением смотрел на него:

– Что? Уж не хотите ли вы сказать, что этот щенок теперь разгуливает по «Уайтсу» благодаря вашей рекомендации? Нет, это невероятно! Я думаю, что мы говорим с вами об одном и том же человеке. Такой довольно хлипкий с виду и вместе с тем чрезвычайно языкастый юнец, это он?

– Действительно, очень похоже на Монтейта. Так вы уже встречались с ним? Между вами что-то произошло?

– Встречались?! Не только встречались, Жюльен. У меня было большое желание выбить из него дурь. Этот заносчивый молокосос заявил, что я, видите ли, по его мнению, не джентльмен, а всего лишь титулованная особа. Причем он сказал это не сгоряча, а совершенно спокойно, сознательно и без всякого повода. Понятия не имею, что им руководило. Когда я напрямик спросил его об этом, то не услышал от него ничего вразумительного.

– Вы говорите, что чуть не проучили его?

– На этот раз воздержался. Но должен сказать вам, Жюльен, ваш протеже – дерзкий парень. Если он не обуздает свой нрав, то жизнь его может оказаться очень недолгой. Вы находите его рассудительным и зрелым не по годам? А я считаю, что он редкий идиот. Черт знает что! Откуда у него столько бравады и презрения ко всему миру? Если бы он оказался с Файли один на один, то его бы ждал неминуемый конец. Не останови я Файли, он ухлопал бы его.

– Вы озадачили меня, Джейсон. Если бы вы не рассказали мне о том, что он оскорбил вас, я так бы и остался при своем мнении. Но что сделано, то сделано. Полагаю, вы не сделали ничего такого, что заставило бы юношу платить вам такой монетой? Как все это произошло?

– У меня вообще не было с ним никаких дел. Монтейт играл в фаро с сэром Робертом. Я же, будучи поблизости, случайно услышал, как этот осел Файли намеренно вызвал юнца на ссору. Монтейт тут же заткнул ему глотку. – Маркиз сделал паузу и усмехнулся, вспомнив слова лорда Гарри. – И должен вам сказать, сделал это, черт возьми, совсем недурно. Сначала он во всеуслышание объявил его горшком, который считает себя лучше чайника. Ну, помните, как в той известной поговорке? Потом добавил, что Файли якобы не так понял его мягкую метафору.

Оказывается, милорд имел в виду другой горшок – ночной. Можете себе представить, что было с Файли. Он сделался багровым, как свекла, и так рассвирепел, что уже собирался бросить вызов Монтейту. Тут я имел глупость ввязаться в эту историю. И что вы думаете? Когда я оттащил от юнца Файли, вместо благодарности Монтейт обрушился на меня. Чего я только не наслушался! Он стал сравнивать меня с этим негодяем Файли, называть сутенером, хищником и тому подобными словами.

- Он еще слишком молод. Вы не допускаете, что ваше вмешательство могло задеть его самолюбие?

- Не думаю. Это выглядело иначе. Если бы я знал за собой какую-то вину, то решил бы, что он за это ненавидит меня. Но я не вижу причин для подобной ненависти. Он, несомненно, действовал обдуманно, и его высказывания были полны злобы. Он хотел довести меня до бешенства, Жюльен. Это ясно как день. Я не могу отделаться от впечатления, что Файли оказался просто случайной фигурой. Весь заряд, выпущенный по нему, предназначался мне. Именно со мной, а не с Файли или с кем-то еще этот юнец хотел сразиться. Но почему? Как я уже сказал вам, у меня на этот счет нет даже смутных подозрений.

- А вы не думали о том, что за всем этим может скрываться еще кто-то, скажем, его сестра, которую вы ненароком соблазнили? Может быть, у Монтейта есть родственники в тех краях, где вы были? В той же Флоренции? Как вы считаете, возможен такой поворот дела?

Маркиз, покачав головой, рассмеялся:

- Этого я не выяснял. Перестаньте разыгрывать меня, Жюльен. Это невозможно. В его нападках просматриваются намеренность и план. Чертовщина какая-то! Мне только не хватало ломать себе голову над тем, не совратил ли я чью-то сестру! А может быть, этому парню просто не понравилась форма моего носа? Довольно, Жюльен. Скажите мне лучше, когда появится на свет маленький граф Марч?

- В конце лета или начале осени, как мне любезно сообщила Кейт. Вот так. Ну что ж, Джейсон, теперь мне, к сожалению, нужно идти. Оставляю вас на съедение вашему управляющему. Я надеюсь, вам не нужно напоминать, что вы всегда желанный гость на Гросвенор-сквер?

- Разумеется. Кто же откажется принять у себя в доме титулованную особу!

Граф Марч улыбнулся и поднялся с кресла:

- Обещайте мне, что не будете растрчивать себя. Хорошо, Джейсон?

- Непременно.

- Боже мой, ну что мне делать с вами! Мисс Хэтти, просыпайтесь же скорее! Вы не представляете, кто к нам приехал. Всего несколько минут назад. Свалились как снег на голову.

Хэтти рывком натянула одеяло на голову:

- Нет-нет, Милли. Еще рано. Не может быть, что уже время завтракать. Ну пожалуйста, не трогайте меня. Дайте мне еще полчаса, даже меньше, минут двадцать.

- Вставайте, мисс. Здесь сэр Джон и леди Луиза. Сэр Джон не верит, что вы до сих пор в постели.

- Оставьте меня. У меня голова болит с похмелья. Вы понимаете, что такое несколько бутылок шампанского? Как может человек чувствовать себя после этого? Что вы сказали, Милли? Джек и Луиза? Но меня никто не предупредил, что они собираются приехать. Вы правы, действительно, это такая неожиданность.

- Ну что теперь обсуждать то, что уже произошло. Они ждут вас, мисс. Сейчас они в гостиной с сэром Арчибальдом. Но он, как вы догадываетесь, уже изнывает от желания побыстрее уйти. Вам нужно поторопиться, иначе они останутся там одни, разве что в обществе Гримпстона. Он весь изволновался, ожидая вас.

Хэтти застонала и поднялась с постели. Свесив ноги, она попыталась пальцами поддеть свои комнатные туфли.

- И маленький Джон с ними?

- Нет, только их слуги и горы багажа. Поморгайте глазами, мисс Хэтти. Припухлость быстрее пройдет. Так, теперь хорошо. Вот ваша рубашка. Вы говорите, у вас мигрень? Ах да, вы же сказали, что это похмелье. Похмелье? Не может быть. Откуда ему у вас взяться?

Хэтти ничего не ответила, только опять застонала.

- У нашего ребенка похмелье. Боже милостивый, совсем как у завязатого пьяницы. Да отнимите вы руки от головы. Посидите спокойно. Вон что с волосами сделали, за час не распутаешь.

- Сначала принесите мне кофе, Милли, - жалобно заныла Хэтти. - Если не хотите, чтобы я умерла, скорее дайте мне кофе.

Глава 13

Две чашки кофе и три минуты омовения лица в ледяной воде не пропали даром. Наконец Хэтти почувствовала, что жизнь для нее еще не кончилась. Не прошло и двадцати минут, как она уже спускалась с главной лестницы, размышляя о том, какая чистая или нечистая сила принесла Джека и Луизу в Лондон, к тому же без предупреждения.

Внизу ее подждал Гримпстон.

- Сэр Арчибальд только что ушел к себе в кабинет, - сказал он. - Сэр Джон и леди Луиза сейчас в гостиной. Они ничего не говорят, но, похоже, несколько обеспокоены вашим отсутствием. Минут через пять миссис Миллер принесет чай и кекс.

- Спасибо, - сказала Хэтти и почти опрометью бросилась к гостиной. - Джек, Луиза! Как я рада видеть вас! - Ей хотелось вдобавок спросить, какая нелегкая принесла их в Лондон и почему они не послали ей хотя бы короткую весточку.

Не успела она сделать и двух шагов, как оказалась в крепких объятиях брата.

- Ой, Джек! Полегче! Ты же переломаешь мне все ребра. Верзила неуклюжий! - кричала она, захлебываясь от смеха и крепко обнимая брата за шею.

- Ты и в самом деле раздавишь ее, Джек. Отойди, дай мне сначала обнять ее.

- О чем ты говоришь, Лу? Моя маленькая сестренка сделана из прочного материала, - возразил сэр Джон, но все же разжал руки и отстранил ее от себя. Всмотриваясь в бледное лицо сестры,

он невольно вернулся к воспоминаниям о минувшем лете. Тогда она все еще носила траур по Дэмиану. Возвращение к этим мыслям отозвалось страданием в его собственной душе, и он постарался сразу же подавить их. Он тихонько шлепнул ее по плечу. – Что с тобой, котенок? Что за вид? А ну, сознавайся, уж не перебрала ли ты вчера?

Хэтти видела озабоченность в голубых глазах брата, но у нее язык не повернулся бы сказать ему ни про кутеж с приятелями, ни про количество выпитого шампанского, ни про утренние мучения.

– О, пустяки. Не беспокойся обо мне. Ты же знаешь Лондон. В таком большом городе столько интересного, что на все не хватает времени. Это не только моя беда. По-моему, здесь все не высыпается. Ну, теперь все-таки отпусти меня. Я хочу поздороваться с Луизой. Мне кажется, я не видела ее целую вечность.

Хэтти обняла Луизу, которая ростом была намного меньше ее, и поцеловала невестку в щеку.

– Ты замечательно выглядишь, Луиза. Выходит, тебя устраивает быть замужем за моим братом? Да?

– Не спрашивай, Хэтти. Только-только приручила его. Слава Богу, теперь не приходится следить, чтобы он не опрокинул мебель или не зарычал у порога.

Сэр Джон незамедлительно начал передразнивать жену громким собачьим рычанием, на что Луиза только засмеялась. Она улыбнулась Хэтти и взяла ее за руки:

– Ты взрослеешь, Хэтти. И все больше и больше хорошеешь, милая. А на то, что говорит Джек, не обращай внимания. Бледность если еще и не в моде, то, во всяком случае, становится модной. Садись скорее, дорогая. Ты должна рассказать мне самые свежие сплетни.

– погоди, Луиза. Прежде скажи мне, что вы собираетесь делать в Лондоне? И где маленький Джон?

Вместо нее ответил сэр Джон, только что усевшийся в скрипнувшее под его весом кресло:

– Сейчас я тебе все объясню, сестренка. В Лондоне Лу и я очутились проездом. Это наша первая остановка на пути в Париж, куда мы давно мечтали попасть. А здесь нам нужно побывать в некоторых местах и успеть сделать кое-что.

– Вы едете в Париж? Луиза, ты настоящий герой, и твой подвиг должен быть увековечен! Как тебе удалось оторвать Джека от его коров и пашен? Это просто чудо! И в самом деле, ты неплохо выдрессировала его.

– Вот-вот, сразу чувствуется женская логика. Все совсем не так. Лу прекрасно знает, что я из числа тех мужчин, которые всегда верны своему слову. Я просто выполняю то, что обещал моей послушной маленькой женошке. Пусть получит свои каникулы, прежде чем превратится в неповоротливую толстушку. Тогда уже не попутешествует!

– Толстушку? По-моему, Луизе это не грозит. До чего же ты вредный, Джек! Все бы тебе дразнить людей, – сказала Хэтти.

– Кхе... мисс Хэтти, – услышала она голос слуги.

- Да, Гримпстон. А-а, чай и кекс к завтраку! Как все это аппетитно выглядит! Передайте нашу благодарность миссис Миллер.

Она протянула брату блюдо с нарезанным кексом, продолжая допытываться:

- Подожди, Джек. Что все-таки значат твои слова? Почему ты спешишь отвезти Луизу в Париж? И почему ты считаешь, что она должна растолстеть?

Джек тем временем всюду уплетал кекс с орешками, быстро очищая блюдо.

- Боже мой, как же ты наивна, сестричка. Такая маленькая и неиспорченная. Неужто тебе еще нет восемнадцати? Мне кажется, пора уже лучше разбираться в некоторых вопросах.

- Джек, перестань подтрунивать над сестрой. Не слушай его, милочка. Мой муженек имеет в виду... ну... понимаешь, он хочет сказать, что мне предстоит стать матерью. Представляешь, он решил устроить этой поездкой второй медовый месяц, прежде чем у нас появится второй ребенок.

- Это же замечательно! Я очень рада за тебя, Луиза. Надо же, ваш ребенок должен родиться примерно в то же время, что и у Кейт Сен-Клер, - сказала Хэтти и сразу же осеклась. Черт подери, как же она не подумала о том, что мисс Генриетта Ролланд вряд ли могла познакомиться с графом Марчем и его супругой. - Впрочем, это не имеет никакого значения. Где вы будете жить в Париже? Сколько времени вы там пробудете?

- Ты слышала, Лу? Оказывается, у нашей малышки Хэтти появились друзья среди влиятельных людей. Что ты на это скажешь? Вот ты можешь похвастаться знакомством с графиней? Нет? То-то же!

«Заметил, дотошный», - подумала Хэтти и поспешила остановить его, а заодно и оправдаться:

- Это не совсем так. Я не сказала, что знакома с ней. Просто слышала об этом от людей. Когда постоянно общаешься то с одним, то с другим, обязательно что-то узнаешь. Вот так и я услышала случайно эту новость.

- Зато он не случайно спросил тебя об этом, Хэтти. Тебе, должно быть, невдомек, что Джек хорошо знает Жюльена Сен-Клера, графа Марча. Они знакомы уже несколько лет. Но ни Джек, ни я никогда не встречались с графиней. Я только слышала, что это очаровательная женщина.

У Хэтти сразу же возник образ Кейт Сен-Клер. Она вспомнила, как хрупкая женщина в узких черных брюках с рапирой в руках изгалялась над взбешенным мужем.

- Да, я тоже слышала это.

- Ну вот что, леди. Довольно сплетничать. Хэтти, ты не хочешь рассказать, как ты жила последние месяцы?

Хэтти с благодарностью вспомнила леди Мелбери и принялась взахлеб рассказывать о вечеринке, на которой недавно побывала. Описывая это знаменательное событие, она не скупилась на слова и старалась так приукрасить свой рассказ, чтобы у леди Луизы и Джека сложилось впечатление, будто все это время она только и делала, что порхала с одного бала на другой. Все то время, что она морочила им головы этой чепухой, она украдкой наблюдала за братом, бросавшим выразительные взгляды на жену. Под конец она спросила его:

- А ты, Джек, думал, что я безвылазно сидела дома? Ты думал, что я все еще ношу траур по Дэмиану?

- Хэтти, ты должна нас понять. Согласись, что у нас были основания для беспокойства. Мы действительно считали, что ты не выходишь из дома после того, как леди Уортингтон покинула вас.

- Не стоит волноваться понапрасну. Ни вам обоим, ни всем остальным. Представьте себе, я с удовольствием посещала вечеринки и балы, и всякий раз возле меня оказывались любезные пожилые дамы, которые не обделяли меня своим вниманием. Но это совсем неинтересно. - Внезапно Хэтти резко вздернула подбородок и высыпала на родственников град вопросов: - Что же вы ничего не говорите о Маврин? Что вы думаете о ней? Как ее встретил маленький Джон? Нашла ли она общий язык с прислугой?

Вопросы пришлились как нельзя кстати. Джон и Луиза прямо-таки расплылись от удовольствия.

- Маврин - замечательная девушка, - сказала леди Луиза. - Джек тоже так считает. Маленький Джон обожает ее. Ему только пять лет, а он уже по уши влюблен. Меня и то так не любит. И слушается только ее. Представляешь, никого близко не подпускал к своей коллекции камешков, а ей сразу показал. Если б не она, мы бы никогда не рискнули отправиться в эту поездку. А теперь можем ехать с легким сердцем. Я уверена, что малыш даже не заметит нашего отсутствия.

- Спасибо вам, что приютили ее. Я молила Бога, чтобы она подошла вам.

Сэр Джон вытянул свои длинные мускулистые ноги к камину и, как-то сразу помрачнев и насупившись, сказал:

- Сколько их осталось без крыши над головой, таких сирот, как она. А сколько таких замечательных людей, как ее дядя Боб, пали смертью храбрых? Но наше правительство ничего не сделало для их осиротевших семей. Мы с Луизой рады, что смогли помочь хотя бы одной несчастной душе. За нее ты можешь не беспокоиться, Хэтти. В нашем доме ей не грозит беда, и ей у нас нравится. К тому же мы позаботимся и о ее будущем.

- Я согласна с Джеком, - поддержала мужа леди Луиза. - Очень приятная и смышленная девушка. Бог даст, со временем накопит денег. Мы положили ей приличное жалованье. А там, глядишь, найдется подходящий жених, и отпразднуем свадьбу. Будет у нее и свой дом, и своя семья.

Растроганная такой добротой, Хэтти чуть не разрыдалась. Стараясь не выдать своих чувств, она заставила себя улыбнуться. Уловивший ее смятение Джон поспешил переменить тему разговора:

- А отец совсем не меняется. Верно, Хэтти? Боже, как я тебе сочувствую. Как ты умудряешься ладить с ним?

- О, это особый разговор. Тут нужен деликатный подход. Недавно был у нас один забавный случай. Ты ведь знаешь, как слуги трепетно относятся к его распорядку. Так вот, в один прекрасный день сэр Арчибальд решил отправиться на ленч к своим соратникам по партии. Внятно никому ничего не сказав, сбил с толку всех слуг, и в результате в доме весь день царил хаос. Я по возможности стараюсь не вмешиваться в его дела. Единственное, что я себе позволила, это раз и навсегда предупредила повара, чтобы он не готовил для отца никаких блюд, которые хотя бы отдаленно могут напоминать ему о зерне. - Заметив, как Луиза

изумленно вскинула бровь,

Хэтти с улыбкой добавила: – Вы же понимаете, что заставило меня пойти на это. Конечно же, пресловутый закон о зерне и, конечно же, все исходящие из него беды и происки «проклятых вигов». Я боюсь, что в один прекрасный день не выдержу очередной вдохновенной речи об их «коллективном обмане». Уверю вас, это обязательно произойдет.

Сэр Джон слегка выпрямился в кресле. – Я, разумеется, никогда не помышлял о том, чтобы вступать с отцом в дебаты о политике. Но, будучи фермером, справедливости ради должен сказать, что сам вижу наши упущения в новом законе о зерне. В страну не должно быть никакого ввоза до тех пор, пока цена на наше английское зерно не достигнет восьми шиллингов за четверть. Иначе, как мне кажется, для людей с невысокими доходами наступят тяжелые времена. Уже сейчас в крупных городах хлеб становится не по карману наиболее бедной части населения. Насколько я помню, Дэмиан тоже так считал. Он говорил, что уровень жизни неуклонно снижается, особенно в Манчестере. Он даже предсказывал, что нам следует ожидать в ближайшие годы значительных волнений: люди не выдержат тяжкого гнета нищеты. Что до нашего дорогого отца, то это просто наваждение какое-то! Я иногда задаю себе вопрос: способен ли отец допустить хотя бы сам факт существования иной точки зрения?

– Опомнись, Джек. То, что ты сейчас говоришь, для него почти равносильно кощунству, – сказала Хэтти, в притворном испуге возводя глаза к небу. – Отец родился консерватором и умрет им. Более того, он не такой, как обычные тори. Я считаю, что это даже не совсем подходящая партия для него. Ему нужно что-то из ряда вон выходящее. Ведь он же спит и видит обратить всех своих соратников в собственную веру.

Видимо, уставшая слушать все это, Луиза внезапно поднялась и, одернув свою модную дорожную блузу из серого миткаля в косую полоску, подошла к мужу. Вытянувшись во весь рост, она едва сравнялась с сэром Джоном, остававшимся в кресле приблизившись к его лицу, она нежно поцеловала его в губы и повернулась к Хэтти.

– Ну, что ты скажешь, дорогая! Видишь, приходится пользоваться случаем, не так-то просто дотянуться до такого великана, – сказала она с притворной капризностью. – Только так и можно выразить нежные чувства к твоему крохотному братцу. По крайней мере, не рискуешь оказаться растоптанной или вывихнуть себе шею. Довольно, Джек. Ты выполнил свой долг. Так и быть, мы с Хэтти отпускаем тебя. Тебе, наверное, уже не терпится поскорее наведаться в клуб и узнать последние новости. Ни для кого не секрет, что мужчины тоже любят сплетничать. – Луиза снова обернулась к Хэтти и хитро подмигнула ей: – Думаю, что их сплетни ничем не отличаются от наших. Правда, слушая разные байки, Джек всегда испытывает ужасные муки. Он действительно плохо воспринимает досужую болтовню. Отправляйся, Джек. Я думаю, что Планшар уже распаковал чемоданы и выложил твой вечерний костюм.

– Слышишь, Хэтти? Ты только посмотри: пичуга, которая мне до груди не достает, не переставая командует мной. Нет, ты ответь мне, Хэтти, разве это справедливо? – пожаловался сэр Джон, поднимаясь с кресла. – Как, по-твоему, я должен себя вести? Надрать ей уши за то, что ей не терпится выпроводить меня? Или поцеловать за то, что она такая восхитительная?

– Лучше поцелуй ее, Джек, – сказала Хэтти. – Хотя, как я теперь понимаю, ты пошел чуть дальше поцелуев.

– И это говорит моя сестра, невинная девушка, – с усмешкой заметил сэр Джон.

- Уходи, Джек, - не вытерпела Луиза. - Ничем тебя не проймешь. Мне совсем не хочется до обеда лицезреть твою жизнерадостную физиономию.

- Вот так всегда. Постоянно водит меня за нос, Хэтти, - пожаловался напоследок сэр Джон, ласково потрепав сестру по щеке. Большими шагами он направился к двери гостиной, напевая под нос веселую песенку с неопределенной мелодией и неполноценными словами, которые, к счастью, невозможно было разобрать.

Хэтти повела невестку в голубую гостиную, чтобы спокойно потолковать о том о сем. Они обсудили огромный вокальный талант маленького Джона. Поговорили о младенце, покуда еще находящемся в утробе матери, и под конец, по желанию леди Луизы, перешли к делам Хэтти. Взглянув на подол ее платья, которому, к сожалению, недоставало по меньшей мере нескольких дюймов, леди Луиза заметила:

- За то время, что я не видела тебя, ты выросла, Хэтти. Надеюсь, с твоими выходными платьями все в порядке? Какой они длины? Лодыжки закрывают? Пойдем, милая, ты мне их сейчас покажешь. Я хочу убедиться, не нужно ли тебе пополнить свой гардероб. Дело в том, что у меня есть большое желание днем выбраться в магазины.

Поскольку Хэтти не видела благовидного предлога для отказа, ей не оставалось ничего другого, как согласиться показать невестке свой убогий гардероб. Она решила, что большой беды от этого не будет, в крайнем случае она услышит от нее упреки в дурном вкусе.

Для инспекции ее нарядов Луизе не понадобилось много времени. Вышедшие из моды платья произвели на нее ошеломляющее впечатление. Она терялась в догадках, в каком именно платье Хэтти ходила на все те вечера, о которых только что рассказывала. Однако, зная, что Хэтти так же, как сэр Джон, обладает болезненным чувством гордости, она воздержалась от расспросов. Но для себя решила, что сегодня же отведет Хэтти в салон дамской одежды под видом того, что сама нуждается в паре новых платьев. При этом она не подозревала, сколь несправедливо она упрекала - естественно, в душе - сэра Арчибальда, который, по ее мнению, не выделял Хэтти достаточных средств для надлежащей экипировки. Она не могла взять в толк, как этот человек мог потерять всякие представления о реальности. Как мог он не понимать, что нельзя выпускать молодую леди впервые в общество в таком виде, словно ее только вчера привезли из деревни и не потрудились переодеть? Конечно же, он не думал об этом.

Хэтти ничуть не обиделась, выслушав предложение леди Луизы. Она прекрасно понимала благие намерения золовки, пораженной ее убогими нарядами, но у нее не нашлось оправданий. Не могла же она признаться, что одежда лорда Гарри требует очень больших затрат. И разве могла она поведать ей свои соображения насчет мисс Генриетты, которая не стоила и пенса? Кто она, в конце концов, эта Генриетта Ролланд? Какая-то мышка-норушка. Хватит с нее пары очков, горохового платья и такого же чепца.

Но стоило им усесться в экипаж сэра Арчибальда, чтобы отправиться к мадам Бриджит, как на Хэтти напал страх. Она подумала, что может встретить там кого-либо из гостей, присутствовавших на той вечеринке у леди Мелбери. Однако в ее безвыходном положении оставалось только уповать на милость Божию. Может быть, ни леди Мелбери, ни ее гости не удостоят своим вниманием сие заведение именно в этот день. По прибытии в небольшой изысканного вида салон на Бонд-стрит Хэтти немедленно обшарила глазами все прилавки с модной одеждой, также не упустив из виду ни одного закутка. Не найдя среди посетителей никого, кто мог бы ее узнать, она немного успокоилась. Хэтти решила, что ей просто повезло, потому что салон находился далеко от центра.

Едва она приблизилась к небесно-голубому атласному платью с глубоким декольте, как к ней подошла мадам Бриджит и стала уверять, что оно преобразит ее и, что она будет выглядеть в нем как принцесса голубой крови.

- Да-да, я не преувеличиваю, - приговаривала мадам, - это именно то, что нужно такой молодой леди, как вы. При вашем росте и настоящей королевской стати.

- Ну вот и хорошо, - с радостью поддержала ее Луиза, - мы берем его. - И, обращаясь к Хэтти, сказала: - Знаешь, дорогая, позволь мне сделать тебе подарок. В конце концов, я ничего не дарила тебе в этот раз на день рождения.

На самом деле это было не так, но Луиза умышленно солгала, рассчитывая, что Хэтти об этом забыла.

И Хэтти таки забыла. А что ей оставалось делать? Если бы лорд Гарри мог поскорее развязать себе руки с этой вендеттой, тогда Генриетта Ролланд предстала бы перед обществом во всей своей красе. Только тогда она могла бы носить эти замечательные платья.

Когда обе леди вернулись в особняк сэра Арчибальда, они застали сэра Джона в гостиной в строгом вечернем костюме. На шее у него красовался безупречно завязанный платок - заслуга его педантичного камердинера Планшара. Леди Луиза не могла оторвать от мужа влюбленных глаз, видимо, находя его внешность поистине неотразимой. Однако, похоже, и Хэтти думала точно так же.

- О чудо! Джек, ты и в самом деле дьявольски красив. Он снисходительно смотрел на нее с высоты своего гигантского роста и улыбался ослепительной белозубой улыбкой.

- Ты так считаешь, малютка? Может быть, ты и права. Но скажите мне вы обе, что вы делали в городе столько времени? Я полагаю, что после вашего похода у меня за душой не осталось ни гроша.

- Думаю, что пару грошей мы тебе, так и быть, оставили, - успокоила его Луиза.

- А я обещаю, что мы отберем у тебя и эти крохи если будешь нападать на нас, - сказала Хэтти. - Пока что твои деньги потрачены только на подарок мне. Подарок на мой день рождения, про который ты забыл. - Хэтти выпрямилась и пристально посмотрела ему в глаза, вскинув и слегка повернув голову; ей показалось, что в его улыбке было что-то плутоватое. - Так-так, Джек. А что ты делал все это время? Признавайся немедленно, иначе живым тебе отсюда не уйти.

Он стал усердно спихивать ногтем какую-то невидимую пылинку с рукава, явно не торопясь с ответом.

- Я? Я... ждал вас, дорогая сестрица. Я так рад, что вы вовремя вернулись домой и теперь ты сможешь принарядиться. Хм... я бы даже сказал - больше, чем просто принарядиться. Я бы хотел видеть тебя очень красивой.

- Красивой? Зачем? Что все это значит? Сейчас же говори, что у тебя на уме! Слышишь, Джек?

- Ну, если ты так настаиваешь, милая... Сегодня вечером у нас будет гость. Не беспокойся, я предупредил миссис Миллер, и она уже распорядилась на кухне. Я полагаю, что и ты, и Лу будете довольны, когда увидите нашего гостя.

- Прекрати эти дурацкие шутки, Джек. Сознаться, кого ты пригласил на обед? - не унималась Хэтти, тыча пальцем в богатырскую грудь брата. - Ну что за глупая улыбка у тебя на лице? Говори! Или я прикажу Луизе лучше заняться тобой, чтобы ты действительно стал ручным.

- Ну, так и быть. Я пригласил Джейсона пообедать с нами. Хэтти наморщила лоб. Она не могла припомнить ни одного знакомого джентльмена, которого бы звали Джейсон. Зато Луиза, к ее удивлению, от радости бросилась мужу на шею:

- О, Джек, как замечательно. Мы не виделись с ним тысячу лет. Как он чувствует себя? Он хоть немного оправился после той трагедии?

- Не могу сказать, Лу. Мне трудно судить. Сама увидишь. По нескрываемому восторгу, буквально охватившему жену, сэр Джон понял, что она одобрительно относится к этому замыслу со сватовством. Должно быть, его собственные глаза в тот миг светились не меньшим восторгом.

- Джейсон? Кто это? - Хэтти в нетерпении топнула ногой. Сэр Джон сначала как будто слегка удивился, потом понимающе кивнул:

- Ты, верно, еще не встречалась с ним, Хэтти. Он совсем недавно возвратился в Лондон. А когда мы подружились с ним, ты еще ходила в школу. Это Джейсон Кэвендер, маркиз де Оберлон.

- Лорд Оберлон, - машинально повторила она упавшим голосом, едва не лишившись дара речи. И тут же повторила: - Лорд Оберлон. Ты знаком с маркизом, Джек? Скажи, откуда вы знаете друг друга?

- А-а, значит, ты не знаешь, что Джейсон Кэвендер и Джек были закадычными друзьями? - спросила Луиза. - Они учились в Оксфорде, в одном колледже.

Хэтти мотала головой, пытаясь показать, что ничего не понимает.

- В таком случае лорд Оберлон должен был знать и Дэмиана? - спросила она, наконец, уже полностью владея собой.

- Разумеется, - подтвердил сэр Джон. - Не так хорошо как я, но знал. Как-никак их разделяли, ну, наверное, лет пять. После того как мы с Лу поженились и уехали в Херефордшир, он обещал мне присматривать за Дэмианом. Джейсон - отличный парень. Жаль, что ему так не повезло.

«Боже милосердный! - воскликнула про себя Хэтти. - Как же Джек мог так жестоко ошибаться? Как же он мог считать своим другом столь недостойного человека? Что за чудовищная слепота? Неужели он лишился разума?» Она потеряла самообладание, и слова сами собой вырвались у нее:

- Да как ты посмел звать сюда этого лорда Оберлона? Я хозяйка в этом доме. И ты не имел никакого права, черт побери, приглашать кого бы то ни было без моего ведома.

Луиза открыла рот от изумления.

- Хорошо, - продолжала Хэтти. - Что сделано, то сделано. Раз уж ты, Джек, позвал этого презренного человека в наш дом, пусть приходит. Приглашения назад не заберешишь. Но имей в виду, меня здесь не будет. Я не желаю иметь с ним никаких дел. Слышишь, Джек?

Вдруг она замолчала, видимо, осознав, что зашла слишком далеко. Сэр Джон и леди Луиза стояли с открытыми ртами и смотрели на нее немигающими глазами.

Первым пришел в себя сэр Джон:

- Что за чепуха, черт возьми? О чем ты говоришь, Хэтти? Как можно так набрасываться на человека, которого ты в глаза не видела? То, что ты позволяешь себе, девочка, переходит все границы. Почему ты считаешь его презренным человеком? Ведь это несусветная чушь.

Слова брата несколько охладили ее пыл. Она сделала глубокий вдох и, сдерживая волнение, сказала:

- Пожалуйста, простите мне мою несдержанность, и ты, Джек, и ты, Луиза. Право же, я готова заочно принести свои извинения лорду Оберлону, - сказала она, пятясь к двери. - К сожалению, мне придется оставить вас одних. Сегодняшний вечер у меня занят. Я уже договорилась с друзьями. Мне пора идти, я должна успеть переодеться. Надеюсь, что буду дома не слишком поздно. Но вы не ждите меня. Увидимся завтра утром.

- Хэтти, подожди минутку. Мы же только что приехали, - попыталась остановить ее Луиза. - И потом... можно же как-то оповестить твоих друзей... послать к ним...

Однако Хэтти не стала ее слушать:

- Мне очень жаль, Луиза. Но поверь, я не могу ничего отменить. Мы условились давно и окончательно. Я должна быть там.

Хэтти заметила, как лицо брата запыхало от гнева, и, не дожидаясь, когда он потребует от нее дальнейших разъяснений, быстро подобрала подол платья и упорхнула из гостиной.

- Ну и дела! Заварили вы кашу, - сказала Милли, выслушав рассказ Хэтти. - Но другого выхода нет. Конечно, вам нужно уходить, мисс Хэтти. Надо думать, маркиз неглупый человек. Он, несомненно, узнает вас или, во всяком случае, начнет присматриваться к вам. И скажи он вам что-либо не так, вы уж точно не станете держать язык за зубами. Не приведи Бог такому случиться. Но при таком раскладе я не удивлюсь, если Генриетта Ролланд вызовет его на дуэль.

- Вы, безусловно, правы, Милли.

Не успела Хэтти выговорить это, как внезапный настойчивый стук в дверь заставил ее резко обернуться. Она услышала голос Луизы:

- Хэтти, голубушка. Можешь ты уделить мне хотя бы минутку?

Хэтти заставила себя забыть всякую жалость.

- Извини, Луиза, не могу. Я спешу. Боюсь опоздать. Пожалуйста, пойми меня, - добавила она умоляющим тоном, - дай мне собраться. Я загляну к тебе утром.

Она слышала, как тяжело вздохнула Луиза, и без труда представила себе ее тревожно-огорченное лицо. Однако она не двинулась с места и не произнесла ни слова, пока звуки шагов Луизы не затихли в глубине коридора.

При мысли о предстоящем визите маркиза она чертыхнулась вслух. Он предстал в ее

воображении так же ясно, как накануне вечером. Лорд Гарри холодно и скрупулезно старался вывести его из себя своими изощренными оскорблениями, но они, казалось, совсем не задевали этого негодяя. Интересно, узнал бы он ее, оказавшись у них в гостях, сидя с ней за одним столом как с Генриеттой Ролланд? В этом у нее, увы, не было сомнений. Спокойный голос Милли вывел ее из забытья:

- Если вы задержитесь еще немного, то столкнетесь на пороге с лордом Оберлоном. Вот это будет сценка!

Через десять минут, закутавшись в накидку и опасливо озираясь, Хэтти выскользнула из двери спальни. Вокруг было пусто. Должно быть, Джек и Луиза еще оставались в своей комнате или ожидали маркиза внизу. Она неслышно сбежала по лестнице черного хода и остановилась у бокового выхода.

- Оставайтесь здесь, госпожа, - сказала Милли, шедшая за ней по пятам. - Сейчас я сбегаю за экипажем.

Горничная тут же исчезла.

Пока Хэтти нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, со стороны парадного входа послышался звук подъехавшего экипажа.

- Тсс, - предостерегающе зашипела подоспевшая Милли, - теперь выходите, мисс Хэтти.

Хэтти выскочила из своего укрытия и поспешила к ожидавшему ее за углом экипажу.

- Будьте осторожны, мисс Хэтти, - напутствовала ее Милли. - Не беспокойтесь, я обязательно дождусь вас, как бы поздно ни было. Буду встречать вас с черного хода, на прежнем месте, внутри.

Глава 14

Визит маркиза Оберлона стал поистине торжественным событием в доме сэра Арчибальда. Первым гостя встретил Гримпстон. Он приветствовал его с необыкновенным почтением, согнувшись в поклоне даже больше, чем позволяла ему его нездоровая спина. Сознвая исключительную честь, которую своим посещением столь высокопоставленная особа оказывала хозяину дома, он без доклада повел маркиза в гостиную.

- Их светлость маркиз де Оберлон, - объявил он громко и торжественно.

Сэр Джон и леди Луиза от неожиданности вздрогнули и с некоторым смущением посмотрели на вошедшего, потому что в тот момент как раз говорили о нем.

Луиза мгновенно оправилась от замешательства и вскочила с дивана:

- Джейсон, наконец-то. Молодец, что пришли. Как я рада снова видеть вас.

- Вы, как всегда, очаровательны, Луиза, - тихо сказал он ей на ухо, привлекая ее к себе обеими руками. - Зачем вам этот нескладный верзила? Не пора ли бросить его и убежать со мной?

Сэр Джон со снисходительным видом наблюдал за этой невинной сценкой. Потом сделал несколько шагов навстречу Джейсону Кэвендеру и крепко сжал ему руку:

- Смотрите не ошибитесь, Джейсон. Красота обманчива. Как бы вам не пришлось очень скоро стоять у моих дверей и умолять меня взять ее обратно. Поверьте мне, не каждому захочется на глазах у всех гарцевать по Европе с дамой в интересном положении на буксире. Не говоря о том, что это еще и чертовски обременительно.

- Бог мой, что я слышу?! - воскликнул маркиз и вновь заключил Луизу в объятия, обнажив в ослепительной улыбке прекрасные белые зубы.

Его лицо, покрывшееся темным загаром под беспощадными лучами итальянского солнца, поражало своей красотой. И Луиза невольно подумала, что у Хэтти, должно быть, какое-то затмение в голове, раз она испытывает к нему столь неодолимое отвращение.

- Такое впечатление, что меня окружают одни будущие матери. Кейт Сен-Клер тоже собирается обзавестись потомством. Жюльен сообщил мне об этом сегодня утром.

- Да, мы тоже знаем. Хэтти сказала, - выпалила Луиза и, бросив испуганный взгляд на мужа, тотчас прикусила язык.

- Хэтти? - переспросил маркиз, посмотрев сначала на нее, а затем поверх ее головы на сэра Джона.

- Моя младшая сестра, - коротко пояснил сэр Джон и поспешил предложить маркизу вина: - Как насчет стаканчика хереса, Джейсон?

- С удовольствием, - охотно согласился он, не подавая виду, что заметил ее промах. - Идите ко мне, Луиза. Не бойтесь, садитесь ближе. Ах, извините, я не учел кое-чего. Теперь единственный мужчина, обладающий исключительным правом приземлиться возле вас, это маленький Джон. Ну, рассказывайте, как вы тут поживаете?

Луиза залилась звонким смехом и шутливо ткнула его локтем. Беседа переключилась на ее пятилетнего наследника - маленького Джона. Маркиз вежливо согласился, что время течет необычайно быстро. Потом, медленно потягивая херес, сказал:

- У меня такое впечатление, что я своим появлением причинил вам какое-то неудобство. Если не считать вашего временного пребывания, кто-нибудь еще обитает в этом доме?

В этот момент как по заказу, будто на театральной сцене, дверь гостиной отворилась и вошел сэр Арчибальд. При виде маркиза с лица его тотчас исчезло привычное рассеянное выражение.

- А, мой мальчик, рад приветствовать тебя в моем доме. Как поживают твои дорогие матушка и сестра?

- Благодарю вас, сэр. Вполне прилично, та и другая, - сказал маркиз, вставая и пожимая руку сэру Арчибальду. - Вам, конечно, известно, что моя сестра Алисия вышла замуж за Генри Уортона прошлым летом.

Сэр Арчибальд, разумеется, не мог помнить об этом событии, как, должно быть, и о других событиях, не касающихся политики, однако мягким кивком подтвердил свою осведомленность:

- За Уортона? Сына Уальдо Уортона? Прекрасно. Отличная партия. Все Уортоны убежденные тори.

У маркиза сразу засосало под ложечкой. При таком повороте разговора сэр Арчибальд мог с радостью оседлать своего любимого конька. И тогда всей компании пришлось бы слушать его нескончаемый монолог о консерваторах. На помощь им всем пришла Луиза, и, как они скоро убедились, было бы грешно не оценить ее способностей.

За первым блюдом она ловко перевела разговор в русло их с Джеком предстоящей поездки в Париж. Сначала они поговорили о своих знакомых, с которыми собирались встретиться, потом незаметно перешли к беседе о Бурбонах. Перебрали всех Людовиков, поскольку речь зашла о национальных торжествах французского двора в данное время года. Пока они ели следующее блюдо, фаршированную рыбу под пряным соусом с вином, маркиз занимал их рассказами о достопримечательностях Италии. Исключительно из уважения к вежливым хозяевам он подробно описал впечатляющее зрелище древних руин, бесценные полотна с изображением Девы Марии с младенцем и прелести южного климата.

Сэр Джон был очень доволен отцом. Вопреки ожиданиям сэр Арчибальд задал лишь несколько деликатных вопросов, совершенно лишенных политической подоплеки. Оставшуюся часть обеда он вел себя так же безупречно, и к тому времени, когда Гримпстон предложил яблочные тарталетки, украшенные сверху взбитыми сливками, сэр Джон пришел просто в неопишумый восторг от своего отца.

- Что-то я хотел сказать? - вдруг спохватился сэр Арчибальд. - Ах да. Не зря мне показалось, что чего-то у нас не хватает. Где же наша милая Хэтти?

Луиза украдкой взглянула на мужа. Увидев, что рассчитывать на его помощь не придется, она приняла как можно более безмятежный и веселый вид и сказала:

- Хэтти сейчас в другом месте, сэр. В другой компании. Так у нее было условлено. Она выражала сожаление, что не могла остаться с нами, но была не в силах что-либо изменить.

- Куда она могла отправиться? Я что-то не припоминаю, чтобы она обсуждала со мной свои планы на сегодняшний вечер.

У сэра Джона не нашлось ничего другого, как скептически взглянуть на отца; он был готов поклясться, что тот вряд ли вспомнил бы, какого цвета волосы на голове его дочери, если бы его об этом спросили.

- По-моему, в «Ковент-Гарден», - поспешила вставить Луиза, едва не подавившись кусочком пирога.

Она хотела было подняться и выйти, сделав вид, что собирается хорошенько прокашляться. Но свекор знаком остановил ее. Он поднялся из-за стола и, обведя глазами их всех, улыбнулся своей неопределенной улыбкой.

- Надеюсь, молодые люди простят меня, - сказал он. - Дела! Накопилось много неотложных экономических вопросов. Премьер-министр просил меня разобраться. Увиливать от поручений не в моих правилах. Так что не обессудьте. Как ни жаль покидать такое приятное общество, надо идти.

Когда дверь за сэром Арчибальдом закрылась, сэр Джон, ухмыльнувшись, подмигнул жене.

- Ну вот, Луиза, теперь Джейсон воочию убедился, чем занята голова у моего отца, - сказал он и повернулся к маркизу: - Он не напоминает вам собственного дядюшку, Джейсон? Или лорд Мелбери менее истовый тори? По-моему, между ними есть сходство.

- О да, - согласился маркиз. - От его речей меня всегда клонит в сон. Я полагаю, Джек, мы уже изрядно выпили. Может, на сегодня достаточно? Да и по правде говоря, мне гораздо интереснее в компании с Луизой, чем с вами, старина.

- Будь осторожнее с ним, Лу. Он жуткий развратник, - сказал сэр Джон. - Наверное, я совершил ошибку. Лучше бы я и дальше прятал тебя в нашей глухомани, в Херефордшире, пока по Лондону рыщут вот такие молодчики.

Луиза наградила мужа насмешливым взглядом:

- Кто бы говорил, только не ты, Джек! Джейсон мне кое-что порассказал о тебе. Я думала, у меня уши отвалятся, пока слушала все это. Если б я узнала об этом раньше, когда ты еще только ухаживал за мной, тебе бы несдобровать.

- Ладно, молчу, молчу, - поспешно ретировался Джек, оставляя вдвоем хохочущих жену и друга.

Потом Луиза играла им сонату Моцарта. Позже они пили чай с изумительным лимонным кексом, являвшим собой верх кулинарного искусства повара.

- Сколько я вас помню, Луиза, вы никогда не умели лгать, - неожиданно сказал маркиз, откинувшись в кресле. - Пять минут назад вы упомянули «Ковент-Гарден». Чувствуется, что вы давно не были в Лондоне. Если бы вы провели здесь еще несколько дней, вы бы узнали, что пьесы, которые там идут, до крайности вульгарны. Неподходящий репертуар для молодой леди. Если я правильно понял Хэтти - молодая девушка?

- О да, - подтвердила Луиза.

Сэр Джон протянул руку к шее и ослабил узел шейного платка.

- Никак не могу понять одной вещи, Джейсон. Черт знает что! Весь вечер сижу и ломаю голову. Если хотите знать правду, то ни Лу, ни я понятия не имеем, куда ушла Хэтти.

Изогнутая бровь маркиза поднялась вверх на добрый дюйм.

- Можно узнать, сколько лет вашей сестре, Джек?

- Восемнадцать.

Поднятая бровь осталась на прежнем месте.

- Вот что мне не совсем ясно. По каким-то причинам, о которых не догадываемся ни я, ни Луиза, моя сестра испытывает к вам сильную неприязнь. Мы в полном недоумении, тем более что она, насколько нам известно, никогда не могла видеть вас, - продолжил озадаченный сэр Джон.

- Вот как. Это обстоятельство, однако, начинает меня беспокоить. Похоже, моя репутация падает день ото дня, - произнес маркиз, сразу вспомнив о лорде Гарри Монтейте. Но между этим молодым человеком и Генриеттой Ролланд была большая разница. Юнец не бегал от него, а, напротив, настойчиво искал встречи с ним. Поразмыслив с минуту, маркиз хотел сказать еще что-то, но промолчал.

- Погодите, кажется, я поняла, в чем тут дело, - неожиданно вспомнила Луиза - Хэтти

рассказывала мне о той вечеринке, которую устраивала в Мелбери-хаусе ваша тетушка. Это было на прошлой неделе. Вы там были, Джейсон?

- Да. Ну и что вы хотите этим сказать, Луиза?

- А то, что вы могли чем-то обидеть ее. Неумышленно, разумеется. Вам, наверное, пришлось разговаривать с ней?

Маркиз потер длинными пальцами подбородок:

- Как выглядит ваша сестра, Джек?

- О, она такая хорошенькая. Веселая, бойкая и очень забавная. Словом, маленькая проказница. И совсем не похожа на этих постных кисейных барышень.

- Ах, Джек, ну что ты говоришь! Ты описываешь Хэтти такой, какой она была в пять лет. Джейсон, не слушайте его. Сейчас это уже взрослая девушка, красавица, гордость семьи. И никакая она не маленькая. Наоборот, довольно высокая и стройная. Попробуйте представить себе женский вариант Джека. Естественно, более миниатюрный и тонкий и с белокурыми волосами. Вот вам точный портрет Хэтти.

- У нее нос короче, чем у меня, - уточнил сэра Джон. - А голова на уровне моего подбородка.

- Но в общем и целом такая же великанша, как он, - заключила Луиза.

Маркиз вспомнил, что на вечеринке тетушка действительно просила его проявить внимание к мисс Ролланд. При этом она указала ему на чрезвычайно непривлекательную особу, сидевшую рядом с какой-то дуэньей. Он припомнил также, как направился к той молодой леди и как она тут же демонстративно отвернулась от него. Тогда он еще подумал, что она дурно воспитана. Затем в глазах у него встал отвратительный александрийский чепец невысшимого зеленоватого оттенка. И еще... ну конечно же, горохового цвета платье! Такое же гнусное, как чепец. Помнится, у него даже возникло минутное любопытство - не было ли ее лицо под стать гардеробу. Нет, та особа определенно не могла быть прелестной сестрой Джека.

Тогда почему он не видел ее? Если она похожа на Джека, то она не должна была остаться без поклонников.

- Вы говорите, она красавица, Луиза? - спросил маркиз, в раздумье растягивая слова.

- Да, она очаровательна. Неужели же вы не видели ее у вашей тетушки?

- К сожалению, нет. И теперь вообще ничего не понимаю. Молодая леди терпеть меня не может, в то время как мы с ней, оказывается, в глаза друг друга не видели. Чудеса, да и только! Если она писаная красавица, уверяю вас, я бы ее запомнил.

- Ну будет вам. Далась вам моя бедная сестричка! - сказал сэра Джон. - Не лучше ли и нам с вами, Джейсон, поговорить о тряпках. Откуда у вас этот щегольской шейный платок?

Пока в особняке сэра Арчибальда непринужденно и весело обсуждались капризы моды, Хэтти управлялась с холодным цыпленком.

- Да, Потсон, трудно будет выкрутиться. Как бы Луизе не вздумалось тащить меня с собой в Олмэк или подобные места. Боюсь, что до отъезда в Париж ей захочется побывать в высшем

обществе, – сказала она, поднося салфетку к губам.

Потсон поставил поднос в буфет и мрачно заметил:

– Вот уж там-то вам не миновать встречи с лордом Оберлоном, особенно в Олмэке. И как это вы не столкнулись с ним сегодня, мисс Хэтти? Просто чудом. У меня кровь стынет в жилах, как только вспомню, что могло произойти. Вот напасти на мою голову. Завтра точно увижу еще клоч седых волос.

В эту минуту кто-то постучал в наружную дверь. Хэтти вскочила на ноги и с тревогой посмотрела на слугу:

– Боже, кого еще нелегкая несет? Идите, Потсон, откройте. Никуда не уйдут от вас ваши седые волосы, потом сосчитаете. Хотя сколько можно заниматься этим? Я уже устала вам говорить, что они у вас сплошь седые. Поторопитесь, может быть, тогда найдете один черный волосок.

Хэтти быстро собрала свою одежду и юркнула в узенький коридорчик, отделявший небольшую гостиную от спальни лорда Гарри.

Оттуда она услышала голос Скадди:

– Приветствую вас, Потсон. Лорд Гарри у себя?

Хэтти моментально настроилась на новую роль.

– Привет, Скадди. Проходите в гостиную, – крикнула она низким голосом лорда Гарри. – Я сейчас выйду. Только оденусь. Потсон! Попотчуйте мистера Скаддимора прекрасным хересом.

Тем временем, стоя перед зеркалом, она старательно вывязывала «павильон» – элегантный и в то же время несложный фасон, подсмотренный ею в резиденции регента в Брайтоне. Пока ее руки порхали вокруг шеи, прилаживая складку за складкой, мозг лихорадочно работал над планом вечера, который ей предстояло провести со Скадди. Заманчивый и вместе с тем рискованный замысел созрел в ее голове. Обдумывая его, она сознательно предпочитала не застревать на его менее привлекательных сторонах и возможных нежелательных последствиях.

В своем плане Хэтти отталкивалась прежде всего от того, в чем была безусловно уверена: лорд Оберлон так или иначе будет занят весь вечер. Это обстоятельство развязывало ей руки. За несколько месяцев пребывания в мужском обществе она обратила внимание на то, что джентльмены склонны ревниво охранять своих любовниц. Многие из них, по ее наблюдениям, заявляли на них даже больше прав, нежели на жен. А что, если ей сейчас проявить себя точно так же, как нередко проявляли эти джентльмены? Что мешает ей посягнуть на собственность маркиза? Почему бы ей не вмешаться в его личную жизнь? Что может больше, чем это, разъярить его?

Хэтти взглянула на каминную полку с часами. Было только начало десятого. В ее распоряжении много времени. Уйма времени, решила она, зная, что сэр Джон и леди Луиза большие любители поболтать. Она отмела возникшие было угрызения совести оттого, что собирается прикрыться собственным братом во имя своего плана. В сравнении с вероломством лорда Оберлона ее намерения выглядели невинной шуткой, и в отличие от него она не лицемерила.

Натягивая сюртук, она подумала о Мелисанде. Незабываемое имя. И женщину, носившую его, тоже забыть невозможно. Хэтти видела ее два раза, но из того, что успела разглядеть в ее

внешности, не смогла составить никакого представления о ее характере. Если Мелисанда окажется верной своему покровителю, то для Хэтти, то бишь лорда Гарри, этот вечер пропадет даром. Но предугадать это она, увы, не могла. Она еще раз взглянула на себя в зеркало и подмигнула смотревшему на нее лорду Гарри.

Поначалу, услышав о предстоящем визите неизвестно к кому, мистер Скаддимор слегка нахмурился. Но через секунду решил, что у него нет оснований отказываться: почему бы не прокатиться до Пемберли-стрит. Вскоре он уже сидел в экипаже рядом с другом.

- Скажете вы, наконец, кто у вас там живет, на Пемберли-стрит? Если это ваша любовница, то какого черта я потащусь туда? Понятия не имею, о чем с ней говорить.

Однако Скадди вел себя не вполне искренне. Он был польщен этим предложением и прекрасно понимал, что сэр Гарри с удовольствием занял бы его место и вдобавок приплатил бы гинею за такую честь. Неужели они и в самом деле едут к любовнице лорда Гарри? Скадди умирал от нетерпения. Он решил поскорее избавиться от посторонних мыслей, чтобы вместить побольше впечатлений от сегодняшнего вечера.

- Напрасно вы беспокоитесь, Скадди. Я не собираюсь везти вас к своей любовнице. Но мы действительно едем к женщине. И вдобавок очень красивой. Я хочу поближе познакомиться с ней, и ничего более.

«Тоже неплохо, - подумал Скадди, - интересно только, что за женщина?»

Экипаж скрипнул на повороте и въехал на Пемберли-стрит. Хэтти всматривалась в незнакомые места с невысокими аккуратными коттеджами, выстроившимися ровными рядами вдоль мощенной булыжником улицы, пока не узнала небольшой особнячок - резиденцию королевы Анны. Тогда она постучала своей коричневой тростью в крышу кареты. Кучер немедленно остановил лошадей, и Хэтти с довольной улыбкой спрыгнула на мостовую. Она бросила извозчику горсть монет и, не оборачиваясь, крикнула другу:

- Вылезайте, Скадди. Вас ждет интересный вечер.

Если бы Скадди знал, что очаровательный домик, куда собиралась ввести его Хэтти, снимает маркиз Оберлон, он ни за какие коврижки не вылез бы из кареты.

Поскольку в этот вечер Мелисанда не ждала маркиза, тем более после того, как накануне он учинил у нее чудовищный тарарам, она была одета по-домашнему. На ней был роскошный халат из зеленого шелка и газовой ткани. Таким образом, ее прелести были скорее обнажены, нежели прикрыты. На коленях у нее лежала изящная книжечка в красном кожаном переплете с золотым обрезаем. По мере того как ее глаза скользили по странице, из груди у нее вырывались тоскливые вздохи.

Роман нагонял на нее скуку. Особенно ее раздражала наивная и сентиментальная героиня. Образ мыслей этой кисейной барышни, напрочь лишенной воли, был совершенно чужд ей самой. Кроме того, она недоумевала, зачем этой барышне надо было без конца падать в обморок. Она сравнила ее с собой и подумала: как бы вела себя такая целомудренная девушка, если бы среди ночи к ней в спальню ввалился лорд Оберлон? Представив эту сцену, она фыркнула: наверное, истошно кричала бы на весь квартал, а потом ушла бы в монастырь. В то же время, несмотря на столь скептическую оценку личности героини и ее поступков, Мелисанда испытывала к ней некоторую зависть. Такие противоречивые чувства были связаны с тем, что литературный герой, весьма бойкий современный человек, относился к той девице

иначе. Видимо, сознавая, какая она хрупкая и незащищенная, он холил и лелеял ее. Казалось, что он обожал в ней именно ее безволие и женскую слабость.

С досады Мелисанда щелчком пальца отпихнула тоненький томик, и он штопором полетел на ковер. Она не была уверена в том, что хотела бы такого же счастья для себя, чтобы с нее так же пылинки сдували, но допускала, что, должно быть, приятно иметь возможность выбора. Она поднялась с изящного диванчика и лениво потянулась, оглядывая гостиную. Дом ее был обставлен прекрасной мебелью, и вообще у нее было все, чего она желала. Правда, она мечтала о собственном фаэтоне с парой гнедых кобыл и о веселых прогулках в парке. Она поджала губы и принялась сосредоточенно думать, как ей лучше приучить маркиза к этой мысли. Тихий стук в дверь гостиной прервал ее размышления. Это была ее горничная.

- Пришли два джентльмена. Они хотят видеть вас, мадам, - взволнованно сказала Дженни, впопыхах забыв про книксен. - Но его светлости с ними нет. Что будем делать, мадам? Такого еще никогда не было.

- Ну что ж, это даже интересно, - сказала Мелисанда.

Она посмотрела на свое отражение в зеркале над камином. Скука мгновенно покинула ее, и она почувствовала, как от возбуждения у нее по коже забегали иголки. Странно, кто мог посетить ее, кроме лорда Оберлона? Сборщики налогов? Такого не могло быть. Лорд Оберлон, как истинный джентльмен, не скупился на деньги. Должно быть, какие-то мужчины. Не джентльмены, а просто мужчины. А это совсем другой тип людей. Она ощущала ликование в душе.

- Ну что ты стоишь, Дженни? Можно подумать, что с испугу собираешься упасть в обморок. Ты же не героиня какого-нибудь сентиментального романа! Пригласи их сюда. Подожди, Дженни. Что ты так выпячиваешь грудь? Это неприлично. Согни немного плечи. Вот так. Теперь лучше.

Глава 15

- Лорд Гарри Монтейт и мистер Тайертон Скаддимор, мадам, - торжественно произнесла Дженни, подражая манере дворецких в приличных домах.

Поначалу из-за страшного шума в коридоре Мелисанде показалось, будто к ней строевым шагом приближались какие-то бравые пехотинцы. Ничего подобного - двое молодых людей, только и всего. Она даже слегка нахмурилась и не сразу поднялась навстречу неожиданным и непрошеным гостям.

Хэтти была уверена, что первая реакция Мелисанды будет именно такой, и поэтому не выразила ни удивления, ни огорчения. Этого следовало ожидать: еще бы, они со Скадди выглядели слишком молодо и куда менее солидно, чем маркиз Оберлон или любой из его многоопытных друзей. «Ничего, мы подождем. Посмотрим, что будет дальше, - подумала она. - Попытаем счастья». Она внезапно остановилась и застыла в немом восхищении, так что шагавший за ней след в след Скадди с размаху налетел на нее.

- О, вы еще более прекрасны, чем я мог вообразить, - сказала Хэтти, задыхаясь от волнения и обратив к Мелисанде взор, исполненный благоговения. Она сделала вид, что не может прийти в себя от замешательства. - О, мэм, - откашлявшись, произнесла она, - будьте так снисходительны, простите нас великодушно за столь неожиданное вторжение. Я и мистер Скаддимор, мы оба вот уже несколько недель не перестаем восхищаться вами. Но к сожалению, до сих пор - только издали. Подарите же нам, вашим преданным и почтительным поклонникам, эти мгновения счастья. Не лишайте нас возможности хотя бы на миг испытать

наслаждение от вашей дивной красоты. Это единственное, о чем может мечтать мужчина. Это больше, чем мечта, это верх блаженства. – «Если я сейчас не остановлюсь, – подумала Хэтти, – меня может стошнить». И ненадолго умолкла.

На мгновение Мелисанде почудилось, что она вдруг сама оказалась на страницах отвергнутого ею романа. Хотя у нее уже сложилось вполне определенное мнение о его персонажах – далеко не лестное ни для героя, ни для героини, – она вдруг заколебалась. Не слишком ли поспешно она сделала такие выводы? И она наградила стоявшего перед ней настоящего, живого обожателя чарующей улыбкой.

– Ну как вам не стыдно, сэр, обращаться ко мне с подобной лестью. – В ее голосе прозвучал приятный мягкий укор. Тем не менее она тут же добавила ободряющим тоном, как жеманная девственница, кокетничающая со своим ухажером: – Однако все это очень мило. Так и быть, я не стану бранить вас. Так кто же вы такой?

– Лорд Монтейт, мэм. Лорд Гарри Монтейт. А это мой друг, мистер Скаддимор.

Хэтти сделала большой шаг вперед, движимая какой-то неведомой внутренней силой, и почтительно склонилась к белой ручке Мелисанды. Она повернула ее ладонью вверх и слегка прикоснулась к ней губами.

– О, мэм, вы бесподобны! Вы так прекрасны! Чтобы похитить вас, я отправил бы за вами эскадру кораблей, как во времена Трои.

Мелисанда удивленно вскинула свою изумительную, безупречно правильную бровь.

– Нет-нет, что я говорю, – торопливо продолжила Хэтти. – Что за презренно-жалкие слова! Сравнения с Еленой для вас явно недостаточно. Вы вправе судить меня со всей строгостью за скудость воображения! Вы... вы... Афродита, явившаяся из пены морской. Богиня, спустившаяся с Олимпа, чтобы озарить своей красотой померкшие дворцы англичан.

«Вот теперь меня непременно стошнит», – снова подумала Хэтти и улыбнулась.

Хотя такие имена, как Елена и Афродита, ничего не значили для Мелисанды, тем не менее страстный тон лорда Монтейта произвел на нее сильное впечатление. Видимо, подобными восторженными словами он искренне платил дань ее достоинствам, решила она. Никто из всех доселе известных ей джентльменов, восхищавшихся ее красотой, в сравнениях не прибегал к мифологии. Она подарила милорду обольстительную улыбку и потом с некоторым усилием заставила себя уделить внимание стоявшему рядом с ним пухлому джентльмену, покосившись на розу в петлице его сюртука.

– Мистер Скаддимор? – только и смогла произнести она, бегло взглянув на его вспыхнувшее от смущения лицо. Она поняла, что никаких восторженных комплиментов по поводу ее несравненной красоты от этого субъекта она не дождется.

– Да, мэм. Но вы можете называть меня просто Скадди. Как все остальные и даже мои родители.

Мелисанда улыбнулась и величественным жестом предложила им присесть. Она приказала Дженни, которая все это время тарщила на них глаза, принести джентльменам хереса. Сама она охотнее бы выпила джина, но решила, что благоразумнее не делать этого, дабы не упасть в глазах джентльменов, в особенности обаятельного юного лорда с медоточивыми устами.

Она с удовольствием снова повернулась к лорду Гарри и от неожиданности слегка опешила, так как увидела, что он, наморщив свой прекрасный лоб, с любопытством рассматривает ее небольшую гостиную.

- Милорд? - В ее голосе чувствовалось некоторое нетерпение, видимо, от разочарования, что он, увлекшись, перестал петь ей дифирамбы.

Хэтти, успевшая зорким глазом приметить и без труда оценить томик, валявшийся на ковре (унылое душещипательное чтиво - об этом говорило уже одно название), с готовностью вновь обратила свое внимание на Мелисанду.

- О, мэм, простите меня, что я немного отвлекся. Я вам сейчас объясню, чем вызван мой интерес к вашей гостиной. Это все потому, что ваше окружение так или иначе связано с вами. Но сколь бы прелестным ни был ваш будуар, он все равно не кажется мне достойным красоты его хозяйки. Такая очаровательная леди заслуживает дворца, с шелковыми порттьерами и бесчисленными зеркалами, чтобы в каждом уголке можно было ловить ваше отражение. И еще: я бы поселил в нем музыканта с лютней, чтобы он услаждал ваш слух игрой столько, сколько бы пожелала ваша душа. Я пригласил бы менестрелей, чтобы они воспевали вашу божественную красоту. Я бы распорядился, чтобы у вас на столе были самые изысканные деликатесы. Такие, например, как устрицы, которых разводят для лучших французских ресторанов. Разумеется, готовые и очищенные, чтобы вам только оставалось положить их в ваш прелестный ротик. Я бы ни за что на свете не позволил подвергать малейшей опасности ваше драгоценное здоровье.

Хэтти остановилась: не хватила ли она через край? Но когда она взглянула на Мелисанду, у нее отлегло от сердца. Та с томным взором грациозно откинулась в кресле и неторопливо постукивала пальцами по подлокотнику. Хэтти мельком взглянула на мистера Скаддимиора и, прочитав замешательство в его глазах, полупшепотом сказала:

- Ну что вы стоите, Скадди. Садитесь.

- Очень милый у вас дом, мэм, - сказал Скадди. - Я согласен с лордом Гарри. Шторы, мебель и все остальное, все это изысканно. Я это сразу заметил. Хотя и впрямь, может быть... вы... э-э... заслуживаете большего?

- Благодарю, мистер Скаддимор. Что же вы не пьете херес? Позвольте, милорд, я немного поухаживаю за вами.

Хэтти с хрустальным бокалом в руках не отводила глаз от лица Мелисанды.

- За вашу неземную красоту, Афродита! Ой, опять не то! При чем здесь Афродита? Вы сами настоящая богиня. Вы вправе иметь собственное имя. Послушайте, как прекрасно звучит: богиня Ме-ли-сан-да! Богиня красоты и грации. Она подняла бокал и заставила себя расслабить руку, изображая легкую дрожь. Потом медленно поднесла его к губам и немного отпила. Поставив бокал на стол, она с задумчивым видом смотрела, как просвечивает сквозь стекло янтарный херес.

- Полюбуйтесь на этот изумительный напиток, мэм. Вы только взгляните, каким дивным блеском он светится изнутри. Такой же чудесный отлив, как у ваших волос. О, я вынужден опять просить у вас прощения. Будьте снисходительны, дорогая Мелисанда. Возможно, моя речь кажется вам бессвязным лепетом. Но в этом повинны только вы. Исключительно ваше присутствие заставляет меня помимо воли исторгать этот безудержный поток слов.

Мелисанда бросилась разубеждать своего преданного раба:

- Ну что вы, милорд. Вы не должны казнить себя. Ваши слова достойны вознаграждения. Может быть, вам следовало бы быть чуточку сдержаннее, но, так или иначе, вы показали себя с хорошей стороны. Не так часто доводится слышать такие откровенные и честные высказывания от мужчин. Особенно от таких джентльменов, как вы.

Хорошо, что Хэтти вовремя поставила бокал, иначе непременно бы поперхнулась. «Понятно, дорогой маркиз, - радостно воскликнула она про себя, - стало быть, вы держите любовницу в черном теле. Да, не избалована она у вас приятными речами. А ей так их недостает. Промашка, ваша светлость. Ну что ж, пеняйте на себя. Теперь вам женщина покажет, как прокладывать дорогу к сердцу вашей возлюбленной». И Хэтти принялась за дело:

- Красота неизбежно вдохновляет на искренние и правдивые чувства, Мелисанда. Ваше лицо - это вечная улада для богов, ваша доброта - вдохновение для поэтов. Ах, позволительно ли мне, простому смертному, петь вам эти гимны? Нет, конечно же, нет.

Мелисанда была уже на грани уподобления хилой кисейной барышне из романа. На секунду ей показалось, что она может стать такой же беспомощной и упасть без чувств, если этот благородный молодой человек будет продолжать свои речи. Хотелось бы только знать, хватит ли ему сил удержать ее, доведись ей оказаться в таком положении? Но развивать эти фантазии она не стала.

- Скажите, лорд Монтейт, - полюбопытствовала она, - когда это вы наблюдали за мной, как вы выразились, «издалека»? Где это было, сэр? - И после короткого жалобного вздоха добавила: - Я не случайно спрашиваю вас об этом, потому что редко бываю на людях.

- Это несправедливо, мэм. Но почему? Я не представляю себе, как это может быть.

Мелисанда с притворной застенчивостью потупила свои живые зеленые глазки и начала теревить шелковые фалды роскошного пеньюара.

- Его светлость маркиз де Оберлон не очень-то заботится о развлечениях для других. Во всяком случае, в театре и таких местах, как Воксхолл-Гарденс, мы нечастые гости. Такие выходы приходится каждый раз вымаливать.

Услышав это, Скадди как ужаленный подскочил в кресле. В эту минуту он был похож на лису, затравленную гончими.

- Маркиз де Оберлон? О Боже! Лорд Гарри, неужели это правда? Скажите же, что это не так. Какое несчастье. Завтра утром мы будем уже мертвы.

С перепугу мистер Скаддимор едва не захлебнулся. Несколько капель хереса брызнули прямо на красную розу в петлице. Он натужно откашливался, стараясь поскорее прийти в себя.

- Разве я не говорил вам, Скадди, - небрежно сказала Хэтти, - что наша прелестная хозяйка в близких отношениях с лордом Оберлоном? Но какое это имеет значение? Сядьте, Скадди, и возьмите себя в руки. - Как будто не замечая ужаса на лице мистера Скаддимора, она быстро повернулась к Мелисанде: - Однако ж это очень странно. То, что вы сказали. Даже не верится. Тем более странно, что мы с мистером Скаддимором очень часто видим его светлость в «Уайтсе» и, разумеется, в парке. Впрочем, я не хочу вмешиваться в чужие дела. Простите меня, Мелисанда. Вы спрашиваете, где мы имели счастье наслаждаться вашей неземной красотой? Это было недели две назад в «Друри-Лейн».

Хэтти была весьма довольна брошенными ею семенами раздора. И так, ей удалось вызвать недовольство Мелисанды. Ободренная первым успехом, она охотно вернулась к болезненному вопросу, наблюдая краешком глаза за мистером Скаддимором, сидевшим как загнанный зверь. Должно быть, он уже подписал себе смертный приговор. Потом она скажет ему, чтобы он попусту не суетился и не спешил расставаться с земными благами.

Усилия Хэтти снова были вознаграждены. Она была готова растаять от удовольствия, когда Мелисанда обратила на нее светившиеся теплом и лаской глаза.

- Я, кажется, припоминаю и тот вечер, и вас, милорд. Это не вы из партера глядели на ложу его светлости? По-моему, это вы улыбались мне? Ну конечно же, я прекрасно помню вашу улыбку. В ней было столько обожания.

- О да! Вы правы. Именно обожания. Это то, что я неизменно ощущаю в вашем присутствии, Мелисанда. Я польщен, что вы запомнили меня. Ведь у меня было столько соперников. Я думаю, вы не хуже меня видели джентльменов, страстно желавших перехватить ваш взгляд. Все они тоже были полны вождления.

Увлечшись собственным славословием, Хэтти не замечала, как летит время. Взглянув на золотые часы, она убедилась, что непростительно заболталась. Было уже довольно поздно, и нужно было срочно уходить. Не ровен час нагрянет лорд Оберлон: откуда ей знать, когда он вернется от Джека и Луизы? Она быстро поднялась, и вслед за ней с облегчением вскочил до смерти перепуганный Скадди.

Хэтти старалась казаться огорченной и виноватой. Однако ее глаза сами собой оказались полны естественного смущения и присущего ей очарования, о чем не раз с похвалой отзывалась Милли.

- Это нетактично с моей стороны, Мелисанда. Нехорошо, что я так упорно домогаюсь вас. Мне не следовало бы приходить сюда, но я ничего не мог поделать с собой. Купидон поразил своими стрелами меня в самое сердце.

- Представляю, как может посмотреть на это его светлость. Еще бы, кому приятно узнать, что его любимую женщину осаждают толпы почитателей? Тем более такому человеку, как маркиз, - гордому и презирающему всех и вся. А тут еще этот неожиданный визит... - Здесь Хэтти сознательно умолкла и многозначительно посмотрела на Мелисанду.

Мелисанду гораздо больше тронуло откровенное восхищение лорда Монтейта ее красотой, нежели его опасения по поводу маркиза. Из-под опущенных ресниц она с интересом изучала молодого человека. Она понимала, что для нее он слишком молод. Но он был приятен ей вообще и отчасти потому, что во многом был похож на ставшего ей симпатичным героя не дочитанного ею романа. Будучи уже достаточно искушенной в любовных делах, она была далека от мыслей, что он когда-либо станет ее покровителем, но не видела большой беды в том, чтобы затеять с ним легкий флирт. Некоторое время она предавалась этому приятному занятию, воображая, как при этом будет чувствовать себя лорд Оберлон. Возможно, подобная интрижка с человеком, на несколько лет моложе его, позволит ему лучше оценить ее прелести и достоинства. Не исключено, что он купит ей фаэтон с парой лошадей, чтобы крепче привязать к себе.

- Вам незачем беспокоиться по поводу лорда Оберлона, - сказала она. - Я не нахожу никакой дерзости в вашем поступке, милорд. Что с того, что вы нанесли мне этот визит? - Она поднялась и мягко положила руку на рукав лорда Монтейта. - Где находится ваш дом, милорд?

Могу я отправить вам записку, если представится возможность? Я бы с удовольствием прокатилась в коляске по парку.

Последние слова она произнесла с томным вздохом, на манер безвольной героини того же злосчастливого романа. Она даже рискнула пойти немного дальше: расслабилась и немного покачнулась, но только самую малость, чтобы, чего доброго, и впрямь не упасть.

После того как адрес лорда Гарри был вписан в тоненькую белую книжечку, Хэтти снова взяла руки Мелисанды и приблизила их к своим губам.

- Au revoir [5], моя богиня, - сказала она, прикасаясь к ее теплым и мягким пальцам. В очередной раз она почувствовала себя непривычно: «Все-таки странно, что приходится целовать руки женщине».

Стоило только парадной двери захлопнуться за ними, как у мистера Скаддимиора развязался язык и он принялся бранить друга:

- Черт бы вас побрал, лорд Гарри. Вы что, лишились рассудка? Леди находится под покровительством маркиза Оберлона, а вы что делаете? Понимаете, под покровительством его светлости маркиза де Оберлона, Джейсона Кэвендера? Боже мой, да он без всяких разговоров проткнет вам глотку, стоит ему узнать об этом. Как же можно забывать об этом? Господи, после вашей стычки с маркизом в «Уайтсе»... - Тут мистер Скаддимиор внезапно запнулся, потому что в голове у него, неожиданно для него самого, сложилось недвусмысленное мнение. - Я понимаю, - медленно проговорил он, - вы сознательно сделали это. Вы так задумали. И ваша безудержная лесть этой пустоголовой женщине, восхваление ее распрекрасных глаз и бровей вместе с вашими идиотскими сказками - все это ложь. Все это рассчитано на маркиза. Вы хотите разозлить его, вы хотите... Нет, я не понимаю, чего вы хотите! Может быть, вы скажете, наконец, чего вы добиваетесь, лорд Гарри?

Хэтти миролюбиво похлопала его по плечу.

- Скадди, вы неверно представляете себе положение дел, - сказала она, смеясь. - Просто мне нравится Мелисанда. Я нахожу ее очаровательной. Как я уже не раз говорил вам и сэру Гарри, я не выношу однообразия. Эта женщина радует глаз. Вы говорите, что сейчас ее опекает лорд Оберлон? Ну и что? Все меняется в этом мире. Кто знает, как будут развиваться события?

- Вы слепец, лорд Гарри! Я вижу вещи по-другому. В отличие от вас я рассчитываю дожить хотя бы до тридцатого дня рождения. Вы не понимаете, насколько силен маркиз и как он беспощаден. Не приведи Бог перейти ему дорогу. Этого я и врагу не пожелаю. Можете спросить о нем первого встречного, и вам любой скажет, что он лучший фехтовальщик в Англии. Слышите, лорд Гарри? Что вы возразите на это?

Хэтти улыбнулась и покачала головой:

- Ничего. Ровным счетом ничего, кроме того, что я нахожу его любовницу весьма очаровательной. Что делать, я не виноват, что она пришлась мне по вкусу.

- Это не кончится добром. Вот увидите.

- Забудем об этом, Скадди. Я хочу попросить вас об одной услуге. Теперь мне понадобится кобыла, чтобы я мог сопровождать прекрасную Мелисанду во время прогулок по Кенсингтонскому парку. Надеюсь, вы не откажетесь помочь мне?

Мистер Скаддимор остолбенел и открыл рот, но по привычке согласно кивнул.

- Вот и отлично, - продолжала Хэтти. - Благодарю, Скадди, и перестаньте беспокоиться. Все пойдет как по маслу. Выслушайте меня внимательно. Лошадь должна бросаться в глаза. Как вы считаете, может быть, Мелисанде лучше подойдет белая масть? Представляете, как она будет чувствовать себя на такой лошади! Как настоящая принцесса! Да, именно так она будет выглядеть. Так, постойте, что еще? Сейчас... дайте подумать. Ага, вот что. Я полагаю, что нам потребуется костюм для верховой езды. В зеленой амазонке и модной шляпке с перышками она будет смотреться особенно эффектно. Изумрудный цвет подчеркнет ее прекрасные глаза. Довольно, Скадди. Сколько же нам стоять здесь. Уже поздно, а у меня еще столько дел впереди. Не забудьте про кобылу.

Глава 16

В отсутствие Хэтти сэр Джон не сидел сложа руки и утром следующего дня с нетерпением ждал ее за ленчем, чтобы выложить ей свои соображения.

- Послушайте, мисс, где вас нелегкая носила весь вечер? - крикнул он ей через стол. - Что происходит, черт побери? Мало того, что ты не пожелала оставаться под одной крышей с лордом Оберлоном, о чем, кстати, ему стало известно, так ты еще позволяешь себе и другие выходки. Отсиживаешься неизвестно зачем в дворецкой и потом тайком убегаешь с черного хода. Что все это значит, Хэтти? Я этого не потерплю.

Она старалась сдержать улыбку, глядя на своего смешного дюжего братца, потому что даже помыслить не могла о том, чтобы рассказать ему о вечерних похождениях. Она представила, что было бы с ним, если бы он узнал о ее визите к любовнице Джейсона Кэвендера. Могла ли она сказать ему, что осмелилась нанести оскорбление маркизу в его собственных владениях? Конечно, из такого признания не вышло бы ничего хорошего. Но и объяснить ему безвыходное положение лорда Гарри она тоже не могла.

- Ну что ты ухмыляешься, Хэтти? Мне это совсем не нравится. - Джон с силой стукнул кулаком по столу, так что яичница подскочила у него на тарелке. - Где ты была? Чем занималась? Отвечай!

Луиза попыталась успокоить мужа, мягко коснувшись его руки.

- Знаешь, дорогая, - сказала она, обращаясь к Хэтти, - как-то нехорошо получилось. Вчера из-за твоего отсутствия мы чувствовали себя неловко. К несчастью, я еще больше испортила дело. Когда Джейсон Кэвендер спросил меня, где ты, я сказала, что ты отправилась в «Ковент-Гарден».

- В «Ковент-Гарден»? Господь с тобой, Луиза! Это уж слишком. Какая воспитанная леди решилась бы пойти туда на этой неделе?

- Интересно, - сказал сэр Джон. - Хотел бы я знать, кого ты подразумеваешь под воспитанной леди? Перестань заговаривать нам зубы, Хэтти. Где ты была вчера вечером?

При виде неумолимого лица брата Хэтти поняла, что без лжи ей не выкрутиться.

- Раз ты поднимаешь такой шум из-за пустяков, пожалуйста, я готова сказать. Только, ради Бога, не сердись, Джек. Ты угадал наполовину. Я была не в «Ковент-Гарден», а в Воксхолл-Гарденс. И поставим на этом точку. Я не ребенок и впредь буду поступать так, как сочту

нужным. Так что изволь оставить меня в покое. Давайте лучше поговорим о Париже.

- О Боже, я заранее сочувствую тому несчастному человеку, которому придется укрощать тебя.

- Так могут говорить только никудышные мужчины, - не долго думая огрызнулась Хэтти. - Если женщина показывает, что у нее есть характер, вы непременно считаете, что ее нужно укрощать. Что значит укрощать? Что она, по-вашему, дикий зверь? А я-то надеялась, что после женитьбы на Луизе ты наберешься ума, Джек.

- Хэтти, у Джека достаточно здравого смысла. Поверь мне, это так, - вмешалась Луиза.

- Что-то я не заметила, - возразила Хэтти и добавила, обращаясь к брату: - Вы, сэр Джон, у себя в Херефордшире можете оставаться домашним тираном, а в этом доме у вас нет никаких прав. Повторяю, мой дорогой, я буду поступать так, как мне нравится, и не допущу твоего вмешательства в мои дела. Я все сказала - теперь можешь заканчивать ленч.

Сэр Джон так стукнул вилкой о тарелку, что на этот раз яичница вылетела на скатерть. Не успела Хэтти опомниться, как он выдернул ее из кресла, обхватил за талию и вскинул над головой. Он тряс ее до тех пор, пока у нее не застучали зубы.

- Джек, миленький, - уговаривала его Луиза, повисшая у него на руке, - отпусти ее. Не забывай, что ты все-таки чуточку сильнее, чем она.

Но Хэтти ничуть не испугалась атаки сэра Джона. Пока он вертел ее у себя над головой, она вспоминала те далекие добрые времена, когда ее могучий братец, к ее великой радости, подолгу возился с ней, как он любил подбрасывать ее на руках.

- Ой, Джек, - кричала она, давась от хохота, - ты прелесть. До чего же я люблю тебя.

Он встряхнул ее еще раз и поставил на ноги. Потом медленно привлек к себе.

Хэтти уткнулась лицом ему в плечо и сказала срывающимся голосом:

- Как бы я хотела, чтобы Дэмиан сейчас был с нами. Боже, как мне его не хватает. Прошло уже столько дней, а я все еще не могу привыкнуть, что его больше нет. Иногда мне кажется, что я не переживу этого.

Она не выдержала и заплакала.

Сэр Джон выразительно посмотрел на жену поверх головы прижавшейся к нему Хэтти. Та понимающе кивнула ему и неслышно выскользнула из столовой.

От растерянности он потерял дар речи и только осторожно гладил мягкие белокурые волосы сестры. Через некоторое время он пришел в себя и ласково сказал:

- Понимаю, Хэтти, понимаю. Дэмиан был частью и меня самого. Мне тоже не хватает его. Я часто вспоминаю, как мы жили все вместе: шутили, смеялись и, чего греха таить, орали друг на друга. В целом мире не было лучшего брата.

Хэтти подняла на него заплаканные глаза:

- Прости, Джек. Я, должно быть, веду себя слишком эгоистично. Я понимаю, что тебе тоже нелегко. Конечно, ты воспринимаешь его смерть не менее остро, чем я.

Неожиданно она вырвалась от него и, круто повернувшись, ударила кулаком по столу.

- Проклятие! Какая несправедливость! - Успокоившись, она снова начала извиняться перед братом: - Не сердись, Джек. Я понимаю, что огорчаю тебя. Но ты не волнуйся за меня. Ну, пожалуйста, Джек. Право же, со мной ничего не случится.

Сэр Джон вздохнул и потрепал ее по щеке:

- Надеюсь, это так, Хэтти. Я беспокоюсь за тебя потому, что сэр Арчибальд не уделяет тебе никакого внимания. И Луиза того же мнения. Но не оставлять же тебя совсем без присмотра, черт возьми! Ведь ты же у нас еще такая маленькая.

- Ну что ты заладил про отца, Джек. Оставь эту тему - ясно, что он не станет другим. Я спокойно отношусь к его привычкам и приспособилась к жизни в этом доме. Она меня вполне устраивает; как тебе известно, он никогда не вмешивается в мои дела.

- Должен ли я считать, что последние слова относятся также и ко мне? Значит, ты по-прежнему не хочешь сказать, почему ты не желаешь встречаться с Джейсоном Кэвендером?

На долю секунды Хэтти вдруг заколебалась. Ей захотелось выложить ему всю правду, чтобы он перестал считать маркиза своим другом. Она подумала о письме, надежно спрятанном в ящике туалетного столика, о том душераздирающем прощальном послании Элизабет ее брату. Она оставила эти мимолетные мысли и молча покачала головой. Нет, сейчас Джек не должен знать об этом. Право мести пока остается только за ней одной - за лордом Гарри. Если бы она все-таки решилась посвятить Джека в эту историю и если бы он ей поверил, то исход мог бы оказаться плачевным. Она боялась трагической развязки, потому что именно Джек, а не сэр Арчибальд или кто-то другой теперь заменял ей семью. И не приведи Бог, если бы он был убит на дуэли. Она осталась бы совсем одна. И та же участь постигла бы Луизу, маленького Джона и того невинного младенца, которого ее невестка сейчас носила под сердцем. В то же время неприкрытая ложь брату тоже была ей не по душе.

- Пожалуйста, Джек, не требуй от меня ответа. Достаточно, что я сказала тебе о моем отношении к маркизу де Оберлону. У меня есть причины его ненавидеть, но пусть мои мысли останутся при мне.

- Может быть, он оскорбил тебя? - спросил сэр Джон, не перестававший чувствовать себя ее защитником. - Скажи мне, Хэтти.

- Нет. Он никоим образом не мог обидеть Генриетту Ролланд.

- Тогда это выше моего понимания. И все-таки, Хэтти, я настаиваю, чтобы ты рассказала мне, в чем дело.

- Нет, Джек. Оставь все как есть.

На этот раз он подчинился и, перед тем как расстаться, сказал:

- Луиза хочет съездить в Ричмонд, на пикник, а также посмотреть лабиринт. Она, наверное, говорила тебе? А вечером в Рэнлиг-хаусе состоится маскарад. Лу тоже собирается пойти. Говорит, что хочет тряхнуть стариной, пока не превратилась в дородную матрону. Надеюсь, ты ни с кем не договорилась на сегодня? А, Хэтти? Ты не откажешься присоединиться к нам?

Предложение показалось ей заманчивым: маскарад - совсем другое дело. На маскараде она

сможет действовать так, как ей захочется, без страха быть опознанной.

- Костюмированный бал? И там действительно все будут в масках?

- Ну конечно. Если хочешь, можешь закрыться хоть с головы до пят.

- А, это мне подойдет. Интересно, в каком костюме собирается быть Луиза?

Хэтти резво выбежала из столовой. Сэр Джон задумчиво смотрел ей вслед: эта восемнадцатилетняя девчонка пугала его. Настораживали гнев, который она в себе подавляла, и не по возрасту серьезное лицо при упоминании о Джейсоне Кэвендере. Он стал размышлять о предстоящем вечере и сразу же вспомнил, как накануне спросил Джейсона о его планах. Ответ его светлости был краток. Маркиз с лукавой усмешкой сказал ему: «Да, решил пойти, Джек. Мелисанде очень хочется развлечься. Осмелюсь спросить тебя, уж не встречу ли я там твою сестру, которая так невзлюбила меня и которой я никогда не видел?» Сэр Джон кивнул ему, надеясь, что Хэтти согласится пойти на бал.

И она таки согласилась. Старший брат продолжал лелеять надежду, что этот вечер приоткроет завесу над тайной и он сможет выяснить, почему его маленькая сестренка испытывает такую неприязнь к его лучшему другу. Если бы случай столкнул Джейсона и Хэтти, полагал он, может быть, она сменила бы гнев на милость по отношению к этому достойному человеку. Если же она и в самом деле имеет основания его не любить, рассуждал он сам с собой, то ей ничто не помешает избавиться от него. На маскараде это очень легко сделать. С этими мыслями сэр Джон решительной походкой направился в библиотеку сэра Арчибальда, чтобы засвидетельствовать свое почтение отцу. Он шел, не скрывая улыбки, гадая о том, как будет вести себя его умудренный опытом дружок при встрече с Хэтти.

В то время как сэр Джон и леди Луиза кружили по лабиринту в Ричмонде, лорд Гарри оттачивал глаз в мантонском тире. Он стоял возле разграничительной полосы на расстоянии двадцати шагов от мишеней и гладил курок. Раздался выстрел и вслед за ним восторженный крик сэра Гарри:

- Bravo, лорд Гарри! Опять в яблочко. И опять с двадцати шагов.

Мистер Фрэнке, грубоватый мужчина, считавшийся одним из лучших служителей в Мантоне, добавил свои поздравления:

- Отличный выстрел. Милорд - превосходный стрелок. Посмотрите, сэр Гарри, как его светлость ласкает курок. Вы обратили внимание, как он делает это? Он медленно водит по нему рукой, а сам не спускает глаз с мишени. Правильно. В стрельбе не должно быть спешки, сэр Гарри. В двух случаях нельзя торопиться: когда имеешь дело с леди и с ружьем.

В ответ сэр Гарри довольно крикнул:

- В одном из них - точно. Не так давно я имел возможность в этом убедиться, - сказал он и, обращаясь к Хэтти, добавил: - Как вы смотрите, лорд Гарри, на то, что я собираюсь покинуть вас? Хочу размяться у Джендльмена Джексона. Я не зову вас с собой, потому что, сами знаете, это занятие не для вас. А жаль. Интересно было бы посмотреть, как бы вы на ринге стали работать кулаками. Это вам не курок гладить!

Прежде чем ответить ему, Хэтти возвратила пистолет мистеру Фрэнксу.

- Гарри, я уже устал повторять, что на ринге вы свалите меня на пол в первую же минуту. Извините, но это развлечение действительно мне не по душе. У меня нет к нему ни интереса, ни способностей. К тому же у меня остается меньше часа до урока фехтования у синьора Бертиоли.

Откровенное признание приятеля умиротворило сэра Гарри, и из чувства благодарности он поинтересовался:

- А что говорит ваш итальянец? Как он находит ваши успехи?

- Вообще-то он не совсем итальянец. Он родом из Сардинии. Что он может сказать? Он всегда хвалит меня. Но я-то знаю, что он делает это из вежливости. Боюсь, что этого в нем больше, чем откровенности.

Хэтти не стала добавлять, что несколько недель назад синьор Бертиоли перестал высказывать озабоченность по поводу ее выносливости. В последнее время все часы их занятий были посвящены освоению уникальных приемов, которые составляли гордость маэстро. Это были ложные выпады для отвлечения противника и незаметные движения в запястье с внезапным переходом в неожиданную атаку.

- Ничего страшного, - успокоил ее сэр Гарри, - не так уж это важно. Ведь это же не вопрос жизни или смерти.

От этих слов в синих глазах лорда Гарри появился несколько странный блеск, который, впрочем, тут же погас. Сэр Гарри с подозрением оглядел друга:

- А ну, посмотрите мне в глаза, лорд Гарри! Уж не собираетесь ли вы драться на дуэли? Если так, то это неостроумно. Это никуда не годится. У моего зятя есть излюбленная шутка на эту тему. Он говорит, что закажет себе завтрак из моих потрохов, если я ввяжусь в это дело и меня убьют. Такие слова у кого угодно отобьют охоту драться на дуэли.

Видимо, этот разговор навел сэра Гарри на мысли о маркизе де Оберлоне, а также из ряда вон выходящей истории, услышанной им поутру от мистера Скаддимора - о посещении Мелисанды накануне вечером. Сэр Гарри побледнел.

- Конечно, нет. Я не собираюсь делать этого, Гарри. - Хэтти поспешила отвести взгляд от его пронизательных глаз и с готовностью позволила служителю помочь ей надеть пальто. Памятуя, что Джек и Луиза собирались назавтра с утра уехать из дома, она решила позвать его к себе в гости.

- Послушайте, Гарри, почему бы вам вместе со Скадди не посетить меня завтра вечером? Вас будет ждать приличный обед, великолепный кларет и в довершение - карты. Обещаю разнести вас в пух и прах. Соглашайтесь.

- К сожалению, не могу. На завтрашний вечер у меня другие планы.

- Позвольте полюбопытствовать, не является ли несравненная Изабелла Бентуорт частью этих планов?

- Нет, не является. Но к вам это не имеет никакого отношения. Да, кстати, чуть не забыл передать вам приглашение. Моя сестра, вы помните - Кейт Сен-Клер, просит нас обоих отобедать у них сегодня.

- Я бы с удовольствием, Гарри, но тоже не могу. Я уже обещал, что буду на маскараде в Рэнлиг-хаусе.

- Какая из этих двух очаровательных леди моя Луиза?

- Мой дорогой Джон, здесь не может быть двух мнений, - совершенно серьезно ответил сэр Арчибальд. - Малышка Хэтти на полголовы выше Луизы.

- Вы правы, отец. Как можно не узнать эту пухленькую коротышку?

- Луиза, шлепни его. Как ты только терпишь этого ужасного человека! - со смехом сказала Хэтти, сверкая глазами сквозь прорези своей красной маски.

- погоди, Хэтти, он еще пожалеет об этом. Сегодня ему не уйти от меня. Будет танцевать всю ночь, до упаду. Посмотрим, на что он годится. Всем известно, что у таких громил только одна видимость, а выносливости ни на грош. Вот посмотришь, он будет просить у меня пощады, но пусть не рассчитывает. Он ее не получит. Я вдоволь натанцуюсь на его ножищах.

- Непременно приду посмотреть, - сказала Хэтти. «Знала бы ты, моя дорогая, что такое выносливость», - подумала она о Луизе. После часа тренировки с синьором Бертиоли ноющая боль в руке все еще не прекращалась. - Папочка, мы уходим. Желаю тебе приятного вечера, - прошептала она отцу.

- Гримпстон сказал мне, что отец собирается ехать к лорду Мелбери, - сообщила она брату, после того как они втроем уселись в семейной карете Ролландов.

- Понятно, - сказал Джек, - опять, значит, эти «проклятые виги». Подвинься, Хэтти. Видишь, как тесно человеку с такими длинными ногами. Лу, что означает твоя ухмылка? Что у тебя на уме? А-а, можешь не говорить! Я знаю. Ты хочешь рассказать Хэтти, как я искал дорогу из лабиринта?

- Все нет. Я просто представила себе, как ты будешь просить меня, чтобы я оставила тебя в покое после шестого танца.

Хэтти откинулась на спинку сиденья, размышляя о предстоящем вечере. Хотя Джек на правах старшего брата по дороге делал ей бесконечные наставления - дескать, на балах всегда царят вольность и распушенность - и требовал, чтобы она не отходила от него ни на шаг, она вовсе не собиралась слушаться его. Главное, что ей было нужно, - это неузнаваемость, и она могла ее иметь благодаря своей красной маске. Если бы ей пришлось находиться рядом с сэром Джоном, которого по внушительным размерам и басистому голосу можно было распознать без особого труда, она была бы тотчас узнана. Без всяких сомнений, она предпочитала путь, дающий ей полную свободу и возможность расстаться на время с безвкусной мисс Генриеттой Ролланд и лордом Гарри.

Когда экипаж свернул с главной дороги на длинный, усыпанный гравием проезд, огибавший полукольцом фасад Рэнлиг-хауса, ее охватило сильнейшее волнение. Она увидела большое трехэтажное здание, расположившееся на длинном пологом холме. Бесчисленное множество огоньков от зажженных свечей в каждом окне придавало особняку вид огромного яркого алмаза, озаряющего своим сиянием ночное небо. Через весь проезд протянулись вереницы экипажей, так что Джону, груму Ролландов, пришлось долго лавировать между ними, чтобы высадить господ поближе к ступенькам парадного подъезда.

Дворецкий встретил сэра Джона, Луизу и Хэтти с почтительным поклоном и через центральные двери провел внутрь дома, где три лакея в мгновение ока сняли с них верхнюю одежду. Здесь, в вестибюле, были хорошо слышны доносившиеся из бального зала звуки смеха вместе с мелодией немецкого вальса. В предчувствии развлечения Хэтти громко засмеялась.

- Джек, Луиза, чего вы ждете? Пойдемте скорее, - крикнула она и, не оборачиваясь, подобрал подол, поспешила за дворецким.

Перед входом в зал она остановилась, пораженная его восхитительным убранством. По потолку, над головами гостей, ярд за ярдом простирался красный и белый атлас подобно ячеистому тенту, каким обычно украшают покои султанов. В каждом углу были расставлены огромные декоративные вазы - плод творческой фантазии художника. Они были заполнены редкостной красоты цветами, источавшими приятный сладковатый аромат. Глядя на это великолепие, Хэтти подумала, что, должно быть, после такой подготовки в оранжерее Рэнлиг-хауса не уцелело ни одного цветущего растения. Досыта налюбовавшись цветами, она принялась рассматривать диковинные наряды гостей. За этим занятием ее застал выросший будто из-под земли Робин Гуд в традиционном лесном костюме. Она громко расхохоталась. Защитник обездоленных галантно поклонился и предложил ей руку. Без малейших колебаний она оторвалась от Луизы и Джека и вместе с ним устремилась к толпе гостей, успев на ходу бросить своим дорогим родственникам насмешливую улыбку.

Сэр Джон вскинул руку, желая остановить ее.

- Не трогай ее, Джек, - сказала Луиза, схватив мужа за руку. - Дай ей повеселиться. Ничего с ней не случится. Ты должен понять ее. Ведь ты сам говорил, что она слишком долго была лишена всех развлечений. Впрочем, милорд, настало время проверить ваши способности. Я вот только никак не могу придумать награду для вашей светлости на тот случай, если вам удастся протанцевать со мной столько, сколько мне захочется.

Не успела Хэтти расстаться с Робин Гудом, как вокруг ее стройного стана сомкнулись тяжелые перчатки английского рыцаря. Незаметно один за другим проносились вальсы и контрдансы, и, в конце концов, у нее так загудели ноги, словно она перетанцевала со всеми джентльменами в этом большом зале. И вот снова к ней подскочил какой-то греческий бог. Она шутливо спросила, не Зевс ли он, на что тот ответил хриплым басом, что он Бахус, и начал одолевать ее непристойными шутками. Он просил позволить ему испить сладкого вина из ее уст, потом стал говорить, что готов вкушать пьянящий нектар из всех других мест, если она того пожелает. Хэтти сразу же представила собственные тувельки, наполненные вином, и, смеясь, прогнала назойливого и бестактного кавалера.

Затем последовал бодрый контрданс, и снова сюрприз. В завершение танца ее новый партнер, джентльмен с брюшком в костюме Людовика XIV, едва переведя дух, ни с того ни с сего заявил, что полночь уже на носу.

- Полночь? Разве? Но ведь бал только что начался. Вы, должно быть, ошиблись.

- Может быть, моя пурпурная королева. В таком исключительном обществе не замечаешь времени.

Хэтти не понравился тон этого господина. В его низком сиплом голосе прозвучали те же нотки, что и у Бахуса. Она внимательнее присмотрелась к нему и заметила неестественно яркий блеск в его глазах сквозь прорези в белой атласной маске. По-видимому, он перебрал шампанского, решила она. Этот убогий джентльмен не вызывал у нее ни малейших опасений, а

только раздражал ее, поэтому она снисходительно улыбнулась ему, намереваясь поскорее избавиться от нежелательного общества.

- А сейчас, ваше величество, я вынуждена покинуть вас. Не смею больше задерживать ваше внимание, когда столько дам ожидают вашей благосклонности!

Ей показалось, что она поступает очень дипломатично, и потому сильно огорчилась, видя, что джентльмен не собирается выпускать ее руку.

- Повелевать может только король. Это его право. Вот так, моя пурпурная королева. А твое дело - выполнять все его желания. Я вижу, что тебе жарко, милочка. Почему бы нам не прогуляться на балконе? Умираю от желания посмотреть на твои белые плечики. А может быть, ты позволишь мне заглянуть еще кое-куда? Что, если мы с тобой возьмем да приоткроем твою прелестную грудь? Я вижу, ты еще совсем молоденькая! Должно быть, ни разу не рожала?

Хэтти с отвращением посмотрела на него. В «Уайтсе» в подобных джентльменах никогда не было недостатка. Но это было совсем другое дело - там она воспринимала их иначе. Сейчас, находясь рядом с одним из них, она выступала в роли женщины и поэтому была обречена стать его жертвой. Сознание столь унижительного положения заставило ее отказаться от дамского кокетства и полагаться исключительно на здравый смысл.

- Маскарад маскарадом, сэр, но все же вам не следует забывать, что вы еще и джентльмен. Надеюсь, вы сейчас и поступите так, как подобает джентльмену. Извините, мне пора идти. Меня ждет мой брат.

Но джентльмен был совсем другого мнения. Он легонько потрепал ее по щеке:

- Нет, моя малютка! Нет, моя невинная девочка! Я не собираюсь тебя отпускать. Ты думаешь, я не видел, как ты бесстыдно кокетничала со всеми джентльменами? Весь вечер я наблюдал за тобой. Теперь моя очередь. Ты сказала, что уходишь к брату? Так я и поверил! А ну, показывай, где он, твой защитник? Где?

Опять она была вынуждена терпеливо слушать его гнусные выражения, понимая свою женскую незащищенность. Если бы в тот момент у нее под рукой оказался пистолет, она бы пристрелила его. Пока же ей не оставалось ничего другого, как еще раз с отвращением посмотреть в это мерзкое лицо.

- Вы очень надоедливы, сэр, - сказала она сурово. - Пока вы не осчастливили меня своим вниманием, я чувствовала себя хорошо, наслаждаясь этим прекрасным вечером. Мне было весело. Да, я смеялась и шутила. Но при чем здесь флирт? Если вы настолько глупы, что не способны понять, что к чему, то я советую вам разыскать свою старую няню. Может быть, она еще сможет подучить вас уму-разуму, а заодно и приличным манерам.

После этих слов он только крепче обхватил ее.

- Сэр, я настоятельно советую вам отпустить меня. Если вы сейчас же не сделаете этого, я обещаю вам, что потом вы пожалеете об этом. Я жестоко проучу вас.

- Да что ты говоришь! Ты проучишь меня? Не говори глупостей, детка. И перестань изображать из себя скромницу. Я хочу посмотреть, как ты дальше будешь веселиться. Доставь мне это удовольствие, и тогда, возможно, я отпущу тебя.

- Мне кажется, ваше величество, леди устала от вас. Не хотите ли вы оставить ее в покое? По моему, вам лучше отойти вон к той пальме и вздремнуть немного. Там вам будет хорошо. И если даже захрапите, при такой громкой музыке никто вас не услышит.

Хэтти обернулась и увидела стоящего поблизости высокого мужчину в черном домино и такой же маске.

Мужчина в костюме Людовика XIV перевел свои масляные глазки на незнакомца:

- Кто вы? Не имею чести вас знать. Куда ни помотришь, кругом одни аферисты! Много вас таких здесь околачивается. Но мне до всех вас нет никакого дела. Вы не получите ее, пока она мне не надоест.

Хэтти опять пожалела, что при ней не было пистолета. Будь она с оружием, непременно всадила бы мужчине пулю промеж глаз.

- И вы не боитесь мне это говорить? А что, если я покровитель этой леди?

- Ба! Покровитель! Нет у нее никакого покровителя. Во всяком случае, до сих пор не было. Я сам могу предложить ей свое покровительство, если она будет хорошо себя вести. Убирайтесь отсюда. Она моя.

- Хотел бы я посмотреть, что там у вас, под этим седым париком, - ледяным тоном сказал мужчина в черном домино. - Не сомневаюсь, что он прикрывает плешивую голову, набитую мякиной. Немедленно отпустите леди, или я сейчас сброшу вас с балкона прямо в этот очаровательный пруд с рыбками.

Хэтти почувствовала, что рука Людовика XIV начала медленно разжиматься, и, пользуясь моментом, она резким движением выдернула у него свою руку и отступила назад к черному домино. У нее тотчас пропал всякий гнев, напротив, теперь ее обидчик вызывал у нее смех.

- Сэр, мне наскучило это затянувшееся представление. Вы в самом деле очень утомительны. Ступайте, прошу вас. Я уверена, что вы выберете себе другую даму, которая выпила столько же, сколько вы. Вы вполне устройте друг друга. А я вам не подхожу.

- Зачем мне другая? - запальчиво вскричал Людовик XIV. - Лучше я тебя накачаю пуншем. Хочешь? Это я враз устройю - пей сколько влезет!

- Боюсь, что мне пришлось бы очень много выпить, чтобы сравняться с вами. Наверное, бочки две, - сказала Хэтти и, заметив, что он всерьез задумался над ее словами, воздела глаза к небу и добавила: - Нет, пожалуй, даже три.

Она была уверена, что стоящий у нее за спиной мужчина в домино тоже потешается над этим жалким ничтожеством. Даже не видя лица своего защитника, она ясно представила себе его ироничную усмешку. Между тем Людовик XIV, не обращая внимания на мужчину в домино, не желал оставлять этот разговор.

- Три бочонка? Не слишком ли много ты хочешь? Ладно, черт с тобой! Я не собираюсь больше набиваться к тебе в покровители. Ты чересчур молода для меня. Такие, как ты, не в моем вкусе. Убирайся вместе со своим ничтожеством.

- Вот и хорошо. Спасибо, ваше величество.

Хэтти смотрела вслед своему бывшему партнеру, пока тот пьяной неверной походкой медленно удалялся от них. Когда он растворился в толпе, она повернулась к своему спасителю и улыбнулась:

- Бедняга хватил лишнего. В таком состоянии ему не до приличных манер. Слава Богу, что ушел, наконец. Вы, я вижу, не лишены остроумия.

- А вы, как я успел заметить, не очень-то его испугались. Вы обошлись с ним совсем не так, как это сделали бы на вашем месте многие здешние барышни.

- Но почему я должна бояться его? Что в нем такого страшного? Обычный мужчина. Такой же, как и все. Пусть скажет спасибо, что мне не пришлось пустить в ход другие средства, иначе бы ему несдобровать.

- Может быть, вы поясните мне, что вы вкладываете в эти слова? Я чрезвычайно заинтригован. Мне еще ни разу не приходилось встречать ни одной молодой леди, которая была бы так уверена в себе. В самом деле. Какая приятная неожиданность встретить женщину, столь непохожую на большинство кротких овечек! В их обществе можно умереть с тоски, а с вами, я вижу, не соскучишься.

- Я польщена вашим признанием. Как приятно услышать, что ты хоть кому-то еще не успела надоесть!

- Помилуйте, как вы можете это говорить? Я просто очарован вами. И чем дальше, тем больше. Но скажите, наконец, что же вы собирались сделать с нашим несчастным пьяненьким Луи?

В голосе, принадлежавшем черному домино, было что-то знакомое. То же самое можно было сказать и про смех незнакомца. Хэтти уже где-то слышала похожие насмешливые нотки. Вспоминая, где и когда она могла слышать этот голос, она вдруг подумала, что ее избавитель может оказаться ничуть не лучше Людовика XIV. Она чувствовала, что он подбивает ее на откровенность, и в общем-то не видела в этом ничего недозволенного или опасного для себя. В конце концов, он заслужил право на ее благодарность. Что мешает ей ответить на его вопрос, пока на ней этот маскарадный костюм? Чего ей бояться, если она видит его в первый и последний раз? Она может без всякого риска говорить и делать все, что ей заблагорассудится.

- Вам хочется знать правду? Извольте, сэр. Если бы этот джентльмен не оставил меня в покое, я бы ударила его в одно место. Пониже его желтого жилета. Впрочем, я не уверена, что в таком глубоком опьянении он почувствовал бы сильную боль. Тем лучше для него, и мне бы не пришлось сильно волноваться. Вы не согласны со мной, сэр? Ну, хорошо. Мне кажется, вы должны быть довольны. Я удовлетворила ваше любопытство. Теперь я имею полное право заняться поисками развлечений для себя.

Хэтти увидела, как тотчас вспыхнули его темные глаза.

- Я снова вынужден вам повторить, что вы совсем не похожи на других леди. - В его голосе по-прежнему звучали насмешливые нотки. - Однако не могу понять, почему вы хотите отделаться от меня? Потому что я позволил себе пошутить? Или, может быть, вы боитесь, что мои намерения могут оказаться столь же низменными, что и у нашего Луи?

- Ваши намерения, сэр, попросту говоря, меня вообще не интересуют. Поверьте мне, сэр, это

так. И страха перед вами у меня тоже нет.

- Это прекрасно. Иного ответа нельзя было ожидать от такой храброй леди. Но будьте чуточку великодушнее. Я безумно люблю вальс. Сделайте милость, не откажите простому смертному, который имел несчастье по неосторожности совершить рыцарский поступок.

- Мне не показалось, что вы неосмотрительны или неразборчивы в средствах для достижения цели. Я только что убедилась в этом. Ведь вы предпочитаете пускаться в ход остроты, нежели грубую силу, не правда ли? Так и быть, даю вам за это награду. Пойдемте танцевать.

Хэтти положила свою руку на согнутый локоть черного домино и пошла с ним в центр зала.

Легким движением руки он обнял ее за талию и сделал вместе с ней несколько шагов. Она оказалась послушной партнершей, и они слаженно заскользили по паркету, постепенно набирая скорость и плавными широкими кругами обходя огромный сверкающий зал. Внезапно черное домино резко ускорил темп. От возбуждения она громко засмеялась и крепче ухватилась за его плечо.

В ответ он слегка наклонил голову к ее уху и шепотом спросил:

- Как прикажете понимать вас? Что это? Знак вашей признательности мне? Или вы боитесь, что я уроню вас?

- Прошу не флиртовать со мной, - сказала она, откидывая голову назад и пытаясь разглядеть хоть что-то в лице, скрывающемся за черной маской. - Я смеюсь потому, что мне весело. Вот и все. И не задавайте мне больше подобных вопросов. И, пожалуйста, сэр, поосторожнее - вы чуть не наступили мне на ногу.

Теперь он откинул голову и громко рассмеялся. Она увидела его загорелую шею и крепкие белые зубы. Смех кавалера в домино показался ей очень приятным. «Черт возьми, кто бы это мог быть?»

- Вы не находите, сэр, что ухаживание - обременительное занятие, особенно когда приходится танцевать и в то же время развлекать даму шутками?

- Если я правильно понял, вы воспринимаете ухаживание как пустую забаву, напрасную трату времени? - ответил он вопросом на вопрос.

- Если б я имела об этом хоть малейшее представление! В этот момент его рука чуть крепче обвила ее талию. Хэтти решила не придавать этому особого значения: в конце концов, она имела дело с мужчиной. Мужчины в ее представлении были странными существами. К этому выводу ее подтолкнул собственный хотя и небогатый, но весьма впечатляющий опыт. Важнейшее место в их сознании занимала физическая близость с женщиной, желание обладать ею. На втором месте у них была... тоже физическая близость. Впрочем, и на третьем то же самое. Размышляя об этом, она не заметила, как внезапно смолкла музыка.

- Как, уже? Ах, Боже мой! - разочарованно воскликнула она. - А вы недурно танцуете. Но я полагаю, вы и сами знаете. Я уверена, все леди говорят вам это.

Мужчина вскинул руку и сделал знак оркестру. В ту же секунду полились звуки другого вальса. Она засмеялась:

- Недурно, сэр. Ловко у вас получилось.

Забыв о тонкостях этикета, она тотчас положила руку ему на плечо. Несколько мгновений спустя в круговороте танца она уже едва успевала переводить дух.

Наконец он замедлил шаги и, заглянув в обращенное к нему улыбающееся лицо, с нарочитой глубокомысленностью заметил:

- Ваш Луи XIV все-таки безголовый малый. С чего он взял, что у вас богатый опыт флирта? Я бы этого не сказал. Напротив, мне кажется, что вы неискушенная юная леди, наслаждающаяся своим первым балом.

«Скажите, какая пронизательность? Неужели это так бросается в глаза? - подумала Хэтти. - Не может быть. Вам не удастся, мой дорогой, смутить меня».

- Я знаю, почему вы так говорите, - сказала она с дерзкой усмешкой. - Вы считаете меня наивной и неопытной только потому, что я не желаю флиртовать с вами. Разве не так? Типично мужская самонадеянность.

- Ваша храбрость приводит меня в умиление. Хотел бы я посмотреть, как бы вы отважились подтрунивать надо мной, если бы мы сейчас сняли вашу маску?

- Если вы хоть пальцем дотронетесь до нее, вам придется горько пожалеть об этом.

- Так же сильно, как вы предрекали Луи XIV?

- Ну нет. Такого вы не заслужили. Для вас я выберу наказание помягче, - сказала она и наступила ему на ногу.

Он вздрогнул, но промолчал. Они продолжали кружиться в вальсе. В самый последний момент, когда они должны были вот-вот остановиться, он, изловчившись, взял да и придавил ей ногу.

- Ай! - вскрикнула она, подпрыгнув, больше от удивления, чем от боли.

- Мужчины - народ неуклюжий. Примите мои извинения, мисс. Правда, будь ваши ноги чуточку меньше, возможно, мне удалось бы избежать этого недоразумения.

Хэтти с удовольствием стукнула бы его за такие слова, но вместо этого засмеялась. Ему тоже не оставалось ничего другого, как присоединиться к ней. И она снова услышала его обезоруживающий смех.

- Что будем делать дальше? Прикажете вернуть вас вашему брату?

Вся ее веселость мгновенно улетучилась.

- Вы знаете моего брата?

- Разумеется, мисс Ролланд.

Она была готова убить Джека. Что он натворил! Наверное, своим длинным языком разболтал всем приятелям, что его сестра одета в пурпурное домино и маску и что ей очень хочется иметь кавалеров для танцев. Она отшатнулась от незнакомца и, повернувшись, скрылась в толпе гостей, прежде чем он успел ее остановить.

Хэтти слышала за своей спиной его голос, звавший ее по имени. Но она не обращала на него

внимания, движимая единственным желанием поскорее разыскать Джека и хорошенько отдубасить его за такое предательство. Мысленно она посылала ему тысячу проклятий, чувствуя, как быстро меркнет радость от первого в жизни бала. Мужчина в черном домино знал, кто она такая. Значит, об этом могли знать и другие. И если это действительно так, кто-то мог заметить, что ее голос не очень сильно отличается от голоса неказистой мисс Генриетты Ролланд или, что было бы намного хуже, голоса лорда Гарри.

Звонкая заливиная трель заставила ее задержаться возле группы веселившихся молодых людей. В центре она увидела Мелисанду с пышной копной блестящих медных волос и выставленной напоказ белой грудью в глубоком вырезе зеленого бархатного платья. Она выглядела необычайно привлекательно. Хэтти почувствовала, как у нее бешено заколотилось сердце. Раз она здесь, значит, где-то поблизости должен быть и лорд Оберлон. Она дважды пробежала глазами сгрудившихся поклонников Мелисанды, но его среди них не оказалось. Ей ничего не оставалось, как продолжить поиски неизвестно куда запропадившихся Джека и Луизы.

Она отошла к стене, выбирая в переполненном зале место, откуда можно было бы поудобнее высматривать их. Но ей решительно не везло – она тут же заметила какого-то изрядно выпившего молодого человека, устремившего на нее полный обожания взор. Он явно намеревался пригласить ее на танец. Дабы избежать нежелательных сцен, ей пришлось протиснуться к керамическому вазону с папоротником. «Опять эти несносные мужчины, – бранилась она про себя, прячась за гигантским листом. – Везет же лорду Гарри, он избавлен от подобных хлопот».

Вспомнив о своем двойнике, она чуть было не рассмеялась вслух, как вдруг обнаружила Джека. Он стоял возле портьера, небрежно прислонившись к стене, и беседовал с каким-то незнакомцем. Оба они весело смеялись. Она уже сделала несколько шагов, но вдруг остановилась, будто сраженная молнией. Рядом с Джеком она увидела знакомое черное домино. Она быстро юркнула обратно в свое укрытие за папоротником. Путь к брату был для нее отрезан. С другой стороны, не могла же она весь вечер скрываться за этим экзотическим растением. Нужно было найти какой-то благовидный предлог и убраться с этого бала. Однако скудный багаж светского опыта был для нее никудышным подспорьем. Оставалась единственная надежда на собственное воображение.

Хэтти нагнулась и, наступив ногой на кромку юбки, со злостью рванула подол. Прочный бархат даже не вытянулся под ее пальцами. Она приблизила его ко рту и вцепилась в него зубами. Ткань не выдержала и лопнула. Тогда Хэтти, нимало не смущаясь, что попортила красивую вещь, просунула пальцы в образовавшееся отверстие и быстро превратила его в большую круглую дыру с рваными краями. «Теперь по крайней мере, – с облегчением подумала она, – не надо будет больше выходить на паркет». Вскоре ей удалось отыскать Луизу, которая в тот момент общалась не с кем-нибудь, а с самой леди Рэнлиг.

Хэтти подошла к невестке и тихонько встала у нее за спиной.

– Луиза, я порвала домино. Мне нужно куда-нибудь выйти и посмотреть, можно ли что-то сделать.

– О, дитя мое, – участливо сказала леди Рэнлиг, наклонившись к ней и разглядывая зияющую дыру, – я вижу, вам достался неуклюжий партнер. Какая жалость!

Хэтти с жаром ее поддержала. Как она и рассчитывала, леди Рэнлиг велела ей подняться наверх в большую туалетную комнату, сказав, что придет к ней свою горничную, Селесту,

которая займется починкой костюма.

- Досадное недоразумение. Но джентльмен здесь ни при чем. Я сама во всем виновата, – призналась Хэтти золовке, когда они остались одни. – Ну ничего, я надеюсь, все будет хорошо.

- Тебе незачем терять время, – уговаривала она Луизу, пожелавшую сопровождать ее. – Иди лучше танцевать с Джеком. А то он совсем расслабится в твоё отсутствие.

Она уже собралась улизнуть от невестки, как услышала за спиной раскатистый бас Джека:

- Хэтти, сестренка, куда же ты убегаешь? погоди минутку. Она нехотя обернулась, ожидая увидеть рядом с ним черное домино. Но Джек был один.

- Увидимся позже, Джек. Я только что порвала костюм. Мне есть, что сказать тебе. Я ужасно зла на тебя. Вечно ты суешь нос не в свои дела!

- Понятно. Значит, ты на время выбываешь из строя, – хитро ухмыльнулся Джек, стягивая с себя маску и потирая щеку. – А вообще будь осторожнее, сестренка. Мой долг предупредить тебя, что некоторые рассерженные дамы сговариваются убить тебя. От зависти. Говорят, что ты переманила к себе всех щеголей.

Она хотела посоветовать ему, чтобы он лучше сам поухаживал за Мелисандой, но удержалась.

- Отправляйся танцевать с Луизой, – сказала она, отвернувшись от него и уже было поставив ногу на ступеньку широкой лестницы. Потом внезапно обернулась и как бы невзначай спросила: – погоди, Джек. Кто этот джентльмен, с которым ты только что разговаривал? Я говорю о высоком мужчине в черном домино и черной маске. У него очень заразительный смех.

Джек взорвался от хохота и пристально посмотрел на нее своими голубыми глазами с внезапно вспыхнувшими в них озорными искорками.

- Ага! Подозреваю, что ты совсем не плохо чувствовала себя в его обществе, Хэтти. Если не ошибаюсь, ты танцевала с ним два вальса?

- Когда он смеялся, он действительно выглядел очень милым. Но все остальное время держался несколько грубовато и свысока. Немного острил, и некоторые его шутки показались мне довольно забавными. Но в общем и целом не могу сказать, что он мне сильно понравился.

- Ладно, Хэтти, так и быть, я немного приоткрою тебе завесу его тайны. Твой кавалер не совсем такой, как все. Это человек, который постоянно искушает судьбу.

- Я знаю, ты сказал ему, кто я. Кто тебя просил, Джек, делать то, что тебя совершенно не касается? Теперь скажи мне, кто он?

Джек поднял свою красивую бровь.

- Не кто иной, как твой заклятый враг, Хэтти. Маркиз де Оберлон. – Он произнес это таким убийственно-спокойным голосом, что ей захотелось завопить что есть силы и наброситься на него. Однако он уже повернулся и, не глядя, через плечо проказливо помахал ей рукой. Его оглушительный хохот все еще стоял у нее в ушах.

Хэтти вцепилась в перила, провожая взглядом все еще смеявшегося брата. Только теперь до

нее дошло, почему голос мужчины в домино показался ей таким знакомым. Она заставила себя набрать полные легкие воздуха, стараясь вернуть самообладание. Несомненно, его светлость не узнал ее. Если бы это произошло, то все ее планы рухнули бы. Так что оставалось только воздать хвалу небесам, что у нее сохранилась возможность действовать дальше. Но намерение поколотить Джека все же не покидало ее.

- Не хотите еще потанцевать со мной, мисс Ролланд? Могу заверить вас, что вам ничто не грозит - ваше домино не превратится в лохмотья.

При звуках этого насмешливого лениво-протяжного голоса Хэтти обернулась так резко, что чуть не зацепилась подолом юбки за перила. На лестнице, на расстоянии нескольких ступенек стоял маркиз и с ослепительной улыбкой смотрел на нее снизу вверх.

- Вы...

Это было единственное, что она могла выговорить. Она боялась, что он узнает ее голос. Ненависть переполняла ее, но у нее не было другого выхода, кроме бегства. Она подхватила подол юбки и торопливо побежала по лестнице.

- Спесивый и не вполне воспитанный мужчина благодарит вас, мисс Ролланд, - крикнул ей вдогонку маркиз. - Значит, вам понравился мой смех и вы нашли меня забавным? Вы очень проникательная молодая леди.

В голосе его звучала глубокая ирония. Даже не видя этого человека, она представляла себе его лицо с глумливой ухмылкой. Должно быть, сейчас он смеется над ее неискушенностью и беспомощностью, чувствуя себя на высоте, примерно так, как шулер за карточным столом в компании дилетантов.

Глава 18

Лорд Гарри нехотя поднялся и подошел к камину. Он поддал носком сапога догоравшее полено, подтолкнув грудой потрескивавших угольков поближе к дымоходу.

Раздался стук в дверь, но он никак не отозвался, даже не повернул головы.

- Вам письмо, мисс Хэтти, - сказал появившийся на пороге Потсон. - Посмотрите-ка, наверное, послание от какой-то леди. Служанка, которая его принесла, не пожелала назвать мне имя леди.

Как только конверт из мягкой розовой бумаги перекочевал в руки лорда Гарри и мускатный запах терпких духов коснулся его ноздрей, хандра Генриетты Ролланд мгновенно улетучилась.

- А-а! Это письмо не от леди, Потсон, - сказала Хэтти несвойственным ей небрежным тоном, с язвительной улыбкой на губах. Она надорвала конверт и вынула из него одинарный листок розовой бумаги, исписанный витиеватым почерком. При взгляде на послание у нее расширились глаза, и она испустила ликующий крик.

- Что там, мисс Хэтти?

- Превосходно. Отличный результат! Ура! Только не поднимайте шума, Потсон. И не корите меня. Сейчас я вам все расскажу. Дело в том, что недавно я нанесла визит даме сердца лорда Оберлона. Разумеется, не я, а лорд Гарри. Любовницу маркиза зовут Мелисанда. Только она

никакая не леди, уверяю вас. Так вот, сегодня днем его подруга свободна и согласна совершить со мной прогулку верхом в Кенсингтонском парке.

- Что? Боже мой! Что вы сказали? Я не ослышался? Вы были у любовницы лорда Оберлона? Мисс Гарри... Тьфу! С вами совсем потеряешь голову. Хотел сказать - мисс Хэтти. Вы действительно собираетесь отправиться с ней на эту прогулку? Вы в своем уме? Если маркиз узнает об этом, это будет что-то страшное. Он не просто избежит вас, он разделается с вами раз и навсегда без всяких разговоров.

- Я знаю, - невозмутимо сказала Хэтти. - Я рассказала вам все как есть, а сейчас, с вашего позволения, я ухожу. Мне нужно купить моей леди зеленую бархатную амазонку для верховой езды и взять у мистера Скаддимиора хорошую покладистую кобылу. Надеюсь, что кобыла к тому же будет выглядеть достаточно прилично.

Вскоре в модный магазин мадам Картье уверенной походкой вошел неприятный с виду, но очень обаятельный, приятный в общении молодой джентльмен. Без лишних слов он взял амазонку для верховой езды вместе с подходящей шляпкой, выложив за них умопомрачительную сумму, поскольку эти вещи не были им заказаны и предназначались для мисс Каролины Бэсби.

С мистером Скаддимиором дело обстояло несколько сложнее, но после продолжительных увещаний Хэтти получила от него, наконец, гнедую кобылу по кличке Кокетка. Лучше не придумаешь! Ровно в пять часов дня Кокетка уже стояла возле ограды дома Мелисанды.

Сама Мелисанда выглядела несказанно красивой, когда плавной, скользящей походкой вышла в небольшую гостиную, где лорд Гарри ожидал ее уже добрых полчаса.

- Вы просто восхитительны, ваша светлость. Какой вы, однако ж, проказник! Озорной мальчик! - приговаривала она, пританцовывая. - Как вам удалось точно угадать мои размеры? Уверяю вас, что, доведись мне самой выбирать костюм, я бы остановилась именно на нем, и ни на чем другом.

Хэтти почти не сомневалась, что мадам Картье на пушечный выстрел не подпустила бы Мелисанду к костюму мисс Каролины Бэсби. Но сейчас, глядя на Мелисанду, она была вынуждена признать, что этот отлично скроенный костюм из зеленого бархата необычайно красиво облегал ее пышную грудь и вряд ли бы лучше смотрелся на другой женщине. Костюм был оторочен несколькими рядами воздушного белого кружева, поднимавшегося почти до самого подбородка. Шляпка удачно дополняла костюм. Черные перышки, расположенные на полях, нарядной дугой обрамляли тугие красно-коричневые локоны на лбу и вокруг щек.

Мелисанда прекрасно осознавала свое очарование. Она понимала, что этот милый молодой человек был не вправе делать ей такого роскошного подарка, но подумала, что в конце концов может безболезненно принять это подношение, так как имеет право на удовольствие. Она успокаивала себя тем, что лорд Монтейт останется для нее просто очаровательным юношей, восторженным поклонником, и не более. И если она уделит ему малую толику времени, от этого никому не будет вреда, рассуждала она. Вместе с тем, что будет, узнай маркиз об этом? Эта тревожная мысль заставила ее на мгновение перестать кружиться, но она тотчас отбросила ее и с невозмутимым видом пожала лебедиными плечами. Может быть, тогда он перестанет воспринимать ее пребывание с ним как нечто само собой разумеющееся. Может быть, тогда он будет чаще брать ее с собой на балы и светские вечера, например такие, как давешний очаровательный маскарад.

Теперь, продолжая восхищать лорда Гарри своими грациозными движениями, она была готова хлопнуть в ладоши от своего решения. Маркиз в отличие от юного лорда никогда не превозносил ее красоты, тем более в таких неподражаемых выражениях. Она моментально забыла о дарованном ей рубиновом ожерелье, которое получила от него после его возвращения из Италии. Ее возлюбленный никогда не покупал ей такой изысканной одежды, как этот костюм для верховой езды.

- Ах, Мелисанда! Вы не представляете, как мне сегодня будут завидовать все мужчины. Когда они увидят нас вместе в парке, я уверен, от зависти им захочется проткнуть мне глотку. Они будут ломать себе головы над тем, почему такая богиня снизошла до простого смертного. Поверьте, Мелисанда, вы с вашей красотой достойны Пегаса, а не той кобылы, которую я купил для вас.

Мелисанда великолепно смотрелась на лошади. Единственное, что она умела делать, это сидеть в седле. Заставить лошадь двинуться с места или остановиться - это было уже за пределами ее способностей. Хэтти испытала огромное облегчение оттого, что Кокетка оказалась на редкость смиренна и кротка. Со стороны могло показаться, что кобыла двигалась в полусне. Она неторопливо и осторожно ступала по мостовой, невзирая на оживленное движение на лондонских улицах, и приближала шаг за шагом гордо восседавшую Мелисанду к парку. Погода была ненастная, дул пронизывающий зимний ветер. Воздух был настолько холоден, что пар шел изо рта. Навстречу им попадались лишь редкие прохожие.

Но количество случайных пешеходов не имело особого значения. Они с Мелисандой ехали как раз в то время, когда их могли видеть очень многие из тех, кто ехал в каретах и колясках. Это был час визитов. На проезжей части улиц в самом деле было немало лошадей, экипажей и колясок. Хэтти почувствовала, как у нее замерло сердце, когда она увидела какого-то джентльмена, скакавшего навстречу им верхом на огромном черном жеребце. Но это был не маркиз.

Она смутно представляла себе, что она будет делать, если повстречает в парке лорда Оберлона, и начала разыгрывать в воображении возможные сцены. Однако вскоре это занятие показалось ей утомительным, и она выкинула тревожившие ее мысли из головы. Девушка жаждала встречи и выяснения отношений с ним и была готова к этому. Она припасла для него бесчисленное множество язвительных выражений, но сейчас ей не хотелось обдумывать их.

Незаметно они перешли на галоп и вскоре уже обгоняли чью-то закрытую коляску. Хэтти пришла в неописуемый восторг, заметив внутри прижавшееся к закрытому оконцу знакомое лицо. То была леди Мелбери. Она удивленно смотрела на величественную Мелисанду. Хэтти, едва сдерживая улыбку, подняла руку и вежливым жестом поприветствовала даму. Хотя леди Мелбери, по предположению Хэтти, вряд ли принадлежала к числу первостатейных сплетниц, встреча с ней могла оказаться более или менее полезной. От такого живописного и пикантного вида пары, которую являли она и Мелисанда, даже у самого добродетельного человека могло пробудиться желание посудачить. Но больших надежд в этом отношении на леди Мелбери возлагать не приходилось, поскольку она вполне могла не знать, кто эта роскошная женщина на гнедой кобыле.

- Вам не холодно, Мелисанда?

Мелисанда, успевшая получить от джентльменов множество самых страстных и пылких взглядов, как будто совсем не беспокоилась, что изрядно промерзла, и не замечала, что у нее стучат зубы. До тех пор пока с головы до ног не покроется гусиной кожей, она не будет жаловаться на холод. Естественно, на вопрос лорда Гарри она покачала головой, позволив

мягким перышком потереться о свои розовые щечки, и ласково улыбнулась.

К тому времени они обскакали галопом почти весь парк, и, надо сказать, их совместная прогулка не осталась незамеченной. По меньшей мере все это время дюжина любопытствующих леди и джентльменов тупо взирали на эту шикарную пару. Хэтти слегка попрдержала свою лошадь, когда один фаэтон, сопровождаемый всадником на черном коне, поравнялся с зеленым бархатным костюмом. Не поворачивая головы, она покосилась на джентльмена в седле и тотчас резко остановила свою лошадь, а также взяла под уздцы Кокетку.

Хэтти сразу же узнала супругу графа Марча. Она с удовольствием смотрела на смеющееся лицо Кейт Сен-Клер. Ее удовлетворение от этой встречи возросло еще более, когда ей стало ясно, что джентльмен на черном жеребце не кто иной, как граф, и что в отличие от нее он далек от восторга. Но... «Не взывайте, граф». И правда, кто мог предвидеть это?

- Миледи, - произнес лорд Гарри и поклонился графине, не покидая седла. - Я вижу, вы теперь избрали для себя более легкий вид физических упражнений. Вы получаете от них удовольствие? Вы удовлетворены?

Кейт звонко рассмеялась. Было видно, что она безмерно рада видеть лорда Гарри.

- Какая счастливая случайность! Как я рада этой встрече, лорд Гарри! Ах, как жаль, что вы не смогли прийти вместе с Гарри и отобедать у нас на днях. Вы знаете, Гарри так усердно нахваливал вас графу, что он чуть было не запустил в него тарелкой с черепаховым супом. Попасть в цель с двадцати шагов в Мантоне - это завидное достижение. Ах, как бы я хотела побывать там!

Она посмотрела на графа, ожидая, как обычно, увидеть на его лице сдержанную вежливую улыбку, и была удивлена, даже более - смущена, встретив суровое выражение глаз и стиснутые челюсти. Такое на его лице ей доводилось наблюдать только во время их самых серьезных ссор.

- Я был бы счастлив взять вас с собой, миледи, - сказала Хэтти.

Она была уверена, что граф не сводит с нее своих строгих прищуренных глаз. Он явно был разъярен. «Очень хорошо, просто великолепно. Вы можете сколько угодно скрежетать зубами, ваша милость: ведь вам не удастся вызвать меня на дуэль. Это может сделать только маркиз».

Хэтти посмотрела прямо в непреклонное лицо графа и улыбнулась.

- Милорд, - сказала она, - какой изумительный фаэтон. Я видел его в Тэттерсолсе и пришел в восхищение от него. А как прекрасно правит графиня! Я бы не удивился, если бы увидел, что она столь же успешно стреляет в Мантоне.

- Возможно.

Больше графу, по-видимому, было нечего сказать. Он перевел взгляд на Мелисанду, которая начинала проявлять признаки беспокойства и нетерпения в связи с тем, что не она была центром внимания.

Графиня неверно истолковала подмеченный ею взгляд мужа.

- О, простите мне мою невнимательность, лорд Гарри! Кто эта очаровательная леди с вами?

- Это Мелисанда Шалье, - спокойно сказала Хэтти и добавила, обращаясь к своей спутнице: - Мелисанда, а это графиня Кейт Сен-Клер и ее супруг граф Марч.

Графиня приветливо улыбнулась и кивнула. Мелисанда в ответ только тряхнула плюмажем. Она и не собиралась смотреть на графиню, зато со всей откровенностью уставилась на графа.

- Очень приятно, ваша светлость. Несомненно, это большая честь познакомиться с вами.

Хэтти заставила свою лошадь отступить на пару шагов от фаэтона.

- Очень жаль, графиня, но мы вынуждены покинуть вас. Неловко занимать вас разговорами в такую непогоду. Я не хочу, миледи, чтобы вы на глазах у меня превратились в сосульку. Будьте здоровы. Возможно, как-нибудь мы совершим наш совместный поход в Мантон.

Графиня внимательно наблюдала, с какой почтительностью лорд Гарри обращался с Мелисандой, с какой осторожностью он перевел ее кобылу в медленный галоп.

Она повернулась к своему нахмутившемуся мужу:

- Что ни говори, Жюльен, а лорд Монтейт - очаровательный молодой человек. Не сердись на меня, Жюльен, если я что-то сделала не так. Я согласна с тобой, что мое воспитание далеко не совершенно. Но я была искренне рада снова увидеть нашего друга Гарри. А мисс Шалье просто восхитительна. Но, странное дело, я никогда бы не подумала, что женщина такого типа может быть в его вкусе. Тем не менее это так. Забавно. Не зря говорят, что противоположности притягивают друг друга.

Граф силился выдавить из себя улыбку, что он и сделал, в конце концов. Но он не мог принудить себя сделать это естественно.

- Кейт, я вовсе не сержусь на тебя, - сказал он жене. - И ты, как всегда, безупречно точна в своих наблюдениях. Ты верно заметила, что эта дама не подходит лорду Монтейту. Она явно не для него.

- Тогда скажи, Жюльен, какой мужчина, по-твоему, подошел бы этой леди?

«Догадалась, что здесь что-то не так», - подумал граф и сказал:

- Так и быть, Кейт. Да будет тебе известно, Мелисанда Шалье не леди. Очаровательная женщина, которую ты только что лицезрела, одна из любовниц Джейсона Кэвендера.

- Боже мой! Но, Жюльен, если она его любовница, то какие у нее дела с лордом Монтейтом? Это же недопустимо. Какие тут могут быть разговоры!

- Это не только недопустимо, но и безумно. В самом деле безумно.

Граф проводил взглядом удаляющиеся фигуры лорда Гарри и любовницы Джейсона Кэвендера. Он припомнил свою беседу с Джейсоном всего несколько дней назад. Как же он был глуп тогда! Как он мог так легкомысленно отместить доводы своего друга о вопиюще непристойных выходках лорда Монтейта? Что же будет, когда Джейсон выяснит, а это непременно случится, что лорд Монтейт на глазах у всего света щеголяет в обществе Мелисанды? Этот молодой человек, похоже, стоит на краю пропасти и в любую минуту может расстаться с жизнью. Какой бес вселился в этого сумасброда? Чего он хочет? Чтобы его публично избили до полусмерти? Или проткнули глотку шпагой? Задавая себе эти вопросы, граф решил, что будет нелишним,

если он возьмет на себя неблагодарную миссию и сам обо всем расскажет Джейсону Кэвендеру. Когда Джейсон разгневан, он делается страшнее дьявола.

- Жюльен, что с тобой? О чем ты задумался?

Кейт слишком хорошо знала мужа, никогда не дававшего оснований для подозрений во лжи, и поэтому рассчитывала услышать от него искренний ответ. В итоге граф Марч потратил целый час, рассказывая ей все, что ему было известно об этой двусмысленной ситуации.

Когда он закончил, графиня продолжала хранить молчание.

- Ну, что ты думаешь обо всем этом? - спросил он.

- Я думаю, - ответила она чуть слышно, - что лорд Монтейт слишком умен для того, чтобы без каких-либо очень веских причин бросаться очертя голову в авантюру, которую ты описываешь. Согласись, Жюльен, он все-таки незаурядный юноша. Что-то в этой истории не так. Что заставляет его действовать вопреки здравому смыслу? Видит Бог, я бы очень не хотела, чтобы он, такой молодой, погиб от руки Джейсона Кэвендера. Хотя ты сам видишь, что он сознательно не оставляет в покое Джейсона, и у того, по-видимому, не останется другого выбора, кроме возмездия. Ты сам, Жюльен, можешь что-нибудь предпринять в данном случае?

- По всей видимости, немного, - чистосердечно признался граф. - Не далее чем завтра я переговорю с Джейсоном. Может быть, вдвоем мы сможем разобраться в том, что подталкивает юношу к этой роковой крайности.

Глава 19

Между тем Потсон с нетерпением ожидал возвращения Хэтти. Пока она занималась конной прогулкой с Мелисандой, он колдовал над тушеной бараниной, усердно сдабривая блюдо чесноком.

- Бог мой! Какое замечательное блюдо, Потсон! - воскликнула девушка, жадно втягивая носом ароматный дух.

Она немедленно потребовала от него ложку, которую тотчас сунула в кастрюльку.

- Слишком шикарно для сэра Гарри и мистера Скаддимора, - сказала она, попробовав мясо. - Пожалуй, баранину мы прибережем для себя, а с них хватит фруктов. У нас найдется немного яблок?

- Будет вам, мисс Хэтти. Ступайте лучше к себе, а то не успеете переодеться, - сказал Потсон, замахав черпаком.

Хэтти уже облачилась в одежду лорда Гарри, когда в дверь спальни постучали. Это был Потсон. Он торопливо вытирал руки о фартук и выглядел необычайно встревоженным, как затравленный охотниками зверь. За его спиной стояла Милли.

- Ах, это вы! Уф, до чего же вы меня испугали! Что случилось? - Хэтти резким движением одернула уже натянутую одежду. - Уж не хотите ли вы сказать, Милли, что сэр Джон и леди Луиза вернулись в Лондон? Нет, этого не может быть!

- Нет, слава Богу, этого не произошло. Если бы это был сэр Джон, мне бы, конечно, сделалось

дурно. Но это не он, мисс Хэтти. Это ваш отец. Он уже давно требует вас. И знаете, зачем? Представьте себе, леди Мелбери опять прислала приглашение – на другую вечеринку, и он дал ей согласие. Он принял это приглашение и от вашего имени также. Поэтому он желает видеть вас, мисс Хэтти. Я сказала ему, что вы не в восторге от этого приглашения и что сейчас вы отдыхаете. Вы должны понять меня. Мне пришлось придумать это за вас: ведь только так можно было отвести подозрения. Иначе бы он сразу догадался, что вас нет дома.

– Вы правы, Милли. У вас был единственный выход. Черт побери, мне начинают надоедать его затеи.

Опять сэр Арчибальд портит мне жизнь! Конечно, он и не думал держать в голове мою просьбу! Хоть бы на этот раз Господь вразумил его оставить меня в покое. Спросил бы меня, прежде чем принимать всякие приглашения! Теперь ничего не поделаешь, надо возвращаться. У нас очень мало времени, Милли. Поторопитесь, несите скорее от Потсона перо и бумагу. Я пошлю его к сэру Гарри и мистеру Скаддимуру. Думаю, он успеет съездить к ним и отменить нашу вечернюю встречу. А вы, Потсон, в мое отсутствие не вздумайте съесть всю баранину.

Прошло немногим более двух часов, когда мисс Генриетта Ролланд – убогое существо, две недели назад совершившее свой первый выход в общество, – вскарабкалась в карету сэра Арчибальда, прижимая к макушке зеленый александрийский чепец, дабы его не снесло с головы студеным зимним ветром. Как и прежде, она не стала надевать очки до тех пор, пока не поднялась на ступеньки Мелбери-хауса и не постучалась в дверь. Дворецкий снова посмотрел на нее так, словно не желал ей ничего иного, как провалиться сквозь землю. Она ничтоже сумняшеся приветствовала его как старого знакомого жизнерадостной улыбкой и старательно скосила глаза.

Хэтти быстро пробежала глазами гостиную, где собралось избранное общество. Там и сям ворковали разбившиеся на небольшие группки леди и джентльмены. Она не заметила среди гостей лорда Оберлона, и у нее на время отлегло от сердца. Мисс Генриетта Ролланд в той же степени избегала встреч с его светлостью, в какой лорд Монтейт стремился к ним.

Подойдя к леди Мелбери и засвидетельствовав ей свое почтение, Хэтти решила не мозолить глаза гостям и поспешила уединиться в укромном уголке гостиной, втайне надеясь, что там ее никто не заметит и она сможет со своего поста наблюдать за присутствующими. Неожиданно ее взгляд привлекла хорошенькая темноволосая девушка, сидевшая возле своей матери в притворно-смиренной позе. У девушки был такой вид, словно ей тошен весь мир и от смертельной скуки она с трудом сдерживает зевоту. Хэтти усмехнулась. Прелестное создание было не кем иным, как мисс Изабеллой Бентуорт – объектом воздыхания сэра Гарри Брэндона. Прежде лорд Гарри только мимоходом видел молодую леди и несколько раз обменялся с ней короткими вежливыми фразами, как того требовал светский этикет. Ну что же, возможно, мисс Генриетта Ролланд сможет сойтись с ней чуть ближе. Хэтти испытывала живой интерес к молодой леди, державшей в плену сердце ее друга. Однако силы чар Изабеллы Бентуорт, по видимому, было недостаточно, чтобы добиться от своего поклонника matrimониальных предложений.

Когда Хэтти подошла к мисс Бентуорт и увидела ее вблизи, то решила, что сэр Гарри просто сумасшедший. Изабелла была без преувеличения очень обаятельной девушкой. У нее были выразительные карие глаза, спокойные и теплые. Ее приятная наружность совсем не была обманчивой, эти красивые глаза светились неподдельной добротой. Хэтти даже начала сомневаться, заслуживает ли сэр Гарри такой партии. Она отметила, что у мисс Бентуорт необыкновенно красивые волосы – блестящие, темные, без всякого намека на красноватый отлив, напротив, черные как смоль. Ее волосы были красиво зачесаны наверх, и только

небольшая россыпь мелких кудряшек обрамляла ее тонкое лицо цвета слоновой кости со стороны лба и на висках. Нет, сэр Гарри определенно не стоил мисс Изабеллы – таков был окончательный приговор Хэтти. Она была уже близка к тому, чтобы завладеть рассеянным вниманием мисс Бентуорт, как неожиданно ее отвлек скрипучий голос мисс Мод Лэнгли.

– Вы ли это, мисс Ролланд? – сказала мисс Мод тягучим приторным голосом, от которого у Хэтти сразу возникла оскомина. – Я безумно рада видеть вас вновь, моя дорогая. Простите, что я не смогла навестить вас. Я была ужасно занята. Сплошные балы и рауты! Мне с трудом удалось выкроить время для покупки нескольких новых платьев.

«Какое счастье, что судьба оказалась столь милостивой ко мне», – подумала Хэтти, набирая в легкие побольше воздуха и лелея одно-единственное желание – поскорее избавиться от этой занудливой особы.

– Я понимаю вас и прощаю вам этот грех, мисс Лэнгли, – сказала она, повышая голос и привнося в него одновременно с визгливыми нотками противный гнусавый оттенок. – А где ваша прелестная сестра? Неужели ее не будет сегодня? В таком случае я не сомневаюсь, что все джентльмены дружно завоюют в один голос.

Мисс Мод сразу же стала менее дружелюбной:

– Ах, вы о Каролине! Нет, она здесь. Должно быть, где-нибудь в углу без стыда и совести флиртует с каким-нибудь джентльменом. Мама просто в отчаянии от ее поведения. Оно недостойно настоящей леди и отпугивает от нее мало-мальски приличных кавалеров.

– В это трудно поверить, мисс Лэнгли. Джентльмены любят живых и красивых девушек. Вероятно, уже с начала сезона она потеряла счет предложениям руки и сердца.

Мисс Мод нашла слова Генриетты Ролланд неуместными и дерзкими. Они произвели на нее не менее отталкивающее впечатление, чем ее неприглядная, подходящая разве что для дома одежда. Она мрачно посмотрела на Хэтти, отчего ее длинный нос вытянулся еще больше, и затем, откровенно разглядывая каждую складку на бесформенном гороховом платье, издала короткий ехидный смешок.

– Уж вам-то, мисс Ролланд, наверняка не приходится беспокоиться на этот счет. Вряд ли вам грозит пресыщение вниманием сильного пола.

Хэтти с трудом удержалась от смеха, однако сделала вид, что раздосадована. Она косо посмотрела на мисс Мод и с важностью произнесла прежним омерзительно гнусавым голосом:

– Возможно, вы правы, мисс Лэнгли. Но я не исключаю, что вы составите мне компанию на этот сезон. Вот уж тогда мы с вами вдоволь перемоем косточки всем хорошеньким девушкам, пока будем сидеть у стены и смотреть, как они танцуют.

– Экая насмешница, – едва слышным шепотом сквозь зубы сказала мисс Мод, не отважившись по каким-то соображениям произнести это громче и внятнее. Затем она с важностью удалилась.

– Просто невыносимая особа. Ужасная, правда? Однако вам неплохо удалось отделаться от нее и главное – вежливо.

Хэтти обернулась на незнакомый женский голос и увидела стоящую рядом мисс Изабеллу Бентуорт.

- Это вовсе не трудно, если знаешь, чем задеть ее за живое. Простите, сударыня, меня зовут Генриетта Ролланд. Я рада познакомиться с вами. Я давно заметила вас. Вы одна из самых привлекательных девушек в этой гостиной. Я думаю, вы и сами знаете это. Зато мисс Мод, дай ей волю, отыскала бы у вас кучу изъянов: в наружности, одежде и характере.

Мисс Изабелла Бентуорт улыбнулась, сначала сдержанно, а потом довольно – во весь рот.

- Раньше мне не приходилось встречать вас в обществе. Вы недавно в городе?

- Да, сравнительно недавно. Но я видела вас, мисс Бентуорт. Пару раз вы были с одним молодым джентльменом. Он высокого роста, хорошо сложен и красив лицом. Одевается щеголевато и вообще выглядит решительным и лихим. Во всяком случае, так мне показалось. – «Ну это уж я слишком», – подумала Хэтти насчет лихости. К ее удивлению, мисс Изабелла не выказала никакого недовольства столь откровенной оценкой ее поклонника. Она только зарделась и смущенно опустила глаза на свои атласные туфельки.

- Я думаю, вы говорите о сэре Гарри Брэндоне.

От Хэтти не скрылся оттенок тревоги в голосе собеседницы. Она понимала, что после столь непродолжительного знакомства и нескольких фраз не может делать сколько-нибудь серьезные выводы о ее характере. Но в целом мисс Бентуорт была ей очень приятна и невольно располагала к дальнейшему общению.

- Я слышана о сэре Гарри. Говорят, из всех холостяков он едва ли не самый завидный жених, не правда ли?

- Думаю, да.

Ответ мисс Бентуорт прозвучал явно безрадостно.

После этих слов у Хэтти не было сомнений, что Изабелла не только благосклонно принимала ухаживания ее друга, но и отвечала ему взаимностью. Хэтти с удовольствием дала бы сейчас хороший пинок сэру Гарри за то, что он своими проволочками мучил такую прелестную молодую леди. «Лихой? Чушь собачья! Чурбан!»

- Извините за откровенность, мисс Бентуорт. Мне показалось, что в отношении этого молодого человека у вас есть определенная линия поведения. Надо думать, он тоже имеет вполне серьезные намерения?

Мисс Изабелла окинула глазами симпатичную ей мисс Ролланд и доверительно сказала:

- Вы угадали, мисс Ролланд, для меня это большой вопрос. Но сейчас эти разговоры теряют всякий смысл. Моя мама спит и видит, чтобы я обручилась к концу сезона. У меня три сестры, и все они ждут своего выхода. А разговаривать на эту тему с Гарри бесполезно. Он бледнеет при разговорах о женитьбе. Ему уже двадцать четыре, а он все считает, что еще не созрел. И все потому, что его зять, граф Марч, женился в двадцать восемь лет. Вот и Гарри, подражая ему, говорит, что сделает это не раньше, чем в таком же возрасте. Он без конца повторяет, что мне сейчас должно быть только четырнадцать лет, а не восемнадцать. В этом, видите ли, все дело. Иногда он становится еще упрямее, чем моя мама. И тогда я прихожу в ужас от мысли о замужестве: ведь с таким супругом придется прожить всю жизнь.

«Кто с этим станет спорить!» Все, что Хэтти сейчас услышала, в точности соответствовало

логике рассуждений сэра Гарри. Сказать по правде, она не прониклась сочувствием к трем незнакомым ей сестрам девушки, но судьба самой Изабеллы была ей небезразлична. Когда она выслушала конец ее рассказа, в голове у нее невольно мелькнула мысль о самой себе. Стала бы ее собственная мать, если бы была жива, вот так же настойчиво толкать ее под венец до конца первого сезона? «Бог мой, что за спешка? Ведь сезон еще только начался».

- И что же, мисс Бентуорт, у вашей мамы, кроме Гарри Брэндона, есть кто-то еще на примете?

- Да, мисс Ролланд. Сэр Уильям Файли. Это очень богатый человек. Но он очень неприятен мне. Отвратительная жаба. К сожалению, он своей лестью так заморочил маме голову, что она ни о ком другом и слышать не хрчет. Однажды я думала, что не выдержу. Я чуть было не сказала ей, чтобы она сама выходила за него замуж, если он ей так нравится. Они, между прочим, почти в одном возрасте. Сэр Файли безукоризненно вежливый и всегда говорит только правильные вещи. Но я не верю ему, потому что в нем есть что-то фальшивое. Я уверена, что на самом деле он не такой, каким хочет казаться.

- Да он в отцы вам годится! Это вы справедливо заметили. И вы правильно считаете, что вашей маме лучше оставить его для себя. Что за чепуха! Как ей могло прийти в голову выдавать вас замуж за него! Безусловно, ваша мама не может не понимать, что этот брак не составит ваше счастье. Вряд ли она считает, что вы будете процветать в таком браке.

То, что Хэтти услышала о сэре Уильяме Файли, дало ей дополнительную пищу для размышлений. Хотела бы она знать, действительно ли сэр Уильям питает слабость к молодым дамам? Ко всем без исключения? Или к богатым особенно?

- Это верно, - согласилась мисс Бентуорт, - он слишком стар для меня. Но если сэр Гарри не пожелает жениться на мне, боюсь, у меня не будет выбора. Моя мама - непреклонная женщина. У папы душа уходит в пятки, когда она начинает говорить. И потом, конечно, сестры. Ведь у меня их три. Мама даже хотела выдать меня замуж до начала сезона. Знаете почему? Чтобы сэкономить средства. Мне кажется, что это очень глупо с ее стороны. Ведь наш папа, можно сказать, кует деньги.

- Все это глупости, мисс Бентуорт. Я имею в виду разговоры вашей мамы. Каждый имеет право на собственный выбор. Просто вам нужно проявить больше решительности.

«Решительности? О какой решительности говорит эта невзрачненькая мисс Ролланд?» - подумала про себя мисс Бентуорт. Конечно, мисс Ролланд, при ее-то внешности, легко рассуждать о чужих делах. Возможно, ей в самом деле ничего не стоит собрать всю решительность, какая только существует на свете. И это неудивительно, потому что вряд ли найдется такой джентльмен, который захочет покончить с собой, если вдруг мисс Ролланд откажется выйти за него замуж. Может ли в таком случае мисс Ролланд понять ее заботы?

Отсутствие ответа от мисс Бентуорт Хэтти истолковала как проявление робости. Однако убеждать ее с большей настойчивостью ей не хотелось, чтобы не показаться чересчур бестактной. Но так или иначе кто-то из них должен был нарушить это тягостное молчание.

- Так вот, я считаю, мисс Бентуорт, - перешла в наступление Хэтти, - вам нужно действовать более настойчиво. И важно выбрать толковую стратегию. Послушайте, что я сейчас скажу вам, а потом вы изложите мне свои соображения.

Изабелла покорно склонила изящную черноволосую головку к гороховому чепцу. Хэтти с увлечением начала посвящать ее в свой план. Стараясь во что бы то ни стало убедить мисс Бентуорт, она не заметила, как в гостиной появился лорд Оберлон. Когда она услышала его

звучный баритон в десяти шагах от себя, она вздрогнула, и недосказанные слова застыли у нее на языке. Мисс Бентуорт, захваченная дерзким планом мисс Ролланд, ничего не заметила. Поэтому когда Хэтти схватила ее за руку и потащила в дальний угол, она просто решила, что та делает это из предосторожности, чтобы их никто не подслушал.

Через пять минут оркестр заиграл веселый контрданс, и Хэтти увидела, как два джентльмена направились в их сторону с явным намерением пригласить мисс Бентуорт на танец. Прежде чем джентльмены успели приблизиться к ней с вежливыми поклонами, мисс Бентуорт была почти готова принять предложенный план.

- Вы уверены, мисс Ролланд, что лорд Монтейт пойдет на это? - еще раз переспросила она.

- Да, уверена. Он будет у вас завтра, мисс Бентуорт. Но помните, никому ни слова.

Оставшись одна, Хэтти забралась еще дальше в угол. Она тотчас забыла о предприятии лорда Гарри с мисс Бентуорт и устремила взор на лорда Оберлона, который в эти минуты непринужденно шутил с мисс Каролиной Лэнгли. Хэтти посмотрела на часы. Было еще только начало одиннадцатого. Она с сожалением подумала о том, что уйти в это время было бы нелюбезно. А что, если сослаться на головную боль? Разве у нее не может быть внезапного приступа мигрени? Конечно же, это был выход.

Увлечшись мыслью о мигрени, она не заметила приближения маркиза. Почувствовав легкое прикосновение к руке, она в страхе обернулась и от резкого движения споткнулась о столик.

- Я напугал вас, мисс Ролланд? - спросил Джейсон Кэвендер.

Судя по насмешливому голосу, он горел желанием снова подразнить молодую леди, общество которой минувшим вечером на маскараде у Рэнлигов нашел очень приятным. Даже более чем приятным. Он должен был признаться самому себе, что с нетерпением ожидал того часа, когда сможет снова увидеть ее. Но вот она резко повернулась, и его глаза наполнились ужасом. Опять этот отвратительный зеленый чепец, косящие глаза за стеклами очков и прескверное платье.

- Вы мисс Генриетта Ролланд? - медленно спросил он, не веря, что это устрашающее видение, эта тупо глядящая на него особа и есть вчерашняя надменная леди, знакомая его тетушки.

Хэтти после минутной растерянности уже полностью пришла в себя. Она прекрасно видела, какое впечатление произвела на него ее внешность. Не раздумывая ни секунды, она продемонстрировала ему свою подлинную надменность, присущую ее характеру.

- Естественно, я Генриетта Ролланд, сэр. Только не знаю, к счастью или к несчастью, это уж как вам будет угодно, мы с вами незнакомы. И я не отношу вас к числу джентльменов, которые вызывают интерес. Во всяком случае, у меня. Следовательно, нам больше не о чем говорить.

Увидев, как маркиз удивленно посмотрел на нее и в замешательстве вскинул черную бровь, она тотчас пожалела о столь откровенной грубости.

- Я полагаю, - продолжил он еще медленнее, чем минуту назад, - можно сказать, уверен, что мы танцевали с вами на маскараде на балу у Рэнлигов минувшим вечером, мисс Ролланд. Только что я справлялся о вас у моей тети, леди Мелбери. Она указала мне на вас.

- Неужели мы танцевали с вами, сэр? Странно, я что-то не припомню.

- Может быть, я ошибся, - сказал он, хотя был уверен в обратном. Но как бы то ни было, это убожество, стоявшее перед ним, никак не соответствовало тому, что он ожидал увидеть. Это были два разных человека. Или один человек, состоящий из двух частей, которые совершенно не вязались вместе. Он пытался разобраться в происходящем. Все в этой странной леди смущало его: ее слова, голос, холодный тон, надменность, дерзкие незамедлительные ответы. Решительно все. «Нет, здесь определенно что-то кроется».

Хэтти заметила в его глазах и выражении лица борьбу противоречивых чувств, отражавших его сомнения и догадки, и решила, что пора положить конец насмешкам и оскорблениям. Раз уж он выяснил, что та Генриетта Ролланд, которая была накануне в маске, способна веселиться, острить и подтрунивать над ним, надо разрушить этот образ. Она должна сейчас стать такой, какой на самом деле никогда не была настоящая мисс Ролланд. Без особых усилий она снова скосила глаза.

- О-ля-ля, сэр, - развязно воскликнула она и глупо заулыбалась. - Вы разоблачили меня. - Она изо всех сил старалась изобразить кокетство и даже игриво замахнулась на него, как будто намеревалась стукнуть его по руке. - Скажите спасибо Джеку. Это он, бесстыдник, наболтал вам, что вы мне якобы не понравились, - добавила она с противным смешочком, заметив недоверие на его лице. Она тут же мысленно попросила у брата прощения, испытывая отвращение к самой себе за этот дурацкий спектакль. - В самом деле, сэр, точнее, ваша светлость, вы пользуетесь большим успехом у дам. Я должна признаться, что все мои шутки были лишь невинной уловкой, чтобы подольше потанцевать с вами. Вы такой шикарный кавалер! Я надеюсь, у вас достанет великодушия простить мне эту невинную ложь?

При виде вытянувшегося лица лорда Оберлона она едва не расхохоталась. Интересно, добилась ли она своего? «Ну как, ваша светлость? Присмотритесь получше! Разве я не безнадежно плоха? Или не слишком отталкивающая? А может быть, от меня даже смердит?»

Маркиз определенно сердился. Он был готов устроить хорошую трепку Джеку за то, что тот поставил его в глупейшее положение. Теперь он уже не хотел ничего иного, только бы избавиться, и как можно скорее, от этой невыносимой омерзительности сестры своего друга. И все-таки где-то в глубине сознания у него опять шевельнулось сомнение: «Что это? Два разных человека? Или две не связуемые половинки одного?» Хотя на его лице было ясно написано неудовольствие, все же он постарался напоследок быть спокойным и вежливым.

- Любопытная деталь, мисс Ролланд. Вот сейчас вы, кажется, никак не можете обойтись без очков. Хотя я припоминаю, что прошлым вечером вы без труда видели карты в игорном зале. Я еще подумал, что у вас глаза, как у орла.

Хэтти издала скрипучий смешок и стала неуклюже отговариваться:

- Фи, как вам не стыдно, ваша светлость! Что вы такое говорите! Это невероятно. Носить очки и маску в одно и то же время? - От противного писклявого визга у нее самой поползли мурашки по спине. - Вы такой щеголь и не можете этого понять, - поспешила она перевести разговор на его личность. - Клянусь вам, у меня до сих пор сердце не на месте. Правда, Джек устроил мне маленькую взбучку за то, что я не отходила от вас. Но я сказала ему, что вы так прекрасно танцуете, такой галантный кавалер и такой...

Она была готова и дальше лить на него поток восторженной лести, но он больше не стал ее слушать и не хотел увязывать ее половинки. Он измерил Хэтти таким холодным и презрительным взглядом, что ей стоило большого труда придержать язык за зубами.

- С вашего позволения, сударыня, я, пожалуй, пойду на свежий воздух. А брата поздравьте с удачной шуткой.

Глядя ему вслед, она почти захлебывалась от душившего ее хохота. В какой-то момент он замедлил шаги, молча постоял с минуту и затем, не оглядываясь, пошел прочь.

«Так тебе и надо, самодовольный дьявол», - сказала она про себя, наблюдая, как к нему приближалась очаровательная мисс Каролина Лэнгли, караулившая его все это время. «Резвитесь на здоровье, ваша светлость. Мисс Генриетте Ролланд предостаточно вашего внимания. Впрочем, она на него и не рассчитывала».

Хэтти была довольна собой. Она успешно разделалась с ним. Теперь ее занимал только один вопрос: как долго лорд Оберлон будет пребывать в неведении? Когда он узнает об интрижке лорда Гарри с его любовницей? «Нужно еще больше распалить его ярость». И она решила снова прогуляться с Мелисандой в парке. Только бы Всевышний удержал Мелисанду от плотского соблазна! «Если эта красавица вздумает затащить лорда Гарри в постель, вот это будет номер», - подумала она, криво усмехнувшись.

Глава 20

Чтобы нанести обещанный визит мисс Изабелле Бентуорт, лорду Гарри нужно было очень быстро собраться и произвести исключительно точный расчет времени. Ни при каких обстоятельствах ленч сэра Арчибальда не должен был состояться даже на секунду позже полудня. Естественно, присутствие на нем Хэтти оставалось таким же обязательным, как и сам точно установленный час ритуала.

Когда лорд Гарри вместе с мисс Изабеллой оказался в компании с ее мамой, высокого роста дамой с крючковатым носом, было минут без пяти десять утра. Матушку чрезвычайно интересовали подробности родственных связей семейства Монтейтов. Хэтти легко парировала не слишком деликатные вопросы леди Бентуорт и наблюдала, как Изабелла мучилась от неловкости в связи с чрезмерной любознательностью своей матушки. «Дай Бог, - думала Хэтти, - чтобы сэр Гарри был счастлив в этой семье и чтобы в будущем Изабелла не впала в подобную отвратительную манерность». Она также мысленно пожелала своему другу, чтобы мать Изабеллы жила от них как можно дальше, лучше всего в противоположном конце страны.

В целом, как считала Хэтти, визит достиг своей цели; у нее появилась прочная надежда на то, что у сэра Гарри возникнет ревность и он рассердится на лорда Гарри за это легкомыслие. Отличная комбинация! Интересно, как в действительности поведет себя сэр Гарри? «Тупица! Вот уж воистину болван!»

Было без одной минуты двенадцать, когда Хэтти скользнула на свое место за обеденным столом. Она была не в лучшем виде: наспех надетое платье сбилось набок, а волосы небрежно заколоты.

На сей раз в руках у сэра Арчибальда не было знакомой газеты. Он приветствовал ее с радушием чадолюбивого родителя, не видевшего свое дитя по меньшей мере дней десять.

- Моя дорогая Генриетта, - сказал он, - ты замечательно выглядишь! Вылитый портрет твоей очаровательной матушки.

После этих слов, уже не обращая внимания на Хэтти, смотревшую на него с некоторым удивлением, он повернулся к миссис Миллер:

- Можете подавать суп, если угодно. И потом оставьте нас вдвоем. Нам с Генриеттой нужно многое обсудить.

Глаза Хэтти мгновенно переметнулись на миссис Миллер, выразительно требуя от нее прояснения положения. Экономка сделала еле уловимое движение плечами, что означало недоумение, и начала разливать суп. Это был суп из говядины. «Слава Богу!»

Хэтти почувствовала, как комок подступает у нее к горлу. До сих пор сэр Арчибальд никогда не задавал загадок. Среди множества меняющихся вещей и неопределенностей жизни он всегда оставался неизменным, незыблемым, как каменная глыба. Он единственный из всех окружавших ее людей был всегда предсказуем. Что произошло? Неужели он понял, что его дочь совсем не такова, какой старается казаться?

Она заставила себя терпеливо глотать суп и ждать. После ухода миссис Миллер сэр Арчибальд, пребывая в том же непривычном расположении духа, сказал:

- Ну-с, дорогое дитя, я должен поведать тебе кое-что. Прошлым вечером я заскочил на минуту к леди Мелбери. Это было после того, как ты уехала.

«О Боже, она рассказала ему про гороховое платье и очки», - подумала Хэтти, бледнея.

- Она сказала мне, - продолжал сэр Арчибальд, - что ты, Генриетта, пользовалась там успехом. Нет-нет, не пытайся спорить со мной. Я имею в виду не танцульки и прочую ерунду, а твои доверительные беседы. Да, те самые дружеские беседы, которые ты там вела одну за другой.

Хэтти нашла его слова настолько забавными, что на нее напал приступ веселья. Она поняла, что добрая леди Мелбери, оказавшись в положении, требующем от нее большой дипломатичности, повела себя на самом высшем уровне.

- Я думаю, леди Мелбери немного преувеличила мой успех, папочка, - сказала она, сдерживая смех.

- Понимаю, дитя мое, понимаю. Восхищаюсь твоей природной скромностью. Но против фактов ничего не попишешь.

«Что он все об одном и том же?» - недоумевала Хэтти. Сэр Арчибальд наклонился к ней и взял ее руку в свои ладони:

- Тебе нравится маркиз де Оберлон, моя дорогая? Леди Мелбери считает, что в тот вечер ты не обделила его светлостью своим вниманием, скорее наоборот, пробудила интерес к себе.

От неожиданности Хэтти выронила ложку. Говяжий суп выплеснулся из тарелки на скатерть.

- Маркиз де Оберлон? - повторила она и покачала головой. «Нет, это просто невероятно. О чем он говорит?»

- Послушай, папа, - продолжала она, - уверяю тебя, я вовсе не поощряла у его светлости интереса к себе. Я и не разглядела его толком. Он большую часть времени находился в другом конце гостиной. А вообще-то, папочка, это не имеет никакого значения. Мне совершенно не нравится маркиз.

В ответ, к ее ужасу, сэр Арчибальд снисходительно улыбнулся:

- Какая ты, однако, застенчивая, моя маленькая крошка. Смотрю я на тебя, Генриетта, - ну точь-в-точь покойная матушка. Как сейчас помню, она так же, как ты, говорила те же слова своим родителям. Клялась и божилась, что ей нет до меня никакого дела. И вот в такой странной манере она вела себя до тех пор, пока мы не поженились.

«Должно быть, я глубоко ошибалась, мама, - сказала про себя Хэтти, вспоминая довольно холодную и постоянно жалующуюся леди Беатрис. - Оказывается, ты была более восприимчивая, чем я себе представляла».

- Да, - продолжал сэра Арчибальд, - это будет неплохой союз. Кэвендер, в конце концов, из семьи тори, хотя и нечасто появляется в палате лордов. Вернее, никогда не появляется в палате лордов. Но он еще молод. Сейчас самое время заняться им и натаскать его надлежащим образом. И конечно, здесь важно заручиться поддержкой Джека. Все-таки они с Кэвендером друзья. Как-никак знают друг друга с Оксфорда. Нет, мое дорогое дитя, тебе нечего бояться меня. Если ты хочешь выйти замуж за маркиза, я не стану препятствовать этому. - Он поджал губы, задумавшись на секунду и поглаживая подбородок. - Впрочем, я понимаю тебя, моя милая. Ты такая стеснительная, моя крошка. Я знаю, что мне нужно сделать. Я сам как-нибудь навещу маркиза. Пожалуй, следует пригласить его к нам на обед. Надо дать ему мое родительское благословение. Да-да, мы должны предпринять эту маленькую хитрость.

Хэтти была близка к обмороку, и одновременно ей хотелось пронзительно кричать от сознания собственного бессилия. Она вздохнула поглубже: «Спокойно, спокойно».

- Нет, папа, ты ошибаешься. Пожалуйста, выслушай меня. Я еще раз говорю тебе, что его светлость не обнаружил ко мне ни малейшего интереса. Поверь мне, это так. Я ему не понравилась. Он нашел меня безобразной и нескладней. Это правда. Единственное, что побудило его разговаривать со мной, это давняя дружба с Джеком. Он проявил обычную вежливость, и не более. Пожалуйста, папа, не надо ничего предпринимать. Я не испытываю потребности ближе познакомиться с лордом Оберлоном. У меня нет никакого желания снова видеть его.

Она всегда гордилась своим твердым характером. Правда, Дэмиан называл это упрямством. Каждый раз, когда ему приходилось сталкиваться с ее неуступчивостью, он окидывал ее глазами с ног до головы, словно примериваясь, в какое место вlepить звонкий шлепок. Теперь, когда она сама имела счастье лишний раз оценить твердолобость отца, она в душе бранила вместе с ним и себя за эти общие черты. Она прекрасно знала, что если что-то однажды засело ему в голову, то это непременно воплотится в жизнь в дальнейшем; легче заставить Темзу течь в противоположном направлении, чем сдвинуть сэра Арчибальда с места. Она взглянула на отца и, как и ожидала, убедилась, что он не обращает на ее слова никакого внимания. Действительно, ждaть, что он оценит ее сдержанность, и рассчитывать на разумный подход к данному вопросу было бы с ее стороны непростительной глупостью.

- Ты такая хорошая, послушная девочка, Генриетта. - Сэр Арчибальд по-отечески ласково улыбнулся ей. - Поверь мне, я хочу, чтобы все сложилось наилучшим образом для тебя. А теперь быстрее покончим с ленчем. Мне предстоит встреча с лордом Бедфордом. Этого джентльмена мы выбрали для очень ответственного дела. Нам нужно экстренно подготовить Эдвина Баррингтона к предстоящим выборам.

- Каким выборам, папа? - воскликнула Хэтти. Его слова пробудили в ней интерес и надежду: «Может быть, хоть что-то сможет отвлечь его от упорной мысли выдать меня замуж».

- У нас на примете есть один городишко, в Литтл-Симпсоне. До сих пор не можем навести там

порядок. Чертовы фермеры! Никак не хотят внять здравым речам. Но сэр Эдвин – популярный человек, он может войти к ним в доверие, хотя еще не вник в суть дела. Пока он не знает, как добиться того, что нам требуется. Политическая необходимость – вот концепция, значения которой он не осознал.

– Если это не тот тип политического деятеля, который вам нужен, почему вы не откажетесь от него?

Сэр Арчибальд снисходительно улыбнулся на совершенно бессмысленный, как ему казалось, вопрос своей наивной дочери.

– Дитя мое, тебе незачем забивать свою голову этими делами. Сэр Эдвин – вполне подходящая фигура. Я научу его всему тому, что ему необходимо знать.

Хэтти мимоходом вспомнила о Дэмиане и его желании выйти на политическую арену. Интересно, если бы это произошло, прикрепили бы к брату какого-нибудь почетного члена тори, который бы вот так же должен был приводить его в форму? Или, может быть, его наставником стал бы сам сэр Арчибальд? Нет, этого она не могла себе представить. Если верить Джеку, то Дэмиан не имел склонности к вхождению в клан тори, его политические взгляды были далеки от их воззрений.

До конца ленча сэр Арчибальд больше ни разу не упомянул о маркизе де Оберлоне. Благодарение небесам! Может быть, сегодняшняя политическая активность отца заставит его забыть о дурацком сватовстве?

Хэтти поспешила обнять отца и, на ходу принеся ему извинения, покинула столовую. Через несколько минут она выскользнула из дома и помчалась в жилище лорда Гарри. По дороге она заставила себя избавиться от мрачных мыслей, лежавших тяжелым бременем на сердце. Даже если сэр Арчибальд доберется до лорда Оберлона и станет приглашать его на обед, то самодовольный джентльмен, она была уверена в этом, вспомнив отталкивающую Генриетту Ролланд, наверняка найдет повод отказаться от этого предложения.

Быстро натянув рубашку с жабо, штаны и ботфорты, Хэтти пересмотрела свой распорядок. Первое, что ей предстояло сделать, это встретиться с сэром Гарри в «Мэнтоне». Там, по ее расчетам, после уговора с мисс Изабеллой Бентуорт должно состояться «занятое представление». Червь ревности, запущенный в сердце сэра Гарри, должен неуклонно подтачивать его. В конечном счете сэр Гарри должен осознать, что Изабелла созрела для замужества, равно как и то, что найдется охотник, желающий получить этот соблазнительный плод.

Что дальше? Далее следовал Потсон. Похоже, своими грандиозными планами она рисковала устроить ему «веселенький день». Он должен будет отнести записку Мелисанде и выяснить, не желает ли прекрасная дама вместе с лордом Монтейтом снова совершить прогулку верхом в парке.

От того, что значилось в списке на этот вечер, на лице у нее появилась гримаса неудовольствия. По-видимому, отделаться от Гарри и Скадди ей не удастся. Придется совершить этот злосчастный поход на петушиные бои.

Но невзирая ни на что, она бодро вышла из дома и, пряча лицо от холодного зимнего ветра, легкой походкой поспешила в «Мэнтон», на свою первую встречу.

Что касается маркиза, то он в эти часы не испытывал легкости ни в теле, ни в душе. В самом деле, пока он слушал рассказ своего друга графа Марча, у него каменело сердце, и весь он вскипал бешеным гневом.

- Итак, Жюльен, перед чем мы оказались? Похоже, я становлюсь посмешищем для всего Лондона. Вам не кажется?

Несмотря на крайнее раздражение, голос маркиза звучал на удивление спокойно, и никто, за исключением самых близких друзей, хорошо знавших его, не догадался бы, что его обуревают безумное желание немедленно расправиться со злосчастным лордом Гарри. Он был готов задушить его голыми руками.

- По-видимому, так, - подтвердил граф.

- Теперь скажите мне, Жюльен, вы считаете, что щенок нарочно нарываяется на скандал?

Граф немного помолчал, прицеливаясь пальцем к пылинке на рукаве.

- Должно быть. Но это очень странно, - проговорил он. - Я готов согласиться с вами, что молодой Монтейт преследует какую-то цель. Но вот какую? Не знаю, добивается ли он смерти. По-моему, это слишком невероятно.

Маркиз не ответил. Граф подвинулся в кресле и наклонился к нему:

- А знаете, Джейсон, Кейт, когда услышала эту историю, сразу же подумала о том же, что и мы с вами. Она считает, что есть какое-то таинственное обстоятельство, подталкивающее юношу к такому безрассудству. Вам ничего не говорит его имя? Вы уверены, что ничем не оскорбили его раньше? Подумайте хорошенько, Джейсон.

- Черт побери, да нет же. Нет, Жюльен, совсем нет. Мы с вами уже перебрали все, что только можно, если помните. Я еще раз повторяю вам, что ничего не знал и знать не хочу о Монтейте. Я знаю только одно, что сейчас мне хочется отмутузить его до неузнаваемости и швырнуть в какую-нибудь водосточную канаву.

- Прошу прощения, Джейсон, а почему вас так сильно заботит Мелисанда? Не далее как вчера, помнится мне, вы обмолвились, что она начинает надоедать вам.

- Вы, верно, принимаете меня за круглого дурака, Жюльен, - спокойно сказал маркиз. - Дело не в том, как я отношусь к ней сейчас. Она, в конце концов, пока еще под моим покровительством.

Он поднялся и прошел к камину. Некоторое время его темные глаза следили за светящимися углями. Потом он снова повернулся лицом к графу и, опустив руки в карманы брюк, сказал:

- Вы же понимаете, для меня это вопрос чести. Я не смогу оставить без внимания это оскорбление.

Граф вздохнул и медленно закивал головой:

- Вне всяких сомнений. Я не призываю вас к этому, но все-таки...

- И все-таки хотите сказать, что вам не хочется видеть меня губителем юной души, - договорил за него маркиз, пытливо глядя ему в лицо.

- Напрасно вы считаете меня совершенно лишенным чувства юмора, Джейсон. И хотя я в целом согласен с мнением Кейт, мне не кажется, что все так просто. Дело не только в его упорстве и целеустремленности. В этом юнце есть что-то чертовски странное. Такое впечатление, что имеешь дело с головоломкой, такой, знаете ли, картинкой, в которой нужно соединять разные части. Только вот в данном случае эти части не очень-то совпадают. Я спрашиваю себя: почему он поступает так опрометчиво? И при всем желании не могу придумать ответ. Несомненно одно – если он и дальше будет вести себя так же, то вам не останется ничего иного, как вызвать его на дуэль.

- Интересно вы, право, выразились, Жюльен. Вы заметили, что Монтейт похож на разрезанную картинку, которая не складывается в одно целое.

- Я думаю, что это сравнение в точности подходит к нему, Джейсон. Но вопрос в другом: где именно зарыта собака?

Маркиз пожал плечами:

- Это не имеет значения. Чертовщина какая-то! Невероятный тупик. Будь на его месте эта змея Файли, у меня сейчас не было бы ни малейших колебаний. Я бы с радостью воспользовался этой возможностью. Но чтоб мне в аду гореть, Жюльен, я не хочу губить этого юношу! Ведь он действительно еще мальчишка, вы правы. Разница в возрасте между ним и мной ощутимая. Полагаю, нас разделяют лет восемь. Этого времени вполне достаточно для приобретения жизненного опыта. Чем я буду отличаться от обыкновенного убийцы, если вызову его на дуэль?

- Что верно, то верно, Джейсон, – согласился граф. – Считаю, если вы и дальше будете оставаться, скажем так, невосприимчивым к его насмешкам, то он первый бросит вам вызов. Подумайте об этом, Джейсон. Теперь, однако, мне пора идти. Когда я отправлялся к вам, Джордж сказал мне, что Кейт собирается заниматься с плотниками, будет давать им какие-то указания, как переоборудовать флигель под детскую. Поскольку мне хорошо знакома ее прыть, я боюсь, как бы ей не вздумалось залезть вместе с ними на стропила. – Граф поднялся с кресла и пожал обеими руками руку друга.

- Я попробую последовать вашим советам, Жюльен. Пока не придумаю ничего лучшего. Передайте от меня горячий привет Кейт.

Граф повернулся к двери гостиной и, вдруг усмехнувшись, решил напоследок пошутить еще раз:

- Вы уверены, Джейсон, что среди ваших южных красоток в Италии случайно не оказалась какая-нибудь дальняя родственница Монтейта? Не было ли у вас там какой-нибудь прыткой девственницы, которая буквально лезла вам в штаны, а вы по слабости не смогли отказать ей?

- Черт побери, Сен-Клер! Что вы городите?

После ухода графа Марча Джейсон Кэвендер решил поразвлечься на ринге. Он отправился в известный боксерский салон Джентльмена Джексона. Там он встретился с незнакомым противником, незадачливым молодым человеком приятной наружности, с голубыми глазами, похожими на глаза его обидчика. Во время поединка он досыта наслушался от своего смазливового партнера такой отборной брани, какой не слышал от самого невообразимого грубияна из борделя.

Глава 21

- Вы что, с ума сошли? - Сэр Гарри Брэндон кинул пистолет в футляр и удивленными глазами посмотрел на лорда Гарри.

- С оружием нужно обращаться осторожнее, Гарри. Слава Богу, пистолет не заряжен. Вы могли отстрелить себе палец на ноге или, что еще хуже, мне.

- Черт возьми, лорд Гарри, мне не нравятся ваши поступки. Во-первых, вы не оставляете в покое лорда Оберлона. Мало вам своих любовниц, так вы еще хотите присоединить к ним его женщину. А во-вторых, теперь еще взялись за Изабеллу. Пожалуйста, не трогайте ее.

- Но, Гарри, я нахожу, что мисс Изабелла Бентуорт очаровательна. Вы, конечно же, помните Маврин. И она, и Мелисанда, обе рыжеволосые. У Изабеллы же замечательные черные волосы, самые красивые, какие я только видел. Они гладкие и блестящие, как шелк. А этот изумительный отлив цвета воронова крыла...

Сэр Гарри заскрежетал зубами.

- Я этого не потерплю, черт побери. Изабелла чиста и невинна. Она не из тех девушек, которые попадутся на вашу удочку.

- Совершенно верно, Гарри. Но не надо путать легкий флирт с серьезными намерениями. Я не собираюсь вести себя легкомысленно с леди. Она для меня не просто развлечение. После того как я побеседовал с ней сегодня целый час, у меня и в помине не осталось мыслей о жалком флирте. Изабелла - просто восхитительное создание. Она такая мягкая, кроткая и воспитанная. Она так тонко улавливает все мои желания.

- Это невозможно. То, что вы говорите, просто чудовищно, - сказал сэр Гарри упавшим голосом. Он был совершенно сбит с толку и с трудом выговаривал слова. Наклонившись, он защелкнул пряжку на футляре пистолета, а когда выпрямился, то мрачно спросил: - Похоже, вы подумываете о женитьбе, лорд Гарри?

- Возможно.

- Но вы моложе меня!

Хэтти расхохоталась:

- Вы рассуждаете так, словно речь идет о наборе в пехоту, старина. Если вы желаете издали восхищаться прекрасной Изабеллой, пока не достигнете двадцати восьми лет, равняясь на своего зятя и подчиняясь его эдикту, то предоставьте девушке полную свободу выбора. Вы что, не знаете, что ее алчная мамаша собирается силой выдать ее за Файли к концу сезона? Может быть, матрона даже не станет ждать конца сезона, чтобы сэкономить деньги. В самом деле, Гарри, будучи джентльменом, я не могу допустить, чтобы этот похотливый старый сатир согрел ее постель. Меня всего выворачивает, когда я начинаю думать об этом.

- Вы действительно думаете, что Изабеллу могут за деньги продать этому старому развратнику Файли?

- Не забывайте, Гарри, что Файли - титулованная особа и напичкан деньгами, как Крез. Нельзя не учитывать, что джентльмены подобного ценза и кастовой принадлежности заставляют мамашу Изабеллы по-иному смотреть на вещи. Старая стяжательница открыто призналась мне в этом. Ее вопросы были до крайности бестактны, а в глазах - неприкрытая алчность. Я

полагаю, что благодаря своему положению заслужил ее благосклонность, хотя и не в такой степени, как вы. – Здесь Хэтти немного помолчала и добавила несколько легкомысленным тоном: – И все же, смею надеяться, мне удалось убедить ее в серьезности моих намерений. Только не думайте, дружище, что я хочу полностью убрать вас с дороги. У вас остается широкое поле деятельности.

Сэр Гарри резко повернулся к ней:

– Я против того, чтобы вы встречались с Изабеллой. Вы молодой повеса, лорд Гарри, это всем известно. Но я не позволю вам разбить сердце несчастной девушки.

– Ах, оказывается, это я разбиваю ей сердце!

– Черт бы вас побрал с вашей прытью! Не вмешивайтесь в мои дела.

Сэр Гарри пулей вылетел из тира в вестибюль.

Глядя ему вслед, Хэтти заулыбалась: разговор состоялся и не принес ей разочарований. Жаль только, что нельзя заручиться поддержкой графа Марча. Несколько веских слов почтенного лорда было бы достаточно, чтобы растопить айсберг. Она вздохнула, понимая, что беседа с зятем Гарри невозможна. Однако и без него ей удалось добиться немало, успокоила она себя. Весело насвистывая, она покинула «Мэнтон».

По возвращении в жилище лорда Гарри ее ждал приятный сюрприз, дополнивший ее удовлетворение. Она обнаружила еще одну записку со знакомыми вензелями. Мелисанда интересовалась возможностью очередной «восхитительной» прогулки в парке в обществе лорда Гарри. Хэтти тотчас выбросила из головы проблемы сэра Гарри и полетела галопом по оживленным лондонским улицам в апартаменты Мелисанды, увлекая за собой послушную Кокетку.

Неожиданно она почувствовала себя беспокойно, в душу ей закралось какое-то тревожное предчувствие. Несомненно, лорд Оберлон узнал о ее предшествующей встрече с Мелисандой. Она понимала, что теперь он предпримет быстрые и решительные шаги. Ни один джентльмен не стал бы терпеть такого оскорбления. «Так не может бесконечно продолжаться, – подумала она. – Ждать осталось недолго».

Облачившись в зеленую бархатную амазонку, подаренную ей накануне лордом Монтейтом, Мелисанда стояла возле окна и нетерпеливо поглядывала из-за шторы на улицу. Размышляя о своих отношениях с молодым человеком, она со всей честностью вынуждена была признать, что принимала его приглашения исключительно из-за уязвленного самолюбия. Восторженные фразы, которые бесконечным потоком лились из его уст, и его томные взгляды волновали ее гораздо меньше. Судя по всему, Лорд Оберлон не подозревал о ее прегрешениях, иначе бы он не стал отмалчиваться. После того очаровательного маскарада в доме Рэнлигов он пока еще не заходил к ней, даже не послал записки и не прислал слуги.

Наконец в поле зрения появился лорд Монтейт, верхом на своей гнедой кобыле, вместе с ее Кокеткой, которую он держал за уздечку. Она отпрянула от окна и приготовилась к встрече гостя. На ее лице тотчас показалась заученная приветливая улыбка. Может быть, в то время, пока она будет на прогулке с лордом Монтейтом, его светлость лорд Оберлон вздумает навестить ее? Она вздернула свое изящное плечико. «Прекрасно. Если он придет, Дженни просто скажет ему, что госпожа занята другими делами». Стоит ли давать распоряжения Дженни, чтобы та сказала маркизу, с кем и чем именно она занята? Мысль о подобном саморазоблачении вызвала у нее некоторое беспокойство. Мелисанде вовсе не хотелось,

чтобы маркиз де Оберлон «вышиб мозги» из лорда Гарри. Несомненно, если ее повелитель узнает правду, он с большим удовольствием пожелает отправить молодого человека в могилу.

- Ах, это вы, сэр? - приветствовала она Монтейта. - Как вы добры ко мне. Я безмерно счастлива, что вы согласились сопровождать меня сегодня.

Поскольку Хэтти все больше и больше привыкала к постоянной смене ролей, ей удалось достаточно правдоподобно издать глубокий вздох. Она окинула Мелисанду восхищенным взглядом:

- Стоит вам только приказать, моя дорогая Мелисанда, и я у ваших ног.

Она осторожно, с нежностью поднесла белую ручку Мелисанды к своим губам и поцеловала ее мягкую кожу, пахнущую жасмином. «Недурно», - подбодрила себя Хэтти и продолжила:

- Конечно же, это большое счастье, что я опять нахожу вас свободной. Но простите мне мою бестактность. Она не дает мне покоя. Почему я так часто застаю вас одну? И даже сегодня, в такой чудесный день. Посмотрите, на небе ни одного облачка. Что с вами? Ах, я, кажется, чем-то расстроил вас, Мелисанда?

Хэтти хотелось смеяться: она только что выиграла важное очко. Во всяком случае, она была уверена, что в следующий раз, когда Мелисанда встретится с лордом Оберлоном, он почувствует накопившееся раздражение своей любовницы. Предвидя такой поворот событий, Хэтти решила, что сегодня Мелисанда заслуживает еще большего внимания. Но известит ли она об этом своего патрона? Будучи любовницей маркиза, его дорогостоящей игрушкой, она во всем зависела от него. Хэтти должна была учитывать это обстоятельство, ибо оно отнюдь не способствовало продвижению лорда Гарри к его заветной цели. В присутствии своего господина Мелисанда, вероятнее всего, не осмелится даже произнести имя другого джентльмена. «Ничего, - решила Хэтти, - найдутся другие, которые с удовольствием посвятят лорда Оберлона в роман его любовницы с другим джентльменом».

- Увы, вы весьма проникательны, милорд. Вы верно сказали о моем одиночестве. Но сейчас, пока вы здесь, я не хочу думать о маркизе. Я не знаю, где он. Может быть, его даже нет в Лондоне. Уже который день у меня нет никаких вестей от него.

При этих словах Хэтти даже, грешным делом, подумала: уж не бросил ли лорд Оберлон свою ненаглядную Мелисанду? Не дай Бог, чтобы это было так. В этом случае все ухищрения лорда Гарри оказались бы не только неоправданными излишествами, но и совершенно беззубыми укусами для его могущественного врага. Но, коль скоро никаких доказательств такого разрыва между маркизом и его любовницей у нее не было, ей пришлось продолжать свою до тошноты угнетающую романтическую болтовню.

Мелисанда пребывала в ребяческом восторге от прогулки. Хэтти заставила ее сделать два круга, убедившись, как и в прошлый раз, что появление лорда Монтейта в компании любовницы лорда Оберлона не прошло незамеченным завсегдатаями Кенсингтонского парка.

Когда Хэтти вернулась в свою штаб-квартиру, чтобы переодеться к обеду во всеоружии на встречу с друзьями на площадке для петушиных боев, она почувствовала, что порядком выдохлась. Она еще ощущала слабый запах сладких духов Мелисанды. В данную минуту ей не хотелось ничего - только погрузиться до самого подбородка в горячую ванну.

Вечером, в начале девятого, она взяла экипаж и поехала в меблированные комнаты мистера Скаддимора на Куин-стрит, надеясь, что проклятые бои не продлятся слишком долго. «Ничего

не поделаешь», – уговаривала она себя. В очередной раз она была вынуждена смириться с тем, что в ее новой жизни время от времени возникают моменты, от которых выворачивает желудок.

Крытая карета с неброским гербом в виде орла и шлема на дверце резко сбавила ход и, подпрыгнув, остановилась возле дома на Томпсон-стрит. Прежде чем кучер успел осадить разгоряченных лошадей, с подножки легко спрыгнул закутанный в плащ джентльмен.

– Отведите лошадей в сторону, Силкен. И ждите меня здесь. Я, должно быть, не задержусь более чем на полчаса, – бросил через плечо джентльмен.

– Слушаюсь, ваша милость.

Маркиз де Оберлон, шагая через две ступеньки, взлетел на крыльцо. Внутри у него бушевала такая ярость, что ему нужно было срочно чем-то заглушить ее. Он обрушил свои мощные кулаки на тяжелую дубовую дверь.

Потсон, предоставленный самому себе, в эти минуты наслаждался горячей бараниной с чесноком и размышлял о прелести тихого, не переполненного никакими событиями вечера. От внезапного громкого стука он подскочил на стуле, выплеснув часть любимого ароматного соуса на ковер.

Его глаза по привычке метнулись к часам на каминной полке. Было только начало десятого. Нет, это не мисс Хэтти. Определенно не она. Он отставил тарелку с едой и бросился к двери.

– Кто там? – крикнул он и прижался ухом к двери.

– Открывайте, черт бы вас побрал! Поторопитесь, или я вышибу дверь.

Потсон замешкался с запором, покрывшись холодным потом от тяжелого предчувствия. Наконец он с силой толкнул ручку от себя и в этот момент услышал другое ругательство, которое уже наполовину сорвалось с языка неожиданного грозного пришельца. Не успел он отдернуть руки от задвижки, как дверь широко распахнулась и мужчина в черном плаще решительно двинулся мимо него в прихожую.

– Насколько я понимаю, вы слуга Монтейта? А ну, зовите сюда немедленно этого чертова щенка. Я хочу говорить с ним.

Потсону не нужно было объяснять, что перед ним маркиз де Оберлон. Он понял, что мисс Хэтти добилась своего.

Облизав языком внезапно пересохшие губы, заикаясь от испуга, он пробормотал:

– Я... я... Очень сожалею, ваша светлость, но лорда Гарри нет здесь.

– Ваша светлость? Гм. Прекрасно, милейший, я вижу, вы знаете, кто я. Впрочем, я так и предполагал.

– Поверьте, ваша светлость, это действительно так. Лорд Гарри вернется не ранее полуночи. Я не могу знать, где он. Знаю только, что с друзьями, и поэтому думаю, что он вернется очень поздно.

– Так я и поверил.

Лорд Оберлон резко отвернулся от трясущегося слуги и направился через крошечный коридор в спальню лорда Гарри.

Потсон, словно пораженный молнией, не решился следовать за ним и несколько секунд продолжал неподвижно стоять на месте. То, с чем он сейчас столкнулся, выходило за рамки всех его предположений. Несомненно, его светлости стало известно, что его любовница на глазах у всех развлекается с лордом Гарри, и оттого он так взбешен. Но Потсон никак не ожидал, что маркиз может вот так неожиданно нагрянуть в их жилище. «Боже мой, – сокрушался он, чувствуя, как дрожат его ноги, – маркиз готов убить лорда Гарри!»

Он лихорадочно искал в уме способ защитить мисс Хэтти. Сегодня был наиболее вероятный вечер, когда она действительно могла вернуться рано. «Ох, до чего же отвратительное зрелище эти петушинные бои, – мрачно шутила она перед уходом, – молю Бога только об одном, чтобы все это поскорее закончилось и чтобы они не перебили всех несчастных птиц».

Потсон беспомощно хлопал глазами, уставясь на маркиза, вернувшегося в гостиную.

– Что это такое, черт возьми? Что это, я вас спрашиваю? – кричал тот, размахивая перед глазами слуги платьем Хэтти.

Глаза Потсона наполнились ужасом. По иронии судьбы теперь все планы его госпожи могли полететь ко всем чертям. «Когда она вернется, – подумал Потсон, – она спустит с меня шкуру».

– Это платье, ваша светлость, – сказал он и приготовился к дальнейшим нападкам. В этой ситуации он ничего не мог поделать. Оставалось только ждать.

– Вы что, считаете, что я слепой или дурак? Я вижу, что это платье. Это платье леди. Еще одно доказательство того, что ваш господин беспутный повеса. Черт побери, его похождения, кажется, не знают границ. Я не стал рыться в его шкафах, поскольку это занятие недостойно джентльмена. Но я уверен, что если бы я сделал это, то вытащил бы оттуда какую-нибудь трясущуюся голую девицу, ожидающую его возвращения.

Потсон чувствовал себя так, будто земля перевернулась. Он молчал и глупо тряс головой.

– Вы защищаете его, – не унимался маркиз. – Вы, старый дурачина! Скажете вы мне наконец, где я могу найти этого поганца, или я сейчас сломаю вашу костлявую шею. – Маркиз швырнул ему одежду и с угрожающим видом двинулся на него.

– Мне не известно, где лорд Гарри будет сегодня вечером, – сказал Потсон, вытянувшись в струнку, как будто желая казаться солиднее при своем крошечном росте. – Он со своими друзьями. Это все, что я знаю.

Джейсон Кэвендер в первый раз пристально посмотрел на Потсона совершенно безумными глазами. Вглядываясь в бледно-серое лицо перепуганного слуги, он не мог не признать храбрости этого щуплого человечка. Нет, слуга не заслуживает трепки за дела своего господина, он не должен расплачиваться за чужие грехи. Маркиз обуздал свою свирепость, призвав на помощь разум: он ничего не добьется, срывая злость на беспомощном человеке, даже если это слуга его недруга. Преданность слуги своему господину заслуживает уважения, несмотря на то, что его господин – отвратительный, испорченный юнец. Он представил себе, насколько скверными могли бы оказаться последствия накопившегося в нем гнева, застань он Монтейта в его доме. Вероятно, он отправил бы на тот свет ненавистного молодого человека и сделал бы это не торопясь и с большим наслаждением.

- Вот что, - наконец проговорил маркиз. - Передайте своему господину, что маркиз де Оберлон жаждет видеть его. Если Монтейт не трус, то пусть является завтра вечером в «Уайте». Можете сказать ему, что при желании он сможет принести мне извинения в присутствии всего общества. - Немного помолчав, он добавил с убийственным спокойствием, выделяя каждое слово: - Если он не пожелает сделать выбор в пользу публичных извинений или не явится вовсе, я буду считать, что его храбрость не распространяется за пределы спальни. Тогда можете ждать моего следующего визита. Ясно?

- Я передам ему, ваша светлость.

В эту минуту Потсон испытывал почти непреодолимое желание сказать маркизу правду. Но он не мог сослужить своей госпоже такую службу. Он продолжал пребывать в жалком молчании до тех пор, пока маркиз стремительно не прошел мимо него и не хлопнул дверью. Тогда он медленно нагнулся к брошенной одежде мисс Хэтти, машинально поднял ее и принялся расправлять помятые складки. Маркиз поручил ему передать ей свой наказ, не подозревая, как его светлость на самом деле был далек от правды. Произошла чудовищная вещь! Добропорядочная молодая леди снискала репутацию безрассудного, необузданного и порочного молодого человека.

Потсон вяло поплелся в спальню лорда Гарри и повесил платье в шкаф. Он окинул глазами комнату. Если бы маркиз не был так взбешен, он непременно заметил бы и ленты, и гребешки, и другие принадлежности, разбросанные на туалетном столике.

Ссутулившись и нагнув голову, он побрел обратно в гостиную. Слова маркиза каленым железом жгли ему мозги. Теперь путь к отступлению для мисс Хэтти был окончательно отрезан.

Глава 22

Синьор Бертиоли посмотрел на покрасневшее потное лицо лорда Гарри Монтейта. Маэстро аккуратно вложил рапиру в бархатный футляр и протянул молодому человеку белый батистовый платок:

- Утрите лоб. Вы сражались сегодня с необыкновенным упорством. Я бы сказал, со спокойным отчаянием человека, который знает, что час испытания близок, - мягко заметил синьор Бертиоли. - Я не ошибся? Вендетта уже близка, милорд?

Хэтти казалось, что она на последнем издыхании. Она хотела ответить, но не могла. Синьор Бертиоли осторожно вынул рапиру из ее несопротивляющейся руки и стал терпеливо ждать.

- Да, синьор, все так, как вы сказали. Моя вендетта действительно уже очень близка, - наконец смогла вымолвить Хэтти. Видя озабоченность в темных глазах итальянца, она добавила: - Не бойтесь за исход, синьор. Я думаю, что все решится в пользу пистолетов, а не шпаг. А я, как уже говорил вам, отличный стрелок.

Синьор Бертиоли нахмурился:

- Зачем же вы тогда, мой юный лорд, так принуждали себя? Зачем старались овладеть всеми тонкостями и хитростями мастерства?

- Если человек отправляется на битву с одним видом оружия и молитвой на устах, то его считают глупцом. Хотя у меня теперь два оружия, по правде сказать, я все равно не отдал бы предпочтения шпаге. Несмотря на ваши превосходные уроки, я вынужден признать, что мне не

хватит ни выносливости, ни искусства, чтобы убить моего противника.

Синьор Бертиоли очень хотел бы услышать, с кем лорд Монтейт собирается сойтись в смертельном поединке, но он знал, что молодой человек никогда не назовет ему имя своего врага.

- А ваш противник, милорд, хорошо владеет шпагой?

- Да. Во всяком случае, я так слышал. Кроме того, он старше меня, по меньшей мере на восемь лет. Следовательно, у него больше опыта.

- Значит, за восемь лет он мог также улучшить и навыки обращения с пистолетом.

- Совершенно верно, но это меня не смущает. Я только что повторил вам, что превосходно владею пистолетом. Если вы, синьор, из тех людей, кто чтит библейские сказания, то в данной ситуации можете считать меня маленьким Давидом. Я уверен, что крошечная пуля сразит моего Голиафа. Пистолет уравнивает наши различия. Теперь, синьор, я должен покинуть вас. Я отправляюсь на самый важный в моей жизни вечер, и мне не хотелось бы на него опоздать.

Хэтти натянула пальто и черные кожаные перчатки. Обернувшись к маэстро, она сказала:

- Спасибо, синьор. Извините, если я разочаровал вас. Мне жаль расставаться с вами. Если я больше не увижу вас, значит... молодой лев испустил последний вздох. Прощайте, синьор.

Горящими от возбуждения глазами Хэтти осматривала игорный зал «Уайтса». К своему удивлению, она не увидела обычного скопления людей. Несколько незнакомых ей джентльменов лениво слонялись от столика к столику. Она пребывала в недоумении до тех пор, пока не вспомнила о скачках в Ньюмаркете. Лучшие представители высшего света, несомненно, устремились туда, пользуясь случаем сделать свои ставки в компании регента.

Она повернулась к лакею, который уже стоял возле нее, легко держа серебряный поднос с вином:

- Вы не видели сэра Гарри Брэндона?

- Он здесь, милорд. У столика, где играют в фаро.

- А что, маркиз де Оберлон тоже пришел?

- Нет, милорд. Его светлости я не видел.

Хэтти кивнула и направилась в дальний угол салона, к столикам с фаро. Она шла твердой походкой, гордо подняв голову, с лицом человека, уверенного в своей правоте.

Возле одного из столиков она увидела сэра Гарри, который, облокотившись на изящный стул в стиле Людовика XV, наблюдал за игрой. Она удивилась, что он не играет.

Сэр Гарри пребывал в дурном настроении. Он уже выпил довольно много бренди, но легче ему не стало, лишь усилились неприятные ощущения в желудке. Если бы он только мог вытеснить из головы мрачные мысли. Перед глазами у него стояло бледное задумчивое лицо Изабеллы. Во время их последней встречи у него не было намерения бранить ее за то, что она принимала у себя лорда Гарри. Но когда она первая с увлечением заговорила о лорде Монтейте, он не

удержался и высказал ей все. В ответ Изабелла сказала тихим, но твердым голосом: «Уж лучше я выйду замуж за него, чем за сэра Уильяма Файли». Тогда он закричал на нее: «Ах так! Прекрасно, дорогая. С вашим вкусом все ясно. Оба ваших поклонника – распутники. И вы решили выбрать в мужа того, который моложе. Не правда ли? Но не обольщайтесь. Не ждите от него верности. Вот увидите, что я окажусь прав».

Он сделал еще глоток бренди и угрюмо уставился в рюмку.

- Я рад, что вы здесь, Гарри, – услышал он голос лорда Гарри.

Сэр Гарри взглянул на своего приятеля и проворчал:

- Но вы же сказали, что сегодня вечером у вас здесь какое-то неотложное дело. Хотите объявить мне, что собираетесь жениться на Изабелле?

«На нем лица нет», – подумала Хэтти.

- Нет, Гарри. Это не имеет никакого отношения к Изабелле, хотя мне есть, что сказать вам по этому поводу тоже. И не так мало, если только вы пожелаете слушать.

Сэр Гарри бросил на лорда Гарри неприязненный взгляд и глотнул бренди.

- Не напивайтесь, Гарри, – продолжала Хэтти. – Вы действительно нужны мне, и я хочу, чтобы у вас была ясная голова. Сегодня вечером вы должны быть рядом со мной.

В глазах сэра Гарри промелькнула тревога.

- Что случилось, лорд Гарри? Ваши слова звучат, черт возьми, слишком серьезно. Мне совсем не нравятся такие разговоры.

Лорд Гарри, казалось, не слушал его, устремив взор в противоположный конец зала. Сэр Гарри проследил за его взглядом и тотчас поставил рюмку на стол. В дверях появились маркиз де Оберлон и граф Марч.

- Послушайте, Гарри. Никуда не уходите от меня. Я могу рассчитывать на вас?

- Конечно. – Гарри быстро поднялся и встал рядом с ним. – Объясните мне, что стряслось? Что вы натворили?

Даже через весь зал сэр Гарри чувствовал напряжение, исходившее от его зятя и маркиза. Видел он и строгое неподвижное лицо лорда Гарри. Рука об руку с ним он направился навстречу графу и маркизу. Когда они подошли ближе, он увидел холодные серые глаза зятя. Граф Марч посмотрел на него сначала с изумлением, потом изумление сменилось гневом. Сэр Гарри предпочел бы остаться на месте, но ноги сами собой несли его вперед.

- Итак, вы явились.

Было ясно, что маркиз обращался непосредственно к лорду Гарри. За этой простой короткой фразой сэр Гарри почувствовал множество невысказанных слов, которые словно невидимые ледяные иголки витали в воздухе.

- Как видите, ваша светлость. У меня много разных недостатков, но среди них нет ни трусости, ни жестокости, ни самовлюбленности. Зато вам, ваша светлость, не мешало бы поразмыслить над этими человеческими пороками. Присмотритесь внимательнее к себе, может быть, вы

найдете их у себя.

Сэр Гарри оцепенел, услышав столь дерзкое заявление друга, но не смог выговорить ни слова, только удивленно посмотрел на него и открыл рот. Вместе с тем он нашел несколько странным поведение маркиза: тот только стиснул зубы в ответ на явно намеренное оскорбление.

Воцарилось тягостное молчание. Темные глаза Джейсона Кэвендера разгорались все ярче и ярче. Маркиз начинал понимать, что предчувствие не обманывает его – молодой Монтейт не будет извиняться перед ним. Он не знал, на чем основывалось это предположение, превратившееся теперь почти в уверенность. Единственное, на что он мог надеяться, – потребовать у молодого джентльмена объяснений столь очевидной ненависти к его персоне. Исключительно из этих соображений он решил оттянуть время и вызвать его на более откровенный разговор.

Маркиз вздернул черную бровь, отчего лицо его приняло еще более надменное выражение, больше чем у самого принца-регента.

– Я бы с удовольствием поговорил с вами о трусости и жестокости, в которых вы меня обвиняете, Монтейт. Но для этого нужны мало-мальски подходящие условия. Если бы вы сказали, в чем именно вы видите у меня проявление этих качеств, я бы смог помочь вам. Ну а уж коль скоро вы завели речь о пороках, то, может быть, вы прольете свет на ваши собственные поступки? Вам нравится соблазнять женщин, принадлежащих другим мужчинам? Признаюсь, иногда мне начинает казаться, что вы двойник сэра Уильяма Файли. Видя ваши аппетиты, я хочу вас предостеречь. Берегитесь заразы. Или вы уже набрались опыта и вас не пугают подобные угрозы?

Не ожидая подобного ответного выпада, Хэтти растерялась. Маркиз не только отмел от себя ее обвинения, но и обратил ее оружие против самой же себя. Да, следовало ожидать, что на это у него достанет мастерства. Титулованная особа, светский лев, человек без совести и жалости, несомненно, он пойдет на все, лишь бы добиться своего. Что ему стоит выйти сухим из воды? Хотя все это и раньше было ей ясно, сейчас она оказалась не готовой к такому повороту событий. Но сдаваться было не в ее правилах. Она должна подавить в нем желание высказывать ей свое презрение, которое было заметно и без слов. Она должна противопоставить ему такую же холодную язвительность, которую с такой силой источал его взгляд. Она не должна позволять ему смотреть на себя как на муху, ползающую по столу.

– Странно, – сказала она, решительно вскинув подбородок и стараясь выглядеть как можно высокомернее, – вы упомянули сэра Уильяма, ваша светлость. Поначалу, когда я только приехал в Лондон, я считал его самым мерзким созданием на свете. Но сейчас я готов признать свое глубочайшее заблуждение. Он, безусловно, подлый человек, но он творит свои грязные дела открыто. Он не скользит, как змея, прячущая под брюхом свое бесчестье.

– Вы не знаете, с какого бока меня ужалить, Монтейт, – невозмутимо заметил маркиз. – Но самое главное – ваши оскорбления совершенно безосновательны, в них нет и доли правды. Я не понимаю вас. Вы что, не можете прямо сказать, что у вас на уме? Неужто стесняетесь? Или, может быть, боитесь? Если так, то можете просто извиниться, и дело с концом. Я буду рад избавиться от вашего неуместного присутствия. Честно говоря, меня утомляет это бесконечное выяснение отношений. Я не люблю, когда мне надоедают.

То, что он продолжал разговаривать с ней в снисходительно-воспитательном тоне, как с непослушным неразумным мальчиком, вызвало у нее разочарование и в то же время гнев.

Слова помимо воли полились у нее сами собой.

- Я бы скорее согласился извиниться перед этим корсиканским чудовищем Бонапартом, чем перед вами. Вы обвиняете меня в том, что я отбиваю женщин у вас и других мужчин. Но я не считаю, что в отношении вас я совершил большой грех. Вряд ли прекрасная Мелисанда считает себя принадлежащей мужчине. Я поясню вам, ваша светлость, почему я так думаю. Она так жаждала моих объятий, что, не будь поставлен в известность о ваших интимных делах, я бы подумал, что она долгие месяцы провела на необитаемом острове.

- Боже мой, лорд Гарри...

- Помолчите, Гарри, - тихо бросила она через плечо, не сводя глаз с лица лорда Оберлона.

Наконец-то она добилась успеха: она увидела ярость в его глазах. Она увидела, как сжались его губы, как побледнели скулы. Да, она заставила его побелеть от ярости. Наконец-то. Она стояла с гордым видом, распрямив спину и подняв голову, ожидая, что он ударит ее. Интересно чем? Ладонью или перчаткой? Однако это было не так важно. Она ждала, когда это произойдет.

И вдруг новое разочарование. Она почувствовала себя так, словно кто-то предательски сзади ударил ее, когда граф Марч неожиданно откинул голову назад и громко захохотал.

Джейсон Кэвендер от неожиданности разжал кулаки и часто-часто заморгал:

- Черт побери, в чем дело, Сен-Клер? Какого дьявола вы смеетесь?

Преодолевая душивший его смех, обращаясь главным образом к лорду Гарри, нежели к маркизу, граф Марч сказал своим звучным голосом:

- Вы неудачно выбрали мишень для обстрела, мой мальчик. Могу заверить вас, что у Кэвендера нет недостатка в женщинах. Они так атакуют его, что он просто вынужден спасаться от них бегством. Что касается ощущений, которые его светлость дарит своим любовницам, то говорят, что они просто глупеют от удовольствия и что их крики слышны через две комнаты. Теперь, Монтейт, извольте выслушать мое предложение. Или вы объясните лорду Оберлону, почему вы так ненавидите его, или просто извинитесь за все необоснованные оскорбления. Тогда мы покончим с этой чепухой. Я прекрасно понимаю его светлость. Надо сказать, я тоже устал от вашей бессвязной болтовни.

- Да, будьте так любезны, дружище, сделайте милость, - подхватил маркиз, снова обретая спокойствие. В течение секунды он не сводил глаз с молодого человека. - Послушайте, Монтейт, хоть вы и выводите меня из терпения, я все не решаюсь просто так отшвырнуть вас, как надоедливый щенка. Скажите, чем я так не угодил вам?

- Лорд Гарри, умоляю, остановитесь. Не продолжайте, - с мольбой шептал Гарри другу на ухо.

Хэтти чувствовала себя совершенно беспомощной. Казалось, все возможности исчерпаны: она бессильна предпринять что-либо. В замешательстве, не ощущая боли, она кусала нижнюю губу, пока не почувствовала солоноватый вкус крови. Она не могла больше изобретать оскорблений и, похоже, была готова отказаться от язвительных насмешек. Выходит, она напрасно мечтала о скором воплощении своей мечты? Неужели ей не суждено рассказать маркизу о причинах своей ненависти в тот момент, когда он мог бы лежать поверженным, истекающим кровью? Рушились все тщательно продуманные планы. Зачем тогда ей нужна была эта опасная роль джентльмена, если она терпит неудачи при каждом столкновении с могущественным и коварным врагом? Сейчас она воочию убедилась, что выглядит

посмешищем в его глазах. Она понимала, что это происходит от ее неопытности. На мгновение она попыталась представить себя глазами маркиза. Несомненно, он смотрит на нее как на глупого самонадеянного юнца. Да, он вместе со своим влиятельным другом может в свое удовольствие забавляться ею. Для этих гордых и самодовольных аристократов она была не чем иным, как «надоедливый щенок», как это только что нараспев произнес лорд Оберлон. Интересно, считал ли он и Дэмиана подобным ничтожеством? Таким ничтожеством, что можно было выгнать его из страны без угрызений совести?

Как в полусне она услышала взрыв громкого хохота. На этот раз смеялся лорд Оберлон.

- Довольно, Жюльен, - сказал он, обращаясь к графу, - пора покончить с этим фарсом. Я не нуждаюсь в извинениях этого недоноска, который только вчера влез в мужские штаны. Взгляните, он как будто проглотил язык! Куда девалась его фанаберия?! Я уверен, что за всеми его словами нет ничего, кроме мыльного пузыря. Ровным счетом ничего, одни потуги. Вы согласны со мной?

От этого заключения Хэтти испытала такой приступ ярости, что ее затрясло. Оглянувшись на проходившего мимо лакея, разносившего на подносе шампанское, она взяла бокал за тонкую ножку и подняла его в протянутой руке, как будто собираясь провозглашать тост.

- Не думайте, ваша светлость, что я затеял этот разговор ради развлечения. - Она услышала свой удивительно спокойный и уверенный голос как бы со стороны. - Я получил от беседы с вами огромное удовлетворение. Возможно, мои оскорбления показались вам нечувствительными. Я вполне допускаю это. Но у меня за плечами нет ваших лет, поэтому я не успел усвоить свойственные вам грубость и жестокость. Если мои слова не возымели желаемого действия, то, может быть, это дойдет до вас. - С этими словами она выплеснула шампанское в лицо лорду Оберлону.

Стон вырвался из уст сэра Гарри. Затем послышался шепот потрясенных джентльменов, сразу же собравшихся вокруг них. Хэтти не спускала глаз с маркиза. Она видела, как он вынул из кармана белый шелковый носовой платок и мягким изящным движением медленно промокнул шампанское на лице.

- Ваш безумный порыв лишает меня выбора, Монтейт. Вы хотите драться здесь, в «Уайтсе», на глазах у всех? Или подождете завтрашнего утра, когда я так же преспокойно смогу отправить вас в преисподнюю?

- Я предпочел бы провести ночь в приятных мечтах о вашей кончине. Предвкушение вашей смерти доставит мне неопишное наслаждение.

- Ну что ж, - сказал маркиз тусклым голосом. - Жюльен, вы поможете мне?

- Разумеется, Джейсон.

Сэр Гарри поймал на себе взгляд серых глаз зятя. Даже без обращения лорда Гарри он знал, что у него нет другого выбора, как стать его секундантом. Произнесенное им «да» прозвучало как хриплый стон.

Граф Марч сделал шаг вперед и положил руку на рукав шурина.

- Как секундант, я обязан предпринять попытку примирения, - сказал он официальным тоном. Не дождавшись ответа, он взглянул на суровые лица лорда Монтейта и лорда Оберлона и медленно продолжил: - Ну, значит, решено, раз вам так угодно. Встречаемся завтра утром,

ровно в семь на северном конце Хаунслоу-Хит. А ты, Гарри, останься. Нам необходимо обсудить с тобой все приготовления.

- До чего же вы глупы, Монтейт, - сказал лорд Оберлон задумчиво, почти с грустью. - Так ничего и не скажете перед смертью? - Он резко повернулся и размашистым шагом вышел из салона.

Хэтти осталась одна. Она стояла посреди опустевшего зала, все еще сжимая в руке бокал. Перешептывающиеся джентльмены стали медленно расходиться к ломберным столикам. Ей показалось, что лакей, у которого она взяла шампанское, рассказывает о ней своему напарнику, прикрывая рот рукой в белой перчатке. С чувством величайшего облегчения она не спеша подошла к нему и поставила бокал на поднос. Неужели в эту минуту ее лицо было так же бледно, как у этого лакея? Она глубоко вздохнула и, не оглядываясь, направилась к выходу.

Глава 23

Час спустя, стараясь держаться как можно спокойнее, Хэтти принялась рассказывать Потсону о случившемся.

- Ведь и вы, и я знали, что рано или поздно этот вечер настанет, Потсон. Иначе само существование лорда Гарри было бы неоправданным. Итак, завтра Дэмиан будет отомщен.

Как ни странно, но во время ее рассказа Потсон не проронил ни слова. Под конец он поднял усталые встревоженные глаза на юное невинное лицо мисс Хэтти и тихо простонал:

- Ай-ай-ай, мисс Хэтти. Мастер Дэмиан будет отомщен, а вы отправитесь в могилу. Какой славный конец!

Она почувствовала, как ледящий ужас сковал ее сердце, и поежилась от внезапно охватившего ее озноба, хотя в маленькой гостиной было тепло.

- Прошу вас, Потсон, не надо. Не стоит раньше времени оплакивать меня. Грудь мужчины гораздо крупнее мишени в Мэнтоне. - Она умолкла и окинула взглядом комнату. Удивительное дело - эти скромные апартаменты воспринимались ею как собственный дом в большей степени, чем городской особняк сэра Арчибальда. - Когда завтра утром мы вернемся с вами сюда, Потсон, обсудим, как нам поступить дальше с лордом Монтейтом. Но что еще более важно, поговорим о вашем будущем. Если вы не будете иметь ничего против Херефордшира, то мой брат, сэр Джон, я уверена в этом, с удовольствием оставит у себя денщика Дэмиана.

В ответ Потсон пробормотал что-то невразумительное, но Хэтти не стала вдаваться в подробности, памятуя о том, что к завтрашнему утру она должна быть во всеоружии. Девушка встала и не спеша направилась в спальню лорда Гарри переодеваться.

Вскоре, по обыкновению, Потсон проводил мисс Хэтти в дом отца. Когда они приблизились к черному ходу, где их уже поджидала Милли, Хэтти сказала:

- Увидимся завтра в шесть, Потсон. А когда это все закончится, мы устроим с вами пышный завтрак и отправим лорда Гарри ко всем чертям.

Потсон только посмотрел на нее долгим грустным взглядом, потом потупился, кивнул головой и исчез в темноте ночи.

- Что с ним? Что-то неладное? - встревожилась Милли, когда они с Хэтти очутились в спальне. - Наверное, переел своей стряпни?

- Да, тушеной баранины, - подтвердила Хэтти, не желая посвящать Милли в подробности завтрашнего дня.

Если бы даже Хэтти задержала Милли дольше, та все равно не стала бы утомлять свою госпожу расспросами и оставила бы ее наедине с собственными мыслями. Горничная была озабочена предстоящей на следующей неделе собственной поездкой в Бидлингтон, где жила ее сестра.

Оставшись одна, Хэтти не спешила забраться в постель. Она пристроила подсвечник на письменном столе и приготовилась заняться делом, к которому не имела ни малейшего желания, но которое было необходимо. Она разгладила лист белой глянцевой бумаги, окунула перо в чернила и принялась за письмо.

«Дорогой папочка! - написала она и остановилась на мгновение, покусывая кончик пера, обдумывая продолжение. - К тому времени, когда ты прочтешь это письмо, ты должен будешь смириться с мыслью, что больше никогда меня не увидишь. Я прошу у тебя прощения за причиненное тебе горе, за тот неизбежный скандал, который вызовет моя смерть. Я старалась поступать в соответствии с моими представлениями о достоинстве и чести, хотя и должна была предвидеть, какими последствиями для тебя обернется мое поражение. Прошу тебя, папочка, постараться понять причины моих поступков».

Причины? Что она должна была писать о причинах? То, что ею двигало, было яснее ясного - она просто хотела отомстить за Дэмиана. Суждено ли ей быть убитой за это стремление? Она ненавидела страх, который неожиданно пробудился в ней в эту минуту: ей не хотелось умирать.

Одинокая свеча растаяла в своем гнезде, прежде чем Хэтти отложила перо и растерла сведенные судорогой пальцы. На объяснения у нее ушло целых пять страниц. Хотя она опасалась, что в письме ее много повторов, она все же не стала перечитывать его. Измученная своим тягостным занятием, Хэтти встала и потянулась. Взглянув на часы, она с ужасом увидела, что уже перевалило за полночь. Тогда она торопливо придвинула стопку бумаги и снова взялась за перо. В следующем письме, Джону и Луизе, она описала все в том же духе. Запечатывая письма, она думала о том, какие чувства испытает старший брат, прочитав ее предсмертное послание. Если она не вернется живой после этой дуэли, Джон, видимо, потребует удовлетворения у маркиза. Так и должно быть, потому что человек, которого Джон считал своим другом, будет повинен не только в гибели его брата, но и сестры.

Она вскочила со стула и отошла от стола. Торопливыми шагами она мерила комнату, пока холод не загнал ее в постель. Она закуталась в пуховое одеяло и устала в темноту, потому что не могла сомкнуть глаз. «Как странно, - думала она, - смерть приближается ко мне, а я не могу вообразить, что это может со мной случиться». На нее нахлынули воспоминания о Дэмиане. Когда пришло известие о его смерти, она почувствовала себя так, словно вместе с ним умерла и часть ее самой, хотя и в тот момент, и после она дышала, ощущала лучи солнца на своем лице и даже с юмором воспринимала политическое сумасбродство отца.

Теперь, когда пронеслись месяцы, прожитые с неумной безумной целью, и она вплотную приблизилась к страшной черте, собственная смерть казалась ей всего-навсего слабым призраком. Смысл жизни и смерти для нее сосредоточился на весах, на одной чаше которых был Дэмиан, а на другой - ее отмщение убийце.

Мысли ее снова вернулись к сэру Джону, с его грубоватыми повадками, простодушием и искренней верой в дружбу с маркизом де Оберлоном. Возможно, ей нужно было рассказать ему все о них троих: маркизе, Дэмиане и Элизабет Спрингвилл. «О нет, – тут же подумала она, – это моя месть, мой долг перед Дэмианом». Внезапно, будто на нее снизошло озарение, она поняла, что ее единственная и самая главная в жизни цель не даст ей погибнуть. Она почувствовала в себе уверенность и силы. Нет, сейчас она была не похожа на прежнюю Хэтти, которая после смерти Дэмиана проводила в тоске дни и ночи, никого не подпускала к себе и являла собой безвольную тень.

Завтра, если она выйдет победительницей, она снова потеряет часть себя. Не станет гордого, открытого, смелого лорда Гарри – дерзкого двойника Генриетты Ролланд. Какой Генриетты Ролланд? Той, которая в последнее время выступала в двух ипостасях? Две части одной и той же Генриетты Ролланд блуждали по Лондону, и каждая из них выполняла свои обязанности – такие непохожие, но одинаково нужные. И как ни странно, по прихоти судьбы ее заклятый враг Джейсон Кэвендер сталкивался с обеими Генриеттами.

Однако Генриетте Ролланд, которая в свое время посетила костюмированный бал, подобные мысли не приходили в голову. На том вечере маркиз был для нее очаровательным и привлекательным мужчиной, а вовсе не убийцей Дэмиана – человеком, который привык брать от жизни все, что ему хочется, не останавливаясь ни перед чем.

Часы пробили один раз. Это значило, что пошел второй час ночи. Оставалось пять часов до прихода Милли. Интересно, догадается ли горничная о том, зачем ее госпожа отправится к сэром Гарри в парк в такой неуютный Богу час? С этими мыслями Хэтти погрузилась в сон.

Маркиз де Оберлон в сердцах хлопнул дверью и в небрежно наброшенном пальто с капюшоном выскочил из «Уайтса». Он был в такой ярости, что успел отмахать почти всю Бонд-стрит, прежде чем почувствовал неласковое дыхание ночи. Холодный воздух через распахнутое пальто забирался под его элегантный вечерний костюм. Он остановился и застегнул пуговицы, потом сердито рванул из кармана меховые перчатки.

Вероятно, его злость усиливалась неприятным ощущением стянутой кожи на лице от липкого шампанского и прикосновением еще не высохшего платка к шее. «Когда тебе выплескивают бокал шампанского в лицо, это, конечно, небольшое удовольствие», – подумал он. Тем не менее результат этого действия равен оскорблению – основному способу вызова на поединок до 1816 года. С тех пор дуэли стали не только устаревшим средством удовлетворения оскорбленной мужской чести, но и были объявлены вне закона. Уходили в область преданий те времена, когда брошенная в лицо перчатка знаменовала собой начало кровавой драмы, отобравшей жизнь у многих джентльменов еще при жизни его отца.

Маркиз вспомнил своего похотливого деда, старого аристократа, с чувственным ртом, в парике. Если бы он не сломал себе шею после неудачного прыжка лошади через чужой забор, то на следующий день его уложила бы пуля из пистолета одного из бывших друзей, которого он имел неосторожность оскорбить. После этого трагического события «бывший друг» деда так презрительно фыркал на его похоронах, что отец маркиза язвительно пробормотал на ухо своему подрастающему сыну, что он, дескать, не знает, считать ли это фырканье выражением печали или сожалением по поводу того, что этот самый «бывший друг» не успел собственноручно пустить ему пулю в лоб.

Лорд Оберлон остановился, увидев, что завладевшие его умом мысли привели его на Милсом-

стрит, находившуюся в противоположном конце от его Беркли-сквер. Он повернул обратно. «Что за нелепость, – думал он, – я должен сражаться с молодым джентльменом, о существовании которого месяц назад даже не подозревал». Да, это был человек, которого Джейсон Кэвендер меньше всего хотел бы вызвать на дуэль. Окажись на месте Монтейта кто-то другой, например, сэр Файли, он отнесся бы к предстоящему поединку совсем иначе. Хотя унаследованное от отца отвращение к дуэлям и связанным с ними утратам несколько приглушило его ярость, он не мог вспоминать о сэре Уильяме Файли с меньшим презрением. Оберлон поймал себя на мысли, что даже сейчас с радостью скрестил бы с ним шпагу, если бы полностью был уверен в его неприглядной роли в том прошлом деле. «Черт бы побрал их обоих, Файли и Элизабет». Он прекрасно представлял себе, что Файли испытывал к нему лютую злобу, но этот пакостник слишком дорожил своей шкурой, чтобы делать это открыто. Что касается Элизабет, то он также знал, что к концу жизни она ненавидела его не меньше, чем своего соаврагителя. Усилием воли он заставил себя оборвать эти неприятные воспоминания. Элизабет мертва и давно покоится в могиле, и вместе с ней навечно скрылись в земле и ее ненависть, и ее боль.

Маркиз подошел к своему особняку и протянул руку к кольцу. Не дожидаясь стука, Рэббел тотчас открыл дверь.

- Ваша светлость? Граф Марч ждет вас в вашем кабинете.

- А-а, мой верный секундант приехал подбодрить меня.

Лорд Оберлон, не задумываясь, произнес эти слова о дуэли.

Неестественно предупредительное поведение слуги было ясным свидетельством его полнейшей осведомленности о вечернем фиаско его господина. Когда дворецкий помогал хозяину снять пальто и перчатки, тот порывался спросить его, каким образом слуги молниеносно и безошибочно узнают самые последние новости и сплетни.

Размышляя об этом, он вошел в свой кабинет.

- Вы здесь, Жюльен? – сказал он, открывая дверь. – Ну что же, отлично. Как видите, я схлопотал себе пищу для ума на весь вечер. Вы пришли выразить мне свою симпатию? Или сказать, что я круглый дурак?

Граф прошелся по комнате и подошел поближе к большому итальянскому мраморному камину. Казалось, что он пребывает в таком же глубоком раздумье, в каком незадолго до их встречи был сам Джейсон Кэвендер.

- Послушайте, Сен-Клер, – продолжал маркиз, – это мне есть над чем задуматься, но не вам. Ваша задача предельно проста. Вам нужно только оттащить юнца, после того как я сделаю свое дело.

Граф резко дернул плечами и, повернувшись спиной к камину, продолжал мерить шагами кабинет маркиза.

- Вы долго не возвращались домой, Джейсон. Действительно, до вашего прихода я ломал голову над вашим положением. Когда вы вошли, я как раз подумал, что было бы неплохо скрутить руки вашему Монтейту, запихнуть его в мешок и отправить с моим капитаном в Вест-Индию. Может быть, после такой заморской прогулки, поработав у меня на плантациях счетоводом или кем-нибудь еще, он научился бы больше ценить жизнь здесь, в Лондоне.

- Уверяю вас, что сей молодой человек не выдержал бы условий тех островов уже в течение первого месяца. Или ему не подошли бы убеждения местных жителей, или взбрело бы в голову вызывать на дуэль всех тамошних лидеров. - Ни сам маркиз, ни его друг не засмеялись этой шутке. - Здесь дьявольски холодно, Жюльен, - сказал маркиз после короткого молчания. - Не выпить ли нам хереса?

Граф кивнул головой. Когда оба они со стаканами в руках уселись возле потрескивающих углей, снова воцарилась тишина.

- Как бы мне ни было неприятно говорить об этом, Джейсон, я должен выяснить у вас вопрос об оружии. Поскольку инициатором дуэли является Монтейт, я буду считаться с вашим предпочтением.

- Вы серьезно спрашиваете меня об этом, Жюльен? Разумеется, только не пистолеты. Это слишком варварское оружие. Вы это прекрасно знаете. Несмотря на все то, что наговорил и натворил этот щенок, у меня нет ни малейшего желания убивать его. Не думаю, что у него может быть большой опыт владения шпагой. Поэтому я надеюсь, мне удастся сделать быстрый и точный бросок и ранить его в руку. Это охладит его кровавые инстинкты. По крайней мере на месяц.

- Именно это я и рассчитывал услышать от вас, Джейсон. Кроме этого, я хотел сказать вам, что Монтейт - превосходный стрелок. Так говорит Гарри. Правду говоря, я бы опасался за исход поединка, если бы вы выбрали пистолеты.

- Ну и шуточки, Жюльен. Вы всерьез полагаете, что меня может шлепнуть этот желторотый юнец? Нет, можете не отвечать. Интересно, однако, откуда у бедняги Гарри такие сведения? И вообще, судя по его разинутому рту, похоже, в тот злополучный вечер он даже не подозревал о намерениях Монтейта.

- Я сочувствую Гарри. Он оказался между двух огней. Я знаю, что он с уважением относится к вам, в то же время долг чести потребовал от него согласия выступить секундантом на стороне друга. У меня язык не повернется обсуждать с ним эти технические вопросы. Господи, ну что я буду говорить ему? Нет, лучше я отдам его на попечение Кейт. Она умеет обращаться с ним.

Граф встал и поставил пустой стакан на полку буфета.

- Теперь я пойду, Джейсон. Уже первый час. Вам пора отдыхать. Завтра утром вы должны быть в отличной форме. Я буду у вас до семи утра. В экипаже.

- В экипаже? Жюльен, вы пугаете меня. Я надеюсь выехать обратно из парка на своем жеребце.

Граф усмехнулся, но промолчал. Он решил не выдавать Кейт: не говорить маркизу, что это она настаивала на экипаже. Направляясь вместе с ним к выходу, он спросил:

- Как вы теперь поступите с Мелисандой, Джейсон?

Лорд Оберлон пожал плечами:

- Дом, в котором она живет, оплачен. Срок аренды истекает через три месяца. До истечения этого срока она может оставаться там. Я не сомневаюсь, что за это время с ее красивым лицом и фигурой ей будет нетрудно найти себе другого любвеобильного джентльмена. Вам известно, - продолжал он с наигранной веселостью в голосе, - что Монтейт подарил ей амазонку для

верховой езды? Вам известно, что он раздобыл для нее кобылу по кличке Кокетка? Вы знаете, что он сравнивал ее с Прекрасной Еленой из Трои и Афродитой? Я уверен, Мелисанда никогда не слышала этих имен. Если вдуматься, его изобретательность носит устрашающий характер. Уверяю вас, его решимость убить меня – больше, чем просто угрозы. Но как бы мне хотелось знать, что все-таки прячется за этим?

– Костюм для верховой езды, – повторил граф, не удержавшись от смеха.

Однако он тут же снова стал серьезным. Ситуация была достаточно мрачна, чтобы располагать к шуткам. Стоило только вспомнить, как выглядел Монтейт во время своих громогласных заявлений о намерении во что бы то ни стало добиться своей цели. От всего этого у графа голова шла кругом. На пороге он остановился и взял друга за руку. В присутствии бдительного Рэббела он не стал много говорить.

– Вы поступаете правильно, Джейсон, – тихо сказал он. – До завтра.

Глава 24

Утро выдалось хмурое и промозглое. Скинувшие листву дубы и вязы, как безмолвные часовые, стояли на твердой промерзшей земле. В этот ранний час на северной окраине пустоши Хаунслоу-Хит не было ни души: ни бродяг, ни случайных прохожих, ни зевак. Не было видно даже обычно промышлявших здесь подозрительных личностей. Должно быть, в такую непогоду они забились подальше в свои логова. Унылое шуршание голых ветвей прерывалось только доносившимися издали глухим стуком конских копыт, скрипом колес да чириканьем неугомонных воробьев.

Сэр Гарри Брэндон украдкой взглянул на друга и при виде его сурового сосредоточенного лица беспокойно заерзал в седле. Обычно блестящие глаза лорда Гарри померкли и сузились, губы вытянулись в тонкую бескровную нитку. Лорд Гарри не сказал ему ни слова, только попросил выделить из его небольшой конюшни лошадь под седло – для Потсона. Брэндон также молча, кивком, подтвердил свою готовность выполнить его просьбу, хотя она вызвала у него тревогу. В разъездах до конюшни и обратно можно было потерять драгоценное время, и тогда они рисковали не успеть на место к семи часам. Но лорд Гарри, казалось, не обращал внимания на его беспокойство. Сэр Гарри даже засомневался в том, что его друг имеет представление о кодексе чести джентльмена. Согласно правилам, дуэль отменялась, если один из противников являлся позже назначенного времени.

Однако сэр Гарри был вынужден признать свои опасения напрасными. Лорд Гарри, безусловно, отдавал себе отчет в своих поступках. За несколько минут до назначенного времени их небольшая кавалькада выехала из леса и оказалась на большой открытой площадке. Менее чем в двадцати шагах от них стоял городской экипаж графа Марча.

Когда они спешили и привязали лошадей, Хэтти повернулась к сэру Гарри и сказала:

– Я знаю, чего вы боялись. Вы думали, что я мог заставить вас опоздать. Напрасно, Гарри. Я точно рассчитал время. Но я не мог отказать себе в небольшом удовольствии – совершить выход на сцену после сбора почтенных гостей. По-моему, я сделал это вполне прилично. Разве не так?

Сэру Гарри не хватило находчивости для быстрого ответа, чтобы по достоинству оценить это замечательное свидетельство хладнокровия, поэтому он только коротко кивнул:

- Вполне.

Хэтти со спокойным видом наблюдала, как сэр Гарри суетился возле лошади, прилаживая уздечку.

- Вам, наверное, необходимо переговорить с графом Марчем? Вы понимаете, что я имею в виду? Выбор оружия.

- Да-а, - сказал Гарри, переходя на шотландский диалект, унаследованный им от матери.

После того как сэр Гарри удалился на приличествующее расстояние, с которого нельзя было слышать человеческого голоса, Хэтти повернулась к Потсону. Все это время он молча, с мрачным видом топтался поодаль, непрерывно сминая полы пальто.

- Не покидайте меня, Потсон. И дайте мне слово ни во что не вмешиваться. Обещайте не вмешиваться, что бы ни случилось.

Потсон по-прежнему хранил гробовое молчание. Хэтти начала трясти его за руку:

- Черт побери, Потсон, не молчите. Обещайте.

- Но мастер Дэмиан никогда не одобрил бы этого, мисс Хэтти. Боже, он никогда...

- Перестаньте. Сейчас неподходящее время, чтобы распускать слюни. Вы обещаете мне, что останетесь со мной до конца и будете держать язык за зубами?

- Да, мисс Хэтти, - сказал он, наконец, глядя ей прямо в разгневанные синие глаза. - Клянусь, но мне ненавистна мысль о том, что может случиться.

- Ненависть как нельзя лучше подходит для этой проклятой ситуации. Значит, договорились? Теперь я ухожу. Оставайтесь здесь.

Она решительно повернулась на каблуках, издавших громкий скрип от соприкосновения с замерзшей землей, и большими шагами, не оборачиваясь, направилась к кружку из трех джентльменов.

Два часа назад Хэтти уже просчитала в уме предстоящий поединок. Она понимала, что успешный исход дуэли зависит от хладнокровия, и поэтому не пожалела времени на оттачивание мастерства. Она мысленно вскидывала свой, дуэльный пистолет, наводила его на воображаемую мишень, охотилась за ней, поворачивала туловище из стороны в сторону и ласково поглаживала курок. Снова и снова, минута за минутой она отработывала каждое движение. Все это продолжалось до тех пор, пока сосредоточенность не достигла высшего предела, пока мозг не воспринимал ничего, кроме единственной заветной цели.

Теперь у нее не оставалось ни капли страха, ни капли сомнений. Она не должна промахнуться.

Так думала она, приближаясь к недругу. Походка ее была размашиста и небрежна, руки в теплых перчатках - тверды и сухи.

Она мельком взглянула на графа и, прищурившись, пристально посмотрела на маркиза.

- Доброе утро, ваша светлость, милорд Марч. Не будем мешкать. Я не хочу, чтобы моя кобыла томилась в ожидании на таком морозе. Можем приступить?

«Скажите, какая смелость! – недовольно подумал маркиз. – Мальчишка кичлив не по годам». Но он постарался скрыть свое раздражение под привычной иронией.

– Извольте, Монтейт. Я полагаю, надо поторапливаться, хотя бы ради того, чтобы вы не опоздали к хирургу.

– Ах, ваша светлость, как вы предупредительны! Однако сдается мне, что хирург дожидается не меня, а вас. Я уже предвкушаю огромное удовлетворение от вида вашей крови. Мне не терпится увидеть, как она просочится на эту землю.

В эту минуту раздался резкий голос графа:

– Вы не хотите осмотреть свое оружие, Монтейт? – Он открыл длинный узкий футляр и вынул из него блестящую серебристую шпагу.

Хэтти тупо посмотрела на шпагу. Что за чертовщина! Что за нелепую ошибку совершил Гарри? Ведь он, как никто другой, знал о том, что она предпочитает пистолеты. Она повернулась к своему другу. От разочарования и гнева у нее непроизвольно задвигались челюсти.

– Что вы сделали, Гарри? Вы же знали о моем выборе. Мое оружие – пистолеты.

У сэра Гарри расширились глаза, и на его лице появилось выражение недоумения.

– Конечно, мне известно, что вы предпочитаете пистолеты. Но что я мог поделать? О каком выборе вы говорите, лорд Гарри?

Лорд Оберлон, следивший за разговором молодых людей, заметил, как сконфузился сэр Гарри. Однако сам он был удивлен. Как Монтейт мог быть уверен, что выбор оружия останется за ним? Ведь это он дал повод для дуэли.

– Как человек, бросивший вызов, вы, Монтейт, не имеете права на выбор оружия, – спокойно пояснил граф. – Лорд Оберлон воспользовался своим законным правом и выбрал шпаги.

Сэр Гарри, стоявший поодаль с безучастным видом, поддакнул:

– Вы должны согласиться, лорд Гарри. Разве не вы выплеснули шампанское в лицо его светлости?

– Мне кажется, лорд Монтейт предпочитает фехтование не шпагами, а словами, – обронил маркиз, стряхивая соринку с рукава. – Я бы мог простить вас, молодой человек. Для этого вам нужно всего лишь объясниться и принести ваши искренние извинения. Готовы ли вы к этому?

Хэтти опешила. Вся ее собранность и с таким трудом накопленная внутренняя энергия враз разлетелись на миллионы мелких кусочков. Среди разрозненных мыслей на первом плане оказался чудовищный смысл фразы, которую она обронила накануне синьору Бертиоли: «...молодой лев испустил последний вздох». «Вот сейчас и выяснится, – подумала она, – правда ли я тот самый молодой лев».

Напротив нее стояли трое. Она смотрела на них невидящими глазами, понимая, что все они тоже смотрят на нее. Хотя она не различала их глаз, она читала в них презрение. На самом деле это было презрение, которое сидело внутри ее самой. В памяти у нее всплыли другие слова, сказанные небрежно и весело тому же синьору Бертиоли: «Если человек отправляется на битву с одним видом оружия и молитвой на устах, то его считают глупцом». И снова ясно

зазвучали слова маркиза: «Вам нужно всего лишь объясниться и извиниться». Он хотел заставить ее пресмыкаться. Он толкал ее на позор и бесчестье.

Она увидела Дэмиана, сложившего голову на поле битвы при Ватерлоо и взывающего к возмездию. Ее разум устремился к образу брата, и в ту же минуту разрозненные мысли снова собрались воедино.

- Шпаги, ваша светлость? – сказала она тоном, казавшимся еще холоднее этого неприветливого утра. – Воля ваша. В конце концов, не важно, от чего вы желаете умереть.

Она подскочила к футляру, выстланному черным бархатом, выхватила шпагу и подбросила ее в руке. Шпага, сделанная из стали наивысшей пробы, была прочна и легка.

Издевка Монтейта задела Джейсона Кэвендера. Он нахмурился. Но в его глазах читалось не раздражение, а скорее замешательство. От глаз маркиза не укрылись ни ошеломление, ни страх, застывший на миг в глазах юноши, после того как ему объявили об оружии. Он задумался. Ситуация казалась ему похожей на развязку дешевой мелодрамы из репертуара «Друри-Лейн». Поэтому он невольно спросил себя: не выглядит ли он в данном случае как отрицательный персонаж – злодей, поднявший руку на благородного героя?

- Джейсон! – Маркиз встряхнул головой, услышав свое имя. – Будьте внимательны, мой друг, – сказал граф, держа шпагу в вытянутой руке.

Маркиз кивнул и взял шпагу. «Интересно, какой смысл вкладывает Жюльен в свое предупреждение? К кому я должен быть внимателен: к себе или Монтейту?» Он машинально вернул шпагу графу, пока снимал с себя пальто и перчатки, тут же спохватившись, что, должно быть, совершил глупость.

По примеру маркиза Хэтти тоже начала раздеваться.

- Черт побери, к чему? – закричал Гарри. – Ведь холодно. Остановитесь, лорд Гарри!

Он следил, как лорд Гарри расстегивает жилет, и проклинал все на свете. Он мечтал только об одном: чтобы поскорее настал тот час, когда придет конец всем его тревогам. Он молил Бога, чтобы лорд Гарри остался цел и невредим и они могли благополучно вернуться в Лондон. Никогда в жизни он не испытывал такого леденящего ужаса.

- Да, холодно. Но разве это не мое личное дело?

- Лорд Гарри, я не думаю...

- О чем вы, Гарри?

- Боже мой! Неужели нельзя ничего изменить? Я буду держать в руках ваше пальто, чтобы оно не остыло.

Гарри не спускал глаз со своего друга, который, оставшись в просторной гофрированной белой рубашке, штанах и ботфортах, сплеча несколько раз рассек шпагой воздух, чтобы проверить ее на гибкость, и направился к противнику. Маркиз в черных ботфортах, черных лосинах и белой рубашке стоял, повернувшись боком, со шпагой наготове.

Хэтти согнула ноги в коленях и немного наклонилась вперед, подбоченившись левой рукой.

Она описала шпагой широкую дугу и замерла в ожидании команды графа.

- Защищайтесь! - звонко прокатился его призыв в безмолвии окружающего леса.

Маркиз начал грациозно двигаться к ней, направив шпагу вперед и сосредоточив внимание на ее лице. Неожиданно его шпага блеснула справа от нее. Он решил проверить быстроту ее реакции.

Хэтти ждала этого удара. Она отразила его без особого труда и тут же легко отскочила в сторону, переместив центр тяжести на левую ногу. Маркиз отошел назад, делая небольшие круги шпагой. «Крутится как змея», - подумала Хэтти, готовясь к следующему удару. Она понимала, что ему ничего не стоит держать под контролем ее действия. С первой минуты она почувствовала его мастерство. Серебристое лезвие в вытянутой руке повиновалось его воле, мелькая то справа, то слева от нее. «Так, неплохо, это мы проходили, - повторяла она про себя, вспоминая уроки синьора Бертиоли. - Маэстро, поделитесь со мной всем вашим мастерством», - мысленно зывала она к своему учителю.

После сильного выпада в сторону она устремилась вперед. Край ее шпаги со звоном ударился о закаленную сталь клинка маркиза и соскользнул почти с полпути, когда Оберлон мощным взмахом запястья отбил этот удар. От этого сокрушительного удара острая боль пронзила ее руку.

Маркиз слегка удивился скорости атаки, но в тот момент, когда молниеносно отдергивал свою шпагу, успел почувствовать, как ослабела рука молодого человека. «Да, у юноши хорошая реакция, - подумал он, - но сил и выносливости для противостояния ему надолго не хватит». Поэтому маркиз решил, что нужно дальше вести эту непрерывную рубку, не давать Монтейту времени для отдыха, но прежде всего не пропускать его броски, чтобы не позволить ему пробить свою оборону. Он усилил защиту спереди, предполагая тем самым отбить у юноши охоту к дальнейшим атакам, и стал наращивать силу ответных ударов. Он видел возраставшую неуверенность и разочарование на лице своего противника и продолжал придерживаться этой изматывающей стратегии.

Хэтти безошибочно разгадала его замысел. То отступая назад, то подкрадываясь к нему, легко танцуя на кончиках пальцев в противоположных направлениях и обходя его кругами, она пыталась сберечь свои силы. Так учил ее синьор Бертиоли. Маркиз прервал эту разминку стремительным и сильным броском. В то же мгновение она сделала не менее сильный выпад вперед, вытянув руку во всю длину.

Он легко уклонился от ее удара, оставляя ей поле для дальнейших действий. Она тотчас последовала за ним. На несколько мгновений в воздухе в неистовой пляске сошлись их шпаги. С каждым ударом он заставлял ее все больше ощущать свою силу. На какое-то мгновение она утратила способность сопротивляться ему, и он потеснил ее назад. Она посмотрела на его мощные мускулы, обозначившиеся на бедрах под тугими лосинами, и почувствовала дрожь в ногах. То, что она не была мужчиной, угнетало ее. Она сознавала, что ей просто не хватит сил, что могло стать равносильным смерти. Она не могла согласиться с этим. Это было бы слишком несправедливо. Она должна уничтожить своего врага, потому что правда на ее стороне. Должна же, в конце концов, восторжествовать справедливость. Это чувство внутри ее было непоколебимым.

Ее лицо покрылось испариной. Она дышала тяжело и прерывисто. Нужно было отступить назад и сделать передышку хотя бы на минуту. Она утерла пот коротким взмахом рук и сделала три легких прыжка назад, освобождая свой клинок из-под его шпаги и глотая драгоценный для нее

воздух. В тот же момент маркиз подскочил к ней. Хотя его бросок был на удивление легким, мощь последовавшего удара оказалась настолько велика, что ее пальцы едва не свело судорогой от силы, с которой ей пришлось сжимать свой клинок. Глаза противников встретились. Она увидела в них спокойствие и холодный расчет. От сознания собственной слабости на мгновение она испытала страх. Но в тот же миг ею овладела безумная ярость, и, движимая ею, все меньше думая об искусстве ведения боя, она устремилась в атаку с новой силой. Их шпаги снова скрестились со страшным звоном. Маркизу стоило больших усилий продвинуть свою шпагу вверх, заставив Хэтти резко качнуться вперед. Снова скользнули лезвия, и их шпаги сомкнулись у самого основания. В эти минуты Хэтти ненавидела себя, ненавидела за усталость и одышку. Враг находился всего в нескольких дюймах от ее лица и мог слышать ее тяжелое дыхание. Он мог видеть ее слабость. Черт бы его побрал! У него на лбу не проступило ни единой капельки пота. Хэтти удалось резко высвободиться от него и отпрыгнуть назад, но при этом она едва не потеряла равновесие. Свободной рукой она беспомощно махала в воздухе, делая отчаянную попытку удержаться на ногах. Но даже обретя устойчивость, она не могла избавиться от ощущения, что через секунду маркиз снова достигнет ее. Однако он молча стоял на прежнем месте с бесстрастным лицом, но с затаенным любопытством в глазах.

- Какого дьявола вы остановились?! - крикнула она.

Маркиз согнулся, как зверь, приготовившийся к решающему прыжку. В эту минуту его холодные глаза были сосредоточены на правой руке противника. Чувствовалось, что ему надоела эта затянувшаяся возня и что он готов к победному завершению этой злосчастной дуэли. Как ни странно, но Оберлон хотел, чтобы она закончилась достойным и благополучным для Монтейта образом. Он не до конца понимал самого себя. Почему ему хотелось такого исхода? Потому, что сам когда-то был юношей? Может быть. Да, сейчас перед ним был безусый юнец. Этого он не мог отрицать. Но мальчик тем не менее горел желанием проткнуть ему грудь шпагой. Эта мысль не выходила у него из головы и смущала его душу.

Хэтти хотела сделать бросок, чтобы выбить у него шпагу. Но тут ей на ум пришло одно из крылатых выражений синьора Бертиоли, и она осталась на месте. «Милорд, - сказал однажды ее учитель, - тот, кто способен терять голову, наверняка когда-нибудь потеряет и сердце. Но, как вы догадываетесь, мой юный друг, я имею в виду отнюдь не безумную любовь к леди». Хэтти вспомнила, как она долго смеялась над этими словами и как потом, взяв их на вооружение, начала маневрировать и отвлекать внимание многоопытного маэстро такими изощренными трюками, что единственный раз за все время тренировок ей почти удалось пробить его защиту.

Эти мысли помогли ей обрести спокойствие, но не усыпили ее бдительности. Она продолжала следить за малейшими движениями маркиза. «Он ждет от меня сильного рывка, - внезапно осенило ее. - Так и быть, он его получит».

Она наклонилась и резким движением подалась всем корпусом вперед, выбросив вытянутую руку со шпагой, нацеленной кончиком в его сердце. В этом была ее роковая ошибка.

Маркиз мгновенно оценил представившуюся ему возможность: Монтейт пожертвовал защитой. Ловким ударом он отклонил клинок противника в сторону, намереваясь затем сильным броском направить свою шпагу на его поднятую руку.

В этот момент Хэтти решила применить самый сложный прием итальянского маэстро. Она с силой отдернула руку и так быстро отскочила в сторону, что шпага маркиза отклонилась от заданного направления. Она тотчас бросилась на него, собираясь пронзить ему плечо.

Инстинкт, рожденный длительными упражнениями, помог маркизу избежать этого удара. Он круто повернулся и перехватил шпагу Монтейта, потом внезапно резко отступил, чем лишил противника равновесия. При этом маркиз не сумел умерить силы его броска, и поэтому, когда молодой человек пошатнулся, он, к своему ужасу, почувствовал, как кончиком своей шпаги с удивительной легкостью вошел ему в бок.

Хэтти резко вскинула голову, испугавшись, что может упасть. Сначала она почувствовала укол в бок, потом появилось странное ощущение – как будто на нее повеяло струей ледяного воздуха. Маркиз стоял напротив нее неподвижно, с суровым бледным лицом.

Она увидела, что его шпага от кончика и выше на одну четверть покрыта ярко-красной кровью. «Это кровь, – пронеслось у нее в голове, – моя кровь». Вместе с тем она не чувствовала боли.

– Остановитесь, Монтейт, – услышала она голос графа Марча. – Лорд Оберлон ранил вас. У вас кровь. Все. Поединок закончен.

Все? Не тут-то было! Почему он решает за нее, этот граф? По-видимому, он вместе с маркизом решил, что она покроет себя позором из-за какой-то царапины?

– Кто вам сказал, что все?! – вскричала она чистым громким голосом. – Я еще только начинаю. Защищайтесь, Джейсон Кэвендер!

Она снова обрела уверенность и силу. С этой минуты ее тела как будто больше не существовало. Существовали только мозг и вытянутая рука со шпагой.

Маркиз бросил беспомощный взгляд на графа. На большее у него просто не было времени, так как Монтейт бросился на него как разъяренный демон. Он поспешно отпрыгнул назад, парируя удар. Видя лихорадочно блестящие от азарта глаза юноши, он понял, что одержимость заставит его забыть о боли. Он будет истекать кровью, не сознавая, как тяжело ранен. Небольшое кровавое пятно быстро расплывалось на белой рубашке, пропитывая материю вокруг раны.

– Монтейт, остановитесь! Посмотрите на свой бок! – кричал маркиз сквозь свистящие звуки клинков. С равным успехом он мог обращаться с этим призывом к ветру. Хэтти, хотя и слышала его слова, умом отказывалась воспринимать их смысл.

Она услышала свой смех. Громкий, торжествующий смех. Bravo, она наступала! Своей шпагой она рассекала воздух с такой силой, что ее противник то пятился назад, то отскакивал в сторону, чтобы ослабить ее удары.

Это была безрассудная, неистовая атака. Маркиз понимал, что за непрерывными бешеными выпадами нет ни расчета времени, ни искусства. Помутившийся разум молодого человека не позволяет ему осмысливать ни истинную обстановку боя, ни собственное состояние. Эта мысль вызывала у маркиза все большее и большее беспокойство. Если он не сможет в ближайшее время прекратить дуэль, молодой человек может истечь кровью. Но он был уверен, что Монтейт не подчинился здравому смыслу, и поэтому не стал продолжать предостережений.

В следующие несколько минут маркиз полностью уступил инициативу противнику, парируя один за другим его безумные удары. Он сознательно не выходил за рамки обороны. Между тем молодой человек устал, его атаки были неудачны, неточны, все чаще следовали удары не попадая, а движения теряли быструю ловкость. Маркиз мог бы легко разбить его защиту, однако неизменно отступал. Он ждал подходящего момента. Нужно было перехватить шпагу Монтейта вблизи эфеса и выбить ее у него из руки. Поэтому он терпеливо ждал, отбивался и

снова ждал. Он зорко следил за каждым пассажем, карауля подходящий момент. «Он устал и отступает, – убеждала себя Хэтти. – Дави его, дави сильнее. Вот правильно. Видишь, он испугался. Он боится тебя. Он испугался смерти, которую ты несешь ему. Правильно, отшвырни его назад. Еще назад. Дожимай его!»

И тут маркиз допустил ошибку. На секунду его глаза возвратились к матовому, теперь уже огромному и все еще расплзающемуся кругу крови на теле юноши, и это ослабило его внимание.

Воспользовавшись оплошностью врага, Хэтти резким движением поддела его шпагу снизу и в ту же секунду выбила ее у него из пальцев. Шпага полетела на землю.

Хэтти торжествовала. Она добилась своего. Она действительно сделала это. «Ты побежден, ты побежден», – повторяла она про себя, держа шпагу у его сердца. Продолжая держать ее на вытянутой руке, она перенесла центр тяжести на правую ногу. «Почему он ничего не говорит? Почему не умоляет о пощаде?» – недоумевала она. Радостное опьянение победой начало проходить. В глазах у нее постепенно прояснилось. Она внимательно посмотрела на своего врага, спокойно стоявшего перед ней. В его темных глазах она не видела страха.

Граф Марч едва не сорвался с места, когда понял, что произошло.

– Ради Бога, Джейсон, сделайте что-нибудь. Маркиз не подал виду, что расслышал слова графа. Он и сам не знал, как ему вести себя. Почему он не делал никаких движений? В глазах молодого человека было что-то такое, что удерживало его.

Хэтти почувствовала, что ее единственная цель, составлявшая смысл жизни в последние несколько месяцев, медленно отодвигается в сторону. Она увидела себя такой, какой была задолго до всех этих событий. Перед ее мысленным взором предстала Генриетта Ролланд до того момента, когда раскрылась причастность маркиза к смерти ее брата. Та Генриетта Ролланд пребывала в глубоком горе, горе, вызванном прикосновением смерти. Но смерть задела ее лишь своим крылом: она продолжала вкушать блага жизни даже в те месяцы, когда чувствовала себя совершенно потерянной и одинокой. Тогда ей казалось, что отправить на тот свет маркиза – это такое простое дело. В ее представлении смерть этого человека была бы справедливым воздаянием за гибель брата, платой за причиненное ей горе. И вот наконец он стоит перед ней побежденный, но гордый, надменный и пока живой. Такой же живой, как она. Она понимала, что ухватилась за мысль его смерти, чтобы смягчить собственную боль. Сейчас у нее есть такая возможность. Она пронзит шпагой его сердце и лишит его жизни. Значит, ей предстоит лишить жизни другое живое существо? Нет, это было выше ее сил. Единственная цель – ее ненависть к нему, и сам акт возмездия – все это грозило развалиться в один миг.

Она с шумом втянула воздух, отняла шпагу от его груди и, обхватив ее двумя руками, со всей силой, какая только осталась у нее, вонзила ее в замерзший грунт. Потом резко отдернула руки, как будто в шпаге был корень зла. От этого потрясающего удара шпага прочно застряла в земле, покачиваясь и прорезая тишину мягкими свистящими звуками.

– Будьте вы прокляты! Я не могу убить вас! О Боже! О Дэмиан, прости меня, но я не могу сделать этого.

Крик отозвался глубокой болью в душе и мучительным огнем в теле. Она снова посмотрела ему в лицо. Как она ненавидела это лицо в своих мечтах! Сейчас это лицо было искажено, на нем была маска смерти – это было лицо Дэмиана.

– Я не могу убить вас, – произнесла она сквозь рыдания, вырывавшиеся у нее. У нее не было

сил сдерживать эти предательские звуки. Она переходила во власть своего тела и уже не могла владеть собой. Почувствовав сверлящую боль в боку, она обхватила раненое место обеими руками. На рубахе была теплая липкая жидкость. Сначала с тупым недоумением она посмотрела на свои окровавленные пальцы, потом начала дико озираться по сторонам. Она видела вокруг себя какие-то размытые фигуры и лица. Она слышала громкие голоса, но не разбирала слов. У нее подогнулись колени, и она рухнула на промерзшую землю, ударившись головой о торчащий камень.

С этой минуты она погрузилась во мрак и небытие.

Глава 25

В ту же секунду маркиз оказался возле молодого человека.

Нужно было срочно остановить кровотечение. Он схватился за промокшую от крови рубаху, проклиная себя в душе за свою оплошность. Ведь он не собирался убивать Монтейта, это вышло случайно. Он отгонял от себя мысли о тяжелой драме, разыгравшейся только что на этом месте. Быстрым движением он разорвал рубаху и оттянул книзу штаны из оленьей кожи, чтобы обнажить рану. Каково же было его удивление, когда его глазам предстала не голая кожа, а муслин, отороченный голубой ленточкой. Он разодрал на части туго натянутую материю, прежде чем успел осознать назначение сей принадлежности туалета. Весь бок, ребра и живот юноши были покрыты кровью. Когда маркиз увидел изящный изгиб тонкой талии и белизну гладкой нежной кожи, ужасная догадка подобно удару молнии пронзила его мозг. Он тупо уставился на эту белую кожу и голубую ленточку. Он не мог поверить своим глазам, но, в конце концов, был вынужден сделать это. Нет, ошибки здесь не могло быть. Лорд Монтейт оказался девушкой. Боже, кто бы мог подумать?

- Джейсон, он серьезно ранен?

Услышав голос графа, маркиз моментально сообразил, что ему нужно делать, и теперь действовал сообразно своему решению. Он тотчас одернул рубашку, загородив тело раненой девушки.

- Рана глубокая, Жюльен. Дайте мне быстро ваш носовой платок. И вы, Гарри, снимайте свой платок с шеи. Мы должны остановить кровотечение.

- Мисс... лорд Гарри! О Боже, лорд Гарри! - закричал подбежавший Потсон.

Маркиз поднял на него глаза. «Господи, хоть бы этот человек замолчал и не испортил дело». Он посмотрел Потсону прямо в его испуганные глаза и сказал твердо:

- С лордом Гарри будет все в порядке. Сейчас не надо ни о чем говорить. Он будет жить. Клянусь вам.

- Да, ваша светлость, - сказал Потсон, переводя глаза с окровавленной рубахи Хэтти на молчаливо предупреждавшие его темные глаза маркиза. Похоже, маркиз желает взять дело в свои руки. Но почему? Этого Потсон не знал, так же как и не понимал, почему он сам не противится намерениям маркиза. Он снова обратил глаза к своей госпоже. В эти минуты он чувствовал себя беспомощным, как парализованный.

Маркиз наклонился к Хэтти и, как щитом, закрыл своим телом рану, прижимая сложенный в виде тампона носовой платок.

- Теперь давайте ваш платок, Гарри. Я перевяжу им платок Жюльена. - Он протянул широкую ленту у нее под спиной и завязал узлом поверх тампона.

- Жюльен, мне потребуется ваш экипаж. Я едва не убил молодого человека и считаю своим долгом взять на себя заботу о нем. - Он повернулся к Потсону, бережно держа свою ношу: - Вы поедете вместе со мной в Торстон-Холл.

- Вы увозите его к себе, ваша светлость? - спросил сэр Гарри, неуверенно выступая вперед. - А как же я?

Он считал, что ему, как секунданту лорда Гарри, тоже нужно что-то делать. До сей минуты он оставался единственным, кто не проявил внимания к дальнейшей судьбе раненого. Он все еще пребывал в смятении и не мог полностью осмыслить происшедшее. Лорд Гарри обезоружил маркиза и мог убить его, но не сделал этого. Таким образом, затеянное им дело потеряло всякий смысл, Сэр Гарри посмотрел на шпагу, которая все еще покачивалась под легким утренним ветром. А теперь маркиз настаивает на том, чтобы ему доверили ухаживать за лордом Гарри, который ненавидит его до мозга костей. «Полнейший нонсенс», - подумал он.

- Не беспокойся, Гарри, - сказал граф Марч. Он испытующе посмотрел сначала на своего друга, потом на шурина и уверенно добавил: - Лорд Оберлон устроит все наилучшим образом. Можешь положиться на него. Лично я готов доверить ему свою жизнь. Несомненно, и ты можешь доверить ему жизнь своего друга.

Когда Потсон накинул тяжелое пальто на Хэтти, граф переспросил:

- Торстон-Холл, Джейсон? Вы уверены? Чтобы добраться туда, вам потребуется полтора часа. Не лучше ли вернуться в Лондон?

- Я знаю, сколько времени для этого потребуется, - сказал маркиз, встретившись глазами с графом, - но это не имеет значения. Кровотечение прекратилось, поэтому не так важно, где будет лежать Монтейт: в своей постели в Лондоне или в Торстон-Холле. Лучше, если он будет находиться вне Лондона.

- Вы будете сообщать нам о его здоровье, Джейсон?

- Безусловно, вы оба можете рассчитывать на это. А теперь нам пора ехать. Я хочу покрыть как можно больше миль, прежде чем юноша придет в сознание.

- А как быть с доктором? - спохватился сэр Гарри. - Лорду Гарри нужен врач. Лучшие врачи в Лондоне.

Но на его слова никто не обратил внимания, и он молча поплелся за маркизом, несшим его друга с такой осторожностью, как будто на руках у него был грудной младенец.

Джейсон Кэвендер занес ногу на порог кареты и обернулся:

- Не волнуйтесь, Гарри. Несколько лет назад у меня была похожая рана. Уверю вас, я смогу оказать Монтейту наилучшую помощь. - Он поднялся на ступеньку и бросил через плечо: - Я надеюсь, Жюльен, вы позаботитесь о его лошади?

- Можете быть спокойны, - ответил граф. Он взял сэра Гарри за руку и повел его прочь.

- Ну, - сказал Джейсон Кэвендер, поворачиваясь к Потсону. - Как вас зовут?

- Потсон, ваша светлость, - ответил тот, подбегая к карете.

Лорд Оберлон понизил голос, так как не хотел, чтобы Силкен слышал его слова:

- Теперь, Потсон, будьте любезны, назовите мне имя молодой леди.

Потсон безучастно смотрел на свою госпожу, прижатую к груди маркиза. Она была без сознания и не могла слышать его ответа. Но слова обещания, которое он дал ей час назад, ясно звучали у него в голове. С другой стороны, он понимал, что все изменилось. «Проклятие! Что же делать?»

- Не скрывайте, Потсон. Надеюсь, вы понимаете, что теперь я должен знать все? Вы знаете, что известие о дуэли скоро потрясет весь Лондон. Нужно обойтись без скандала.

Черт возьми, не молчите. Как зовут эту девушку?

- Мисс Генриетта Ролланд, ваша светлость.

«Святой отец! Что теперь будет?» - содрогнулся Потсон. Мисс Хэтти убьет его, это точно. Он предал ее. Но что он мог поделать?

«Генриетта Ролланд, - оступело повторял про себя маркиз. - Та очаровательная молодая леди, которая была на балу у Рэнлигов». Это была девушка, которая покорила его и которая, по видимому, не осталась к нему равнодушной. Правда, он нравился ей до тех пор, пока она не узнала его имени. Дочь сэра Арчиальда и сестра Джека. Это она ушла из дома, лишь бы не обедать вместе с ним. И то немодно и убого одетое существо на вечеринке у его тети леди Мелбери тоже Генриетта Ролланд. Как же! Он очень хорошо запомнил ее. Она косила глазами, когда он смотрел на нее. И она же подтрунивала и насмехалась над ним, пока не поняла, что тем самым только разжигает в нем любопытство. Как быстро она сообразила и как искусно изображала несносную отвратительную особу, наговорившую ему кучу колкостей. И дальше - больше. Под маской лорда Монтейта она добралась до Мелисанды и потом издевалась над ним, понося его мужское достоинство. Молодая леди из приличной семьи во всеуслышание говорила ему, что он не мог удовлетворить свою любовницу.

Все это не укладывалось у него в голове. Черт побери, почему она так ненавидела его? Неужели она перевоплотилась в юношу только для того, чтобы убить его? Бред какой-то и совершенная бессмыслица. Он встряхнулся и собрался с мыслями.

- Забирайтесь наверх, к Силкену, - сказал он Потсону. - Я сам позабочусь о ней. Ну что вы стоите? Полезайте живее! - Высунувшись из окна, он крикнул слуге: - Гоните всю, Силкен! Если лошади выдохнутся, мы сменим их в Смитфилде. Поторопитесь. Я хочу, чтобы мы были в Торстон-Холле через час.

Силкен принял к сведению слова своего господина и стегнул лошадей. Экипаж бросало из стороны в сторону на покрытой рытвинами дороге. Маркиз крепче прижал к себе покоившуюся у него на руках Хэтти, чтобы оградить ее от толчков. Он осторожно откинул полу пальто и приподнял рубаху. Носовой платок почти промок. Он плотнее прижал его. Укачивая ее одной рукой, другой он снова прикрыл ее пальто.

Он посмотрел на ее спокойное бледное лицо. «Генриетта - красавица, гордость семьи», - вспомнил он слова Луизы. Потом перевел глаза на ее точеную гибкую шею и гладкий подбородок.

«Упрямый подбородок, твердый и решительный». Достаточно вспомнить, что она успела сделать. Вот они, две половинки, две части, которые теперь столь же странным образом сошлись вместе.

Маркиз пристально смотрел на ее высокие скулы, прямой гордый нос, густые красивые ресницы, которые острыми пиками, влажными от слез, отбрасывали тени на ее нежные щеки. У нее были такие же белокурые, как у Джека, волосы. Густая помада больше не удерживала завитки возле лба. Выбившиеся из-под черной ленты тугие кольца свободно касались шеи. Он был уверен, будь она сейчас в сознании, ее глаза были бы такими же ярко-синими, как летнее небо в ясный день. Но он также не сомневался, что эти глаза смотрели бы на него с тем же презрением и ненавистью. Она насмеялась бы над ним. Несомненно, она была высокомернее, чем он в ее возрасте. Но почему-то она не убила его. Она отступила. В глазах у него все еще стояла ее шпага, воткнутая в мерзлую землю и мягко покачивавшаяся на ветру.

«Если ты родился круглым дураком, то им же и умрешь», – говорил он себе, удивляясь своей слепоте.

Говорят, одежда определяет облик мужчины. Какой вздор! Оглядываясь назад, маркиз все больше не соглашался с этим расхожим мнением. Обыватели видят в человеке то, что ожидают увидеть. Восприятие человека людьми во многом зависит от того, как он захочет подать себя. Лорд Монтейт одевался как джентльмен, разговаривал как джентльмен и занимался всем тем, что принято среди джентльменов. И соответственно все видели в нем мужчину. Теперь, глядя на Генриетту Ролланд с ее подлинно женским лицом, Джейсон был вынужден с горестным разочарованием признать, что она обвела вокруг пальца и его, и всех остальных. Она обманула даже Мелисанду. При мысли о своей бывшей любовнице он даже рассмеялся. Удивительное дело! Мелисанда с удовольствием слушала ее лесть, приняла от нее амазонку для верховой езды и кобылу. Трудно поверить в это. Просто невозможно представить, что и другие принимали весь этот маскарад за чистую монету.

Но за что же все-таки она ненавидела его до такой степени, что вызвала на дуэль? Почему это сделала она, сестра Джека? При всем желании он не мог понять, что двигало этой храброй девушкой. Можно было позвать Потсона и спросить у него. Но ему хотелось услышать от нее самой, как родился этот безрассудный план. В то же время он ни на минуту не забывал, что он ранил ее и у него на руках ее кровь. Поэтому, внушал он себе, самое главное сейчас не допытываться до истины, а спасти ей жизнь.

Одна за другой быстро проносились мили. Маркиз начинал тревожиться. Ему не нравилось, что его подопечная до сих пор не приходит в сознание. Несколько минут назад они миновали дорожный знак Хелдертон, деревушки, расположенной на полпути от Смитфилда. Он снова и снова всматривался в лицо девушки. Только сейчас на глаза ему попался пурпурный синяк повыше виска. «Ушиблась о камень при падении», – подумал он. Он приложил руку к ее груди, пытаясь различить удары сердца. Сердце билось ускоренно, но ровно. Должно быть, ее затянувшееся забытие было связано с ушибом. Теперь он молил Бога, чтобы этот ушиб не оказался серьезным.

Немного погодя он поймал себя на том, что размышляет о собственном поведении. Не поступил ли он как трус? Почему он решил скрыть от всех суть происшедшего? Только для того, чтобы спасти свою собственную репутацию? Страшно вспоминать – он дрался на дуэли с девушкой! И эта девушка сначала приставила кончик шпаги к его сердцу, а потом помиловала его. Мог ли кто-нибудь поверить в это? Выходит, он взял на себя заботу о ней только ради того, чтобы не быть посмешищем в глазах людей? А имеет ли он право рисковать ее жизнью?

Он посмотрел в оконце, почувствовав, что они остановились. Действительно, экипаж находился у постоянного двора «Алая роза», в самом центре Смитфилда.

Силкен, небольшого роста человечек с заостренным лицом, заглянул в карету:

- Лошади выдохлись, ваша светлость.

- Немедленно меняйте их, Силкен. Надо управиться за пять минут, не дольше.

Как только Силкен побежал на поиски конюха, Потсон быстро вскарабкался на ступеньки:

- С мисс Хэтти все в порядке, ваша светлость? Пожалуйста, сэр, сделайте все, чтобы она осталась жива. Вы постараетесь, правда?

- Да, Потсон. Не беспокойтесь. Кровотечение прекратилось. Но когда она упала, она ударилась головой о камень. Поэтому она не приходит в сознание. Вы что-то еще хотите сказать?

- Мисс Хэтти написала два письма. Одно сэру Арчибальду, другое сэру Джону. Я должен был передать их ее горничной, если бы мисс Хэтти... Но я, ваша светлость, хочу предупредить вас о другом. Мисс Хэтти всегда завтракает вместе с сэром Арчибальдом и всегда в одно и то же время. Она приходит к ленчу точно в двенадцать часов. Если она не появится как обычно, сэр Арчибальд непременно будет разыскивать ее. И тогда в доме поднимется что-то невообразимое.

- Фу ты, черт! Хорошо, что сказали, Потсон. Надо что-то делать. Дайте подумать. - Маркиз перевел глаза на лежащую у него на руках Хэтти. - Так, кажется, придумал. Вот что, Потсон, сейчас вы возьмете у конюха дорожную лошадь и вернетесь в Лондон. Скажете горничной, чтобы она оповестила сэра Арчибальда о том, что моя сестра, Алисия Уортон, пригласила мисс Ролланд провести несколько дней в Торстон-Холле. И пусть горничная не забудет сказать, что моя любезная сестрица хотела видеть у себя вашу госпожу сегодня вечером. А я тем временем свяжусь с Алисией. Вы поняли меня?

- Да, ваша светлость. Приглашение от леди Алисии Уортон.

- Кстати, Потсон, потом спросите у моего дворецкого Рэббела на Беркли-сквер, как добраться до Торстон-Холла. Вот, возьмите, - добавил маркиз, протягивая ему бумажник. - Здесь должно быть достаточно денег. Вы обязательно должны справиться с этой задачей. Слишком много поставлено на карту. Вы это знаете не хуже меня.

- Знаю, ваша светлость, - подтвердил Потсон. - Я с самого начала считал, что это был сумасшедший план. Только мисс Хэтти ничего не желала слушать. У меня не было никакой возможности остановить ее. Но я не могу винить ее, ваша светлость. В конце концов, ее брат...

Маркиз перебил его:

- Не надо мне больше ничего рассказывать. Отправляйтесь. Мы не можем терять времени. Не забудьте - леди Алисия Уортон. Воображаю, как она и Генриетта Ролланд зажили бы душа в душу, если б в самом деле оказались вместе.

В эту минуту маркиз подумал о сэре Арчибальде. При весьма смутных представлениях этого своеобразного человека о доме, семье и всем прочем, что не касалось политики, принятый план должен сработать великолепно. У сэра Арчибальда наверняка не возникнет вопросов в связи с приглашением Алисии Уортон. Сам же он должен не забыть отправить письмо своей

сестре сегодня же вечером. Нужно предупредить ее, чтобы она не появлялась в Лондоне.

Маркиз снова приподнял пальто, которым была укутана Хэтти, и проверил рубашку. В глазах его появилась тревога, когда он увидел свою испачканную руку. Рана снова начала кровоточить. Он крикнул Силкену, чтобы тот сбегал на постоялый двор и принес ему несколько чистых салфеток.

Он осторожно переместил Хэтти на сиденье напротив, размотал повязку и отнял промокший платок. При виде свежей раны он невольно поморщился, вспомнив о той невыносимой боли, которую сам пережил несколько лет назад. Тогда ему поранил плечо его школьный товарищ, некий Джордж Палмонди. Маркиз удивился, что сразу припомнил его имя, так как с тех пор ни разу не встречался с ним, ничего не слышал о нем и вообще выкинул его из головы.

Он велел Силкену повременить, сам же тем временем сменил повязку и снова пристроил Хэтти у себя на груди. Как можно было принимать ее за мужчину при таком хрупком телосложении? А отсутствие растительности на щеках и на подбородке, разве это не бросалось в глаза? А где бакенбарды? А ее нежная белая кожа и пушистые ресницы, неужели они не выдавали в ней женщину? До чего же все они были глупы! Сэр Гарри, лучший друг Монтейта, и тот ничего не подозревал. Жюльен Сен-Клер – тоже ни о чем не догадывался. Никто не догадывался.

Маркиз то и дело выглядывал из оконца. Знакомые пейзажи подсказывали ему, что они приближались к Торстон-Холлу. В это доставшееся ему от отца поместье он наведывался редко. Он всегда равнодушно относился к этому нескладному огромному особняку с его сорока комнатами и какими-то пустынными бальными залами. Однако сейчас при въезде в парк даже от одного вида выстроившихся в линейку голых лип он испытал бешеную радость, как будто рассчитывал встретить здесь самый радушный в своей жизни прием. Когда экипаж подпрыгнул и остановился у большого подъезда с колоннами, он с облегчением вздохнул.

Силкен проворно соскочил с козел и рывком открыл дверцы.

- Он жив? А-а, вижу – жив. Позвольте, ваша светлость, я помогу вам донести этого джентльмена?

- Я сам справлюсь, – сказал маркиз, осторожно поднимаясь по массивным мраморным ступеням.

За час езды он успел все обдумать. Он единственный будет ухаживать за Генриеттой Ролланд, только он и никто другой. Никто из слуг не должен знать, что молодой джентльмен на самом деле молодая леди. «Господи Иисусе! Кто бы мог предположить это? А что, если она умрет?» Нет, он не мог допустить этого. У него перед глазами снова всплыла картина, когда его шпага пронзила ей бок. Это воспоминание заставило его содрогнуться: она забыла о боли, она ничего не чувствовала, потому что подчинялась одной-единственной цели убить его. Но когда он был обезоружен ею, у нее пропало всякое желание вершить свой суд над ним.

Силкен, опередив маркиза на несколько шагов, подбежал к большой дубовой двери и с силой застучал кольцом. В приоткрывшуюся щель выглянул Крофт, дворецкий, поступивший на службу к Кэвендерам в те давние времена, когда маркиза еще не было на свете. Мутными слезящимися глазами он уставился в полумрак утра.

- Открывайте дверь, Крофт! Живее, черт возьми! – закричал маркиз. – Опять вы пьяны как свинья. Тупое животное, вы только поглядите на себя! Противно смотреть на ваши налитые кровью глаза. Напились так, что не в состоянии разглядеть своего хозяина! Вы дождетесь, что

в следующий раз я вышвырну вас отсюда. Пошевеливайтесь, я вам говорю!

Крофт, заметно покачиваясь в дверях, изо всех сил старался сделать хорошую мину при плохой игре.

- Ах, это вы, ваша светлость! - развязно воскликнул он. - Рад приветствовать вас! Как? Вы уже на ступеньках? Я заставил вас ждать? Сию минуту, ваша светлость, я уже открываю вам дверь.

- Опять вы морочите мне голову! Вы отравляете мне жизнь, убогое существо. Убирайтесь с глаз долой, пока я не запер вас навсегда в винном погребе!

- Это замечательная мысль, ваша светлость! Но что привело вас сюда в такой час? Вам бы еще оставаться в постели в Лондоне! Почему никто не предупредил меня о вашем приезде? Если бы я знал, что ваша светлость почтит нас своим присутствием... А кто этот молодой джентльмен? Он истекает кровью. У вас на рубашке и на лосинах его кровь. Так непривычно видеть вас испачканным. Я заберу его от вас. Позвольте мне сделать это. Это мои обязанности. Я не могу допустить, чтобы вы вконец перемазались.

Маркиз только зарычал на него и скомандовал Силкену:

- Поднимите всех слуг. Мне нужна горячая вода и чистая ткань, полоски из полотна. Но имейте в виду - абсолютно чистые. И еще, принесите мне от повара порошок базилика, опий и большую иглу с нитками. - Маркиз с негодующим видом повернулся к дворецкому: - Что касается вас, Крофт, то я сейчас сам окуну вашу никуда не годную голову в бочку с холодной водой. Мне нужно, чтобы вы пришли в себя самое позднее через час. Вы слышите меня? Если не протрезвитесь, то я отправлю вас пешком в восточную Англию. Силкен, не забудьте про опий, - крикнул маркиз вслед удалявшемуся слуге. Он знал, что может рассчитывать на повара, которому в свое время предусмотрительно велел надежно припрятать лекарство, оставшееся после его собственного ранения.

Он перемахнул лестницу через две ступеньки и поспешил по бесконечно длинному коридору, соединявшему эту часть дома с его западным крылом. Не останавливаясь, он толкнул ногой дверь просторной спальни, до недавнего времени принадлежавшей старому хозяину дома. Он был настолько сосредоточен на своей ноше, что едва не споткнулся о коготь львиной лапы, выглядывавшей из-под широкой, обтянутой парчой софы. Покойный отец сделал это приобретение под влиянием египетской моды, захлестнувшей страну пять лет назад.

Маркиз выругался, но не потому, что ушиб голень, а просто по привычке. Не замедляя шага, он подошел к кровати с балдахином на четырех столбиках. Балансируя ношей на локте одной руки, другой он стянул с кровати тяжелое стеганое покрывало и осторожно положил Хэтти на спину. Он заглянул под пальто и, увидев, что салфетки не промокли, облегченно вздохнул.

Не успел он снять с нее пальто, как вошел Силкен в сопровождении двух дюжих лакеев с ведром горячей воды и свитками беленого полотна. Он поспешно загородил ее своим телом от их любопытных глаз.

- Поставьте, больше мне ничего не надо. - Он махнул им рукой, чтобы они удалились.

Если слуги удивлены тем, что он не хочет их помощи и предпочитает сам заботиться об этом молодом джентльмене, пусть на здоровье удивляются. Если им кажется странным, что он не посылает за доктором, пусть думают что хотят. В конце концов, он хозяин, а они его слуги. Все, что бы он ни делал, в их глазах должно быть разумным и правильным. Вникать в его дела им не полагается.

Джейсон Кэвендер благодарил Бога, что благополучно доставленная им Генриетта Ролланд еще не пришла в сознание. Сейчас ему предстояла сверхделикатная работа. Прежде всего нужно было отмыть рану от засохшей крови. Он осторожно ощупал кончиками пальцев область вокруг раны. Когда он увидел ее так близко, у него задрожала рука. Если бы он вонзил шпату на один дюйм глубже, это могло бы кончиться плачевно. Он вдел в иглу прочную шелковую нить, посмотрел на нежную белую кожу и сделал глубокий вдох. Чтобы закрыть рану, требовалось четыре шва. Твердой рукой он сделал несколько проколов иглой, аккуратно стянул края кожи, закрепил узлы и все это сверху щедро посыпал порошком базилика. Затем он туго забинтовал рану, несколько раз обернув полотно вокруг тонкой талии.

- Я позабочусь о вас, Генриетта Ролланд, - сказал он, разгибая спину и внимательно оглядывая свою пациентку. - Теперь мы снимем с вас мужскую одежду и наденем на вас ночную рубашку, правда, тоже не женскую, а мужскую.

Он вынул из комода длинную шелковую рубашку с аккуратно подрубленным подолом. В свое время ее любовно сшила для него двоюродная бабушка Агнес. С ловкостью и осторожностью он снял окровавленную рубашку, потом слегка стянул шнуры на муслиновой ткани и разрезал их ножницами. Освободившаяся от тугого корсета грудь выглядела затекшей и расплющенной. Он поймал себя на мысли, что ему хочется разгладить эту нежную грудь от портивших ее, глубоко врезавшихся в кожу следов. Это желание показалось ему постыдным, и он нахмурился. «Ну что это я, в самом деле? Обыкновенная женская грудь». Действительно, обыкновенная, многократно виденная им женская грудь.

Затем он стащил с нее ботфорты, чулки и, наконец, штаны. «Однако же это было разумно с ее стороны не надевать обтягивающих лосин», - мимоходом подумал он, вертя в руках штаны из оленьей кожи. Хотя у нее были длинные стройные ноги с узкими, как у юноши, бедрами, не надень она этих широких штанов, ее могли бы разоблачить. Он снова поймал себя на том, что изучает ее тело и непроизвольно сравнивает его с телом Мелисанды. Опомнившись, он быстро надел на нее ночную рубашку, аккуратно расправил подол у нее на коленях и сверху укрыл одеялом. Он заботливо подоткнул тончайшее пуховое одеяло и подтянул его поближе к подбородку.

Теперь оставалось ждать ее пробуждения. Он растопил камин, придвинул большое кожаное кресло к кровати и сел. Взглянув на позолоченные часы на ночном столике, он с удивлением обнаружил, что было только одиннадцать часов утра. Трудно поверить, что менее четырех часов назад он едва не лишился жизни. Это во-первых. Во-вторых, ему открылось, что его противник - женщина. И в-третьих, он решил стать ее единственной сиделкой. Он сложил ладони и в задумчивости забарабанил пальцами. Черт возьми, что она скажет, когда проснется? Как она будет вести себя, обнаружив, что за ней ухаживает человек, которого она ненавидит? Этого он не мог себе представить. Невольно он снова принялся ломать голову над ее загадочным поступком: почему она не убила его, хотя могла убить? Он пытался отбросить эти мысли, но не мог. «Хорошо, - успокаивал он себя, - потерпи, скоро все станет известно». Он надеялся, что это произойдет, когда она проснется. Если проснется.

Он так желал, чтобы она проснулась. А пока ему хотелось смотреть на нее. Ему было приятно сознавать, что он видит перед собой женщину, а не дерзкого молодого человека.

Глава 26

Хэтти не сразу открыла глаза. Прошло несколько мгновений, прежде чем она вышла из забытья. И прежде чем она успела почувствовать, что с телом ее происходит что-то неладное,

она ясно увидела себя в прыжке, со шпагой, скрещенной у самого эфеса с клинком своего противника. Она ощутила пружинящую упругость и услышала дребезжащий звук, когда шпага лорда Оберлона винтом вывернулась из его руки и полетела на землю. Она видела себя с вытянутой шпагой, упирающейся кончиком в его грудь, и его лицо с ясными темными глазами, вопросительно смотревшими на нее. В его глазах она читала бесстрашие. Он молча стоял и, не двигаясь, ждал ее дальнейших действий. Почему? Она судорожно глотнула воздух, вспомнив, как отступила в последний момент, не найдя в себе сил стать его палачом.

- Доброе утро.

Услышав знакомый приятный баритон, звучавший где-то очень близко, она повернула голову. Рядом с ней находился ее противник. Он склонился к ней, внимательно глядя своими темными глазами ей в лицо. Он был цел и невредим, а она нет. Конечно, это было несправедливо. Но почему он здесь? Каких происков ей ждать от него?

- Вы? Не может быть! Это действительно вы? Я ничего не понимаю.

- Как вы себя чувствуете? Вы видите меня?

- Господи, почему я с вами? Я должна быть мертва. Мое место в аду, если вы здесь. Почему вы здесь? Какая ерунда! Я хотела убить вас.

Предательски неожиданная острая боль пронзила ей бок. Она вскрикнула, прижав руки к ране, но это не помогло.

- Я знаю, как сильна ваша боль. Сейчас я постараюсь помочь вам.

Хотя она ясно слышала эти слова, ее мозг отказывался понимать их смысл. Перед ее затуманенным взором снова всплыло знакомое лицо, в одно мгновение превратившееся в аморфную массу.

- Нет, нет! - кричала она. - Черт подери, я не хочу, чтобы вы исчезали.

Она тщетно тягалась совладать с собой. Сознание снова покидало ее, и она ничего не могла с этим поделать. Она вскинула руку, как будто намереваясь отогнать от себя мучительную боль, прочно засевшую внутри, и тотчас почувствовала, как ее остановили сильные пальцы.

Боль в боку усиливалась. Нестерпимо ныла спина. Она корчилась и металась из стороны в сторону, стараясь облегчить агонию, превращавшую ее в беспомощное существо, существо без разума и воли.

Он слегка приподнял ее, откинул ей голову и что-то сказал спокойным, ровным голосом. Но для нее это были ничего не значившие звуки. Он открыл ей рот и насильно влил какую-то горькую жидкость. Она поперхнулась. Ей были ненавистны его прикосновения. Что он вливает ей в глотку? Яд? Она пыталась противиться его действиям и даже бороться с ним, но боль была намного сильнее ее.

Она ударила его, но он даже не пошевелился и не ослабил своей хватки. От сознания своего бессилия она возненавидела его еще больше. По соленому вкусу на губах она поняла, что плачет. Горячие слезы струились у нее по щекам и затекали в рот. Она продолжала сопротивляться, пока те же руки не обхватили ее за плечи и не прижали к постели. Она позволяла ему удерживать себя в таком положении, потому что малейшее движение причиняло ей страдания. Она попыталась согнуть ноги в коленях, чтобы уменьшить жгучую

боль в боку. Но ее ноги были придавлены каким-то тяжелым грузом, который она не могла сбросить с себя. Оставалось только замереть, терпеть боль и смириться с присутствием врага.

Внезапно боль ослабела, словно свирепый монстр вынул свои ядовитые клыки из ее тела. Она услышала странные звуки – сдавленные, душераздирающие, выражающие полную безнадежность. Она поняла, что эти отвратительные звуки издавала она сама. Это были ее рыдания.

Постепенно склонившееся над ней лицо прояснилось. Вскоре она начала различать слова. Она услышала свое имя, произносимое тихим мягким голосом.

- Генриетта, вы слышите меня? – настойчиво спрашивал голос. – Скажите мне что-нибудь, Генриетта! Хэтти, сейчас меньше болит?

Она собрала все силы, чтобы не упустить из поля зрения это смуглое лицо и высказать то, что ей казалось очень важным.

- Я не лорд Монтейт. Вы понимаете это? Если я умру, вы должны известить моего отца и брата. Иначе они не узнают, что случилось со мной.

- Я знаю, кто вы. – Она услышала тот же грудной голос и почувствовала теплое дыхание на щеке. – Вы Генриетта Ролланд. Джек называет вас Хэтти? Верно? Я помню, как он делал это. Можно и мне обращаться к вам по имени? Я уже называл вас так. Вы разрешаете мне и впредь называть вас Хэтти? Я знаю, что ваша боль невыносима, но опий сделает свое дело. Скоро вам будет легче. Теперь уже скоро, очень скоро. Послушайте меня, постарайтесь сосредоточиться на моем голосе, хорошо?

- Хорошо, – прошептала она.

Она вцепилась в его руку так, как человек, повисший над бездной, хватается за спасательный канат.

- Вы такая же, какой я представлял вас при первой встрече. Помните, как мы с вами танцевали на балу у Рэнлигов? Помните, как я избавил вас от пьяного негодяя? Вы еще говорили, что не нуждаетесь в моей помощи, что сами расправитесь с ним, если он будет продолжать приставать к вам. Я тогда подумал, что это бравада, глупое хвастовство. Теперь я знаю, что вы действительно могли проткнуть ему глотку, если бы он не прекратил своих домогательств. А помните наш вальс? Если вам трудно говорить, просто сожмите мне руку. Помните? Ну, Хэтти, кивните головой, если это так.

Опий понемногу заглушал боль в боку. Теперь ее больше беспокоила тупая пульсирующая боль с одной стороны головы. Она пыталась понять, откуда взялась эта новая боль.

- Я вижу, что вам больно. Потерпите, скоро вы уснете. Когда вам станет легче, мы с вами во всем разберемся. А голова у вас болит потому, что вы ее ушибли о камень при падении. У вас синяк над левым виском. Дышите ровно, и все будет хорошо. Слушайте меня. Слушайте, как я буду говорить, и к вам придет сон. Вот так. Умница.

Он замолчал на мгновение, всматриваясь в ее лицо, в ее блуждающие синие глаза. Судя по всему, опий сделал свое дело. «Наконец-то, через столько времени!» – подумал он и снова заговорил:

- Сейчас я расскажу вам, как я посетил ваше жилище. Это было после того, как я выяснил, что

вы сблизилась с Мелисандой. Вашего слугу Потсона чуть не хватил удар, когда я ворвался с видом, не предвещавшим ничего хорошего. Я был очень зол на лорда Гарри. Я хотел свернуть ему голову за то, что он отнял у меня любовницу. Вы знаете, что произошло потом? Я вошел в спальню лорда Гарри и обнаружил там платье. Я решил, что лорд Гарри, несмотря на свой юный возраст, отъявленный ловелас. Я даже подозревал, что у него в шкафу прячется молодая девушка, совсем голая. Но оказывается, это было ваше платье, Генриетта. Я стал размахивать им перед лицом вашего слуги и потом швырнул на пол. А Потсон подобрал его. Ваш слуга вел себя очень мужественно.

Много ли она услышала из его рассказа? Этого он не знал. Она спала. Слава Богу, что хотя бы на время она освободилась от нестерпимой боли. Он осторожно укрыл ее одеялом, взглянул на припухшую, с багровым кровоподтеком кожу повыше виска, подошел к комоду и, обмакнув полотняную салфетку в тазик с холодной водой, легкими осторожными движениями протер ей лицо.

Она по-детски всхлипнула, рванувшись вперед, и снова откинулась на подушки. Он остановился и замер над ней. Увидев, что она успокоилась, он облегченно вздохнул и выпрямился. Как странно видеть ее в этой огромной затемненной комнате с широкой кроватью, на которой уместился бы целый батальон солдат. До этого ему не приходило в голову, что она лежит в его спальне, на его кровати. Он просто не заметил, как принес ее сюда.

Он поймал себя на том, что внимательно изучает ее лицо, юное, бледное и такое незащитное. Находясь так близко, он мог видеть на нем все до мельчайших черточек. Сейчас это лицо приняло совсем иное выражение. Ненависть и гнев лорда Монтейта исчезли навсегда. «До чего же она незащитна, черт возьми!» – не переставал удивляться маркиз, вспоминая ее во время поединка. Он в который раз вернулся к минувшему дню и увидел отчаянную решимость в ее глазах, когда после нескольких бросков она воспользовалась его грубой ошибкой и приставила кончик шпаги к его груди. В тот момент он в полной мере ощутил на себе силу ее ненависти. Это чувство настолько обуяло ее, что он не мог понять, какое же преступление он должен был совершить в своей жизни, чтобы заслужить столь сильную ненависть. А потом его потрясла ее нерешительность. Он заново пережил ту минуту, когда Жюльен кричал ему, чтобы он вырвал шпагу у нее из рук. Тогда он не был уверен, нужно ли ему это делать, и, хотя у него волосы встали дыбом, он стоял как вкопанный, сдерживаемый теми чувствами, которые читал во взгляде Монтейта. Это был странный взгляд – взгляд, полный нескрываемой муки. Разве мог он предугадать обманчивость юношеской внешности? Разве мог он предполагать, что под мужской одеждой прячется девушка! Очаровательная девушка! «Но какой же вред я все-таки ей причинил, черт возьми?» – снова и снова спрашивал он себя.

Теперь она спала глубоким сном. Он бережно поправил на ней одеяло, отошел от кровати и направился к стрельчатым окнам, из которых открывался вид на газон с западной стороны. Утро было серое и необычно тихое. Казалось, что все вокруг вымерло. Даже павлины, которые в это время всегда важно расхаживали между розовым кустарником и пронзительно кричали, расправляя свои разноцветные перья, куда-то спрятались.

Он снова взглянул на нее, и снова перед ним возникло ее лицо в самом начале дуэли – лицо, лишенное всяких красок, только охваченное страхом. Он снова задумался. Они должны были драться на шпагах, не на пистолетах, на что она, несомненно, рассчитывала. Девушка испытывала страх, но ее ненависть к нему и решимость победить были столь могущественны, что она переборола свою слабость. Но за что она так ненавидела его? Он спрашивал себя об этом в сотый раз и по-прежнему не находил ответа. Может быть, в этом деле как-то замешан Джек? Тогда как? Джек – его друг, и это он подослал его к своей сестре в маске на балу у

Рэнлигов. Нет, Джек здесь ни при чем. Он был уверен, что Джек не имел ни малейшего представления об этой истории. «Только бы она не умерла. – Он покачал головой при мысли о таком исходе. – Ни в коем случае нельзя допустить этого».

И опять он оглянулся на постель. Вопросам, мучившим его, казалось, не будет конца. Что за непонятная женщина, вернее, девочка, эта Генриетта Ролланд? Откуда в ней эта храбрость?

Ведь Джек говорил, что ей только восемнадцать. Она справилась с потрясением, когда ей не повезло с выбором оружия. Слепленная ненавистью, она бросилась сражаться с ним, используя все доступное ей искусство. У него в голове не укладывалось, но он дрался на дуэли с восемнадцатилетней девушкой! Он был готов биться об заклад, что ни одному джентльмену ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем не было и не будет дано испытать того, что выпало на его долю. В свои двадцать семь лет он не встречал ни одной женщины, которая бы отважилась обсуждать вопросы шпаги и пистолета, не говоря уже о владении ими.

В самом деле, она была необычной девушкой, храброй и бесстрашной. Ее смелость до сих пор потрясала его. И эта девушка, лежащая сейчас в его постели, могла умереть, потому что его шпага ненароком пронзила ей бок. Нет, он не может позволить ей умереть. Он хочет видеть ее живой, он хочет услышать от нее, чем он заслужил ее ненависть, такую ненависть, которая заставила ее перевоплотиться в молодого джентльмена и выучиться стрельбе и фехтованию. Ему необходимо знать, почему она, желавшая во что бы то ни стало отправить его в ад, в последний момент, когда победа была у нее в руках, изменила свое решение. Да, он хочет, чтобы она объяснила ему это, и тогда...

Нет, он не знал, что произойдет тогда и что он собирался делать дальше. Маркиз подошел к отцовскому письменному столу. Он должен написать Алисии и оградить себя от ненужных хлопот в ближайшее время. Хотя он был более чем уверен, что его энергичная и обладающая многими чисто женскими достоинствами сестра, со своим большим животом, сидит в поместье сэра Генри в Девоншире, он хотел лишний раз ее обезопасить. Вспомнив о сестре, он тут же невольно вернулся к Генриетте Ролланд. Интересно, как она выглядела бы в гофре и кружевах? Она снова предстала перед ним в маске и домино, с блестящими синими глазами и очаровательным смеющимся ртом. Он вспомнил свои ощущения: как был близок к ней в те мгновения, кружился с ней в вальсе и слушал ее беззаботный смех. Он ничего не забыл из того вечера. Но оставались и другие воспоминания, которых он никак не мог выбросить из головы. Она пыталась убить его.

«Ты глупый осел, не можешь ни в чем разобраться», – заворчал он на себя и вдруг увидел ее совсем с другой стороны. Перед глазами всплыло то страшилище, то убогое существо в гороховой хламиде и скверных очках на вечеринке у тетюшки. Господи, как это могло быть?! Несомненно, это была ее другая роль. Надо признать, она была очень талантлива. А он? Что можно было сказать о нем? По-прежнему слыть в обществе зрелым мужчиной с опытом? В таком случае, он должен был разгадать ее уловки.

Ему захотелось дотронуться до белокурых волос Хэтти. Мягкие, пружинистые кудряшки, разметавшиеся на подушке, казались светлее, чем у Джека. «Совсем ополоумел», – подумал он о себе и решительно уселся за письменный стол. Он быстро написал Алисии, потом принялся за послание Рэббелу, в котором велел дворецкому отменить все его дела и встречи в Лондоне до конца недели. Покончив с письмами, он встал и дернул шнурок колокольчика, чтобы вызвать прислугу, после чего пошел в туалетную комнату переодеться к ленчу.

Он съел несколько тонких ломтиков ветчины с зеленым горошком и теплыми гренками и вернулся к своему посту. Он позволил себе в очередной раз перебрать в уме все их

столкновения, то хмурясь, то улыбаясь. И все смотрел и смотрел на нее, пока с удивлением не заметил, что уже перевалило за полдень. Лицо его стало пасмурным. Она спала слишком долго, и это начинало беспокоить его. Может быть, ему следовало послать за доктором, чтобы не испытывать судьбу?

Снизу донесся бой часов, шесть тяжелых гулких ударов. Он увидел, как затрепетали ее ресницы. Она открыла глаза, но, похоже, не узнала его. Сознание не вернулось к ней. Тихий жалобный стон вырвался у нее. Внезапно она выпростала руку из-под одеяла и прижала ушибленное место над виском. Потом последовали болезненный вздох и всхлипывание. Она опустила руку и схватилась за бок.

Желая помочь ей, он приложил холодную влажную салфетку к ее лбу. Он не возлагал больших надежд на это средство, но все же не рискнул повторно прибегнуть к настойке. Склонившись к ней, он отнял ее руки от больного места. В беспомощности она могла вызвать кровотечение из раны. Раненая сопротивлялась ему с недюжинной силой, но он заставил ее лежать неподвижно. Теперь она только беспомощно стонала.

- Хэтти, - говорил он ей на ухо. - Вы должны постараться лежать тихо. Я не хочу, чтобы снова открылось кровотечение. Вы понимаете меня?

Она не отвечала, а только пыталась высвободиться. Он и сам устал непрерывно удерживать ее, у него онемели руки. И вообще он больше не мог смотреть на ее страдания. Отмерив небольшую дозу опия в стакан с водой, он влил лекарство ей в рот. Она поперхнулась и закашлялась. Он прижал ее к груди и так и держал, не отпуская, поглаживая по спине, пока кашель не начал ослабевать. Он принялся ласково убаюкивать ее, и постепенно ее напряжение исчезло.

Тем временем начал действовать опий. Боль, видимо, притупилась, но страдания не оставляли ее. Неожиданно она стала беспокойной и суетливой.

- Милли, где вы? - кричала она, пытаясь вскочить с кровати. - Который час? Пожалуйста, скажите. Нам нужно идти. Вы знаете, что отец хватится меня. Мы не должны вызывать у него подозрений, Милли. Прошу вас, поторопитесь.

Но Милли не появлялась. Возле нее был кто-то другой, говоривший тихим, умиротворяющим голосом.

- Это вы, синьор Бертиоли? Вендетта, синьор Бертиоли. Я не должен проиграть. Грош мне цена, если не сумею победить. Синьор, умоляю вас, вы должны научить меня. Но что это? Все кончилось, да? Я был глупцом. Я отправился на битву ни с чем, только с молитвой и шпагой. У меня не было пистолета, только эта проклятая шпага.

Легкий мерцающий свет появился в ее глазах. Она увидела темное лицо и глаза, смотревшие на нее, тоже темные, бездонные и полные сострадания.

- Боже мой, это ты, Дэмриан? Пожалуйста, прости меня. Я так старалась, и я победила. Но я проиграла, потому что не смогла сделать этого. Мне не хватило мужества убить его.

Сухой жар окутал ее с головы до ног. Горячие волны струились по телу и выжигали ей все внутри. Удушью теплый воздух стоял у нее в горле. От него стягивало глотку, но она была бессильна вытолкнуть его обратно. Она пыталась разорвать кольцо, стеснявшее ей шею. Чьи-то пальцы мешали ей делать это, они отталкивали ее руки от горла. Потом все внезапно изменилось. Жар спал, и в теле появилась какая-то легкость. Воздух стал просто теплым и

приятно ласкал кожу. Но этого было недостаточно, ей хотелось большей прохлады. Ее пальцы ловили прикасавшуюся к телу прохладную влажную ткань. Она видела темные глаза, снова приблизившиеся к ее лицу.

- Мне так жарко. Жарко. Пожалуйста, уберите это тепло.

- Хорошо. Сейчас уберу.

Холодная жидкость увлажняла ее лицо, как легкий летний дождь выжженную солнцем землю. Крупные капли скатывались на шею, прокладывая прохладные дорожки к плечам, груди и животу. Потом сильные руки оторвали ее от подушки, и освежающая влага медленно поползла по спине к ногам, освобождая кожу от страшного жара. Когда жидкость высыхала, пламя вспыхивало с новой силой и опять начинало пожирать ее тело. Наконец жжение пошло на убыль. Жар отступал, как догорающие угольки в камине, которые после предсмертных рывков издают шипение и гаснут, оставляя груды серого пепла.

Что это? Какой-то женский голос, мягко звучащий возле ее уха.

- Луиза, Луиза! Это ты? Ты пришла, чтобы укорять меня? Вокруг столько лжи, Луиза. Слишком много лжи. Что ты говоришь? Я не хочу говорить об этом! Джек не должен расплачиваться своей жизнью из-за моего поражения. Пожалуйста, не надо так бранить меня, Луиза. Я старалась, я правда старалась. Просто не сумела довести до конца. Все это оказалось ложью. Вся жизнь - сплошная ложь.

- Мисс Хэтти! Бог мой, мисс Хэтти!

- Это вы, Милли? Да-да, я знаю, это вы. Спасибо, что пришли, Милли. Вы должны сейчас помочь мне встать. Иначе я опоздаю. Распорядок в доме отца. Я должна быть внизу. Помогите мне, Милли. Я, кажется, не могу встать сама. Помогите мне!

В ответ послышалось жалостливое всхлипывание. Потом раздался знакомый грудной голос, совсем близко, почти у лица. Холодный край стакана коснулся ее потрескавшихся губ, и она послушно открыла рот, жадно глотая горькую жидкость. Она сразу почувствовала необыкновенную легкость. Может быть, это вырвалась ее душа, презирающая ее за слабость, за то, что она оказалась в роли пленницы? Но она не чувствовала себя слабой. Слабым было только ее тело, и постыдные рыдания исходили из этого тела, но не из нее самой.

- Почему вдруг стало так холодно, Милли? Пожалуйста, растопите камин. Очень холодно. Милли, где вы? Потсон, ну что же вы, помогите мне. Мое пальто, Потсон. Как я пойду зимой без пальто?

Дребезжащие щелкающие звуки отдавались в голове. Сами собой стучали челюсти, и невозможно было их остановить. Она была придавлена страшным весом, горами пальто, наложенными друг на друга. Но они не согревали ее. Она ощущала себя совершенно нагой под свирепым зимним ветром. Она пыталась приподнять тело, но тяжелые, затвердевшие пальто прижимали ее к земле.

Внезапно она почувствовала какое-то движение рядом с собой. Спасительное обволакивающее тепло коснулось каждой части ее тела. Она задышала свободнее и потянулась навстречу этому неожиданному спасению, неизвестно откуда появившейся согревающей человеческой плоти. Она прижималась к ней лицом и всем телом, боясь, что в любую минуту может лишиться этой благодати и снова почувствует ужасный холод. Чьи-то нежные руки гладили ее спину, ласкали

голову и шею, укачивали ее, как маленького ребенка. Она чувствовала теплое дыхание у себя на волосах и думала, что теплый ветерок дует ей в ухо. У нее перестали стучать зубы, утих озноб. Огромная тень постепенно наползала на мозг, погружая ее в спасительный сон.

Смутные ощущения время от времени нарушали ее покой. Влажная прохладная ткань прикоснулась к ее лицу и телу. Она пыталась отвернуться от нее, не желая прерывать мирный сон. Потом последовало легкое, как перышко, прикосновение к боку. Она вскрикнула. После этого ее никто не трогал. С легким вздохом она снова погрузилась в сон.

Проснулась она внезапно. В памяти всплыли обрывки мыслей и ощущений, связанных с приемом опия. Она испытала минутное замешательство, увидев незнакомую комнату. Потом, когда она заметила его в большом кресле возле кровати с газетой в руках, к ней вернулись воспоминания о дуэли. В мозгу четко пронеслись все события того дня. Воспоминания обрывались с того момента, когда он оказался без оружия.

Он как будто почувствовал на себе ее взгляд и поднял глаза. Она увидела на его лице улыбку облегчения. Он встал и подошел к ней:

- Теперь, я полагаю, вы действительно пришли в себя. Как вы себя чувствуете, Хэтти?

Как она себя чувствует? Как она может себя чувствовать? Что он имеет в виду? Уменьшилась ли у неё боль в боку? Или убавилось чувство ее вины, оттого что она не убила его? У нее закружилась голова, и она заколебалась, не найдя ответа.

- Я с вами, - только и смогла выговорить она. - Где я?

- Вы в моем доме, в Торстон-Холле. Это немного южнее Лондона. После того как я выяснил, что лорд Гарри Монтейт не тот, за кого себя выдавал, я решил, что разумнее вам находиться здесь.

Она не слушала его объяснений. Глядя на дальнюю стену с удлинёнными тенями от полуденного солнца, она сказала:

- О нет, я не могу оставаться здесь. Я должна идти. Отец будет беспокоиться. Если он узнает, где я, тогда все пропало.

Она попыталась встать. Приступ боли, пронзившей ей бок, заставил ее упасть назад на подушки. Она почувствовала его руки у себя на плечах.

- Успокойтесь, Хэтти. Вы только причините себе страдания. Если вы будете слушать меня, то вы поймете, что все обстоит не совсем так, как вы себе представляли. С тех пор как вы оказались в беспомощности, кое-что изменилось.

- Я не понимаю, о чем вы. Боже мой, как долго я пробыла здесь?

- Со времени нашей дуэли прошло три дня, - сказал он, видя, что она не верит ему, судя по остановившемуся недоумевающему взгляду. - Вы ничего не помните?

- Я помню, как воткнула шпагу в землю. Помню, что земля была очень твердая, потому что промерзла. Помню, что мне было так больно, что хотелось умереть. Три дня? Мой отец! О, Боже, мой отец! Что с ним? Что он подумает?

Он по-прежнему удерживал ее за плечи. Она внимательно смотрела на него. Медленно и

осторожно, как будто боясь дальнейшего предательства со стороны собственного тела, она дотронулась пальцами до своего бока. Она нащупала толстую повязку, опоясывающую талию и часть ребер, и с потрясающей ясностью вспомнила нестерпимую боль, расплывающееся пятно крови и красные пальцы, прижимавшие рубашку к ее телу. Она посмотрела на свою руку и поняла, что сейчас на ней не ее ночная рубашка, так как на запястье не было манжета с крошечными перламутровыми пуговками, а рукав свисал с кончиков пальцев.

- Мой отец, - повторила она.

- Успокойтесь. Сейчас вы все узнаете.

Она медленно повернула голову, стараясь избегать лишних движений. Она внимательно рассматривала лицо, склонившееся над ней. В мозгу пронеслись воспоминания о безумной лихорадке, когда он снова и снова обтирал ее влажной прохладной тканью, успокаивая жар. Она задрожала, вспомнив ужасающий сковывающий холод, от которого у нее тогда промерзли все внутренности. Но откуда потом взялось то благодатное тепло? Откуда? Это был он. Он держал ее возле себя, он прижимал ее к себе, он грел ее с головы до ног своим телом. Это его руки гладили ее по спине.

- Это ваша ночная рубашка?

- Моя. За нее нам с вами нужно поблагодарить мою двоюродную бабушку Агнес. Это ее трогательная работа.

- А где доктор? Где Милли? Я знаю, что она здесь. Я слышала ее голос. Это она ухаживает за мной?

- Сейчас вам нужно успокоиться и ни о чем не думать. Вы задаете слишком много вопросов. Вы не хотите воды?

Она с жадностью припала к стакану и закашлялась. Он осторожно приподнял ее и ловко похлопал между лопатками, как будто уход за больными был для него привычным делом.

- Повторяю вам, вы пробыли со мной три дня. И вот уже три дня вы ничего не ели. Вы голодны?

Тогда она вдруг поняла, что готова съесть любую пищу.

- О да, я бы съела что-нибудь. Прикажите принести прямо сейчас. Пожалуйста.

Он довольно улыбнулся:

- Я рад, что вы проголодались. У меня для вас приготовлены разные бульоны. Я велел варить их ежедневно, в надежде, что скоро вы придете в себя.

Он подергал шнурок колокольчика. Когда раздался тихий стук, он быстро подошел к двери, как делал это всегда, с тех пор как она оказалась здесь. Он встал в дверях, загораживая ее от любопытных глаз. Не хватало, чтобы кто-то из слуг обнаружил в его спальне вместо раненого юноши молоденькую девушку. В том виде, в каком она была сейчас, никто не воспринял бы ее иначе.

У нее началось легкое головокружение. «Должно быть, от голода, - предположила она. - Да,

конечно, от голода». Как только она подкрепится, она не подпустит к себе этого человека. Он остался тем же, кем был. Он несет в себе то же зло. Он безжалостен и беспощаден. Он не считается ни с кем, кроме себя. И хотя она не убила его, она все равно должна отомстить ему за смерть Дэмиана. Но не сейчас. Как только ей станет лучше, она придумает что-нибудь, и ему придется заплатить за содеянное. Дорого заплатить.

Неужели он действительно ухаживал за ней, после того как ранил ее? В это она не могла поверить.

Глава 27

Крофт стоял перед ним совершенно трезвый, поразительно похожий на филина, с лицом, изображающим готовность выполнить любые распоряжения. Маркиз усмехнулся, довольный таким волшебным превращением. Дай Бог, чтобы оно продлилось подольше, в чем он сильно сомневался. Стоит его хозяину покинуть Торстон-Холл, Крофт снова вернется в винный погреб.

Получив указания, дворецкий закрыл за собой дверь.

Маркиз повернулся и направился обратно к Хэтти. Взглянув на ее лицо, он подумал, что у нее снова начинается приступ лихорадки. Когда он протянул руку, чтобы дотронуться до ее лба, она резко отпрянула от него и прижалась к спинке кровати. Это был другой приступ.

- Что с вами?

В эту минуту он не подумал о том, что она не приемлет любых проявлений близости с его стороны. В самом деле, ей было невдомек, что, ухаживая за ней все эти дни, он изучил ее тело почти досконально. Она ненавидела его так же, как прежде.

- Послушайте, Хэтти, - продолжал он, - я просто хотел проверить, нет ли у вас снова жара. Не надо бояться меня. У меня нет дурных намерений. Я не сделаю ничего плохого. И вообще не причиню вам никакого вреда.

Она только молча смотрела на него и пыталась как можно дальше отодвинуться от него, к середине широкой кровати. Однако острая боль в боку заставила ее остаться неподвижной. Она поморщилась и зажмурила глаза.

- Я не боюсь ни того, ни другого. И лихорадки у меня нет. Но я понимаю, что сейчас вы сильнее меня и в любом случае справитесь со мной. Поэтому можете продолжать свои действия.

Он осторожно приложил ладонь к ее лбу и с облегчением вздохнул: кожа была прохладной.

- Слава Богу, кажется, жар спал. Вы, должно быть, хотите еще воды? Я думаю, теперь вам будет нетрудно сделать это, Хэтти.

- Меня зовут мисс Ролланд.

На лице у него появилась легкая усмешка.

- Хэт... Ах, простите, мисс Ролланд! Мне казалось, мисс Ролланд, что я знаю вас достаточно хорошо, чтобы не прибегать к подобным условностям.

- Вы не знаете и ничтожной доли обо мне. Зато я хорошо знаю вас. Я знаю о вас все.

- Все? И вы знаете также, что я ухаживал за вами? Вы знаете, что здесь не было доктора? Я понимаю, что вам это совсем не понравится. Но вам не следует забывать, мисс Ролланд, о том, что я дрался на дуэли с лордом Гарри. Так вот, вы должны оставаться лордом Гарри, чтобы мы с вами могли выпутаться из этой истории без скандала. Лично я не хотел бы никакой шумихи. Думаю, и вы согласитесь со мной, что лучше обойтись без нее. Не стану хвалить самого себя, но я действительно сделал все, что требовалось. И сделал не так плохо. Вы будете жить. У вас останется шрам на боку, но ведь вы остались живы. И скоро вы уже сможете поесть.

Во время его тирады ее глаза потемнели и сузились. Он предпочел замолчать. Интересно, будь у нее сейчас в руках пистолет, пристрелила бы она его или нет? Должно быть, ей придется собрать всю свою волю, чтобы на это время подавить ненависть к нему. Он даже не удержался от легкой иронии: «Разумно ли ее кормить?» Стоит ей только набраться сил, как она тут же проткнет ему глотку.

Он отошел от нее, прежде чем она успела попросить у него поесть.

- Ах, обед! - воскликнула она, глядя на дымящуюся тарелку с супом и свежий теплый хлеб. Она попыталась сесть, но у нее ничего не вышло. Она только упала навзничь, закусив нижнюю губу от пронзившей ее острой боли в боку.

- Послушайте меня, Хэтти. Вам нужно вести себя благоразумно. Я не хочу, чтобы у вас разошлись швы и снова началось кровотечение. Прошу вас, лежите тихо. Что бы ни было между нами, я должен покормить вас. Хорошо? - Он нахмурился, увидев, как у нее навернулись слезы. - Пожалуйста, позвольте мне помочь вам.

Она была слишком слаба, чтобы сопротивляться, и у нее голова кружилась от голода. Как бы сильно она ни ненавидела его, она была вынуждена лежать в его постели, как слабое и жалкое существо, и позволить ему кормить себя с ложечки. Она не шевельнулась, пока он подсовывал ей одну руку под спину, а другую под ноги. Он осторожно приподнял ее и усадил в постели, подложив под голову большую пуховую подушку.

- Ну вот, теперь можем и пообедать.

Он откинул деревянные ножки подноса и установил его у нее над коленями.

- Надеюсь, это не маисовый суп? - спросила она, с любопытством заглядывая в тарелку с супом.

- Маисовый суп? Черт побери, а какое это имеет значение?

- Мой отец все-таки тори.

- Господи, да я давно это знаю. Что ваш отец, что мой дядя, это ужасные люди. Будь их воля, они обратили бы в свою веру всю Англию! Они высказывают просто устрашающие идеи. Надеюсь, вы не будете сейчас обсуждать со мной закон о зерне? Ладно, не отвечайте? Дайте мне сначала накормить вас.

Он уселся рядом с ней на постели и, взяв ложку, помешал горячий суп.

«Позволить ему кормить меня с ложечки? Нет, это уж слишком». Как-никак сейчас она сидит, а не лежит на спине как куль с мукой.

- Теперь мне не нужна ваша помощь. Я справлюсь сама.

- Как хотите, - сказал он, протягивая ей ложку. Однако ее пальчики настолько ослабли, что смогли сделать только жалкий виток вокруг ложки. Она сдвинула указательный палец к широкой части ложки и погрузила ее в суп. Дрожащей рукой она вынула ложку, но не сумела донести ее до рта. Палец соскочил, и горячий суп выплеснулся на ее ночную рубашку, точнее, его рубашку, сшитую любимой тетей Агнес.

- Замечательно! И все из-за вашего несносного упрямства, - сказал он, отбирая у нее ложку, - Теперь послушайте меня. Откиньтесь на подушки и откройте рот. Хватит доказывать мне свою непобедимость.

Она послушно открыла рот.

Вскоре тарелка была пуста, и от свежего хлеба не осталось ни крошки. У нее снова потекли слюнки. Она могла бы съесть целый котелок супа. И еще она хотела хлеба, густо намазанного маслом. Но он встал и убрал поднос.

- Больше нельзя, - сказал он, увидев ее заблестевшие глаза. - Иначе вы заболаете. Поверьте мне. Вы сможете снова поесть не раньше чем через два часа.

Она отвернулась от него. Джейсон увидел, как ее пальцы вцепились в одеяло и начали комкать его.

- Вам больно?

Она покачала головой и затем внезапно подняла на него глаза.

- Я знаю, Милли здесь, - прошептала она. - Я слышала ее голос. Позвольте мне побыть с ней вдвоем. Мне нужно. Пожалуйста.

- В самом деле? - спросил он. В голосе его звучало явное пренебрежение. - Зачем вам Милли? Три дня я один прекрасно справлялся с вами. Скажите, чего вам не хватает?

- Не скажу! Немедленно пришлите ко мне мою горничную.

Наконец его осенило, почему она могла требовать свою горничную.

- Хорошо, Хэтти, - сказал он. - Только послушайте меня. Милли пробудет с вами всего пятнадцать минут. Я не хочу, чтобы об этом узнали слуги. И вам, и мне повредят сплетни. Вы понимаете, это может иметь роковые последствия. Вы - лорд Гарри. Не забывайте об этом. - И, направляясь к двери, бросил на ходу: - Я вернусь через пятнадцать минут. И тогда, Хэтти, мы потолкуем с вами, если, конечно, вы будете хорошо себя чувствовать.

Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем в дверях показалась крупная, немного нескладная фигура верной Милли. Интересно, дал ли ей маркиз какие-либо указания? Вероятно, да.

- Мисс Хэтти! Бедный мой ягненочек!

«Бедный ягненочек» был несказанно рад даже этой пятнадцатиминутной свободе. Милли радовалась не меньше своей питомицы. Она суежилась возле нее подобно наседке, отыскивавшей своего пропавшего цыпленка.

Наконец все необходимое было сделано. Хэтти нервно посматривала на часы.

- Милли, у нас еще есть время. Пока маркиз не вернулся, быстро расскажите, что вам удалось узнать.

- Маркиз не такой ужасный человек, как я думала. Клянусь вам. Он вызволил вас из очень запутанной истории. И я должна честно сказать вам, что он ухаживал за вами лучше доктора. Нет, конечно, я не одобряю, чтобы неженатый человек находился так близко от молодой девушки. Но в остальном я согласна с ним. Именно так все должно было быть: вы должны оставаться лордом Гарри. Иначе... Страшно подумать, что может случиться.

- Ну, и что еще сказал его светлость? Поручил причесать мне волосы для полного порядка?

- Ну что вы, мисс Хэтти! Зачем наговаривать на него лишнее? - отшучивалась горничная. - Я сейчас причешу вас. Боюсь, его светлость не сможет лучше меня оказать вам эту услугу.

Милли действительно была очень осторожна, и Хэтти отдавала должное ее ловкости, так как от каждого прикосновения расчески боль усиливалась. Она продолжала расспрашивать горничную, чтобы в разговоре отвлечься от боли.

- Чем вы занимались эти три дня? Как маркиз объяснил слугам ваше присутствие?

- Ничего особенного я здесь не делала, мисс Хэтти. Его светлость сказал, что я заслужила каникулы после всего того, что мне пришлось испытать вместе с вами. Сэр Арчибальд, разумеется, считает, что вы поехали погостить к сестре маркиза, а я сопровождаю вас во время этой поездки. А слугам его светлость, кажется, сказал, что меня прислала его сестра, проверить, не нужно ли что-то приготовить в доме к ее следующему приезду. Я не думаю, что они поверили ему, но делают вид, что ничего не знают. Большинство его слуг мне нравится. Но вот Крофт - сущее наказание! Хитрый и осторожный, как приходский священник. Пока маркиз здесь, ни разу не напился так, чтобы свалиться в каком-нибудь углу. Так и шныряет по всему дому и озирается, как бы маркиз не застал его с бутылкой в руке.

Хэтти не выдержала и отстранила ее руку с расческой.

- Послушайте, Милли. Я вижу, вы действительно начинаете думать о маркизе как о добродетельном и сердечном человеке. Вы забыли, что он сделал? Он жесток и безжалостен. Его теперешнее поведение обманчиво. У вас неверное представление о нем. Он просто хочет избежать огласки. Он сам мне так сказал. И все его благородство только на словах. Он обманщик, Милли, он...

- Он надменный, он вечное зло. Какие похвалы вы мне еще воздадите, мисс Ролланд?

Она быстро обернулась и увидела маркиза, стоящего в дверях.

- Вполне согласна с вашими словами, - сказала она холодным тоном, таким же, как ледяной ветер за окном. - Я бы еще добавила - дьявол. Будьте вы прокляты, из-за вас у меня так болит бок!

Она была готова разрыдаться, но сдержалась. Нельзя позволять себе этой слабости у него на глазах. Маркиз спокойно взглянул на Милли:

- Пятнадцать минут прошло. Вы сможете еще увидеть свою госпожу сегодня вечером. Вероятно, она снова предпочтет ваши услуги моим. Мне очень жаль, но сейчас вам придется расстаться. Мы не можем рисковать.

- Слушаюсь, ваша светлость, - сказала Милли, - все будет исполнено так, как вы сказали.

При этих словах она сделала такой подобострастный книксен, что Хэтти захотелось отшлепать ее.

- А теперь, Хэтти, - сказал маркиз, после того как Милли осторожно притворила за собой дверь, - я полагаю, пришло время обсудить наши дела. Я вижу, что мисс Ролланд, так же как неукротимый лорд Гарри, совершенно незаслуженно оскорбляет меня. Может быть, вы сообразовите объяснить мне, почему я подлый, жестокий и надменный?

- Вы еще забыли добавить к этому дьявола.

- Да, естественно, и дьявол, и само зло в придачу. Как вы себя чувствуете? Вы в состоянии говорить со мной?

Он придвинул кресло с подушкой для головы поближе к кровати и сел возле нее, откинувшись назад и скрестив руки на груди.

- Чувствую я себя неважно, но это не имеет значения.

- Так что вы можете сказать мне?

Она внимательно посмотрела на него. Как долго она вынашивала свой план! Как долго ждала той минуты, когда сможет сказать ему, почему она собиралась убить его! Но разве настала эта минута? Он должен был лежать у ее ног, побежденный, смертельно раненный. А вышло все наоборот: лежит она, мучаясь от боли, а он ухаживает за ней, спасая ее жизнь. Боже! Как бы она хотела иметь оружие, чтобы убить его! У нее нет даже палки, чтобы ударить его по голове.

Не дождавшись ответа, он прервал молчание:

- Знаете, Хэтти, когда у вас была лихорадка, вы бредили. Иногда вы отчаянно кричали в бреду. Я услышал много загадочного. Вы принимали меня за вашего брата, Дэмиана. Вы просили прощения за то, что не могли сделать это, то есть убить меня.

- Стало быть, вы признаете свою вину?

- Вину? Какую вину, черт возьми? Я хочу знать, какая связь между мной и Дэмианом? - Маркиз задумался и сложил пальцы домиком. - Вы, по-видимому, думаете, что я каким-то образом мог повлиять на судьбу вашего брата. Вы постоянно твердили об этом, Хэтти. И прежде, насколько я знаю вас, вы никогда не воздерживались от оскорблений в мой адрес, в чем бы обличье вы ни были. Это каким-то образом связано с вашим братом?

- Вы убили моего брата! Чтоб вам сгореть в аду! Это вы убили Дэмиана!

Он перестал барабанить пальцами и пристально посмотрел на нее:

- Вы понимаете, что говорите? Почему вы считаете, что я убил Дэмиана? Это же сушая чепуха! Ваш брат погиб при Ватерлоо. И виной этому скверно спланированная кавалерийская атака. Во всяком случае, так мне объяснил Джек.

- Да, мой брат погиб при Ватерлоо. В этом вы правы. И никто не отрицает, что это произошло во время кавалерийской атаки. Такая атака означала верную смерть. А кто в последний момент отдал Дэмиану распоряжение возглавить эту атаку? Молчите? Вы и отправили его в могилу,

ваша светлость. Вы послали его на эту кровавую бойню.

Она замолчала от внезапной пронизывающей боли. Откинувшись на подушки, она схватилась руками за бок и заскрипела зубами. К своему стыду, она почувствовала, как слезы полились у нее из глаз. Она плотно сомкнула веки: нельзя показывать свою слабость. Только не сейчас.

Опять она почувствовала его руку у себя на лбу, но у нее не было сил оттолкнуть ее.

- Выпейте это, - сказал он. Она воспротивилась. Но он открыл ей рот и, удерживая ее голову локтем, заставил выпить целый стакан жидкости. Это была ячменная вода. Она ненавидела ячменную воду.

Хэтти собрала все силы, чтобы не застонать. Прошло несколько минут, прежде чем сказало действие опиума. Сквозь дымку сознания она чувствовала, как он сжимает ее послушные пальцы в своей руке. Потом ее захлестнула новая волна боли, и она сама ухватилась за его руку, ища у него защиты. Откуда-то издалека донеслись его слова о том, что она скоро уснет. Опиум все быстрее овладевал ее мозгом и телом, и она отдалась во власть сна.

Она проснулась среди ночи. Она не имела представления ни о том, как долго она проспала, ни сколько времени остается до утра. Хэтти осторожно повернула голову и увидела маркиза. Он стоял перед камином и задумчиво смотрел на потрескивающие угли.

Она зашевелилась чуть смелее, проверяя, не будет ли боли. Убедившись, что бок пока не беспокоит ее, она начала осторожно перемещаться в сидячее положение.

Он заметил ее движения и, улыбнувшись, подошел к кровати.

Пока он придерживал ее руками, помогая ей устроиться на подушках, она пребывала в напряженном молчании. Он выпрямился и сказал:

- Если вы обещаете не кричать на меня, я покормлю вас.

- Вы сменили на мне ночную рубашку?

- Да, пришлось. Она заскорузла от высохшего супа.

Она почувствовала замешательство. Что-то изменилось в ее восприятии. Неужели это тот человек, которого она ненавидела и за которым охотилась последние пять месяцев? Неужели это его она собиралась убить? Нет, здесь какое-то недоразумение, какая-то путаница. Она не знала, что и думать.

- Я очень голодна.

Близилась полночь, когда Хэтти управилась со своим супом и порядочным ломтем хлеба. Потом пришла Милли и пробыла у нее отпущенные ей пятнадцать минут.

Выпроводив горничную, маркиз запер дверь на ключ и подошел к кровати.

- Давайте продолжим наш разговор, - сказал он, пристально глядя ей в глаза. - Вы не можете опровергать истину, Хэтти. Вы не расправились со мной, когда вам представилась такая возможность. Почему? Может быть, вы все-таки не были до конца уверены в моей воображаемой вине? Или у вас духу не хватило совершить убийство? Так что же вам помешало: первое или второе?

Она склонила голову чуть набок и, пристально глядя ему в лицо, даже не в лицо, а как бы сквозь него, пыталась понять, почему она поступила именно так. Так же ясно, как прежде, она видела кончик своей шпаги, приставленной к его сердцу. Один бросок – и все было бы кончено. От нее требовался только один толчок. Однако она почему-то не сделала этого.

– Я ни на минуту не сомневалась в вашей вине. Но в тот момент, когда вы стояли передо мной, когда вы смотрели на меня и я не видела страха на вашем лице, я вдруг поняла, что не смогу сделать этого. Я пытаюсь найти ответ: почему мне не хватило духу решиться на этот шаг? Я пережила смерть Дэмиана. Мне казалось, что вместе с ним отчасти не стало меня самой. Но я продолжала жить. Да, я была жива и благодарила судьбу за это. Вы тоже были живы. Как я могла лишить вас жизни, если вам не меньше, чем мне, хотелось жить? Я не убийца. Я не могла себе позволить быть такой, как вы.

– Вы были очень привязаны к брату?

– Он был частью меня, моим вторым «я».

– Почему вы решили, что я причастен к смерти вашего брата? Для этого у вас должны быть какие-то доказательства. Не могли же вы от нечего делать разработать свой план и все эти шарады с лордом Гарри. Вы не хотите рассказать мне об этом?

– Хорошо. Сейчас мы увидим, как вы будете лгать, лорд Оберлон. Надеюсь, вы не забыли свою жену, Элизабет Спрингвилл?

При упоминании о покойной жене глаза маркиза потемнели.

– Каким образом это связано с Элизабет?

– Вы не понимаете, ваша светлость? Хорошо, сейчас я освежу вашу память. Еще не так давно вы, сэр Уильям Файли и мой брат Дэмиан были влюблены в прекрасную молодую леди по имени Элизабет Спрингвилл. Очевидно, вашего напора оказалось недостаточно для того, чтобы завоевать сердце юной леди. Тогда вы решили заключить пари в «Уайтсе», под большую ставку. Вы рассчитывали выйти из этой игры победителем. Это правда?

– Да, это правда, – сказал он мрачно. Возле его сжатых губ пролегли две глубокие морщинки.

– Я не оправдываю Дэмиана за участие в этой игре. Я была разочарована в нем, когда узнала о его поступке. Но все последующие события как нельзя лучше раскрывают вашу подлинную суть. Вы сознались только в одном грехе, ваша светлость. У меня же есть доказательства вашего вероломства в дальнейшем. Потсон, которого вы теперь знаете, был денщиком Дэмиана. Так вот, после гибели брата он нашел письмо Элизабет в его вещах. Сейчас я расскажу вам, что я узнала из этого письма и что я думаю о вашей виновности в гибели Дэмиана. А вы, ваша светлость, должны рассказать мне все детали вашего коварного замысла.

Итак, Элизабет выбрала Дэмиана. Тогда вы, ваша светлость, оправившись после поражения, решили действовать через военное министерство. Без сомнения, вы могли воспользоваться связями мужа вашей тетушки лорда Мелбери. Мы с вами прекрасно знаем, что он пользуется достаточным влиянием в правительстве. Таким образом, вам удалось очень быстро отправить Дэмиана за пределы Англии. Вы знаете, что ему поручали опасные миссии, которые, по вашим расчетам, должны были привести его к гибели.

У меня есть предположение, ваша светлость, что Элизабет отдалась Дэмиану, чтобы доказать свою любовь к нему. Когда ей стало ясно, что она ждет от Дэмиана ребенка, ей ничего не

оставалось, как обвенчаться с будущим убийцей своего возлюбленного. У нее не было другого способа избежать позора. Возможно, бедняжка потому и умерла в родах, что испытывала сильное отвращение к вам, ваша светлость, особенно после того как узнала о гибели Дэмиана. Должно быть, после этого она вообще не хотела жить. Очень много грехов на вашей совести, если она, конечно, вообще у вас есть. Лишнее тому подтверждение – смерть младенца. Ребенок Дэмиана не смог выжить, находясь возле вас.

Глава 28

Маркиз долго не мог отвести от нее угрюмых глаз. Потом вскочил и подошел к камину. Несколько минут он молча глядел на мерцавшие теплым светом угли. Когда он повернул обратно, она поняла, что он кипит от бешенства. Внутренним чутьем она улавливала этот глубоко запрятанный гнев. Но он умел скрывать свои чувства. Это она тоже знала.

– Какая бессмыслица, – сказал он ровным голосом. – У меня в голове не укладывается, как можно было сделать такие заключения. Вы решили, что я отправил вашего брата в ту чудовищную атаку, на основе письма Элизабет? И поэтому вы начали выслеживать и оскорблять меня? Добиваться дуэли и моей смерти из-за этого проклятого письма! Господи, это же просто безумие!

– Безумие? Письмо – это для вас ничто? Да? Но этого доказательства достаточно. Более чем.

– Боже мой, до чего же вы наивны! Вы отвечаете за свои слова? Нет, теперь я вижу, что вы беспомощнее слепого котенка. Чудовищное заблуждение! Не зря говорят, что худший вид глупости – это женская глупость. Впрочем, нет. Беру свои слова обратно. Нужно отдать пальму первенства мужчине, клюнувшему на женскую глупость. Теперь выслушайте меня. Когда вы поправитесь, вы покажете мне это бесчестное письмо. А до этого времени я попытаюсь развенчать ваши романтические представления об этой истории. Вы явно приукрашиваете ее. Несмотря на ваше недоверие ко мне, я постараюсь убедить вас. В вопросах чести я человек щепетильный и, кроме того, отличаюсь разборчивостью в выборе средств. Если бы я не был таковым, я бы не докапывался до истины и мы с вами не вели бы сейчас этих разговоров.

В одном вы совершенно правы... Все мы, Файли, ваш брат и я, добивались Элизабет Спрингвилл. Несомненно, вы слышали, что это была утонченная, изысканная девушка. У нее было много поклонников. Она пользовалась головокружительным успехом с первого дня ее появления в свете. Однажды я позволил себе непростительную глупость. Как-то раз, когда мы все трое были навеселе, меня угораздило попасться на удочку Файли. Он предложил заключить известное вам пари, чтобы придать пикантность ситуации, или, как он выразился, «распалить страсти».

Маркиз сделал паузу и принялся нервно расхаживать взад и вперед около кровати. На его лице отразилось мучительное сомнение.

– Я не уверен, нужны ли эти подробности, – сказал он скорее себе, нежели ей. – Ну да ладно. К черту недомолвки! Слушайте, Хэтти. Ну вот, на следующий день и я, и Дэмиан пожалели о том, что ввязались в это дело. Но... что сделано, то сделано. Элизабет в этой ситуации чувствовала себя принцессой. Как и всякая женщина, наделенная пороками Клеопатры, она обнадеедила каждого из нас, хотя открыто никому не отдавала предпочтения. Вы можете верить или не верить мне, но после нескольких недель этого состязания мое увлечение, скорее воображаемое, нежели настоящее, начало угасать. Я все больше находил эту леди тщеславной, холодной и расчетливой.

Он снова замолчал, как будто преодолевая внутреннее сопротивление, потом пожал плечами и продолжил рассказ:

- Право, я должен быть откровенным до конца. Ни один из нас двоих не будет чувствовать себя свободно, если не выскажет всего. Слушайте дальше. Я никогда не забуду, как однажды, придя в «Уайте», я услышал, что Дэмиан неожиданно отбыл на континент. Я подумал, что, вероятно, он устал от капризов Элизабет. Файли, казалось, был очень доволен таким результатом, или, как он выразился, поражением капитана Ролланда. Он стал вышучивать меня, объявляя себя победителем пари. Хотя, как я уже сказал вам, к этому времени я в значительной степени утратил интерес к леди, все же я не думал, что он может добиться успеха и снискать ее расположение. После всех этих разговоров я взял и послал его к дьяволу. Но вскоре я понял, что ошибался, так как Элизабет стала появляться в обществе вместе с Файли чаще, чем с кем бы то ни было.

Можете представить мое изумление, когда несколько недель спустя около полуночи Элизабет, в капюшоне и маске, появилась в моем городском доме. Я не хочу расписывать вам подробности той ночи. Хотя... почему бы и нет? Вы возили мою непутевую любовницу по всему Лондону. И вряд ли есть что-то такое, чего вы сейчас не знаете, после того как пробыли в роли джентльмена пять месяцев. Вы знаете об этом подлом мире во сто крат больше любой молодой леди. Итак, Элизабет оставалась у меня почти до утра. Я переспал с ней несколько раз. Я не стану утверждать, что в полной мере отвечал за свои действия той ночью. Потом я нещадно бранил себя за глупость. Достаточно сказать, что я проглядел ее низкие уловки. Элизабет притворилась невинной и решила соблазнить меня, опытного мужчину. Но прежде она убедилась в том, что я выпил полбутылки бренди. Три недели спустя она устроила мне скандал. Она со слезами сообщила мне, что беременна. И я опять оказался в дураках. Я принял ее слова за чистую монету и без всяких колебаний предложил ей выйти за меня замуж. Через три дня я получил специальное разрешение, и мы поженились. Я сразу же увез ее в одно из моих поместий вблизи Биллингсгейта.

Хэтти не выдержала и прервала его:

- Боже! Долго вы собираетесь пичкать меня вашими рассказами? Меня уже тошнит от них. Вы позволили себе наглость обвинять меня в том, что я приукрашиваю эту долгую историю, а сами навязываете мне самую что ни на есть отвратительную ложь. Довольно. Вы единственный, кто мог выслать Дэмиана из Англии. Больше никому. Вы устроили его назначение. Может быть, сейчас вы отвлекаете меня своими выдумками, чтобы я снова не попыталась убить вас. Или вы просто хотите таким образом смягчить свою виновность в гибели Дэмиана.

Она ожидала, что за ее словами последует вспышка ярости, а не просто сдерживаемый гнев, как было до этой минуты. Ничего подобного. Он спокойно возразил ей:

- Знаете, Хэтти, я бы отдал вашему брату половину своего состояния, если бы он тогда забрал у меня Элизабет.

- Боже, опять гнусная ложь! Она же ждала ребенка Дэмиана. Они любили друг друга, и он бы с радостью женился на ней. Он никогда не хотел уезжать на континент. Он не хотел умирать.

- У вас неверный взгляд на вещи. Элизабет была беременна не от вашего брата. В ее утробе был ребенок Файли.

- Нет! Нет! Это ложь! Перестаньте лгать. Я больше не могу слушать все это.

- У меня нет никаких оснований лгать вам, Хэтти, - сказал он с усталым видом, и голос его потускнел.

- Нет. Элизабет не могла сделать этого. Письмо. Я читала ее письмо Дэмиану. Она любила его, а не этого гадкого и пошлого мерзавца Уильяма Файли.

- К несчастью, Хэтти, она не любила вашего брата. Она любила только себя. И если бы ваш брат остался в Англии, ему пришлось бы идти к алтарю с беременной Элизабет - беременной от Файли. Погодите, не перебивайте меня. У меня нет желания дурно говорить о ней и лишний раз вспоминать подробности этой личной человеческой трагедии, но я вынужден сделать это, потому что вижу, что вы не верите мне. И если я не расскажу вам всего, вы так и не поверите мне.

Он умолк на минуту, чувствуя, как ненависть вскипает в нем при воспоминаниях о пережитых отвратительных минутах. Он даже заколебался, не оставить ли ее при своем мнении и не послать ли все к чертям. Но он видел в ее синих глазах, глазах Дэмиана и глазах Джека, столько растерянности и боли, что не мог оставить все как есть. Он один владел ключом от этого запутанного лабиринта.

- Отец Элизабет, полковник Натан Спрингвилл, - продолжал маркиз, - был хуже самого строгого надсмотрщика. Этот безжалостный человек, педант до мозга костей, во всем придерживался военной дисциплины, и его слово всегда было законом в доме. Я говорю вам это для того, чтобы вы поняли, почему Элизабет действовала так, как вам известно. Она ненавидела отца и хотела убежать из дома. Но для этого ей нужно было вступить в законный брак, иначе бы он предал ее анафеме. Я не могу доказать, что Файли соблазнил ее и затем, вместо того чтобы жениться на ней, предложил ей жалкую интрижку. Это только мое предположение. Если бы я знал наверняка, я бы убил его на месте. К этому времени Дэмиан уже уехал, и у нее не было иного выхода, как обратиться ко мне, чтобы спасти себя от позора. У Файли, несомненно, не было в отношении нее никаких серьезных намерений. Это было для него очередной забавой. Возможно, вы правы в том, что Элизабет и Дэмиан были любовниками. И я допускаю, что она предпочла бы выйти замуж за него, а не за меня. Я не исключаю, что до того злополучного вечера у нее оставались какие-то чувства к вашему брату и ее письмо к нему было мольбой о прощении. Но я могу только предполагать это, так же как и вы.

- Да, ваша светлость. Конечно, у меня тоже есть предположения. Вы нарисовали портрет тщеславной, ничтожной женщины, заботившейся только о себе и ни о ком другом. Но есть письмо, ваша светлость, письмо, в котором она проклинает вас. Более того, есть Потсон. Он рассказал мне о том, как мучился Дэмиан. Нет, не подумайте, что Дэмиан посвятил его в эту историю. Разумеется, он скрывал истинные причины своего несчастья от денщика. Но совершенно очевидно, что Дэмиан был уязвлен, ваша светлость. Он был глубоко поражен.

Огонь в камине угасал, и резче обозначились ночные тени, отделявшие их друг от друга. Маркиз ничего не ответил ей. Отвернувшись, он зажег несколько тонких свечей и придвинул подсвечник к кровати. Потом так же молча подошел к камину и подбросил несколько свежих поленьев. Он подтолкнул сапогом - тлеющие угли и подождал, пока пламя начнет лизать дрова.

Когда он медленно направился к ней, она увидела нескрываемую боль в его глазах. В первую минуту ей не хотелось замечать это проявление его слабости, человечности и честности. Она не была готова принять его страдания, ей хотелось разглядеть в его лице только чувство вины. Но не успела она толком осознать этого чувства, как его лицо снова приняло бесстрастное

выражение. Но Хэтти была уверена, что не ошиблась. Она видела боль в его глазах. Она чувствовала, как в ее душу закрадывается сомнение. И это сомнение постепенно росло. Она попыталась побороть это ненавистное, мягкосердечное сострадание, истребить его на корню, но не могла. Между тем он снова заговорил, и так спокойно, как будто это его совсем не касалось:

- Как я уже говорил, после женитьбы мы с Элизабет тут же отправились в Биллингсгейт. За всю дорогу мы почти ничего не сказали друг другу. В Бланшли-Манор я не трогал ее. Через месяц ее живот заметно округлился. Однажды я не вытерпел и потребовал от нее правды. Но она только смеялась надо мной и говорила непристойные вещи, которых я не мог сносить. Мне было противно смотреть на нее. В то же время я не хотел возвращаться в Лондон. Поэтому я решил уехать в Шотландию, к своим кузенам, и остаться у них, пока не придет ее час. Когда я вернулся в Бланшли-Манор, ее ненависть ко мне была так же велика, как ее живот. Я не могу без ужаса вспоминать о той ночи, когда родился ребенок. Перед этим за обедом она выпила неимоверное количество вина. Ее ангельское лицо стало холодным и суровым. Оно как зеркало отражало ее суть. Как она насмеялась надо мной! Она знала, что я не оставлю ее и приму ребенка как своего собственного.

При этих словах маркиз живо представил себе лицо покойной жены и услышал ее низкий смеющийся голос: «А-а, так-то вы беспокоитесь о своей любимой жене, ваша светлость?» Он вспомнил, как она перегнулась через стол и обнажила свою набухшую грудь. «Посмотрите, сколько у меня молока! Какого прекрасного крепкого ребенка я рожу вам, ваша светлость!» Он вздохнул поглубже и усилием воли заставил себя говорить дальше. Хэтти видела это.

- В действительности все выглядело гораздо отвратительнее, но, повторяю, мне не хочется вам пересказывать эти подробности. Могу только сказать, что моя ярость достигла таких пределов, что в конце концов я схватил ее за плечи и встряхнул. Она вырвалась от меня и продолжала смеяться. Она была настолько пьяна, что не держалась на ногах. Неудивительно, что она споткнулась и буквально рухнула в кресло. От падения у нее начались схватки. Так что мне пришлось принимать у нее роды. Я должен был смотреть, как она рождает ребенка от другого мужчины. Это была крохотная девочка, которая прожила всего несколько минут. А ее мать в это время лежала в дурмане, не обращая на нее никакого внимания.

Я хочу, чтобы вы знали правду, - добавил он, помолчав, тем же бесстрастным голосом. - Элизабет умерла не в родах, как все считали и считают с моих слов. Она погибла в результате дорожного происшествия. Это произошло спустя две недели после смерти ребенка.

Он снова воспроизвел в уме, наверное, в сотый раз ту ужасную картину, которую составил по рассказу своего перепуганного конюха.

Элизабет без его ведома велела приготовить себе двухколесную коляску и впрячь в нее тогда еще не совсем обьежженного гнедого жеребца. Она принялась так неистово стегать коня, что тот взбесился и поскакал во весь опор. Коляска опрокинулась, и Элизабет вместе с ней полетела под откос.

- Вот и все, Хэтти. Больше мне нечего сказать вам. Я не знаю, достаточно ли вам этого, чтобы вы поверили мне. Он отошел к камину.

Пока он рассказывал ей эту историю, она чувствовала себя так, как будто сама была рядом с ними, как будто была свидетельницей их взаимного раздражения и слышала, как они кричали друг на друга. Она не заметила, как в ее собственных глазах появилось горестное выражение.

В какой-то момент она даже начала сочувствовать ему в его неспособности вытравить из памяти эти болезненные следы. Но существовало письмо. О нем она не могла забыть. Оставалось письмо, и вместе с ним несчастье Дэмиана, то горе, о котором он говорил Потсону.

Она рассматривала огромные тени на стенах, пытаясь извлечь истинный смысл из рассказа маркиза. Иногда ее мысли прерывались из-за неосознанного желания отказаться от размышления, но она заставляла себя вдумываться в его слова. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что он сказал правду. У нее почти не было сомнений в этом, хотя ей хотелось, чтобы они оставались. Она хотела бы отругать его за ложь, но его признание не было ложью. Теперь она знала это. Она не только знала это, она также поняла, что у нее появилось желание верить ему.

Она снова вернулась к тем дням, когда приняла решение превратиться в джентльмена. Пять месяцев ее жизнь была подчинена единственной цели. Неужели существование лорда Гарри было напрасным? От этой мысли у нее так щемило сердце, что она предпочла бы лучше мучиться от острой боли в боку. В голове образовалась пустота.

- Вы сказали, что Элизабет отказалась назвать вам отца ребенка, - проговорила она с усилием. - Однако вы полагаете, что это Файли.

Он повернул к ней лицо, и она увидела удивление в его темных глазах, видимо, оттого, что закончились обличения и допросы.

- Да, это правда. Я уже сказал вам, что если бы я был совершенно уверен в этом, то давно убил бы его. Но младенец унаследовал его черты. Это была хорошенькая девочка с густыми рыжеватыми волосиками. Я бы не сказал, что она была похожа на Дэмиана или на меня. Мне нечего добавить к этому, Хэтти.

Она лежала, откинувшись на подушки и прикрыв глаза.

- Да большего, наверное, и не могло быть. Я верю, что вы рассказали обо всем.

Она почувствовала такое облегчение, что ей захотелось закричать. Это чувство так быстро заполнило ее сердце, душу и разум, что она не сразу осознала, как жестоко поступала до сих пор. Она стремилась уничтожить человека, который был невиновен.

- Боже мой! Я была Дон Кихотом, сражавшимся с ветряными мельницами в поисках истины. Зачем? Мне ничего не надо было делать, только поговорить с вами. Показать вам письмо Элизабет и узнать у вас правду. Я использовала вас для того, чтобы избавиться от собственного горя. Я вообразила вас средоточием всего зла на земле. И все это на основании одного-единственного клочка бумаги. Чего стоила моя вендетта! Должно быть, со мной жестокою шутку сыграла Немезида [6]. Разве простил бы меня Бог, если бы я совершила убийство?

Она разрыдалась. Первый раз она плакала так долго. Только теперь она до конца поняла, насколько несправедливыми были ее обвинения. В ее душе смешались ощущение вины, облегчение и отчаяние. Это было невыносимо. Что она могла натворить?! В ее неподвижных глазах застыло отчаяние.

- Хэтти, успокойтесь, вы не должны...

- Нет, нет. Я недостойна прощения. Я была уверена в вашей вине только потому, что меня сбilo с толку это злополучное письмо. Никогда не прощу себе этой ошибки. За мою глупость, за мою слепоту...

Она отвернулась от него, пряча слезы стыда в подушку.

Он быстро подошел к ней, взял ее на руки и начал тихонько покачивать, прижимая к груди. Она не сопротивлялась. Чувствуя, что она пытается подавить рыдания, он гладил ее мягкие локоны и терпеливо ждал, пока она успокоится. Он невольно улыбнулся в тот момент, когда рыдания перешли в икоту, и приподнял ее повыше, чтобы видеть ее лицо. Она пыталась спрятать лицо в открытый ворот его белой рубашки.

- Послушайте, Хэтти, - сказал маркиз, - лорд Гарри должен смотреть мне прямо в глаза. Он имеет полное право назвать меня болваном за то, что я пустил все на самотек. И конечно же, лорд Гарри не должен вытирать слезы о мою шею. - Однако она продолжала рыдать, уткнувшись ему в шею. - Лорд Гарри - такой уважаемый джентльмен, - продолжал он, - его мужество и верность принципам заслуживают восхищения. И раз уж вы, моя дорогая Хэтти, лорд Гарри, вы должны вести себя достойно. Вы должны быстро найти какую-нибудь шпильку, чтобы уколоть меня. Как? Вы еще не готовы снова наброситься на меня? Лорд Гарри считал, что я порочен, что я хищник. Может быть, я не совсем такой, но я отличный игрок. Вот возьму и заставлю вас играть со мной в вист, пикет или фаро. Возьму и лишу вас приданого. Ведь мне ничего не стоит обыграть вас. Будете валяться у меня в ногах, когда останетесь без пенни в кармане. Ну, что вы скажете на это, Хэтти?

Она подняла на него мокрые от слез глаза и увидела, что он с нежностью смотрит на нее. Откуда эта нежность у человека, которого она собиралась лишить жизни? От этих проявлений своего недавнего противника она оттаяла, а чуть позже почувствовала в себе непонятную раскованность. Она громко чихнула и сказала, глядя ему в глаза:

- Вы видели меня обнаженной.

Он был явно озадачен таким заявлением. Оно показалось ему любопытным, даже забавным, но он никак не ожидал услышать его. Будучи человеком находчивым и вместе с тем осмотрительным, он решил притвориться равнодушным:

- Хорошо, допустим, что это так. И что с того? В тот момент я не думал о вас как о женщине.

- Вы лжете, - сказала она, не спуская с него глаз. - Я была вместе с Гарри и Скадди в заведении леди Бакстел. Там не было ни одного мужчины, который бы не интересовался женщиной, каждым дюймом ее тела.

- Вы были у леди Бакстел? - переспросил он не с удивлением, а скорее с уважением в голосе. - Вы действительно посещали публичный дом?

- А как можно было избежать этого за пять месяцев? Я пыталась, но отвертеться от Гарри было не так просто. Зато, побывав там, я сделала одно доброе дело. Спасла одну молоденькую девушку, которую обесчестил сэр Уильям. Теперь она присматривает за сынишкой Джека.

- Вы ходили в бордель и ухитрились увести оттуда шлюху? Да еще пристроили ее ухаживать за вашим племянником?

Она рассказала ему все о Маврин, о смерти ее дяди Боба и о том, как девушка оказалась на улице.

- Я ужасно разозлилась на сэра Уильяма Файли. Он так жестоко и гнусно обращался с ней.

- Сэр Уильям далеко не лучший представитель рода человеческого, - сказал он, быстро

поцеловав ее волосы. Он был так поражен ее признанием, что не решался расспрашивать дальше.

Хэтти склонила головку набок и лукаво улыбнулась:

- Я хорошо изучила мужчин. Я знаю, чем они озабочены все время. Близостью с женщиной. Долгое время меня это смущало, но потом я смирилась и даже сама стала отпускать разные недвусмысленные шуточки, предназначенные не для дамских ушек. Все поверили, что я оставила Маврин для себя. И я была довольна, что они так считали. Таким образом, я получила возможность отказаться от дома мадам Бакстел.

Он покачал головой.

- Просто невероятно. - Больше он ничего не мог выговорить.

Затем наступило молчание. Молчание, заполненное взаимным любопытством и невысказанными вопросами.

Наконец она подняла на него глаза, и он тотчас легким поцелуем закрыл ее сомкнутые губы.

- Я мечтал сделать это еще на балу у Рэнлигов, - сказал он. - Мне безумно хотелось прикоснуться к вам. Мне нравилось, как вы смеялись. Ваш смех завораживал меня. Через него мне передавалось ваше тепло. Вы покорили меня, Хэтти. Очаровали от кончиков волос до кончиков пальцев. Я восхищался вами. И одновременно я не знал, что подумать о вашей ненависти ко мне и почему вы ушли из дома в тот день, когда я должен был обедать у вас.

- Вы тоже очаровали меня - призналась она. - Но это чувство было ново для меня. Я ничего не знаю об отношениях между мужчинами и женщинами, ваша светлость...

- Меня зовут Джейсон. Думаю, вам ничто не мешает обращаться ко мне по имени?

- Джейсон. Звучит почти как Ясон [7]. Может быть, вы и есть тот благородный греческий герой, искатель приключений?

- Он самый, - ответил он и снова поцеловал ее. - Давайте продолжим разговор о мужчинах и женщинах. Вы можете пополнить свои знания. Я хочу сообщить вам, что у вас есть возможность завладеть не только моим сердцем, но и состоянием. Такой власти надо мной не имела ни одна женщина. Должен признаться, что мне нравилось слушать все ваши словесные выпады. Представьте себе, мне нравилось чувствовать себя обескураженным.

- А когда вы ухаживали за мной, вы действительно не воспринимали меня как женщину?

«Кто бы мог предположить, что ночь закончится таким образом?» - подумал он и опять наградил ее легким поцелуем. Она была теплой и сладкой. Ему невыносимо хотелось целовать ее снова и снова.

- Вы прекрасны, а я не слепой. Но поверьте, тогда я не мог забывать о главном - вашем здоровье. Я должен был вести себя как доктор, а не как мужчина. Нельзя уваливать от своих обязанностей, Хэтти. Несомненно, если вы бы ухаживали за мной, у вас тоже не было бы другого выбора. Если бы я, будучи раненным, лежал перед вами обнаженным, разве вы бы чувствовали плотское влечение ко мне?

- Не знаю, - медленно проговорила она, слегка нахмурившись. - Я уже сказала вам, что я думаю о джентльменах. У них женщины не выходят из головы ни на один час, ни днем, ни ночью. Это было и остается для меня непонятным. О подобных желаниях у женщин мне мало что известно. С ними происходит то же самое?

- В следующий раз, когда мы будем драться на дуэли, я устрою так, чтобы мне оказаться в роли раненого. Вот тогда я посмотрю, как вы будете вести себя, будете ли вы целовать меня или держать на руках так, как я нянчил вас все это время. Вы тоже проверите свои чувства. А вообще страсть - это великое наслаждение, Хэтти.

- Возможно. Но я полагаю, что мне выпадет случай познать это при более счастливых обстоятельствах, нежели в роли сиделки после вашего ранения. - При этих словах она вздрогнула и снова припала головой к его шее. - Вы знаете, я, кажется, отчасти представляю, что это такое. Я действительно получала наслаждение от уроков фехтования с синьором Бертиоли. Да, особенно когда дело доходило до того момента, когда можно было вонзить рапиру.

Он крепче обхватил ее за плечи и закончил недосказанное ею:

- Да, Хэтти, в каждом спорте всегда бывает высшая точка, хотя это не совсем то, что я имел в виду. Азарт и удовлетворение в состязании - вещи относительные и условные. Поверьте, невозможно получить подлинное удовольствие оттого, что вы кого-то проткнете шпагой. Так бывает только в глупых любовных романах.

- А разве вам не хочется убить сэра Уильяма Файли?

В темных глазах маркиза появился зловещий блеск.

- Это совсем другое дело. Ненависть - это иная страсть. Да, я давно хотел убить этого человека. И я сделал бы это, но у меня были связаны руки. После смерти Элизабет я ненадолго вернулся в Лондон и сразу же столкнулся с Файли. Сэр Уильям - редкая скотина, но отнюдь не глупец. Он прекрасно понимал, что я лучше его владею и шпагой, и пистолетом. Поэтому он стал отрицать свою роль в жизни Элизабет и молча проглатывал мои оскорбления. Как вы помните, он так же поступил и в тот вечер, когда я вмешался в ваш с ним спор и заступился за вас.

- Я бы тоже хотела убить его, - сказала Хэтти. - Я была готова убить его после того, как узнала, как он поступил с Маврин.

Она придвинулась к нему, чтобы облегчить внезапно проснувшуюся боль в боку. Он ощутил ее грудь, прижавшуюся к его груди, и почувствовал, как в то же мгновение напряглась его мужская плоть. Ему не хотелось смущать ее и тем более отпугивать. «Черт побери, ничего не поделаешь».

Он быстро уложил ее обратно, выпрямился и склонился над ней. Она была юная, прекрасная и такая женственная, что было бы странным, если бы его тело не отзывалось подобным образом. Он снова увидел в ней загадочную девушку в маске, услышал ее смех, ощутил ее радость оттого, что кружил ее в вальсе. Теперь он хорошо знал и ту девушку, и лорда Гарри. Он знал их обоих лучше, чем любое другое существо на свете. Две разные половинки отныне принадлежали ему. Не было другой такой женщины. Тоскливые мысли и боль от сознания, что она так долго не подпускала его к себе, прошли.

- Вам необходимо отдохнуть, Хэтти. У нас с вами была такая замечательная ночь, что я, наверное, никогда не забуду ее. Я надеюсь, вам не захочется всадить мне нож под ребро, когда

вы проснетесь?

- Нет, Джейсон, мне не захочется сделать это, - сказала она, позволяя ему укрывать себя одеялом.

- Правда?

- Да. А как вы думаете, вы сможете простить меня за все, что я натворила?

- Возможно, - ответил он спокойно, - лет этак через двадцать.

Она улыбнулась: «Двадцать лет - как странно это звучит. Но я это слышу. Это прекрасно». Первый раз с тех пор, как не стало Дэмиана, она почувствовала что-то еще, кроме вины, отчаяния и слепой решимости мстить. В глубине ее души зародилось умиротворение. Она с радостью ухватилась за эти блаженные минуты покоя. Однако Хэтти понимала, что не должна терять бдительности, потому что человек, виновный в гибели Дэмиана, остается неизвестен. И все же эти мысли не мешали ей сладко заснуть и улыбаться во сне.

Глава 29

Когда она проснулась, царил необычная тишина. Огромная спальня была залита ярким солнечным светом. Небывалое ощущение успокоения все еще было с ней, и тихая улыбка не успела сойти с ее лица. Она ясно вспомнила его, вспомнила, как он обнимал и целовал ее. Недавно пережитые ощущения, несмотря на тянущую боль в боку, были живы и целостны. Боль уже не имела значения, такую боль можно терпеть. Главное - она была жива. И он тоже был жив. Она посмотрела на него. Он сидел за столом и, наклонив темную голову, быстро что-то писал. На нем была белая рубашка с отложным воротником и широкими рукавами с обтягивающими манжетами. Черные лосины придавали ему импозантный вид. А взглянув на его черные ботфорты, она должна была признать, что лорд Гарри никогда не выглядел с таким блеском.

Но самым важным для нее было то, что он открыл ей правду. Он невиновен. Это человек чести, благородный джентльмен. Он был чист перед ней. В душе снова вспыхнуло чувство вины, но она заставила себя отбросить его. Все плохое было уже позади. Он все понял и простил ее. Во всяком случае, ей обещано прощение в течение ближайших двадцати лет.

Утро, наполненное этой благородной тишиной, продолжало радовать ее. Она попыталась приподняться на локтях, чтобы дотянуться до графина с водой.

- Кому вы пишете?

Он отложил перо и быстро поднялся:

- Нет, не вставайте. Лежите смирно. Я вам подам воду.

Он держал стакан, пока она пила.

- Я пишу письмо сэру Арчибальду.

- Обо мне? И что вы пишете?

- Я пишу вашему уважаемому отцу, что леди Алисия Уортон - гостеприимная хозяйка. Далее я приношу сэру Арчибальду ее извинения за то, что она не предупредила его заранее о

предполагаемом визите его восхитительной дочери. Я перечисляю все ваши занятия и развлечения с момента прибытия в Торстон-Холл. Боюсь, что по прочтении этого письма у вашего отца сложится впечатление, что здесь у вас слишком много соблазнов. Возможно, даже он подумает, что вы флиртуете с джентльменами, а также что вам очень нравится хозяин – лорд Оберлон.

Она открыто смотрела на него своими ясными синими глазами.

- Я бы не возражала против соблазнов.

Он испытал секундное замешательство и потом спросил с улыбкой:

- Значит, никакой дуэли сегодня? Никакого кинжала в мое злодейское сердце?

Она покачала головой и попросила еще воды.

- Назовите меня по имени, Джейсон. Мне нравится, как вы произносите мое имя.

Она поперхнулась, и ему пришлось легонько постучать ей по спине. Он сел на кровать, притянул ее к себе и начал мягко поглаживать по спине. Она перестала кашлять, стоило только ему прикоснуться к ней.

- Джейсон, - спросила она, подняв на него глаза, - леди Алисия - ваша единственная сестра?

Он не дал ей продолжать и начал тихонько укачивать ее.

- Да. И к счастью для нас, в данное время она ждет ребенка. Так что маловероятно, что она отважится отправиться в Лондон. Как бы мне ни хотелось обнимать вас до тех пор, пока я не должен буду отдать вас в руки Милли, я вынужден оставить вас. Мне нужно сделать распоряжения насчет завтрака и закончить это письмо. Скоро Потсон доставит его в Лондон.

- Вы пишете о флирте. Я действительно напропалую флиртвала с хозяином?

- Да. Вы проболтались моей сестре, что вам очень хотелось привлечь его внимание.

- Внимание хозяина? Это выглядит довольно странно. А вы думаете, его это действительно интересовало?

- Вполне возможно, особенно если учесть, что он умывал вас, кормил вас и даже целовал. Но ему этого явно недостаточно.

Ей нравилось слушать все это.

- А больше вы ничего не забыли?

- О, есть много вещей, о которых я мог бы сообщить, - сказал он, поднимаясь. - У меня много запретных мыслей и намерений, Хэтти, в том числе и по части соблазнов. Но позвольте, сейчас я буду отвечать вам как джентльмен и как доктор. Я надеюсь, что ничего не забыл. Кроме этого письма, я только что написал очередную записку графу Марчу, насчет состояния лорда Гарри. Кхе-кхе, я полагаю, он, в свою очередь, оповестит своего шурина.

Хэтти лежала на спине, задумчиво покусывая нижнюю губу.

- А когда Генриетта Ролланд отправится домой?

- Я думаю, дня через три. Если хотите, я могу добавить к трогательным извинениям леди Алисии смиреннейшую просьбу к сэру Арчибальду, чтобы он разрешил вам погостить до конца недели. Но и этого мало: Хэтти все еще будет чертовски слаба, и у нее не пройдет боль.

- Меня это совсем не устраивает.

- Не подумайте, что я осуждаю вас, Хэтти. Какую Генриетту Ролланд вы имеете в виду? Ту, которую я хотел беззлобно поддразнивать и целовать на балу у Рэнлигов? Или ту, которая была на вечеринке у моей тетушки, называла меня отличным парнем и была настолько вульгарной, что мне хотелось отшлепать ее?

Она засмеялась и принялась оправдываться со смущенной улыбкой:

- Конечно же, я дурачилась. Но это только сначала. Вы оказались очень проницательны и быстро почувствовали притворство. Поэтому я была вынуждена оставить насмешки над вами.

- Да, хорошо, что вам хватило благоразумия остановиться. Возможно, я распознал бы вас среди двойников, появившихся в разных частях Лондона, хотя и не сразу. Однако должен вам сказать, вы самонадеянная женщина, Генриетта Ролланд. Вы знаете это?

- Этому я научилась у лорда Гарри. Он не хотел отставать от светских ловеласов ни по части безжалостности, ни по части кичливости. Да, лорду Гарри я обязана многим. То же могу сказать и о мисс Каролине Лэнгли. Она пыталась вскружить вам голову. Я внимательно прислушивалась к ее болтовне. Она беспрестанно твердила, как вы прекрасны. Каждый раз мне приходилось прикусывать язык, потому что я была твердо убеждена, что вы отменный негодяй.

Он только кивнул ей и быстро направился к двери, услышав стук. Он взял у слуги поднос с завтраком и тотчас прикрыл дверь.

- Я уверен, что прислуга с ума сходит от любопытства. Они никак не могут понять, что происходит. Потсон сказал, что они одолевают его и Милли. Но ваши верные друзья стойко молчат. Итак, Хэтти, овсяная каша, тосты, вдоволь масла и коронное блюдо нашего повара - десерт с медом.

Она вволю отведала всего. Наконец-то она была сыта. Оба остались очень довольны.

- Как вы полагаете, - спросила Хэтти, - сэр Уильям Файли мог выслать Дэмиана из страны? Насколько сильны его связи?

- Если бы знать! Мне ничего не известно о его связях в военном ведомстве. Эта сторона дела остается для нас с вами загадкой, хотя я не думаю, что это его рук дело. А что, разве лорду Гарри не пора сложить оружие?

Она нахмурилась, склонившись над чашкой с кофе. Он не знал, какие намерения скрываются за ее вопросами.

- Слава Богу, Хэтти, вы теперь можете расстаться с этим высокомерным молодым джентльменом. Пусть он отправляется обратно в свои дикие северные края или даже в Шотландию. Это была бессмысленная и небезопасная игра, Хэтти. Вы только подумайте, чем вы занимались! Во всяком случае, от того, что знаю я, у меня все внутри сводит. Хорошо, что

все это позади. Теперь вы по крайней мере можете надеть свои юбки, и мне больше не придется охотиться за вами.

Последние слова были непростительно опрометчивыми. Она выдержала его взгляд с подозрительным спокойствием.

- Ах, до чего же вы разумны, ваша светлость. Вы считаете, что мое время ушло и что дальнейшие поиски истины - удел истинного джентльмена? Леди должна знать свое место и заниматься своими делами: жеманничать и подавать чай. Так прикажете вас понимать?

Она сердила его, и в то же время ему было интересно наблюдать за ней. Если норовистый характер возвращается к ней, значит, ей стало намного лучше. Как же ему поступать? Его предложения не должны раздражать ее, и в то же время он не может не оставаться самим собой.

- Разумеется, - сказал он с искренней простотой, - вам следует возвратиться в те круги общества, к которым вы принадлежите. Я не говорил, что вы должны жеманничать или подавать чай. Вместе с тем я не хочу, чтобы вы снова надели брюки. Я не желаю видеть вас разгуливающей с важным видом в «Уайтсе» или в злачном месте наподобие заведения леди Бакстел. Ради Бога, не делайте этого.

- Расхаживающей с важным видом? А не послать ли вас к черту?

- Хэтти! Мы еще даже не были близки, а уже ссоримся. Ну что вы такое говорите? Что вы хотите, чтобы я сделал?

- Чтобы вы убирались к дьяволу, - медленно произнесла она, делая ударение на каждом слове. Она видела, как у него окаменело лицо и сжались челюсти. - Если я захочу остаться лордом Гарри и носить брюки, - продолжала она, - я не стану спрашивать разрешения ни у вас, ни у кого другого. Никто не давал вам власти надо мной. Я буду делать то, что сочту нужным. - Она нахмурилась и положила голову на стиснутые руки. - Возможно, я выразилась слишком нелицеприятно и обидела вас. Как вы сказали, «мы еще не были близки, а уже ссоримся». Я не хочу ссориться с вами, но и не могу позволить вам вмешиваться в мои дела. Я не хочу, чтобы вы делали все по-своему. Дэмиан был моим братом, и мой долг перед ним - выяснить правду. И я не оставлю попыток этого добиться.

- Чёрт знает что! - воскликнул он, взъерошивая волосы. - Уму непостижимо. Не зря мне казалось, что вы всегда старались перебороть меня. Но в данном случае я буду тверд. Я не позволю вам больше появляться в обществе в облике лорда Гарри. Это то, что я могу предотвратить, и я не допущу этого. Лорда Гарри больше нет. Он изгнан из Лондона, этот юный джентльмен. Мы с вами должны найти общий язык, нужно придумать что-то другое. Вы согласны?

- Я подумаю. Это все, что я могу пока обещать. Оставим эти разговоры. Вы можете подойти и поцеловать меня, Джейсон? Может быть, тогда моя голова станет яснее.

Он взглянул на ее бледное лицо, юное, невинное и очень кроткое, со светлыми локонами по бокам. Она внимательно следила за ним и ждала от него ответа. Он быстро привлек ее к себе, и она почувствовала его теплое дыхание на лице.

- Не надо сжимать губы, - прошептал он, приныкая к ее рту. Она послушалась и в ту же секунду потеряла голову.

- Ой, как приятно. А еще нельзя?

- Можно, если вы обещаете впредь не делать ничего, не посоветовавшись со мной.

Озадаченная таким ответом, она замолчала. «Нужно было целовать ее крепче и дольше, - пожалел он о своих словах, - чтобы пробудить в ней страсть и не дать опомниться. А теперь уже поздно - ее смышленная головка заработала на полной скорости».

На всякий случай он решил попробовать использовать свой авторитет, хотя почти не сомневался, что снова вызовет у нее раздражение.

- Я спас вас, Генриетта, спас нас обоих от скандала. Мы могли попасть в лапы сплетников, и уж тогда все очень быстро узнали бы, как молодая леди из порядочной семьи устроила этот спектакль и вызвала меня на дуэль. Вы не считаете, что после такого финала нужно отдать мне должное? Разве я плохо уладил наши дела?

- Я жива, и уже одно это хорошо. А насчет всего остального - не знаю. Пока мне не остается ничего другого, как положиться на ваши слова. Но, увы, это только слова! Может быть, вашей сестры не существует на свете.

Он засмеялся, потрепал ее по волосам и притянул к себе с такой силой, что она запищала.

- Вы должны подчиняться мне, Хэтти. Я намерен жениться на вас. Полагаю, что, после того как я видел вас обнаженной и рассмотрел каждый дюйм вашего восхитительного тела, это мой долг. В конце концов, я находился несколько дней наедине с вами, и вы носили мою ночную рубашку. Для честного и порядочного мужчины нет другого выхода. Я достаточно молод и сейчас я снова влюблен.

После этих слов он получил то, что и ожидал. Она толкнула его в грудь, а затем уперлась кулаками ему в живот. Видя, что ему не больно, она проделала то же самое еще раз. И все равно он только смеялся, потому что ей еще не хватало сил, чтобы достичь цели.

- А может быть, я не захочу выходить за вас замуж. Я ведь совсем не знаю вас. Вы так долго были в моих глазах негодяем. Может быть, на том балу у Рэнлигов я разглядела в вас только частичку. Может быть, это был единственный вечер, когда я была очарована вами. С виду вы очень милы, ничего не скажешь, и целоваться с вами очень приятно. Но это еще ничего не значит, потому что я не знаю, как это выглядит с другими. Ведь до вас я ни с кем не целовалась. И вообще я не знаю, есть ли у вас какие-нибудь таланты и достоинства или вы просто тролль...

Она не успела договорить, потому что он закрыл ей рот поцелуем.

- Ах да, я упустила из виду одну вещь, ваша светлость, - сказала она, когда он отпустил ее. - Я не позволю вам снисходительно обращаться со мной. Вы знаете, что я могу объявить всему миру? Не догадываетесь? Я скажу, что замечательный маркиз де Оберлон, знаменитый светский лев, который непринужденно шутит, смеется и очаровывает всех подряд, - злой рыцарь. Я расскажу всем, что он дрался на дуэли с девушкой. Страшно подумать, что будет тогда с вашей репутацией. Станет ли с вами после этого кто-нибудь разговаривать?

- Вы очень изобретательны, - сказал он, поглаживая ее по белой шейке. - А что, если я сейчас возьму да слегка придавлю вас? Будете хныкать? Будете называть меня жестоким и...

- Я скорее умру, чем позволю себе хныкать, - сказала она, осторожно прикасаясь кончиком

пальца к его губам, подбородку и носу. – Вот так, «отличный парень».

– А вы упорная девушка, Генриетта. У вас железная воля.

Вероятно, можно было пригрозить ей чем-нибудь более суровым, но он понимал, что это тоже не принесло бы пользы. Скорее всего она бы только посмеялась над ним. Нет, угрозами ее не возьмешь, и вообще бессмысленно сейчас требовать от нее полного подчинения. Может быть, в будущем он и захочет этого, но пока лучше забыть об этом, потому что нетрудно представить, что его ждет. «Жизнь – удивительная штука, – думал он, целуя ее в ухо, – никогда не знаешь, что она приготовит тебе. Четыре дня назад у меня и в мыслях не было подобных забот». Женитьба, которую он сегодня шутя обсуждал с ней, была для него вопросом решенным. Он любил эту девушку.

Когда он поднял на нее глаза, все его мысли были написаны у него на лице. Она оттопырила нижнюю губу и высунула язык. Он уставился на ее язык и губу. Если бы он только мог дать волю своим чувствам! Он так хотел, чтобы она сейчас принадлежала ему, чтобы он мог покрыть ее с головы до ног ласками и поцелуями.

– Черт побери, мне лучше уйти. – Он мягко опустил ее на подушку. – Вы понимаете, что я имею в виду, Хэтти. Есть вещи, о которых джентльмен не должен говорить молодым леди. Я не рискну обсуждать их с вами, иначе мне придется вызвать себя на дуэль. Сейчас я пришлю вам Милли. А пока отдохните. Я, кажется, не в силах оторваться от вас. Все это очень странно, но это так.

– Я знаю, – сказала она, – знаю.

Глава 30

Пока он осторожно снимал одежду и повязку, Хэтти скрежетала зубами, преодолевая боль. Рана закрылась и, судя по здоровой розовой коже по краям, заживала неплохо. Правда, черные нитки выглядели неопрятно, но с этим ничего нельзя было поделать. «Похудела», – подумал маркиз, обмывая ей бок теплой мыльной водой. Не желая смущать ее и создавать искушение для себя, он приподнял на ней край рубашки только до половины груди и прикрыл простыней нижнюю часть тела. Когда мягкая влажная материя прикасалась к ее коже, она вздрагивала.

Он остановил руку возле ложбинки на животе.

– Вы прекрасны. Даже доктор не может удержаться, чтобы не сказать это. Но ваш отец может подумать, что Алисия морила вас голодом. Вам нужно хорошенько есть, Хэтти. Я надеюсь, мы с вами доживем до того дня, когда вы обростете жирком. Бог мой, какое же у вас белое и нежное тело! Ох, простите! Я поступаю неприлично. Я же ваш доктор. У меня не должно быть никаких мыслей, кроме раны. Ну вот, рана зарубцевалась. Нитки вам удалит Милли, когда вернетесь домой.

Она молчала как каменная. Почувствовав, как напряглись мышцы у него под рукой, он робко отодвинулся. Потом вытер ее мягким льняным полотенцем и потянулся за порошком базилика.

– Я чувствую себя ужасно неловко, – сказала она, после того как он припудрил рану.

Он посмотрел на ее лицо, ожидая увидеть румянец смущения, и слегка опешил, когда встретился с ее испытующим взглядом. Что означал этот взгляд? У нее были какие-то чувства к нему, несмотря на остававшуюся боль в боку? Ей нравилось, что он прикасался к ее телу? О небо! Он тоже получал от этого удовольствие.

Он хлопотал над ней, как священник над купелью с младенцем. В какой-то момент ему не хватило сноровки, и льняная ткань в его руке скользнула от ребер к поясу. На лбу у него выступила испарина. Он был уверен, что причинил ей боль. Обругав себя неуклюжим медведем, он принялся поправлять повязку.

- Вы действительно собираетесь жениться на мне? - спросила она, глядя ему прямо в глаза.

- Да, - ответил он. - Я обязан это сделать. Я позволил себе больше, чем положено. Любой благородный мужчина - а я отношусь к таковым, - имея дело с неискушенной девушкой, должен как можно скорее вести ее к алтарю.

- Но вы не спрашиваете меня, хочу ли я этого. Может быть, мне необходимо поближе познакомиться с вами.

Она пристально наблюдала за ним, ожидая ответа, пока он натягивал на нее ночную рубашку.

- Я не сомневаюсь, что вы и так уже все знаете. Вы улыбались мне и просили, чтобы я целовал вас. И я вполне доволен, что вам нравятся мои ласки. Скоро вы вернетесь домой. Ваша рана еще поболит немного. Но я думаю, Милли окружит вас своей заботой следующую неделю. Вы говорите, что вам хочется поближе познакомиться со мной? Вам хочется посмотреть, насколько я обходителен, умею ли я красиво выражаться и услаждать ваши ушки лестью? Вам непременно нужно слышать о том, какие у вас прекрасные брови или что-то в этом роде?

- А они действительно прекрасные? Вы так считаете?

- Что я считаю?

- Вам в самом деле нравятся мои брови?

Он заморгал, прошелся три раза взад и вперед вдоль кровати и, криво усмехнувшись, направился к двери.

Внезапно она почувствовала страшную усталость. Как и прежде, она не могла понять, откуда исходит эта ненавистная слабость, которую она не в силах побороть.

Сон, подобно паутине, опутывал ее мысли. «Пусть он не думает, что я такая же, как большинство женщин». Она не была и не будет хрупкой, податливой и беспомощной, какой, по мнению мужчин, должна быть женщина. В ней никогда не будет ничего даже отдаленно напоминающего эти качества, независимо от того, будет он в восторге от этого или нет. «Хватит думать об этом». Почему она должна ломать себе голову? Только потому, что за эти четыре дня он перевернул всю ее жизнь? Но еще оставалась память о неотмщенном Дэмиане. И оставался виновник его гибели. Кто-то вынудил Дэмиана покинуть Англию. Кто-то послал его на верную гибель. Этот человек, будь он проклят, до сих пор оставался в тени. Пока преступник не найден, лорд Гарри не станет сидеть сложа руки.

На следующее утро Хэтти, одетая в костюм лорда Гарри, как того требовали обстоятельства, покидала Торстон-Холл. Она шла, опираясь на руку хозяина, молча прощаясь с гостеприимным особняком. При первой же возможности она с радостью вернется сюда, если, конечно, предложения лорда Оберлона пройдут проверку временем.

Как она и предполагала, у подъезда с готическими колоннами уже стоял экипаж сэра Арчибалда. В распахнутых дверях ее встречали Милли и Потсон. Она закуталась поглубже в

пальто, прячась от холодного зимнего ветра. Конечно, она должна уехать отсюда как лорд Гарри, чтобы не подвести ни маркиза, ни своих слуг, но ее совсем не прельщало переодеться в дамское платье в тесной карете, даже при помощи горничной.

Она посмотрела на суровый профиль маркиза, доверительно говорившего с Потсоном, и вдруг остро почувствовала свое одиночество. Она не хотела покидать Торстон-Холл, не хотела расставаться с его хозяином, не хотела возвращаться домой. Заметив, что маркиз обращается к ней, она повернула к нему бледное лицо.

- Мне очень жаль, но я не могу сопровождать вас. Милли и Потсон получили необходимые указания. Вам будет обеспечен хороший уход. Вскоре я заеду к вам - справиться, как идут дела.

- Я постараюсь быть осторожной, - сказала она. - Когда я увижу вас?

- Через три дня. Я сомневаюсь, что смогу выдержать больше. Вы свели меня с ума. Я хочу целовать вас, ужасно хочу. Боже, что я говорю! Надеюсь, слуга не слышал. Чего доброго, схлопочу репутацию извращенца. Поезжайте, лорд Гарри. Берегите себя и отдохните. Скоро я навещу вас.

Он хотел было прикоснуться к ее лицу, но тотчас отпрянул. Он был обязан поддерживать начатую игру.

Маркиз захлопнул за ней дверцу кареты, повернулся и направился обратно.

- Силкен, - закричал он, поднявшись на ступени, - готовьте мне экипаж. Через полчаса мы уезжаем в Лондон.

Ровно в полдень в скромном дамском платье Хэтти приехала домой. Она была усталая и подавленная. Предполагая, что отец будет выспрашивать у нее подробности визита в Торстон-Холл, она приготовилась рассказывать о придуманных вечерах и раутах. К ее удивлению, сэр Арчибальд ограничился коротким поцелуем в щеку и небрежным замечанием:

- Я заключил, что в течение твоего визита маркиз оставался в усадьбе. Стало быть, ты провела с ним много времени.

- Он появлялся только время от времени, папочка. Хэтти поспешно схватила булочку. Продолжая краем глаза следить за отцом, она заметила его подозрительный взгляд. Она мысленно улыбнулась: если бы ее папочка знал правду!

После ленча она извинилась и вяло побрела в свою спальню. Она осторожно улеглась навзничь и принялась рассматривать лепнину на потолке, размышляя о главном распоряжении Джейсона Кэвсндера - его запрещении появляться в свете под именем лорда Гарри. Как бы ни было приятно смотреть на маркиза, как бы ни были сладки его поцелуи, она не позволит ему распоряжаться ею. Она знала, что ей предстояло сделать. Нужно выяснить, в самом ли деле сэр Уильям Файли виновен в гибели Дэмиана. Помимо этого, она должна была вернуться к бедной Изабелле, ее помолвке с сэром Гарри. При мысли о том, что сэр Уильям подбирается к Изабелле, у нее даже занял бок. «Справедливость на моей стороне, - говорила она себе. - Я отстаиваю добродетель». Если маркизу захочется наябедничать на нее, пусть занимается этим. Черт побери, почему джентльмены, в частности тот же маркиз, не могут понять, что не одни они способны бороться за честь и достоинство? В действительности ей хотелось надеяться, что он так не думал.

- Вы что собираетесь делать?

Милли изумленно посмотрела на свою госпожу, когда та на следующее утро как ни в чем не бывало сообщила ей о намерении пригласить сэра Гарри и мистера Скаддимиора в жилище лорда Гарри на обед.

- Послушайте, Милли, если вы откажетесь проводить меня на Томпсон-стрит, я отправлюсь туда одна. Но так или иначе я уйду. Лорд Гарри еще не закончил свои дела. Да, маркиз невиновен. Но вопрос остается открытым. Кто убил Дэмиана? Я должна разыскать этого негодяя.

- Но маркиз...

- К дьяволу всех маркизов! Я ваша госпожа! И он не вправе решать, что мне делать или чего не делать. Так вы согласны помочь мне, Милли?

Горничная не решилась больше спорить со своей госпожой, встретив ее холодный властный взгляд. Не может же она привязать мисс Хэтти к стулу. Остается только сопровождать ее к лорду Гарри.

Потсон тоже получил на орехи. После его увещаний у мисс Хэтти возникло желание удушить человека, который собирался на ней жениться.

- Мисс Хэтти, маркиз сказал мне, что теперь он сам будет принимать решения. Он считает, что вы еще не оправились от раны и вам нужен покой. Он говорит, что впредь вы должны носить только юбки. Он дал мне распоряжение упаковать все вещи лорда Гарри. Его светлость сказал, что он сам возьмется за выяснение того, кто выслал мастера Дэмиана из страны.

Она стояла напротив него, подбоченившись, не обращая внимания на то, что от этого усиливалась боль в боку.

- Ах, он сам! - воскликнула Хэтти. - Он сам? Как он уверен в себе. Только он один храбрый! - Потом добавила с усмешкой: - Хорошо, Бог с вами обоими. Я не буду вам ничего доказывать. Но запомните, лорд Гарри еще не умер. И только мне решать, когда он должен исчезнуть из Лондона. Если вы не подчинитесь мне, я клянусь, что отправлюсь прямо в «Уайте» и объявлю всем, что и как было. Попробуйте меня удержать - и увидите, я сделаю это. Вы этого добиваетесь? Вы хотите, чтобы я прибегла к огласке?

Милли и Потсон переглянулись. Они поняли, что все потеряно, во всяком случае сейчас. Хэтти, в свою очередь, не сомневалась, что при первой возможности Потсон побежит к Джейсону и доложит ему обо всем.

Хотя Хэтти подозревала, что после передачи приглашений сэру Гарри и мистеру Скаддимиору Потсон нанесет визит маркизу, она не стала задавать ему лишних вопросов. Она только холодно посмотрела на него, надеясь укрепить его в сознании собственного предательства.

Пока она торопливо помадила волосы и убирала их под ленту на шее, она представляла себе, как Гарри и Скадди отнесутся к ее появлению в Лондоне. Она была уверена, что у них будет много вопросов. «Как только они придут, нужно не откладывая взять их в работу», - решила она, натягивая брюки. При взгляде в зеркало у нее невольно вырвался огорченный возглас. Если и раньше брюки сидели на ней слишком свободно, то теперь они просто висели. Услышав громкий стук в наружную дверь, она еще раз оглядела себя и вышла из комнаты с надеждой, что за время болезни не отвыкла от мужской походки.

- Боже милостивый! - воскликнул сэр Гарри, сжимая и похлопывая ей руки. - За это время вы превратились в пугало. Вы что, старина, все еще неважно чувствуете себя?

- Ох, Гарри, я все вспоминал слова вашего зятя. Помните, насчет закуски в случае дуэли? Из-за этого я сделался совсем больным, и у меня пропал аппетит.

Хэтти удивилась тому, что так быстро сумела снова войти в роль лорда Гарри.

- Зато Скадди хорош! Ест, сколько в него влезет, из чувства симпатии к вам. Во всяком случае, он так мне говорил.

- Спасибо, Скадди, - сказала она. - Хорошо все-таки остаться живым. Я очень рад снова видеть вас обоих в добром здравии.

- Признаться, мы были удивлены вашему приглашению, - заметил Скадди. - Мы не думали, что увидим вас, лорд Гарри.

- Удивлены? Почему? Уж не думали ли вы, что я не выживу после этого ранения и отправлюсь к праотцам?

- Скадди имеет в виду слова маркиза де Оберлона, - пояснил сэр Гарри. - Маркиз сообщил Жюльену, известному вам графу Марчу, что как только вы оправитесь после ранения, вы вернетесь к себе на родину. Мы страшно рады, что вы оказались здесь. Вы прекрасно сделали, что решили попрощаться с нами, прежде чем отправиться обратно в ваши суровые края.

«Прекрасно, черт побери! - про себя выругалась она. - Успел. Позаботился».

- Вы ошибаетесь, друзья, - возразила она. - Я еще не готов к прощальным словам. Кажется, маркиз несколько поторопился с объявлением о моем отъезде.

Прежде чем сэр Гарри или мистер Скаддимор продолжили обсуждать слова маркиза, она повернулась и повела их к столу.

Они уже наполовину съели первое блюдо - пышный пирог с фазаном, когда у сэра Гарри возник закономерный вопрос:

- Я хочу спросить вас, лорд Гарри, зачем вы так стремились вызвать маркиза на дуэль? Может быть, теперь наконец вы откроете нам свою тайну?

Хэтти помолчала с секунду и поднесла к губам бокал с хересом, прежде чем ответить.

- Мне не хочется возвращаться к этому. Тем более я не испытываю желаний говорить о причинах наших разногласий с маркизом. Это было бы нечестно по отношению к нему. Могу только сказать, что мы полюбовно договорились с ним. Мы устранили все расхождения, и теперь я считаю его своим другом.

- Хорошо, - сказал сэр Гарри. - Я рад, что в последний момент вы отказались от намерения убить его светлость. Это было бы непростительно. Тогда мне пришлось бы отправить вас за пределы страны.

- Да, Гарри, мое решение было разумным, - сказала Хэтти. Сейчас ей нельзя было сказать ничего другого, хотя она могла бы возразить ему. Она не имела возможности объяснить, что исход дуэли мог быть иным: она могла убить маркиза, если бы ей хватило духу. - Я благодарен

маркизу, - продолжала она - Он отвез меня в Торстон-Холл и ухаживал за мной. Он спас мне жизнь. Я в неоплатном долгу перед ним.

- Вы выстрелили в воздух, лорд Гарри, - бесхитростно заметил Скадди. - Я горжусь вами.

- Выстрелил в воздух? Я не понимаю вас, Скадди. В воздух стреляют только из пистолета, а мы дрались на шпагах.

- В некотором роде Скадди попал в точку, - сказал сэр Гарри. - Ваш благородный поступок равносителен выстрелу в воздух. Я много раз рассказывал Скадди, вы держали кончик шпаги у груди лорда Оберлона. Достаточно было сделать небольшое усилие, и шпага оказалась бы у него в сердце. Но вы предпочли даровать ему жизнь. Да, это был настоящий выстрел в воздух.

- Вы можете не соглашаться, лорд Гарри, - добавил мистер Скаддимор, - но маркиз сам признал вашу отвагу и с похвалой отзывался о вашем благородстве.

- Маркиз? - удивилась Хэтти. - Он говорил об этом?

- Вам бы лучше попридержаться язык, Скадди, - набросился на друга сэр Гарри. - В конце концов, это были мои письма, вернее, письма моего зятя. И это я прочитал их. Видите ли, лорд Гарри, пока вы были на ремонте, маркиз регулярно сообщал Жюльену о вашем здоровье. За то время, что вы находились в Торстон-Холле, его светлость преисполнился большим уважением к вам, несмотря на ваши буйные выходки и юные годы.

Конечно, она предпочла бы, чтобы маркиз не распространялся о ее достоинствах столь откровенно и широко, хотя сама по себе его похвала была ей приятна. Желая прекратить разговор на эту тему, она протянула бокал сэру Гарри:

- Мы слишком много говорим обо мне. Скажите Гарри, можем ли мы со Скадди провозгласить тост в вашу честь? Я полагаю, ваше венчание с прелестной Изабеллой уже близко?

Скорбная складка пролегла на гладком челе сэра Гарри.

- Он настоящий безумец, вот он кто, - не вытерпел Скадди. Сэр Гарри встревожено смотрел на них.

- Черт побери, если бы я только знал, что вокруг этого поднимается столько шума! Я отказываюсь понимать, что происходит. Похоже, она больше не возражает против ухаживаний сэра Уильяма Файли.

- Сэр Уильям Файли - не первой молодости мужчина и к тому же отвратительный. Как прикажете вас понимать?

- Так, как я сказал. Этот старый развратник вдруг стал очень угодным для Изабеллы. Он осыпает ее цветами. Он говорит ей глупые комплименты насчет всяких лент в ее распроклятых волосах и даже вывозит ее на конные прогулки в парк. А на днях старый ловелас даже подошел ко мне в «Уайтсе» и с наглой ухмылкой предложил мне пари, заявив, что обязательно выиграет его.

Хэтти почувствовала, что холодеет. Сэр Уильям хотел повторить то, что не так давно сделал с Элизабет?

- Не слушайте его, Гарри, это чепуха. Не могу себе представить, как Изабелла принимает его

ухаживания, не иначе как по принуждению матушки. Это мать заставляет ее угождать этому мерзкому сатиру.

- А кто такой сатир? - спросил Скадди.

- Это дрянное существо, - ответила Хэтти. Гарри угрюмо уставился в свой бокал с хересом.

- Ну, что вы молчите, Гарри, - продолжала Хэтти, - ответьте, вы делали предложение Изабелле? Вы говорили ей о своих чувствах? Она отказала вам?

Гарри стиснул бокал в руке. Ножка хрустнула и сломалась. Он поднял глаза и в ярости закричал:

- Довольно! Хватит вмешиваться в мои дела. Она лишила меня последней возможности, если хотите знать! Я устал повторять ей одно и то же. Сколько раз я говорил ей, чтобы она не слушала лесть этого распутника. Я сказал ей, что он просто хочет соблазнить ее, что он любит молоденьких девушек и что ему нельзя доверять.

Хэтти внимательно смотрела на него.

- Вас послушать, так все это время вы только и делали, что читали нотации мисс Изабелле. И еще убеждали ее, что она глупа. На самом деле глупы вы, Гарри. Как можно быть таким круглым дураком?

Внезапно глаза мистера Скаддимиора заблестели. Наконец-то он получил поддержку.

- Слава Богу, лорд Гарри думает так же, как я. Какой девушке понравится без конца слушать поучения? Бьюсь об заклад, Гарри, что после вашего ухода сэр Уильям наговорил ей столько приятного, сколько она за все время не слышала: что она умница, красавица и свет очей его. Черт знает что вы наделали. Какой же вы идиот, Гарри!

Хэтти видела, что сэр Гарри уже теряет самообладание. Он мог опрокинуть их обеденный стол и вмазать Скадди в его огромную челюсть. Ведь он уже сломал свой бокал. Нужно было срочно охладить пыл бедняги.

- Послушайте меня внимательно, Гарри, - поспешно сказала она. - Я хорошо знаю сэра Уильяма. Я могу рассказать о нем такие вещи, в которые вам со Скадди трудно будет поверить. Совершенно ясно, что сэр Уильям и не помышляет о женитьбе на Изабелле. Он большой охотник до молоденьких девственниц. Плотоядный мерзавец обожает их непорочность. Потом он их оставляет, иногда даже беременными. У меня есть неоспоримые доказательства.

- Откуда они у вас?

- Все обстоит именно так, как я сказал. Он подлый человек и не остановится ни перед чем, чтобы добиться своего. Он многоопытный блудник, а Изабелла ничего не знает о проклятом мире, в котором он вращается. Она невинна и чиста. Если вы сейчас не предпримете никаких действий, он погубит ее. Даже если он сделает ей предложение, ее жизнь превратится в сущий ад. Все, что ему нужно от нее, - это ее невинность, Гарри. Он не любит ее, его чувства не похожи на ваши.

- Черт возьми, что я могу сделать, если я ей неугоден?

Хэтти посмотрела на него пристальным долгим взглядом:

- Если вы действительно хотите жениться на ней, Гарри, вы можете взять и увезти ее в Гретна-Грин [8]. Что вам мешает совершить этот рыцарский поступок?

Сэр Гарри поспешно наполнил бокал хересом и тотчас осушил его.

- Это мысль. Есть над чем поломать голову, черт подери! - Пошатываясь, он вышел из-за стола и с силой рванул свой неожиданно ставший тесным галстук. - Хорошо, я сделаю это. Да, я женюсь на ней, если на то пошло. Переброшу через плечо и повезу в Гретна-Грин. Вы правы, лорд Гарри. Мне дороги ее целомудрие и чистота. Я хочу, чтобы она осталась со мной навсегда. Послушайте, лорд Гарри, если Изабелла откажет мне, вы поможете мне? Я готов выкрасть ее, но я должен знать, могу я рассчитывать на вашу поддержку?

Лорд Гарри улыбнулся:

- Разумеется, я помогу вам, Гарри. Но первое, что вам нужно сделать, - это поскорее начать красиво ухаживать за Изабеллой. Вы должны стать романтиком, Гарри, не забывайте об этом. Ну а если она вам откажет, тогда, конечно, примем все меры.

- Я со своей стороны помогу вам, - пообещал мистер Скаддмор. - У меня есть лошади. Вы знаете, лошади всегда пригодятся.

- В самом деле, Скадди. Ведь нам понадобятся лошади, верно? Слышите, лорд Гарри?

- Что? Ах да, конечно, - сказала Хэтти. - Дайте мне знать, когда переговорите с Изабеллой. Пошлите мне записочку, если она откажет вам. Я навещу вас, и мы составим план действий.

- Я тоже приму участие, - добавил Скадди.

Расставшись с друзьями, Хэтти тяжело привалилась к закрытой двери. Только теперь она поняла, как устала. У нее опять тупо заныл бок. Мысли о маркизе не оставляли ее. Она поймала себя на том, что задает себе один и тот же вопрос: может ли джентльмен любить леди, если та одновременно выступает в роли джентльмена?

Она оглядела себя с головы до ног, остановив глаза на брюках и ботфортах. Лорд Монтейт подарил ей величайшую свободу в мире. Она обязана ему своими приключениями, которыми вряд ли может похвастаться любая другая леди. Но сейчас, подумала она, лорд Гарри держит ее в плену. Она является заложницей его роли - роли, которая ей отныне не нужна. Она хочет выйти из этой затянувшейся игры.

Хэтти вздохнула и устало поплелась в спальню лорда Гарри. «Интересно, как можно увезти человека в Гретна-Грин?»

Глава 31

- Доброе утро, Гримпстон. Его светлость в гостиной?

- Да, мисс Хэтти. Я предложил ему чаю, но он сказал, что будет дожидаться вас.

- Будьте любезны, Гримпстон, принесите нам чаю сейчас.

Она быстро подошла к зеркалу в массивной бронзовой оправе и взглянула на себя. Аккуратно зачесанные белокурые волосы приобрели свой естественный природный блеск. Никакой помады для Генриетты Ролланд! Она полагала, что сейчас ее внешний вид вполне хорош.

Голубое платье из муслина хотя и несколько коротковато, но в любом случае смотрится на ней несравненно лучше, чем брюки из оленьей кожи. Сама по себе подобная смена одежды – это наиболее значительная перемена в ее облике за последнее время.

Она осторожно приоткрыла дверь и, увидев маркиза, незаметно вошла в гостиную. «А он дьявольски красив!» – непроизвольно отметила она, не сознавая, что в этой оценке было что-то привнесенное лордом Гарри.

В этот день маркиз уделил своему костюму внимания больше, чем обычно. На нем были купленный накануне у Вестона фрак тонкого сукна серо-голубого цвета и черные ботфорты, отполированные так, что в них можно было смотреться как в зеркало. Он стоял у высокого стрельчатого окна спиной к ней и смотрел на площадь.

– Доброе утро, ваша светлость.

Он быстро обернулся. Долгое время он ничего не мог выговорить, только не сводил с нее пристального взгляда. Она тоже не отрываясь смотрела на него.

– Боже мой, – медленно произнес он, переведя наконец дух. – Луиза действительно была права.

– В чем же?

В ответ темные глаза насмешливо улыбнулись ей.

– Вы спрашиваете меня так, будто я сказал вам что-то обидное. Раз так, вы не получите от меня ответа. Возьмите и спросите Луизу. Интересно, а где ваши очки? И еще, где то забываемое гороховое платье и чепец? Их воздействие неотразимо. Стоит мне только вспомнить то и другое, как у меня желчь подкатывает к самому горлу. Клянусь, эти дивные вещи до сих пор не изгладились у меня в памяти.

Он приблизился к ней, медленно поднял ее руку и поцеловал ей пальцы.

– Как вы себя чувствуете?

– Немного болит. Только и всего. У вас прекрасно повязан шейный платок.

– Это я сам придумал. А лорду Гарри пора выкинуть из головы затеи с копированием чужих фасонов.

– Позвольте заметить, что лорд Гарри постиг это сложное, можно сказать, математическое искусство собственным умом и как будто справился со своей задачей вполне успешно. Хотя, надо признаться, красота достигается не так просто, как кажется на первый взгляд. Нужно отдать должное графу Марчу – он делает это превосходно.

Между тем ей не хотелось высвободить свои пальцы из его руки. Его ладони были сильными и теплыми, и она хотела, чтобы они так и оставались на ее руке. Может быть, ей даже было бы приятно чувствовать их у себя на лице и шее. Она вздохнула. Более того, она с удовольствием опять оказалась бы в его постели. Сейчас, когда она стоит в гостиной своего отца, когда на ней дамское платье, вещи воспринимаются иначе.

Она высвободила руку, когда за дверью послышалось деликатное покашливание Гримпстона.

– А-а! Вот и чай с подкреплением, – сказала она, увидев поднос с утренним кексом. – Спасибо,

Гримпстон. Оставьте поднос на столе. Я сама подам чай его светлости.

Гримпстон в точности выполнил указание молодой хозяйки. Пока старик ставил поднос на стол, он успел основательно оглядеть маркиза и, прежде чем выйти из комнаты, удовлетворенно кивнул Хэтти.

- Похоже, ваш дворецкий видит во мне подходящую партию для вас, - спокойно заметил маркиз.

- А почему бы и нет? Он же знает, что вы мужчина благородного происхождения и не собираетесь тянуть с женитьбой. До могилы вам, слава Богу, далеко, все зубы на месте и...

- И еще у меня нет лишнего жира, - добавил он с усмешкой, - хотя дворецкий вряд ли принимает это во внимание. Если я не ошибаюсь, он всю жизнь при вашей семье?

- Нет, не ошибаетесь. Иногда мне кажется, что он служит у нас с семнадцатого века и видел всех наших предков. Не угодно ли сливок, ваша светлость?

- Да. Благодарю. Благодарю, Хэтти, что вы ухаживаете за мной. Вы это называете жеманничаньем? Впрочем, откуда такая официальность? Могли бы называть меня Джейсон. А то я начинаю испытывать неуверенность. Можно подумать, что вы больше не считаете меня своим добрым рыцарем. Вы заставляете меня думать, что вам больше не хочется моих поцелуев.

Она засмеялась:

- Сидя с вами в этой гостиной, я чувствую себя настоящей молодой леди. Последние пять месяцев моя жизнь протекала в довольно странной обстановке. Скажите, Джейсон, у нас действительно скоро будет помолвка?

- Разумеется, Хэтти. Но для полной уверенности я должен переговорить с сэром Арчибальдом. Это не должно оказаться для него полной неожиданностью.

- Я согласна, - сказала она. - Я хочу поцеловаться с вами, кем бы вы ни были, Джейсоном или вашей светлостью. Возможно, в Торстон-Холле мне постоянно хотелось ваших поцелуев из-за того, что я была еще очень слаба. Как вы думаете, возможно такое?

- Нет, невозможно. Я поцелую вас, но не сейчас. Скажите, моя прелесть, как прошел вечер с сэром Гарри и мистером Скаддимором?

- О, замечательно! Они были рады видеть меня. Ах черт! Откуда вам известно, что я встречалась с ними? Ведь я предупреждала вас, чтобы вы не приставляли ко мне своих надзирателей. Или вы забыли?

- Я ничего не забыл, но лишние предосторожности не повредят. У Потсона есть все основания для беспокойства. По правде говоря, это он попросил меня «слегка приструнить» вас. Я полагаю, что для него это единственный путь.

- Я не могу понять, почему он предает меня ради вас? - сказала она, звякнув чашкой о блюде. - Я знала, что ему хватит смелости вмешиваться в мои дела. Я видела его взгляды. Он всегда вел себя так, как будто я оскорбляла его в лучших чувствах. Как-то раз я даже заметила, как он молился. Вон оно что! Значит, он хотел «слегка приструнить» меня? Мне странно слышать это. Забавно! Но главное - это очень устраивает вас.

- Перестаньте, Хэтти, сию же секунду! Или я применю силу, прямо здесь, в гостиной вашего отца. Уж вы простите меня, дорогая, но с этого дня я вынужден просить Потсона не спускать с вас глаз. Вчера я обнаружил у себя на голове седой волос. Как вы думаете, почему он появился? Он появился после того, как я услышал о вашей вчерашней встрече. Поскольку я намерен оставаться с вами ближайшие пятьдесят лет или более того, я должен что-то предпринять. Кроме того, вам нелишне знать, что Потсон скорее будет подчиняться мне, а не вам. Как-никак в скором времени ему предстоит служить у меня.

На самом деле ее ничуть не сердили его слова, напротив, ей было приятно их слышать. В подтверждение этого она улыбнулась ему, чем растрогала его до глубины души. «Боже, какая у нее очаровательная улыбка! Обезоруживающая женская улыбка». Он не мог снова вообразить ее в роли лорда Гарри. Не мог и не желал. Она так прекрасна, у нее прелестная пышная грудь. Как он хотел ее целовать! Он был готов подхватить ее, поднять в воздух и долго держать в руках. Представив себе эту картину, он едва не застонал. Он ясно увидел ее обнаженное тело с белой нежной кожей и свою смуглую руку у нее на животе. Нет, это выше его сил! Нужно немедленно прекратить эти грезы. В мечтах о ее восхитительной груди он поперхнулся чаем.

- Может быть, постучать вам по спине? Вам плохо, ваша светлость? Уже все в порядке? Хорошо, теперь подарите мне один из ваших насмешливых взглядов, которые мне, кстати, очень нравятся. Однако я нахожу, что пора поговорить серьезно. Вы проявляете несгибаемую волю, ваша светлость. Я имею в виду ваше желание отправить лорда Гарри на его родину. В то же время вы трубите во всеуслышание лондонского общества о его необыкновенной отваге. Вас трудно понять.

«Что она сказала?» В тот момент он был настолько увлечен, что не сразу нашелся, что ответить.

- В самом деле? - машинально спросил он. Она молча смотрела себе под ноги.

«В чем дело?» Он нахмурился, желая понять, что происходит в ее прекрасной головке.

- Я совсем не похожа на Мелисанду, - неожиданно выпалила она. - Мне очень жаль, но я никогда не была ею и не буду. Я - это я. И останусь такой, какая есть. Я своенравная, может быть, слишком прямолинейная, но у меня есть чувство юмора, я могу заставить вас смеяться и...

- Это правда, - согласился он. - Вы не Мелисанда. Вы не похожи на нее. Мелисанда действительно необыкновенно сладострастна, ее грудь - предел мечтаний для мужчины. Она прекрасно знает все приемы, которыми можно потрафить любовнику, заставить его валяться у себя в ногах. Но я должен сказать, что эта женщина способна очень быстро надоесть. Она нагоняет смертельную скуку. Мозг у нее устроен довольно просто. Тем не менее большинство мужчин хотели бы иметь такую любовницу. И она создана быть любовницей. В этой роли она очень хороша. А вы, Хэтти, вы совсем другая. И я, черт возьми, счастлив, что вы отличаетесь от нее. Вы великолепны, и в вас есть все, что каждый мужчина хотел бы видеть у своей супруги. Но вы, конечно, - я в этом убежден - сами отлично осознали это. Несомненно, вы знаете и мое отношение к вам. Ради вас я готов истребить всех драконов во всей Англии.

Она вздохнула:

- Всех-всех, Джейсон?

- Всех-всех, вплоть до самого свирепого, - подтвердил он. - Ну может быть, я оставил бы одного

для потомства, но только одного.

- Да, я согласна с вами, Мелисанда довольно глупа. Но она очень красива.

- Хотел бы я знать, какие колдовские слова нужно было ей нашептать, чтобы она начала вздыхать по лорду Гарри.

- Мужчины недостаточно хорошо знают женщин. Такие женщины, как Мелисанда, нуждаются в том, чтобы их постоянно подкармливали самой примитивной лестью. Тогда они делаются необычайно податливыми. Во всяком случае, мой опыт показал, что я не ошибаюсь.

- А вы не можете рассказать мне об этом подробнее, моя любимая?

Ах, как ей было приятно слышать такие слова!

- Прежде всего я вызвала ее симпатию сравнением с Афродитой, хотя я была абсолютно уверена, что она впервые слышит имя этой прекрасной богини. Когда я заметила, что образ Афродиты начал тускнеть, я поймала ее на удочку с Еленой - самой красивой и романтической женщиной в мире. Затем появилась Дафна [9], которую преследовал прекрасный Аполлон, Наконец, пришлось купить ей роскошный костюм для верховой езды. Я должна признать, что эти тиски оказались самыми прочными. Этот подарок перекрыл всю мою лесть.

Он откинулся на спинку кресла и расхохотался до слез.

- Лучше бы оставили костюм для мисс Генриетты Ролланд. Тот цвет был бы ей очень к лицу.

- О нет. Костюм был бы мне слишком короток. Вы знаете, что Мелисанда на несколько дюймов ниже ростом.

- Только ростом, моя дорогая Хэтти. Но ничем другим, уверяю вас.

- Вы ужасный человек! Дождетесь, я сейчас накажу вас.

- Я не хочу ждать, - сказал он, - я не могу спокойно сидеть рядом с вами. - Он с трудом заставил себя остаться в кресле. Ему хотелось схватить ее в охапку и до смерти зацеловать. Он набрал в легкие побольше воздуха. - Ну, теперь рассказывайте о делах сэра Гарри.

«Слава Богу! - подумала она. - Наконец-то можно ступить на твердую почву».

Через секунду она уже пересказывала ему злоключения сэра Гарри Брэндона. Он слушал ее, не перебивая и не спуская глаз с ее лица.

- Теперь вы видите, - сказала она в заключение, - все зависит от того, какой ответ получит Гарри от Изабеллы Бентуорт. Боюсь, лорд Гарри может очутиться еще в одной необычной ситуации. Вы допускаете, ваша светлость, что сэр Уильям посмеет предложить Изабелле свободу выбора?

- Джейсон, - машинально поправил он ее, глядя куда-то в Сторону, так как мысли его в это время были в другом месте.

- Джейсон и «ваша светлость» - это разные люди. Когда вы поднимаете правую бровь, чтобы выразить свою иронию или подчинить меня, я вынуждена обращаться к вам не иначе как «ваша светлость». Когда вы смеетесь и я вижу страсть в ваших глазах, вы Джейсон. Мне нравятся оба мужчины. Впрочем, в вашем взгляде бывает страсть и тогда, когда вы поднимаете

бровь.

- Довольно, Хэтти. Вы просто заговариваете мне зубы. Теперь послушайте меня. Вы поступили правильно, что обо всем рассказали мне. Позвольте мне задать вам один вопрос. Не сочтет ли лорд Гарри оскорблением, если я сам попробую предпринять немедленные действия в этом направлении? Мне кажется, что Гретна-Грин – это самый крайний способ. Несомненно, нужно постараться его избежать. Он сильно повредит репутации Изабеллы.

- Но что вы предпримете сверх того, что могу я?

- Не будьте наивны, Хэтти. Прежде всего мне не хочется, чтобы вы участвовали в этих скачках в Шотландию вместе с нашей парой. А потом, как я уже однажды объяснял вам, сэр Уильям относится ко мне с почтением, потому что боится меня. Графа Марча он уважает не меньше. Поэтому есть смысл мне и Жюльену заняться этим делом. Так вы позволите мне выбрать более подходящий способ помочь вашему другу? Лучше все-таки обойтись без красочного спектакля с участием лорда Гарри.

- Лорд Гарри с большим удовольствием утер бы нос сэру Уильяму. У него к этому господину накопилась куча претензий. Представляю, какие острые ощущения можно было бы получить от этой беседы. Должно быть, вы считаете, что эта задача мне не по силам, и пытаетесь убедить меня в этом, Джейсон.

- Хэтти!

Темные глаза, которые так нравились ей, стали еще темнее и бездоннее. Она увидела в них грозное предостережение.

- Варвар, самый настоящий варвар! – вскричала она. – Не понимаю, чем плох мой план. Погодите, я вам это припомню. Я посмотрю, что вы будете делать, если вам, не дай Бог, придется защищать своих дочерей. Ну хорошо. Пусть будет так. Я полагаю, что это единственный случай, когда вы можете проявить себя на благотворительном поприще и использовать свои возможности. Но лорд Гарри, конечно, будет следить за вашими успехами и сможет вмешаться, если только дело примет нежелательный оборот.

- Благодарю за доверие. Сейчас я уеду, но вернусь сегодня же. К этому времени вы уже получите записку от Гарри?

- Да. Как я уже сказала, он собирался попытаться счастья сегодня утром. Если Изабелла даст ему от ворот поворот, значит, у нее на самом деле ветер в голове. В таком случае Гарри не осилит обстоятельств. Боюсь, для этого нужны мозги покрепче.

- Удивительно, как они не могут договориться. Она очаровательная девушка и кажется очень добродушной. И он тоже. Я считаю, что они идеально подходят друг другу. А посмотрите на нас, мы так отличаемся друг от друга! Подумать только, и я иду на это добровольно! Спрашивается, где у меня глаза и какую участь я выбрал для себя на всю оставшуюся жизнь? Верно говорят, что на вкус и на цвет товарищей нет. – Маркиз умолк и расцвел в счастливой улыбке. – Я, конечно, шучу, Хэтти. Разве я еще не говорил вам, что вы моя ненаглядная и горячо любимая? Конечно, говорил. Но сейчас нам лучше оставить эти разговоры, пока я не утащил вас в вашу спальню и не натворил Бог знает чего. Уфф! Даже в пот бросило. Перестаньте смотреть на меня, Хэтти. – Он набрал в грудь побольше воздуха. – Давайте вернемся к важному вопросу. Я хочу взглянуть на письмо вашего брата, если вы не возражаете.

Хэтти кивнула и выпорхнула из гостиной, хотя в глубине души желала услышать что-нибудь еще о тех недоговоренных вещах, которые он обещал сделать с ней в спальне. Через минуту она прибежала обратно со сложенным листком бумаги в руке.

- Гм-м.

Это было все, что он сказал, трижды прочитав письмо Элизабет к Дэмйану.

- Что вы об этом думаете, Джейсон?

- Трудно судить о чувствах. Элизабет к вашему брату. Но как бы она ни относилась к нему, мне кажется, он был увлечен ею. Поэтому он хранил это письмо. Здесь все ясно. Что касается упоминания моего имени и объяснения ее затруднений, то об этом написано весьма туманно. В то же время теперь я понимаю вас, Хэтти. Я понимаю, как вы могли прийти к такому заключению.

- Вы просто пытаетесь успокоить меня. Вы хотите, чтобы мне было легче. Нет, я не заслуживаю прощения. Я сама не прощу себе этого. Оказать вам такую услугу! Совершить такую ошибку! Я...

Маркиз уронил письмо на маленький боковой столик, поднялся и в одно мгновение оказался возле нее. Он поднял ее на руки и крепко прижал к себе. Он чувствовал, как ее сердце гулко стучит ему в грудь. Он ощущал ее грудь, ее тепло, ее покорность. Она единственная женщина, которая ему нужна, и он безумно счастлив, что нашел ее, вернее, она нашла его. Но сейчас уже не имело значения, кто кого нашел. Они вместе, и так будет вечно. Боже, как его влекло к ней!

- Я люблю вас, - прошептал он почти возле самых ее губ. - Люблю и чувствую себя счастливейшим человеком, потому что у меня есть Генриетта Ролланд. Не казните себя, Хэтти. Вы не сделали ничего предосудительного. Вы поступали так, как вам велела совесть. Я уверен, большинство женщин никогда бы не смогли сделать того, что сделали вы. Вы не боялись смерти, вы жертвовали собой. Я люблю вас, а обо всем остальном забудьте. Мы рука об руку избавимся от этого гнета. Хорошо? Разве вы не понимаете, что я не только горжусь вами, но даже испытываю что-то вроде зависти?

Она почувствовала выпирающую плоть в нижней части его тела и бросила на него осторожный взгляд:

- Джейсон, я вижу, что с вами происходит сейчас. Я знаю, это потому, что вы мужчина. Мне это очень приятно, Джейсон. Когда мы поженимся?

Он простонал:

- Как только я смогу это устроить. Но сначала мы с вами должны пролить свет на истину. Вы сами это знаете.

- Да, знаю. Но мне хочется, чтобы это произошло как можно скорее. Вы не хотите немного приструнить меня, как вы делал? это в Торстон-Холле? Тогда мне будет легче, и я не буду чувствовать себя раздавленным червем.

- Ну же, плачьте и дальше мне в жилетку, если вам так хочется. Продолжайте чувствовать себя виноватой. Несомненно, от этого вы будете еще больше восхищаться мной. - Он жадно впился ей в губы и после этого длительного поцелуя посадил обратно в кресло. - Вы мешаєте мне

думать. Я не могу находиться так близко от вас. А нам обоим нужно сосредоточиться. Итак, теперь возьмем другое ваше доказательство. Вы упоминали о разговоре Потсона с Дэмианом?

Она взволнованно дышала и смотрела на него недоумевающими глазами. Он стоит и смотрит на нее, как будто минуту назад между ними ничего не произошло? А она не может прийти в себя. Странно!

- Да, - продолжала она, все еще не сумев успокоиться, - конечно, существует другой факт. Помните, в последний момент Дэмиан получил приказ возглавить кавалерийскую атаку? Потсон сказал, что Дэмиан понимал всю преднамеренность этого назначения. Мой брат был убежден, что его отправляют на верную гибель. Он не хотел выполнять этот приказ. Но это был его долг, и он подчинился.

Маркиз покачал головой:

- Я просто не могу себе представить, чтобы у сэра Уильяма были такие связи в министерстве. Вряд ли он мог уговорить кого-то дать подобное распоряжение.

- Если не он, тогда кто мог это сделать? Кто мог выслать Дэмиана из страны в такой невыносимо короткий срок? Кто отправлял его со всеми этими опасными миссиями? Чья рука послала его на верную смерть при Ватерлоо?

- Это я и собираюсь выяснить, Хэтти. Любимая, сейчас я должен вас покинуть. Выкиньте из головы все ваши сомнения, забудьте на время о сэре Уильяме и его злобной роли во всей этой истории с Дэмианом. Сегодня я разыщу его светлость. Я хочу побеседовать с ним наедине и об этом, и о его шашнях с девушкой вашего Гарри.

- Вы обещаете держать меня в курсе? - спросила она. - Будете сообщать мне обо всем?

- Клянусь, - сказал он. - Только ради всего святого не приближайтесь ко мне. Это выше моих сил. Я обязательно вернусь до конца дня и расскажу вам, что мне удалось узнать. Поверьте мне, Хэтти, - добавил он, мягко сжимая ей пальцы, - я хочу как можно скорее покончить с этим зловещим делом. Тогда мы сможем спокойно поговорить о будущем, нашем будущем.

- И вы будете целовать меня столько, сколько я захочу?

- Это уж точно. Можете поверить мне.

Она следила, как он уверенной, размашистой походкой направился к двери. Видя его уверенность, она почти не сомневалась, что все будет хорошо.

- Джейсон, - бросила она вдогонку ему, - будьте осторожны, чтобы лорду Гарри не пришлось спасать вас.

Он, по обыкновению, вскинул черную бровь и удалился.

Глава 32

В середине дня маркиз де Оберлон был в игорном зале «Уайтса». Он надеялся, как обычно, увидеть здесь сэра Уильяма Файли. Не успел он начать свои поиски, как его внимание привлекла суматоха в противоположном углу и доносившиеся оттуда сердитые голоса. Заинтригованный, он не спеша направился к шумной группке джентльменов, сомкнувшихся в небольшой кружок, и тотчас ускорил шаг, услышав голос сэра Уильяма Файли:

- Вы бы лучше молчали, Брэндон. Советую вам тайно зализывать свои раны. Если вам недостает мужских достоинств, способных вызвать ответное чувство у леди, отправляйтесь в свои казармы. Там вам самое подходящее место. Найдите себе деревенскую простушку. Насколько я знаю, они обожают таких мужланов, как вы, и с удовольствием будут задира́ть перед вами свои подолы. И перестаньте обвинять меня в непорядочности.

«Чертов парень этот Брэндон, сейчас он мне все испортит!» - про себя выругался маркиз и стал протискиваться между джентльменами.

Сэр Гарри Брэндон стоял напротив сэра Уильяма с красным от ярости лицом и сжатыми кулаками.

- Вы старый развратник! - кричал он. - Оставьте ее в покое. Изабелла не для вас. Она молодая невинная девушка. Вы заморочили ей голову своей проклятой лестью. Вы подкупили ее корыстную матушку. Попробуйте сказать, что я не прав! Я требую удовлетворения, вы слышите?

Потрясающе! Гарри копировал поведение лорда Гарри. Он хотел стать героем. Он напрашивался на дуэль. Маркиз быстро сделал шаг вперед и схватил Гарри за руку, не дав сэру Уильяму ответить на вызов.

- Пойдите, Гарри, - спокойно сказал он, - не торопитесь. Я должен признаться вам, что у меня поводов для недовольства сэром Уильямом более чем достаточно. Мне очень жаль, старина, но в данном случае вам придется уступить пальму первенства мне.

- Вам, ваша светлость?

Сэр Уильям насмешливо усмехнулся, но воздержался от пререканий и с тем, и с другим. Краем глаза маркиз видел, как он сделал шаг назад.

- Да, Гарри, - продолжал маркиз, - вы должны уступить мне это почетное право. Как джентльмен, я не могу раскрыть вам того, что связывает меня с сэром Файли. Но в любом случае вам выяснять с ним отношения так, как вы собираетесь, преждевременно. Позвольте мне одному накоротке побеседовать с сэром Уильямом. Надеюсь, после этого он от всего сердца принесет вам свои извинения.

- Извинения? - вскричал сэр Уильям, побагровев от ярости. - Этот молокосос не может удержать глупую девку...

- Замолчите, Файли, - все с тем же спокойствием остановил его маркиз и повернулся к сэру Гарри: - Гарри, вы принимаете мое предложение?

Сэр Гарри замешкался. «Черт возьми, что делать?» Холодный тон Изабеллы накануне привел его в такое бешенство, что он был готов вышибить мозги из сэра Уильяма. Вместо того чтобы последовать совету лорда Гарри, он накричал на Изабеллу, сравнив ее с продажной девкой; эта оплошность его еще более рассердила. Он не забыл ее растерянного взгляда и последних слов: «Я не продажная девка, и вы хорошо знаете это. Уходите, сэр Гарри. Я не хочу вас больше видеть». И это был конец. Хорошо! Он покажет ей, что он в большей степени мужчина, чем сэр Уильям. Он заставит ее пожалеть об этих словах.

- Гарри!

Сэр Гарри, наконец, отвлекся от своих тягостных мыслей и встретился глазами с маркизом.

- Хорошо, - сказал он, - но потом придет мой черед. После того как вы поговорите с ним, ваша светлость.

- Я же сказал, вы получите от него извинения, Гарри. Или вас это не устраивает?

- Устраивает.

Сэр Гарри почтительно поклонился маркизу и удалился. Маркиз окинул взглядом оставшихся джентльменов, все еще с любопытством на лицах, и нахмурился.

- Прошу прощения, джентльмены, - сказал он, - мы с сэром Уильямом должны остаться вдвоем. Нам нужно выяснить небольшое недоразумение. - После этого он с преувеличенной любезностью повернулся к сэру Уильяму: - Прошу вас, Файли.

Сэр Уильям весьма сожалел о таком неожиданном повороте вещей. Он понимал, что не может отказаться от предложения его светлости. В противном случае он будет предметом унижительных насмешек в течение очень долгого времени. Он холодно кивнул маркизу и следом за ним вышел из комнаты.

- Я полагаю, здесь мы можем без посторонних ушей спокойно обо всем потолковать, - сказал маркиз, останавливаясь в дальнем затененном углу просторного читального зала.

- Я не знаю, чем обязан вам. У нас с вами не было ссоры. При чем здесь вы, если Брэндон затевает дуэль?..

- Наша с вами ссора, Файли, - дело большой давности.

- Если вы имеете в виду историю с Элизабет, то я не имею к ней никакого отношения. У вас нет никаких доказательств, черт побери.

- Верно, тогда я действительно не смог бы ничего доказать. Однако когда я вижу, что вы опять начинаете такую же игру, у меня есть повод для беспокойства. Что касается Элизабет, то она была для вас скорее развлечением. Это ясно. Но у этой истории есть другая сторона. Кроме вас и меня, в ней был замешан Дэмиан Ролланд. Именно это обстоятельство, Файли, привело меня к желанию выяснить наши отношения я хотел бы знать, каким образом вы ухитрились выдворить Ролланда из Англии? Как вам удалось сделать это с такой исключительной быстротой?

- Я выдворил Ролланда? Ваша светлость, вы не там ищете. Откуда мне знать это?

- Но согласитесь, в этом деле есть довольно странные совпадения. Мы втроем ухаживаем за Элизабет. Она отвергает нас с вами и выбирает Дэмиана. И что потом? Он внезапно уезжает, и, таким образом, у вас полностью развязываются руки.

- И у вас тоже, ваша светлость.

- Я не имею никакого отношения к отъезду Дэмиана. В то время как без вашего, Файли, участия, я в этом убежден, в этом подлом деле не обошлось. Я знаю, вы не остановитесь ни перед чем ради собственной выгоды. Поэтому я еще раз спрашиваю вас: что вам известно о Дэмиане Ролланде?

Сэр Уильям был между двух огней. Он охотно послал бы маркиза ко всем чертям, но понимал, что такая смелость могла стоить ему жизни.

- Может быть, Ролланд решил, что Элизабет будет неподходящей женой для будущего политика. Черт возьми, не гадать же на кофейной гуще, если я на самом деле ничего не знаю! Это правда. Я и сам удивился, узнав, что Дэмиан покинул Англию. Но не известно, почему он это сделал.

Сэр Файли видел, что глаза маркиза прикованы к нему, и никак не мог понять, чем вызван его столь необычный интерес к Дэмиану Ролланду. «Старая история. По всем сведениям, Ролланд был убит в июне при Ватерлоо. Кого это сейчас волнует?»

- Вы полагаете, что Дэмиан мечтал о политике? - спросил маркиз.

Сэр Уильям на мгновение замер от удивления.

- Что-то вроде этого. Однажды он проболтался, когда мы сильно перебрали. Я понял, что он не хотел распространяться об этом. Да, помню, я еще смеялся над ним.

Несколько секунд маркиз о чем-то раздумывал.

- Хорошо, Файли, я верю вам. Но разумеется, это относится только к данному вопросу. Я намерен продолжать разговор и прошу вас выслушать меня внимательно. Как я уже сказал, меня беспокоит ваша новая интрига. Я говорю об Изабелле Бентуорт.

- Это не интрига, черт возьми! Я намерен на ней жениться. Она нравится мне. Да, и я женюсь на этой крошке.

- Потому что за ней солидное приданое? Больше, чем за бедной Элизабет? Или вас привлекает ее невинность? Только не отпирайтесь, Файли. Я слишком хорошо знаю вас. Я не буду повторять вам дважды: вы больше не должны встречаться с Изабеллой. И еще, вы должны принести извинения Гарри Брэндону сегодня же, до конца дня. Если вы не выполните того и другого, клянусь вам, что ваш беспутный сын, следующий точно по вашим стопам, станет главой вашего семейства еще до конца этой недели. Я достаточно ясно выразился?

Ненависть и страх смешались воедино на лице сэра Уильяма. Казалось, что ему не хватает воздуха. Он почувствовал, что в него как кол всадили и все вокруг него стало затягиваться туманом. Маркиз вдруг превратился в расплывчатое пятно.

- Так вам ясно или нет, Файли? - казалось, издали донесся до него голос маркиза.

Сэр Файли не сразу поднял глаза. Длительное время лелеемый инстинкт самосохранения взял верх. Он медленно закивал, презирая себя за слабость и ненавидя маркиза за то, что тот заставляет его испытывать животный страх.

- Отлично, Файли. Я рад, что мы с вами мирно решили этот вопрос. - Маркиз повернулся к выходу и бросил через плечо: - Имейте в виду, сегодня вечером в «Уайтсе» будет граф Марч. Само собой, он не забудет справиться о вашем поведении.

Не дожидаясь ответа сэра Уильяма, Оберлон удалился, в то время как его поверженный противник пошел срывать зло на бессловесном лакее. Через час маркиз прибыл в дом сэра Арчибальда. У него отлегло от сердца после этой победы, но ненадолго. Впереди были другие заботы, и мысли о них не давали покоя. Он упорно думал о высказываниях сэра Уильяма

относительно политических амбиций Дэмиана. Не было оснований сомневаться в том, что сэр Уильям сказал правду, хотя и явно считал этот вопрос незначительным. «Если бы он не был уверен в этом, – подумал маркиз, – вряд ли бы он так сразу заговорил о взглядах Дэмиана». А в самом деле, так ли уж важно знать, что думал о политике Дэмиан? И было ли это важно для кого-то еще в то время? Он задавал себе эти вопросы, стоя на пороге дома сэра Арчибальда, нетерпеливо стуча кольцом в дверь. Несомненно, сэр Арчибальд должен был знать, собирался ли Дэмиан следовать по отцовским стопам. Он просто не мог этого не знать, при том, что всю жизнь жил одной политикой. «Если политика – его хлеб и вино, как, должно быть, ему будет неприятно говорить на эти темы». Но как бы то ни было, необходимо спросить его о Дэмиане.

- Ваша светлость!

- Добрый день, Гримпстон. Я надеюсь, наша мисс Генриетта дома?

- Совершенно верно, ваша светлость, – сказал Гримпстон, расплывшись в улыбке.

- Бог мой, Джейсон! Как хорошо, что вы пришли. – Хэтти стремглав сбежала по лестнице, вне себя от волнения. – Быстрее. Нужно срочно что-то предпринять. Я только что получила записку от Гарри. Этот задиристый петух вообразил, что все уладит сам. Дурак набитый! Ведь обещал, что будет ставить меня в известность. Убить его мало!

Маркиз схватил ее за руки:

- Почему бы нам не обсудить это в гостиной, Хэтти? Гримпстон, принесите нам немного бренди, пожалуйста. У вашей госпожи немного расшалились нервы. Первый раз вижу ее в таком состоянии. Я, конечно, способен перенести это чисто женское волнение, но лучше, если ваша хозяйка успокоится.

- Да, ваша светлость. Сию минуту, ваша светлость.

Хэтти быстро взяла себя в руки:

- Я действительно несколько опростоволосилась. Мне очень жаль, что так вышло, Джейсон. Спасибо, что на этот раз вы пощадили меня и не подняли на смех. Но то, что произошло с Гарри, очень важно для меня. Пойдемте в гостиную. Я расскажу вам обо всем. – Едва за ней закрылась дверь, как она круто повернулась к маркизу и продолжила свою взволнованную речь: – Джейсон, вы не поверите. Случилось нечто ужасное. Гарри прислал мне, то есть лорду Гарри, письмо. Да, целое послание. Я даже не предполагала, что он способен накропать более двух предложений. Удивительно, что ему хватило собранности на такое подробное письмо. Так вот, он сообщает мне, что собирается поступить так же, как лорд Гарри. Джейсон, это непостижимо! Это же дуэль! Боже мой, Файли убьет его! Мы должны что-то предпринять.

- Я уже это сделал.

- Это моя ошибка, – тараторила Хэтти, не обращая внимания на его слова. – Если бы я, то есть лорд Гарри, не подала ему примера, я убеждена, что такого никогда бы не произошло. Помимо всего прочего, он должен был посоветоваться с графом Марчем. Теперь только лорд Гарри может отговорить его от этого безумного шага. Я должна идти к нему, Джейсон. Разве вы не понимаете, что мой долг сделать это?

- Нет, не понимаю.

- Вам легко оставаться спокойным, потому что Гарри не ваш друг, Джейсон. Или вы не понимаете, что только лорд Гарри может остановить его?

- Я допускаю, что найдутся и другие люди, способные убедить его не хуже, чем лорд Гарри.

Она сердито топнула ногой и тут же услышала треск муслина.

- Что за наказание! Вы только посмотрите, что я наделала! И все из-за вас. У меня всего-то три платья, и вот теперь я испортила одно из них. Нет, это какой-то рок. Кто будет заниматься этим делом? Я не могу терять время на бессмысленные разговоры. Мне очень жаль, Джейсон, но сейчас я не могу оставаться в стороне. Гарри – мой друг, и моя обязанность – помочь ему.

- Я не спорю с этим, Хэтти. Вы не хотите присесть, успокоиться и выслушать меня?

- Я и так спокойна. Я знаю, что вы хотите. Не надо вести себя со мной так снисходительно и обращаться со мной как с глупышкой. Если вы позволите, я оставлю вас, ваша светлость. Извините меня.

- Не извиню. Садитесь.

- Вот еще! Не командуйте, а то я пошлю вас в преисподнюю к дьяволу.

Маркиз вздохнул:

- Поздно, Хэтти. Вы уже приучили меня к этому приятному климату, и я никуда не уйду от вас, сколько бы вы мне ни повторяли это. Я не собираюсь сдаваться. Хватит шума. Сидите спокойно и слушайте меня, пока я не свяжу вас.

- Хорошо. Даю вам пять минут. Этого более чем достаточно. Ну, говорите, я слушаю вас.

Она села на краешек стула, сложив ладони домиком и барабаня пальцами.

- Разве вы не обещали дать мне возможность самому разобраться в этом деле?

- Да, но...

- Подождите, Хэтти. Вы так сильно сомневаетесь в моих способностях?

- Ничуть. Но ситуация изменилась. Все так ужасно! Теперь остается только одно спасение – эта проклятая Гретна-Грин. Только так можно спасти Гарри.

- Нет. Гретна-Грин – это не выход. И вообще вопрос о будущем Гарри больше не стоит.

- Что значит – больше не стоит? Что вы имеете в виду?

Маркиз посмотрел на нее сверху вниз и насмешливо улыбнулся:

- Моя дорогая, если вы когда-нибудь захотите выработать у себя привычку слушать меня, вы избавите себя от напрасных усилий. Позвольте мне, наконец, отчитаться перед вами. Расставшись с вами, я отправился в «Уайте» и, надо сказать, появился там в самое подходящее время. Гарри в тот момент обрушился на Файли с обвинениями, и джентльмены стали выяснять отношения. Я немедленно вмешался и положил конец их перепалке. Дело кончилось тем, что Файли согласился публично извиниться перед Гарри. Надеюсь, это произойдет сегодня вечером. Далее, Файли обязался больше никогда и близко не подходить к Изабелле.

Мне кажется, после этого вам не о чем беспокоиться. И лорду Монтейту также. Добрый гений желает ему добра. Пусть себе мирно топает на север.

- Вы положили конец этой опасной истории? Это правда, Джейсон?

- А вы не надеялись?

- Да, конечно, но...

- Как вам не стыдно, Генриетта. Как вы могли сомневаться во мне? Теперь, пожалуйста, сядьте спокойно. Я не хочу, чтобы вы упали со стула.

- Неужели все действительно улажено?

- Хэтти, дорогая моя, нельзя так откровенно демонстрировать свое разочарование. Не стоит считать, что лорд Гарри один является вершителем судеб. Иногда кое-что удается и простым смертным.

- Конечно. И я вовсе не разочарована. Во всяком случае, не сильно. А как вам удалось заставить Файли извиняться перед Гарри? Это впечатляет!

Хэтти вскочила со стула и, не обращая внимания на тесное платье, встала на цыпочки, обвив его шею руками, подставляя ему капризно выпяченные губы. Она ощутила его теплое дыхание.

Губы ее разомкнулись. Теплое дыхание проникло ей в рот.

- О-о-о, - простонала она, касаясь его языка.

Он крепко прижимал ее к себе, так что теперь она чувствовала его всего. Она позволяла ему целовать себя снова и снова, до тех пор, пока у нее не закрылись глаза. Губы стали мягкими, теплыми и влажными. Что-то плотное, упругое настойчиво упиралось ей в низ живота.

- Хэтти, я должен остановиться, - сказал он.

В его голосе слышалась невыносимая мука. Он не хотел отпускать ее. Она понимала это и сама не хотела, чтобы он остановился. Новые чувства, разгоравшиеся в ней, становились все более настойчивыми: они заставляли ее смеяться и стонать от упоения. Она испытывала ни с чем не сравнимое наслаждение оттого, что он держал ее в своих руках, ей нравилось сознавать себя полностью в его власти.

- Пожалуйста, не останавливайтесь, - проговорила она. - Это так хорошо, Джейсон. Почему мы не можем продолжить?

Она вынуждала его сейчас мысленно чертыхаться. Она не понимала, не имела ни малейшего представления о том, что просила у него! И он уступил:

- Хорошо.

Он ласкал ее грудь, тесно прижимая к себе и чувствуя, как она наслаждается его ласками и хочет большего. Он покосился на диван, потом посмотрел на обюссонский ковер перед камином и даже на кресло с подушечкой для головы. Оно было вполне подходящего размера. «Проклятие!» Она была девственницей. К тому же ему не хотелось давать ей первый урок любви на этом ковре или в кресле. «Впрочем, почему бы и нет?» Он улыбнулся своим мыслям. Осторожно опустив ее себе на колени, он сел в это несчастное кресло, повернутое к камину.

Пока он не переставая целовал ее в губы, лицо и шею, его рука проникла к ней под платье. Он нашел ее чулки и подвязки. Он почувствовал, как вздрогнуло ее тело, когда его рука коснулась голого бедра.

- Хэтти, ты такая горячая. Ты хочешь, чтобы я продолжал?

Она подняла глаза:

- Что ты собираешься делать?

Он пододвинул руку выше, совсем близко к ее воспламенившейся плоти, и остановился.

- Я умираю от желания обладать тобой, Хэтти. Но я не хочу лишать тебя невинности здесь и сейчас. Пусть это произойдет в нашу первую брачную ночь. Я хочу, чтобы мы с тобой лежали в нашей спальне, на очень широкой и мягкой кровати. А пока я, как могу, постараюсь сделать так, чтобы тебе было хоть немного приятно. Ты позволишь мне это? Ты доверяешь мне?

- А что ты хочешь делать, Джейсон?

Он приподнял руку и осторожно накрыл пальцами ее выпуклый холмик пониже живота. Потом обхватил его чуть плотнее и углубился пальцами внутрь.

- Ой! - тихонько воскликнула она, удивленно глядя на него. - Никто еще не касался меня в этом месте. Ты уверен, что это хорошо?

- О да, - ответил он, нагибаясь к ней и целуя ее в кончик носа. - Тебе это понравится. Поверь мне, я доставлю тебе удовольствие. Я хочу, чтобы ты убедилась в этом. Я безумно люблю тебя, и поэтому для меня очень важно, что ты будешь испытывать. Ты веришь мне?

Она снова почувствовала, как зашевелились его пальцы. Один из них легко проник в глубь ее лона. Это было что-то совершенно неведомое. Лорд Гарри знал почти обо всем, но это было для него новым. Тотчас другой палец коснулся ее плоти и начал поглаживать ее, сначала очень легко, потом с некоторым усилием. Она растерянно заморгала. Почти одновременно глубокий стон вырвался у нее из груди, и ее бедра помимо ее воли плотно сомкнулись вокруг его руки.

- Джейсон, все это незнакомо мне. Я не уверена, что это нормально.

- Тише, - прошептал он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее. Он овладел ее ртом и касался ее языком, в то время как его указательный палец медленно погружался внутрь. Она не могла поверить, что от движения этого пальца впадает в безумие, что он заставляет ее хотеть еще более быстрых движений. От этих непонятных новых ощущений ей безумно хотелось двигаться самой, неистово содрогаться всем телом и кричать.

И это произошло. Несколько минутами позже она приблизилась к пику райского наслаждения, повергнутого ее в полное забвение. Не отрывая от него губ, она не удержала вырвавшийся у нее крик. Боже, как она мечтала о том, чтобы это сладостное чувство продолжалось до бесконечности!

- Я люблю тебя, - сказал он, переводя дыхание. Ритм его пальцев несколько замедлился. Теперь поглаживания носили не возбуждающий, а успокаивающий характер. - Тебе хорошо? Хэтти, ты сможешь чувствовать это каждый день и всю жизнь. Тебе хочется этого?

- Да, да, да, - сказала она, все еще переживая не испытанное доселе наслаждение и легкое головокружение. - Но я ничего не понимаю, Джейсон. Для того чтобы ты получил удовольствие, это должно было происходить иначе. Разве может этот способ нравиться тебе так же, как мне?

Он улыбнулся:

- Ну вот, ты взрослеешь прямо на глазах. Посмотри, ты начинаешь выяснять, что у нас общего и чем мы отличаемся друг от друга. Пойми, не все зависит от того, как именно люди осуществляют это таинство. Существуют гораздо более важные вещи. Со временем ты убедишься в этом. Через две недели мы поженимся. Нет, если я хочу сохранить свою репутацию, - через неделю. У меня нет сил ждать дольше, Хэтти. Думаю, у тебя тоже. Ты согласна, милая?

- О да, - сказала она и вздохнула. - Раньше я считала эту сторону брака довольно глупым занятием. Я думала, что мужчины ложатся с женщинами в постель только в угоду себе, а женщины отдаются им, чтобы исполнить супружеский долг или потому, что им за это платят. Но оказывается, это совсем не так. То, что я получила от тебя, это замечательно! Разве я могла бы допустить, чтобы ты платил мне? Это я должна платить тебе!

- Ах, вот как! Я смотрю, от твоего нового образования у тебя в голове настоящая мешанина. Хэтти, то, что было сейчас между нами, это особый случай, вынужденная мера, если можно так выразиться. Надеюсь, ты веришь мне?

- Иначе и быть не может. Я просто должна верить. Ведь ты спас сэра Гарри и утер нос Файли.

Он поправил на ней платье.

- Как ты себя чувствуешь?

- Полна бодрости, как никогда, - сказала она, устраиваясь поудобнее у него на коленях. - У меня почти не болит бок. Разве это не удивительно? Я хочу танцевать. Хочу поддразнивать тебя, хочу смеяться и кусать тебя за ухо. Я никогда не испытывала ничего подобного, Джейсон.

- И я тоже. Но к сожалению, нам с тобой необходимо вернуться к нашим делам. Ужасно не хочется, но нужно. Ты только не трогай меня. Ох, за что же такие муки!

Он подхватил ее на руки, подкинул и тотчас поставил на ноги. Потом подвел к креслу и, усадив, отступил на три шага назад. Он все еще вдыхал ее дурманящий запах, а пальцы ощущали ее нежную плоть. Нет, это невыносимо - он не сможет ждать больше недели. По привычке он набрал в легкие воздуха, стараясь быстрее вернуть самообладание.

- Хэтти, мне нужно рассказать тебе нечто более серьезное. Во время разговора с Файли я в лоб спросил его о Дэмиане. Я просто обвинил его в том, что он приложил руку к высылке твоего брата. Он был взбешен и клялся, что не имел к этому никакого отношения и вообще ничего не знает.

Похоже, он не лгал. Но в том, что он успел наговорить, я отметил одну важную вещь, Хэтти. Сам он не придавал ей особого значения, потому-то, видимо, и проболтался. Или, может быть, хотел угодить мне. Он сказал, что однажды в какой-то компании, когда все они немало выпили и начали дурачиться, Дэмиан проговорился о своих «политических амбициях». А Файли тогда якобы насмеялся над его увлечением Элизабет, говоря, что она будет неподходящей женой

для политика. Хэтти нахмурилась и покачала головой:

- Джек немного рассказывал об отношении Дэмиана к политике. Дэмиан говорил о растущей бедности в крупных промышленных городах и о тяжелом труде рабочих. Он сравнивал их положение с рабством и считал, что дальше может быть еще хуже. Но я не помню, чтобы Джек говорил о намерении Дэмиана принять активное участие в политической жизни. Боюсь, что в данном случае я бы скорее думала так же, как Файли: я не нахожу ничего важного в его словах, Джейсон.

- Не находишь? Пойми простую вещь, Хэтти. Только кто-то очень влиятельный и с большими связями в военном ведомстве мог так быстро и надолго выдворить Дэмиана из Англии. Только очень могущественный человек из командования мог послать его в ту роковую кавалерийскую атаку.

Хэтти медленно закивала, обдумывая его слова.

- Да, не исключено, что кому-то не нравились его политические взгляды. Возможно, была группа лиц, боявшихся, что он добьется успеха и потеснит их. - Она задумалась, потерла лоб и отчаянно замотала головой. - Нет, не может быть. Невероятно. Неправдоподобно. Я уже и впрямь было поверила в это по своей наивности. Нет, Джейсон, все-таки я не могу допустить подобных мотивов.

- Хэтти, пойми, есть некоторые люди, высокопоставленные, облеченные властью, отдающие всю жизнь политике. Политические убеждения этих людей настолько сильны, что просто пожирают их, заставляя ни перед чем не останавливаться. Не забывай историю Англии. Посмотри, она прямо-таки кишит кровавыми примерами. Сколько людей боролись за право управлять страной так, как им заблагорассудится.

Она поднялась, прижав ладони к вискам.

- Да, Джейсон, все так, но мы живем в другое время. Сейчас тысяча восемьсот шестнадцатый год. Все эти жестокие кровавые схватки за власть позади. Уже нет ни Кромвеля, ни этого красавчика принца Карла. И даже если все, о чем ты сказал, остается и по сей день, то кому понадобилось делать это? Кто мог знать об убеждениях Дэмиана и опасаться его?

- Я.

Глава 33

На пороге стоял незаметно появившийся сэр Арчибальд. Первое, о чем подумал Джейсон, - это о своей ошибке. Как он не сообразил, что нужно было запереть дверь, прежде чем заниматься любовью с Хэтти? Но сейчас было уже поздно.

Сэр Арчибальд повторил:

- Я.

Он улыбался им обоим своей обычной чуть рассеянной улыбкой.

- Папа! - воскликнула Хэтти, подбегая к отцу. - Не может быть! Ты просто не понял, о чем идет речь. Мы разговаривали о Дэмиане и о властях предержавших. И о том, почему его выдворили из Англии. Конечно же, ты здесь ни при чем. Ведь Дэмиан был твоим сыном.

Сэр Арчибальд посмотрел на дочь долгим нежным взглядом, испытывая в то же время глубокую боль, связанную с воспоминаниями о своем младшем сыне.

- Ты должна простить меня, дочка, - сказал он, переводя взгляд на маркиза, - за то, что я невольно подслушал вашу беседу. Я собирался поприветствовать тебя, мой мальчик. Я знаю, что ты был рядом с моей дорогой Хэтти, пока она гостила в Торстон-Холле. Вам было хорошо вместе? Как вы провели время?

- Да, сэр. Нам было весело. Но что все-таки значат ваши слова?

Сэр Арчибальд глубоко вздохнул и подошел к Хэтти.

- Дитя мое, - сказал он, кладя руку ей на плечо, - я не думал, что ты раскроешь эту тайну. Я полагал, что отъезд Дэмиана из Англии так и останется в твоём представлении следствием обычного предписания. Я надеялся, что со временем и с моей помощью ты сможешь пережить эту боль. Теперь мне ясно, что ты многое успела выяснить и еще доверила маркизу эту историю. Но ты должна понять, моя девочка, что у меня не было выбора. Ты же видишь, что Дэмиан стал предателем своей страны.

Потрясенная таким неожиданным известием, Хэтти не сводила с отца изумленных глаз.

- Сэр, - вмешался маркиз, - этого не может быть. Какой смысл вы вкладываете в слово «предатель»? Ведь Дэмиан погиб за Англию. Почему вы считаете его предателем?

Сэр Арчибальд снова вздохнул и покачал головой:

- Увы, но это так. Дэмиан - предатель. Я никогда не говорил этого ни тебе, Хэтти, ни Джеку. Мне не хотелось, чтобы вы думали плохо о вашем брате, чтобы вы возненавидели его. Я старался оградить вас обоих от позора. Но теперь, когда я вижу, что ты и Джейсон знаете даже больше, чем я мог предположить, я должен рассказать тебе правду. Я очень сожалею, что вынужден буду причинить тебе страдания, Генриетта. Ты будешь презирать своего брата. Я в этом не сомневаюсь.

Хэтти с недоумением смотрела на отца, мягкого, воспитанного человека, отдавшего себя целиком политике и всю жизнь вдохновенно служившего Англии. Как он представлял себе предательство сына?

Она положила руку ему на рукав:

- Пожалуйста, папа, объясни мне, почему Дэмиан предатель? Я не могу поверить в это и хочу знать, что ты подразумеваешь под этим словом.

- Я должен сказать тебе ужасную правду, - начал сэр Арчибальд и снова посмотрел на лорда Оберлона. - Поскольку Генриетта, несомненно, доверяет тебе, мой мальчик, ты тоже слушай. Я рассматриваю тебя как будущего зятя. И как будущий член нашей семьи, ты имеешь право знать о нашем бесчестии. Если же ты захочешь отказаться от своих намерений, то Генриетта, конечно, не осудит тебя. То, что произошло с Дэмианом, это, безусловно, прискорбное событие, но я удовлетворен, что в конце концов он искупил свою вину. Я надеялся, что так будет. Но вы оба не должны выносить наш общий позор за пределы этой гостиной.

- Я ничего не понимаю, - решительно сказала Хэтти. - Перестань ходить вокруг да около, папа. Что ты подразумеваешь под предательством? Кого он предал? Папа, я прошу тебя, расскажи

мне, пожалуйста, толком все, что касается смерти Дэмиана. Как ты можешь считать его предателем?

- Ну хорошо, дитя мое. Запасись мужеством, потому что будешь поражена, когда узнаешь о поступках твоего брата. Я надеюсь, после этого ты поймешь, почему я решился на такие суровые меры. Я пошел на это ради спасения чести семьи, ради чести Англии.

Маркиз подвинулся поближе к Хэтти и, взяв ее руку в свою, сжал ей пальцы. Оба с вниманием смотрели на сэра Арчибальда, ожидая от него подробного рассказа.

Сэр Арчибальд усталой походкой направился к камину и опустился в большое кресло с подушечкой для головы, то самое, в котором незадолго до этого маркиз приобщал Хэтти к любви. Он задумчиво поглядел на блестящие языки пламени и заговорил удивительно сильным и твердым голосом:

- В то время тебя еще не было в Лондоне, Генриетта. В силу некоторых обстоятельств я не сразу понял, почему Дэмиан обратился ко мне с этой просьбой. Я имею в виду длительную отсрочку от военной службы. Я подумал, что он решил остепениться и обзавестись женой. Потом я забыл об этом разговоре, но вскоре мне пришлось вспомнить о нем. Твой брат известил меня о том, что собирается баллотироваться от вигов в Сомерсете, в одном городишке, под покровительством лорда Грейсона. Я пришел в ужас оттого, что мой сын решил присоединиться к этому бессовестному ворюге и вступить в политическое противостояние со мной. Дэмиан сказал, что тори и виги для него одно и то же, что он хочет только честного и справедливого пути для своей страны. Его высказывания по поводу справедливости, Генриетта, были чистой фальшивкой. Они были нужны ему только для того, чтобы объединиться с самыми подлыми из вигов, чтобы подстрекать чернь Манчестера и Лидса к волнениям. Ты можешь не верить мне, дитя мое, но он назвал меня безмозглым старцем. Упрекая меня в политической отсталости, он пытался в моем лице обвинить всю нашу партию. Он хотел свернуть Англию с правильного пути и лишит ее истинного предназначения. Ты знаешь, как он собирался это сделать? Через развал аристократии. Разрушение аристократии может позволить простому человеку достигнуть политического равенства с вышестоящими лицами. Все его последующие речи были еще более сумасбродными и предательскими. Я не хочу забивать твою голову его бредовыми обвинениями и оскорблениями. Он упрекал меня в фанатизме. Понимаешь? Меня! Я не могу поверить, что я породил такое подлое существо. Я, наконец, воочию убедился: мой сын, моя кровь, был одним из тех, кто сильнее других стремился к разрушению государственной машины Англии. Я не мог этого допустить.

Теперь ты должна понять, дитя мое, что у меня не было другого достойного способа пресечь его действия. Мне оставалось только использовать влияние лорда Мелбери в министерстве и немедленно выдворить твоего брата из Англии. Я хотел, чтобы дистанция между ним и этим проклятым сумасбродом лордом Грейсоном была как можно больше.

- Ты говоришь, папа, - Хэтти понизила голос, - что тебя возмущали слишком демократические взгляды Дэмиана. И только поэтому ты приказал выдворить его из Англии? Это ты устраивал для него те очень опасные миссии в Испании и Португалии? Это ты сделал так, что в конце концов ему приказали возглавить эту безумную кавалерийскую атаку при Ватерлоо?

- Да. Но план с Ватерлоо созрел после того, как я узнал о его тесных связях с лордом Грейсоном. Только после этого. Они вместе обдумывали, что им предпринять после возвращения твоего брата в Англию. Они собирались объединиться с луддитами [10], Генриетта. Луддитами! Они мечтали обзавестись людьми, которые бы проникали на фабрики и заводы, чтобы разрушать их изнутри. Они хотели организовать марш в палату лордов с

требованием реформ. Когда мы все узнали о действиях Дэмиана и его соратников, я решился на крайние меры, чтобы смыть позорное пятно с нашей семьи и со всей Англии.

- Ты убил собственного сына, потому что он не хотел стать таким же, как ты? Ты убил его только потому, что он не разделял твоих политических взглядов?

Сэр Арчибальд смотрел на дочь с искренним удивлением.

- Ты говоришь это так, словно я выдворил твоего брата по мелочной прихоти. Ты подвергаешь сомнению правильность моих действий?

Маркиз не удержался и тихо спросил:

- И какова же доля вашего непосредственного участия в деле Дэмиана?

Голос сэра Арчибальда внезапно сделался строгим. В его голубых глазах появился стальной блеск. В нем заговорил его несгибаемый характер.

- Как я уже сказал, Дэмиан проявил себя предателем в отношении всех честных устремлений, которые я вселял в него с юности. Он обнаружил радикальные наклонности, чреватые разрушением всего, что свято и дорого для любого достойного англичанина. Вы можете вообразить, как лорд Мелбери и многие джентльмены в министерстве были напуганы, когда я рассказал им о пагубной деятельности собственного сына? Поэтому я настоял, чтобы Дэмиана заставили служить своей стране и пролить кровь, если понадобится. Только такой ценой он мог снять позор с нашего дома. Я не давал прямых указаний относительно его направления в кавалерийскую атаку. Позднее я узнал, что это было делом рук ретивых генералов, под чьим командованием находился Дэмиан. По их воле он оказался на том поле битвы. Я хочу, чтобы ты знала, Хэтти, что я сильно скорбел о смерти твоего брата. Но я утешал и утешаю себя тем, что он погиб как герой. И хотя мир никогда не узнает о моих действиях, без них твой брат никогда не смыл бы позора со всех тех, кто заботился о нем, любил его и верил ему.

«Господи, да он же совершенно безумный в своей праведности!» - думал маркиз, глядя на сэра Арчибальда. Оберлон подозревал, что его дядюшка лорд Мелбери имел не меньшее отношение к организации опасных миссий Дэмиана. Взглянув на бледное, осунувшееся лицо Хэтти, ее ничего не видящие глаза, он посчитал своим долгом положить конец этому разговору, чтобы уберечь ее от страданий.

- Сэр, - сказал он своему будущему тестю, - вы, конечно, понимаете, что ваши высказывания очень удивили и огорчили Генриетту. Нет нужды говорить, что, коль скоро я собираюсь стать ее мужем, вы можете положиться на меня, на мою ответственность и благоразумие в этом вопросе. Если вы не возражаете, пусть она немного побудет со мной: ей нужно оправиться от потрясения.

- Я полагаю, если я сам остановил выбор на тебе, было бы абсурдно сейчас отказываться от твоего предложения. Побудь с ней, мой мальчик. Не позволяй ей презирать своего бедного брата. Не дай ей сохранить в памяти отвращение к нему. - Удовлетворенный сэр Арчибальд с удивительной грацией для мужчины своего возраста встал с кресла и улыбнулся дочери своей приятной мягкой улыбкой. Потом повернулся к маркизу и протянул ему руку: - Я принимаю тебя, мой мальчик, в нашу семью. Я все время говорил Генриетте, что ты будешь ей отличным мужем. Береги мою дорогую девочку. Она замечательный ребенок, всегда выполняет мои желания и внимательно относится ко всем нам.

Сэр Арчибальд отечески похлопал Хэтти по плечу и с достоинством удалился из гостиной.

Некоторое время маркиз пребывал в растерянности, не находя нужных слов утешения. Наконец он порывисто подошел к ней и, сев рядом, взял ее покорные руки в свои.

- Хэтти, любимая. Я всегда буду с тобой. Мы еще поговорим обо всем этом. То, что мы услышали, просто невероятно. Я подозреваю, что мой дядя так же глубоко увяз в этом грязном деле, как сэр Арчибальд. Твой отец считал, что спасает честь семьи! У меня в голове не укладывается! Но, Хэтти, он убежден, что поступал правильно. Для него был открыт только этот путь.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

- Мне кажется, тебе лучше уйти, Джейсон. Это нехорошая семья. Убийство сына собственным отцом - это страшная трагедия для дома. Я не хочу, чтобы она коснулась тебя. Ты должен оставить меня. Я не могу выйти за тебя замуж. На мне кровь моего брата. Господи! Я ничего не могу поделать с этим. От этого нет спасения. Слепая приверженность чести в отце совсем не удивляет меня. Но убить собственного сына! Этого я никогда не смогу понять. Это же его сын! Нет, Джейсон, ты не можешь иметь такую запятнанную жену.

Черные брови маркиза сошлись на переносице, его руки еще крепче сжали ее пальцы.

- Бедный Джейсон, - продолжала она тихим протяжным голосом. - Я не могу сделать для тебя ничего хорошего. Я только разбередила твои старые раны и нанесла новые. Как странно! Ты, кого я считала порочным жестоким человеком и называла дьяволом, оказался невинным. Ты такой хороший и добрый. Тебе хочется, чтобы всюду торжествовала справедливость. Но это невозможно. Я знаю, ты можешь возразить мне, что Дэмиана нет в живых. Я знаю, тело его давно покоится в земле. Но его убил мой отец, и не важно, как он преподносит это. Важно, что это произошло. Понимая все это, ты не можешь не уйти, Джейсон. Сейчас ты не можешь желать, чтобы я стала твоей женой.

Она почувствовала, как обвившиеся вокруг нее сильные руки на секунду сжали ее как в тисках. Слезы подступили к ее глазам и хлынули ручьем. Обессиленная, она упала ему на грудь. Он не отпускал ее до тех пор, пока громкие рыдания не перешли в редкие судорожные всхлипывания, перемежавшиеся икотой.

Он вынул белоснежный носовой платок из кармана жилета и вложил ей в руку. Она обвила его шею руками и уткнулась лицом ему в плечо. Наконец она подняла заплаканное лицо и сквозь всхлипывания заговорила прерывающимся голосом:

- Что мне теперь делать? Я не могу оставаться в одном доме с отцом. Будь на моем месте лорд Гарри, он вызвал бы сэра Арчибальда на дуэль.

Маркиз вынул носовой платок из ее ослабевших пальцев и аккуратно вытер ей лицо.

- Конечно, моя любимая, я понимаю, что тебе тяжело оставаться в этом доме. Я хочу, чтобы ты уехала со мной. Потерпи, Хэтти. Мы сделаем это, как только я получу специальное разрешение. Это займет у меня всего один день.

К его величайшему удивлению, она сердито оттолкнула его.

- Послушай меня, Джейсон. Черт возьми, я уже все объяснила тебе. Ты должен взять свое предложение обратно. Пойми, я не нуждаюсь в твоей жалости. Слышишь? Я хочу, чтобы сейчас вы оставили меня, ваша светлость. И постарайтесь забыть все. Видит Бог, я не могу поступить иначе. Ах, как бы я хотела, чтобы в этом не было вины отца. Если бы это был Файли!

Маркиз стиснул ее руки, пытаясь приблизить ее к себе и заставить смотреть ему в лицо.

- Эти разговоры совершенно ни к чему, Хэтти. Ты, наверное, лишилась здравого смысла, если думаешь, что я собираюсь жениться на тебе из жалости. Хэтти, милая, ты можешь понять, что я забочусь о тебе? Что я люблю тебя? Разве я из жалости сажал тебя к себе на колени? Ты думаешь, я притворялся, когда ласкал тебя?

- Не надо, Джейсон. Я представляю, сколько у тебя было таких разговоров и скольких женщин ты ласкал. То, что было между нами, не может значить многого для тебя. Ты сам говорил, что не испытывал любви к Элизабет, и тем не менее предложил ей свою руку. Зачем мне твоя жалость? Какой толк от твоей джентльменской чести, если я этого не заслуживаю?

Ему хотелось хорошенько встряхнуть ее.

- Черт побери, не надо сваливать все в одну кучу! Ты же знаешь, что к тебе я отношусь совсем иначе! Хэтти, - он вновь заговорил ласково, - ты должна понимать, какие чувства я испытываю к тебе. Перестань противоречить мне, это ни к чему не приведет. И нужно терпимее относиться к сэру Арчибальду. Вряд ли он изменится. Мы должны принять его таким, каков он есть. Я понимаю, как велика твоя потеря. Ты не забыла этой трагедии и продолжаешь оплакивать Дэмиана. Но при любых обстоятельствах мы должны быть вместе.

Она отчужденно смотрела на него, храня гробовое молчание. Маркиз продолжал уговаривать ее в прежнем мягком тоне:

- Тебе не удастся убедить меня, что тебе нет до меня дела, Хэтти. Я слишком хорошо изучил тебя, ты это знаешь.

Час назад я доставил тебе удовольствие, которого ты никогда не испытывала. Я пробудил в тебе желание, от которого ты никогда не откажешься. Признайся, что это так. Иначе бы ты тогда не закричала.

Вместо этих увещеваний он предпочел бы без лишних слов взвалить ее на плечо и немедленно увезти к себе. Но он знал свою Хэтти. Если бы он, ради ее же блага, проявил хоть каплю деспотизма, она скорее всего послала его к дьяволу. Однако в любом случае он категорически не желал оставлять ее одну, наедине с ее горем и ощущением предательства.

Она отвернулась, подставив ему под нос свою одеревенелую спину. Что творилось в ее голове? Он не имел ни малейшего представления о ее мыслях, и это ужасно пугало его.

- Хэтти! - вымолвил он. Она упорно не поворачивалась, поэтому он продолжал обращаться к ее спине: - Не думай, что я из упрямства продолжаю принуждать тебя. Я просто сказал тебе, что я чувствую, и хочу знать, как ты относишься к моим словам. Мне кажется, в данный момент у тебя еще нет четких представлений, как тебе поступить. У меня тоже. Нам нужно некоторое время, чтобы подумать, особенно тебе. Если ты так к этому стремишься, сейчас я оставлю тебя, но хочу, чтобы ты разрешила мне позже пообедать вместе с тобой. Может быть, мы более разумно решим, что нам делать дальше.

- Очень хорошо, - тотчас сказала она.

У него осталось впечатление, что ее ответ вовсе не означал согласия: просто она предпочла воспользоваться случаем остаться одной.

Рэббел вошел в библиотеку:

- Ваша светлость.

Глубокие морщины придавали его лицу озабоченный вид.

Маркиз оторвался от листа бумаги. По правде говоря, он уже в который раз машинально перечитывал написанное, не понимая содержания.

- Да, Рэббел?

- Только что к нам пожаловал какой-то странный человек. Он стоит у наружной двери и настоятельно просит вашу светлость. Говорит, что у него к вам дело первостепенной важности, относительно мисс Ролланд.

- Что?! - Маркиз вскочил на ноги. - Чего же вы медлите? Ведите меня скорее! Показывайте, где он?

Через минуту маркиз стоял рядом с бледным и почти бездыханным Потсоном.

- Боже милостивый! Ваша светлость, она убежала. Собрала свои вещички и была такова.

- Что?

- Ускакала из дома, не сказав никому ни слова. Удрала, ваша светлость. Милли прямо позеленела. Это она велела мне бежать к вам. Что нам делать?

Маркиз похолодел: «Черт! Какой же я болван, что оставил ее одну».

- Почему Милли решила, что мисс Ролланд убежала, Потсон? Еще не прошло трех часов после того, как я оставил ее.

Говоря это, он с тревогой смотрел за окно. Уже темнело. «Скоро наступит вечер».

- Милли сказала, ваша светлость, что мисс Хэтти вела себя весьма необычно. Она не произнесла ни слова, смотрела отсутствующим взглядом и ничего не замечала. Милли оставила ее одну только на пять минут, а когда вернулась, ее и след простыл. Никто не видел, как она ушла, ваша светлость. Даже судомойка Агнес, которая всегда все видит и знает, кто чем занимается, и та не заметила.

- Понятно, - протянул маркиз, - даже Агнес не видела. Вы хорошо сделали, Потсон, что пришли ко мне.

Он быстро и подробно рассказал Потсону о том, что произошло накануне.

- Господи! - Потсон даже слегка присвистнул. - Кто бы мог подумать! Собственный отец мастера Дэмиана. Просто невозможно поверить! Слава Богу, что мастер Дэмиан не знал, какой человек его отец, и не предполагал, что с ним может случиться такое.

- Я рассказал вам об этом, так как не сомневаюсь в вашей порядочности, Потсон. Даже ее брат, сэр Джон, не должен знать об этом. Так... Надо подумать. Попытаемся представить, куда бы она могла направиться.

- Мисс Хэтти с детства обожала своего брата, - сказал Потсон и на секунду умолк. - Вы понимаете, что я имею в виду, сэр.

Однако, судя по всему, маркиз не уразумел его намека.

- Она могла поехать в Суссекс, ваша светлость, - продолжил Потсон. - Там находится загородный дом сэра Арчибальда. Белшир-Манор - кажется, так называется то место. Это недалеко от Эйтсфилда. Там похоронен мастер Дэмиан.

- Спасибо, Потсон. Я думаю, мы не будем беспокоить сэра Арчибальда. Может быть, он и не хватится ее или подумает, что она отправилась вместе со мной в Торстон-Холл. Пожалуй, я пошлю ему весточку от моей сестры. Да, конечно, это стоит сделать. - Он покачал головой и похлопал Потсона по плечу. - Не беспокойтесь. Я сейчас же отправлюсь на ее поиски. Скоро она будет дома.

Глава 34

Маркиз выбрался из грязи, присел на край канавы и, подняв голову к небу, разразился потоком брани, благо никто не мог слышать его в этой глуши. Рядом крутилось колесо опрокинувшейся коляски. Испуганные лошади били копытами и встревоженно ржали. Он вскочил на ноги, как мог успокоил лошадей и пошарил глазами, отыскивая проклятый камень. Полускрытый выступ, из-за которого лопнула ось, притаился как раз перед въездом на заставу, совсем недалеко от Хэтфилда. Лишившись средства передвижения, маркиз невольно сравнивал себя, правда, без особого веселья в душе, с барахтающимся в кювете героем-неудачником из второразрядной пьески.

Но это было только начало. Гнедую верховую лошадь, которую ему удалось с большим трудом нанять в Хэтфилде, угораздило сломать подкову всего в нескольких милях от того места, где валялся его сломанный экипаж. Пройдя пешком вместе с лошадей еще миль пять до деревни Дэвондейл, ему ничего не оставалось, как укротить свой гнев. Для этого ему понадобилось выпить три кружки эля в ближайшей таверне. Тогда он осмыслил итоги трехдневного путешествия не без юмора.

К тому времени когда маркиз поднимался по ступенькам старой трухлявой лестницы на постоялом дворе «Серый гусь», его лицо было покрыто бурыми пятнами. Он рухнул, как сноп, на короткую шаткую кровать с сомнительной чистоты простынями. Нужно было заставить себя избавиться от мыслей, питавших его дурное настроение. Самые невероятные представления о Хэтти и мелкие дорожные неполадки довели его до колик в животе. Часы с кукушкой прокуковали час ночи, и вскоре после их неприятного пронзительного звука он сумел подавить навязчивые образы и, наконец, угомонился в своей продавленной постели.

Наутро, проглотив несъедобный завтрак, состоявший из водянистой овсяной каши и каменного хлеба, он торопливо вышел из гостиницы. Он мрачно поглядел на свою понурую кобылу, окинул глазами серое небо и понял, что еще до конца дня успеет продрогнуть до костей. «Черт побери, не хватает только простудиться после всех этих передрыг. Тогда Генриетте придется ждать лет пять, пока я притащусь к ней». Он улыбнулся при мысли о том, что он заставит ее делать, когда доберется до нее. И улыбнулся еще шире, представив, что он сам будет делать с ней. Он добьется, что она придет к согласию с самой собой и с ним.

Незадолго до полудня следующего дня маркиз остановил свою загнанную лошадь вблизи главной дороги, недалеко от Брайердона, перед ржавыми железными воротами с выгравированной надписью «Белшир-Манор». Он был совершенно уверен, что Хэтти раньше

него доберется до своих родных мест, потому что чего-чего, а расторопности и смекалки ей не занимать. Он уже предвкушал их предстоящую встречу. Удивится ли она его появлению? Что она скажет? Он не мог дождаться минуты, когда увидит ее. Однако его беспокоили прежние мысли: как, должно быть, глубока ее боль, если он не мог охладить ее пыл и предотвратить это бегство. Ах, эта проклятая боль! Он не знал, что с ней делать, но понимал, что должен что-то предпринять. Он все еще не мог поверить, что отец искал смерти для собственного сына. И все из-за политики, из-за убежденности сэра Арчибальда в том, что Дэммиан предал не только семью, но и Англию. От этих мыслей голова шла кругом. Он не мог себе представить, как Хэтти жила рядом с таким человеком.

Маркиз провел лошадь через скрипучие ворота и оказался перед розовым трехэтажным кирпичным зданием, возведенным, судя по фасаду, во времена Стюартов. Дом располагался посреди небольшого парка. Земля в усадьбе сохранила лишь слабые следы былого ухода. Создавалось впечатление, что жизнь здесь приостановилась из-за долгого отсутствия хозяина и работающей прислуги. Натянув поводья лошади возле осевших плит лестницы, маркиз оглянулся по сторонам, надеясь увидеть мальчика, помощника конюха. «Нет, похоже, на такую роскошь рассчитывать не приходится», – подумал он и привязал лошадь к забрызганному грязью тисовому дереву.

Прошло несколько минут, прежде чем на его громкий стук вышел пожилой угрюмый человек, сгорбившийся под тяжестью лет. Он был в засаленном черном сюртуке с подозрительной формы лацканами, напомнившими маркизу о его собственном управляющем Спайверсоне. Поджатые губы дворецкого были вытянуты в тонкую линию, пока он с ног до головы оглядывал незнакомого гостя. «Как будто перед ним разносчик или коробейник», – подумал маркиз, не понимая, что в своей запыленной дорожной одежде его едва ли можно было принять за того, кем он был на самом деле.

– Я приехал повидать вашу госпожу, – сказал он без обиняков. – Передайте мисс Генриетте Ролланд, что маркиз де Оберлон желает немедленно видеть ее.

Несмотря на то, что Доули – так звали дворецкого – не вылезал из этого захолустья более двадцати лет, он был способен по голосу отличить знатного человека от простолюдина. Подозрение на его лице сменилось замешательством. «Мисс Генриетта?» Конечно, он не мог проглядеть ее присутствие в поместье. Однако на мгновение он все же засомневался: уж очень уверенно звучали слова его светлости.

Слуга откашлялся:

– Простите меня, ваша светлость, но мисс Генриетта не была здесь почти семь месяцев. Я думаю, она в Лондоне, ваша светлость. Вместе с сэром Арчибальдом.

Маркиз нахмурился. Дворецкий, несомненно, говорил правду. С другой стороны, невозможно, чтобы он прибыл сюда раньше Хэтти. Внезапно его охватил озноб. Такое невезение после стольких неудач!

– Вероятно, мисс Ролланд скоро приедет из Лондона. Я полагаю, что не доставлю вам большого неудобства, если переночую здесь. У меня к ней срочное дело. Я должен видеть ее.

Доули подумал, что присутствие маркиза в доме сильно рассердит миссис Доули, но, естественно, не смел поделиться своими соображениями с его светлостью. Он низко поклонился маркизу, моля Бога о том, чтобы к обеду у супруги оказалось что-нибудь, кроме свиной щеки.

Позже, однако, на стол была подана не только свиная щека, но и несколько кусков солонины, которую перепуганная миссис Доули отыскала в кладовке. После портвейна маркиз почувствовал блаженную лень. Он протянул ноги к теплому камину в гостиной и сосредоточенно забарабанил пальцами, пытаясь вычислить маршрут передвижения Хэтти с момента ее исчезновения из Лондона и думая о том, как ее разыскать. Но он тотчас очутился в тупике, не зная, поехала ли она верхом или в карете, оделась ли она в женское платье или в костюм лорда Гарри. Он почувствовал себя совершенно беспомощным, чего всегда терпеть не мог. К сожалению, он был вынужден признать, что в последнее время его жизнь слишком часто оказывалась неподвластной его воле.

Он поднялся и рассеянно ткнул потрескивающую чурку носком измазанного грязью сапога. «Куда ее еще могло занести?» Ведь он отсрочил свое путешествие до утра, что давало ей возможность намного раньше его достичь места назначения. Но сейчас у него не было большого выбора. Лучше остаться в Белшир-Манор до середины завтрашнего дня, решил он. Если к этому времени Хэтти не появится, то либо что-то ее задержало, либо она с самого начала не собиралась ехать сюда. Он вспомнил о Джеке и Луизе, их доме в Херефордшире. Может быть, то обстоятельство, что они находились в Париже, могло подтолкнуть ее к мысли отправиться туда, так как там она могла побыть в одиночестве.

Маркиз не нашел Хэтти в доме сэра Джона в Херефордшире. Эта поездка окончательно измотала его.

Через шесть дней сумасшедшей езды и бесплодных поисков с переполненной тревогой душой он появился в Торстон-Холле, таща на поводу еще одну нанятую лошадь. Не было ни одной большой дороги или деревни, мимо которых он проезжал, где бы он не останавливался и не расспрашивал людей. В конце концов он решил, что не может больше теряться в догадках. Он просто не знал, что думать. У него не было сил возвращаться обратно в свой дом в Лондоне. Он не сомневался, что в любом случае для него не будет новостей – он не услышит о том, что Хэтти вернулась и ждет его.

Он поднялся по ступенькам и, не желая вызывать слуг, без стука распахнул настежь большую парадную дверь. Прихожая показалась ему холодной и темной, такой же, как этот серый и хмурый день. «Что погода, что дом – одинаковы», – подумал он, впадая в полное уныние.

При виде явно подвыпившего Крофта он плотно сжал губы от злости. От неожиданности дворецкий чуть не бухнулся ему в ноги. Появление маркиза согнало краску с его лица.

- О Господи! Наш дорогой хозяин! Вы ли это, ваша светлость?

- Несчастливая скотина! Подите прочь, Крофт! Немедленно. Я не могу видеть ваш лиловый нос. И не появляйтесь, пока не проспите. Опять вы пили мой портвейн.

- Э-э, нет, ваша светлость. Это был херес. Портвейна у нас почти нет. Ваш покойный батюшка, как вы знаете, предпочитал портвейну херес.

- Идите к черту! Я сейчас же вас уволю. И это еще мягкое наказание по сравнению с тем, что вы заслуживаете.

- Но, ваша светлость... – Крофт понизил голос и попытался изобразить на лице чувство собственного достоинства.

- Долой с моих глаз! – оборвал его маркиз. – У меня иссякло терпение, Крофт. Боже, как от вас

разит! – Он повернулся и направился в сторону библиотеки, намереваясь побыть в тишине. – Пришлите ко мне кого-нибудь из слуг. Пусть подадут бренди. Только не вздумайте прикасаться к нему.

Крофт неистово замахал рукой ему вслед, но он не видел этого. Маркиз распахнул дверь и сердито закрыл ее сапогом. Он направился прямо к камину, почему-то не задумавшись, отчего в нем так сильно полыхал огонь, и протянул руки к теплу.

– Ты вовремя возвратился, Джейсон. Я должна сказать тебе, что, пока тебя не было пять дней, слуги начали сомневаться в моих словах. И Крофт снова запил. Это говорит о том, что он тоже принял меня за обманщицу.

От звуков знакомого голоса маркиз повернулся так резко, что пришлось ухватиться за край каминной полки, чтобы не потерять равновесия. Целую минуту он молча глядел на Хэтти – не в состоянии вымолвить ни единого слова.

Она стояла не двигаясь, положив руки на спинку кресла. В модном палевом платье и с желтой бархатной лентой в светлых волосах она выглядела очень красивой, только слишком бледной и серьезной.

– Ты? Это ты, Хэтти? Ты здесь! Я не верю своим глазам. И ты все это время была в Торстон-Холле?

– Да, – сказала она, медленно приближаясь к нему. – Я заставила тебя беспокоиться. Если хочешь, отругай меня. Я не буду останавливать тебя, Джейсон. Прости меня, пожалуйста.

– Да, я собирался накричать на тебя, встряхнуть из тебя душу и потом зацеловать до бесчувствия. Черт знает что! Я думал, что с ума сойду от тревоги. С самого начала у меня все не клеилось. Приехал в Белшир-Манор – тебя там нет, поехал в дом Джека в Херефордшире – то же самое. Сколько молитв я прочитал за эту неделю! Я, наверное, теперь вполне сойду за методиста.

Он распахнул ей свои объятия, прижал к сердцу и зарылся лицом в дурман ее волос, крепко обнимая, словно боясь, что она опять исчезнет.

– Право, Джейсон, мне очень жаль, – прошептала она, отнимая голову с его плеча и виновато заглядывая ему в глаза. – Потсон сказал мне, куда ты уехал. Лорд Гарри не долго думая хотел броситься за тобой вдогонку, но я его остановила. Я подумала, что будет неразумно, что мы оба начнем колесить по дорогам Англии. Пожалуйста, прости меня за то, что я поступила так глупо. Я просто не знала, что мне делать. На меня сразу свалилось столько всего, что я ничего не соображала. Первое, что мне пришло в голову, – это Торстон-Холл. Твой дом и ты. Больше я ни о чем не думала.

Он хотел было, между прочим, спросить ее, какого дьявола ей нужно было разговаривать с Потсоном, но ему безумно хотелось целовать ее. Он хотел целовать ее рот, упрямый подбородок, кончик носа и душистые волосы. Он хотел вдыхать ее запах и ласкать ее грудь. «Боже, если бы с ней что-то случилось...»

– Ты простишь меня, Джейсон? – спросила она и, не дав ему ответить, привстала на цыпочки и закрыла ему рот своими губами.

Она чувствовала легкие, как перышко, прикосновения его губ. Одновременно его руки гладили ее и настойчиво притягивали к себе. Ей было приятно прижиматься к нему, ощущать его тепло

и необычные изменения, происходившие в его теле. Они изумляли ее и доставляли ей удовольствие.

Прошло несколько секунд, прежде чем он отпустил ее и заглянул ей в глаза. В них было что-то непонятное, чего он раньше никогда не видел, – грустное и мечтательное. Он с нежностью поцеловал ее в кончик носа, потом в подбородок и мягкие завитки у висков. Усталость и тревога, окутывавшие его, точно мантия, исчезли, и у него вырвался ликующий крик.

Она тихо засмеялась:

– Это значит, что ты простил меня?

– Это значит, что я благодарен судьбе за то, что она дарит мне счастье до конца моих дней.

– А вы ничего не хотите пообещать мне, ваша светлость?

– Я, как безумный, кричу от восторга, я рад, что с тобой все в порядке, а ты, бессовестная, смеешь называть меня «ваша светлость»?

– Я думаю о нашей помолвке, Джейсон. Обещай мне, что будешь искренним. Если у тебя есть какие-то сомнения, если тебя угнетает содеянное моим отцом, ты не должен упорствовать. Я не хочу, чтобы ты думал, будто я вцепилась в тебя и хочу насильно женить тебя на себе, как Элизабет.

– Ни слова больше.

Не отрываясь от ее губ, он ласкал ей грудь и живот. Потом остановил руку внизу, ощущая сквозь платье жар ее тела, зная, что до нее тоже доходит тепло его руки.

– Если ты еще раз сравнишь себя с Элизабет, я отшлепаю тебя. Вот увидишь, я сделаю это, Хэтти. Запомни, ты не Элизабет. К тому, что сделал твой отец, мы оба относимся одинаково. Жаль только, что это причиняет тебе такие страдания. Но мы с тобой должны смириться с этим. Очень скоро я получу специальное разрешение, и мы поженимся.

– Хорошо, – сказала она, награждая его обезоруживающей улыбкой и снова подставляя лицо для поцелуев. – Милый, – говорила она, с удовольствием позволяя ему кусать ей ухо, – ты же устал с дороги. Ты, наверное, готов съесть быка от голода и соскучился по горячей ванне. Позвонить Крофту?

– Не надо. Это животное скорее всего в погребке. Пьет мой херес. Я бы давно уже выгнал его, но рука не поднимается. Черт побери, он здесь живет с момента моего рождения.

Она поцеловала его и сказала:

– Пока твой драгоценный Крофт был трезвым, он держался очень настороженно. Клянусь тебе, он принимает меня за одну из твоих любовниц.

– Ах, ему еще, оказывается, и до этого есть дело? Я ему покажу! Я не собираюсь спокойно смотреть, как он будет красть шампанское с нашего свадебного завтрака. Ну его к черту, Хэтти! Скажи мне, прежде чем я выйду из ванной, когда ты видела Потсона? Ведь это он послал меня в Белшир-Манор. Прибежал ко мне и заявил, что ты «собрала вещички» и убежала.

- Я действительно упаковала чемодан и купила билет на дилижанс до Суссекса. Но утром я поняла, что мне нечего делать в Белшир-Маноре. В то же время я не могла заставить себя вернуться в отцовский дом. Поэтому я нанесла прощальный визит лорду Гарри, а потом послала Потсона к отцу с запиской. Я написала ему, что получила новое приглашение от леди Алисии посетить Торстон-Холл. Потсону понравилась эта мысль, хотя он чувствовал себя ужасно виноватым, что отослал тебя в другой конец Англии.

- Тебе придется возместить мне все издержки.

- Звучит забавно. Можно услышать, каким образом?

- А вот таким. - Он наградил ее поцелуем и потом резко отстранился от нее. - А теперь, скажи-ка мне, лорд Гарри наконец согласен вернуться в свою берлогу?

- Похоже, у него нет выбора, - с явной неохотой ответила она. - Он должен исчезнуть. Я отпущу его, Джейсон, хотя мне очень жаль расставаться с ним. Лорд Гарри был свободен. Он мог делать все, что было угодно его душе: стрелял в «Мэнтоне», метал банк и пил вино в «Уайтсе». Он даже захаживал в бордель. Генриетта Ролланд ни за что в жизни не могла бы позволить себе этого.

- Генриетта Кэвендер.

- Никакую женщину, даже с фамилией Кэвендер, никогда бы не приняли ни в «Уайтсе», ни в «Мэнтоне», ни у Джентльмена Джексона, ни в доме у леди Бакстел...

- Хэтти, пожалуйста, уймись. У меня от твоих слов волосы становятся дыбом и появляется седина. Говори, ты согласна на эти жертвы ради меня?

- Мне будет очень трудно, Джейсон.

- Но я же отказался от Мелисанды.

- Спасибо, - передразнила она его притворно-слащавым голосом, какого он еще не слышал, и ткнула его кулаком в живот.

Он крикнул и усмехнулся:

- Бедная Мелисанда. Она потеряла обоих - лорда Оберлона и лорда Гарри.

- Лорд Гарри в действительности не очень-то интересовался ею.

- Я думаю, лорд Гарри не мог на деле оценить ее главных достоинств и вкусить ее лучшие дары.

Он не стал дожидаться ее ответа и закрыл ей рот легким поцелуем.

- Я не хочу ни в чем стеснять твою свободу, Хэтти, - сказал он, отпуская ее. - Что нам с тобой мешает завести свой собственный «Мэнтон» здесь, в Торстон-Холле? Ты так хвасталась своей меткостью, моя малышка, что я думаю, тебе будет приятно состязаться с достойным соперником. А сейчас позволь мне ненадолго покинуть тебя. Мне действительно пора соскрести грязь после путешествий по нашим английским дорогам. Потом мы обсудим с тобой еще многое другое, если ты, конечно, не сбежишь. Ты согласна? Можешь поклясться, что больше не оставишь меня?

- Клянусь. - Она погладила пальцами лицо любимого. - Ты стал моим возлюбленным совсем недавно, но я так верю в искренность твоих чувств. Я хочу, чтобы ты был со мной всегда, Джейсон. Думаю, ты получишь за меня хорошее приданое. Тебе придется самому обсудить этот вопрос с отцом. Извини, Джейсон. Я буду вынуждена терпеть его присутствие во время нашего венчания. Все должно выглядеть как положено, иначе Джек и Луиза будут удивлены.

- Ты не сможешь простить его, Хэтти?

- Нет, Джейсон. Я никогда не прощу его за то, что он сделал, хотя теперь уже ничего нельзя вернуть. Нельзя вернуть прошлого и нельзя повлиять на будущее. Он останется таким, каков есть. У него, лорда Мелбери и других, подобных им, только один смысл жизни. Но я не хочу, чтобы Джек знал о том, что произошло между нами.

- Хэтти, не подумай, что я оправдываю твоего отца. Я веду с тобой этот разговор по другим причинам.

В это время послышалось легкое царапанье в дверь.

- Кого еще несет нелегкая? - с неудовольствием сказал маркиз, отрываясь от Хэтти.

В дверях библиотеки появился Крофт. При свете свечи его массивный нос напоминал красную морковь.

- Ваша светлость! Мисс Ролланд!

Он приблизился к ним, неся в руках поднос с бутылкой шампанского и бокалами.

- Он хочет купаться в шампанском еще до нашего венчания, - сказал маркиз и покачал головой.

Хэтти схватила маркиза за руку и рассмеялась:

- Крофт, как это предусмотрительно с вашей стороны! А вы не думаете, ваша светлость, что сейчас очень подходящий момент для тоста между нами троими? Вы сами сказали мне, что Крофт появился в вашем доме еще до вашего рождения.

Крофт старался не замечать нахмуренного лица маркиза, глядя сияющими глазами на Хэтти.

- Это замечательное событие, - сказал он и быстро наполнил прекрасные хрустальные бокалы. - За маркиза и маркизу де Оберлон, - торжественно добавил он и незамедлительно осушил свой бокал.

- Я безмерно благодарен вам за такое внимание, Крофт, - насмешливо сказал маркиз и повернулся к Хэтти, чокаясь с ней бокалом. - Как вы считаете, Крофт, - продолжил маркиз после маленького глотка, - не лучше ли вам забрать остатки шампанского и уйти? Если нам потребуется ваше присутствие, мы позвоним. В крайнем случае разыщем вас в кладовке и разбудим. Я не сомневаюсь, что вы сейчас же отправитесь туда.

Крофт низко поклонился и, торопливо подхватив поднос, покачиваясь, довольный вышел из библиотеки.

- Чудак, - сказала Хэтти, глядя вслед ему. - Нет, правда, Джексон, он большой оригинал.

- И не он один, между прочим.

- А кто еще?

Он снова чокнулся с ней.

- За лорда Гарри, отважного молодого джентльмена, подарившего мне любовь на всю жизнь!

mir-knigi.org